

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт общественных наук

В.И. РАССАДИН
ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ
ФОНЕТИКЕ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1982

В работе впервые на большом фактическом материале исследуются основные вопросы исторической фонетики бурятского языка, анализируются причины возникновения отличий этого языка от остальных монгольских языков. В книге привлекается обширный сравнительный материал из монгольских и, шире, алтайских языков – древних и современных.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
С.Б. БУДАЕВ

Р 4602010000-401
042 (02) - 82 473-82

© Издательство "Наука", 1982 г.

Вопросы сравнительно-исторической фонетики бурятского языка до сих пор остаются наименее изученными в бурятском языкознании, хотя многими поколениями исследователей уже накоплено достаточно фактов по всем современным бурятским говорам и многие материалы опубликованы [напр., см.: Castrén; Абашеев; Алексеев; Бертагаев 1936; Будаев 1962, 1965, 1977, 1977а, 1978; Бураев 1965, 1968, 1976а; Бэшэ 1964, 1968; Дамдинов 1968, 1977; Дарбеева, 1960, 1974, 1978; Матхеев 1956, 1957, 1968, 1970, 1972; Митрошкина 1958, 1968; Поппе 1930а, 1932, 1941; Раднаев 1958, 1960, 1965; Руднев 1913; Рыгдылон; Санжеев 1930, 1939; Хомонов 1958, 1965; Цыдендамбаев 1960, 1964, 1968; Чагдунов; Черемисов 1941, 1947; Шагдаров 1968; Шагдаров-Дамдинов¹]:

В настоящее время назрела необходимость в обобщении и сравнительно-исторической интерпретации всех этих материалов. До сих пор лишь в двух работах [Руднев 1913; Поппе 1930а] была сделана попытка рассмотреть звуковой состав хоринского и аларского бурятских говоров (наряду с морфологией) в сравнении со старописьменным монгольским языком. В основном же материалы по фонетике бурятского языка наряду с данными по другим монгольским языкам привлекались лишь в работах, посвященных более общим проблемам монголоведения и алтаистики [напр., см.: Бертагаев 1968; 1971; Бураев 1977; Верба 1976, 1978; Владимирцов, Мельников; Номинханов; Рассадин 1975; Санжеев 1953, 1970, 1978; Хаттори; Doerfer 1964, 1970; Hattori; Murayama; Poppe 1932, 1950, 1955, 1956, 1957, 1962, 1965, 1967].

Имеющиеся в настоящее время работы по фонетике бурятского языка выполнены в плане синхронии и носят в основном описательно-констатирующий характер [напр., см.: Будаев 1962; Бураев 1959, 1960, 1968, 1975, 1976а; Золхоев; Матхеев 1957, 1970, 1972; Митрошкина 1958; Раднаев 1958; Санжеев 1930]. Исследование фонетики бурятского языка в сравнительно-историческом плане по сути дела только начинается [напр.: Бураев 1976, 1977; Рассадин 1975, 1976].

Изучение вопросов сравнительно-исторической фонетики бурятского языка облегчается ныне наличием соответствующих разработок как в плане общего монголоведения [напр.: Рамстедт; Верба 1978; Владимирцов; Лигети 1955, 1969; Санжеев 1953; Poppe 1950, 1955, 1956, 1957, 1962, 1967; Ramstedt 1916], так и по конкретным монгольским языкам [напр.: Биткеев 1964, 1965, 1965а, 1968, 1969, 1969а, 1970, 1973, 1975, 1975а, 1978;

¹ Более полный обзор литературы по вопросам изучения как вообще бурятских говоров, так и их фонетики см.: Бураев 1958; Шагдаров 1969, с. 10–24; Будаев 1978, с. 5–37; Бажеева, с. 147–174.

Вандуй 1965, 1973; Кичиков; Лувсанвандан 1959, 1967, 1967а, 1967б, 1975, 1977; Мишиг; Мөөмөө 1975, 1975а; Надеяев 1957; Павлов 1963, 1964, 1974; Поппе 1930, 1938; Руднев 1911; Санжеев 1931; Сухбаатар; Тодаева 1951, 1960, 1961, 1964, 1973; Төмөртоогоо; Төмөрцэрэн 1970, 1970а, 1971, 1971а; Цолоо; Шагдаров – Казанцева; Кара 1962, 1963; Ligeti 1962, 1963, 1964; Poppe 1932, 1935; Ramstedt 1905; Weiers 1970].

В настоящей работе впервые в бурятоведении сделана попытка, опираясь на накопленный в бурятском языкознании материал по современным бурятским говорам, обобщить звуковой состав бурятских говоров, показав в сравнительно-историческом плане его развитие и попытавшись найти причины, движущие механизмы как экстралингвистического, так и интралингвистического характеров, вызвавшие столь значительные изменения бурятской фонетики.

В основу исследования был положен выдвинутый некогда А. Мейе [с. 121–122] и поддержанный многими исследователями, в частности Б.А. Серебrenниковым [см.: 1971, 1974], тезис о действовавшей в языках тенденции ослабления смычки, приводившей эти языки к существенной перестройке. Приняв это положение и применив его к бурятскому языку, удалось проследить изменение, перестройку всей системы вокализма и консонантизма. Привлечение данных по другим алтайским языкам, тюркским и особенно тунгусо-маньчжурским, позволило выдвинуть дополнительно предположения о взаимодействии в процессе эволюции звукового строя бурятского языка тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов с тенденцией смены слоговой акцентуации и соответственно мест сильных и слабых слогов в слове и о взаимодействии тенденции ослабления с внешним влиянием тунгусо-маньчжурских языков.

Объектом исследования послужили в основном опубликованные материалы как по бурятским говорам (сводку работ см. выше), так и по другим монгольским языкам, включая современные калмыцкий, халха-монгольский, дагурский, ордосский, могольский, монгорский, дунсянский, баоаньский языки и говоры Внутренней Монголии [см.: Калмыцко-русский словарь; Монгольско-русский словарь; Поппе 1930; Kałużyński; Mostaert; Ramstedt 1905, 1935; Weiers 1971; Тодаева 1960, 1961, 1964, 1973; Руднев 1911; Кара 1970], старописьменный монгольский язык [см.: Бобровников; Lessing] и средневековые монгольские языки [см.: Поппе 1938; Poppe 1927–1928; Haenisch 1957, 1962; Ligeti 1962, 1963]. Используются также собранные лично нами полевые материалы по окинскому и нижнеудинскому бурятским говорам, по говору сарт-калмыков и по тофаларскому языку, а кроме того, личные наблюдения над другими бурятскими говорами и халха-монгольским и калмыцким языками.

Материалы по бурятским говорам и другим монгольским языкам даны с сохранением написания по оригиналу. Для старописьменного монгольского языка применена общепринятая транслитерация на латинской основе. В необходимых случаях применялась точная фонетическая транскрипция, разработанная Л.В. Щербой [см.: Зиндер] и уточненная В.М. Надеяевым [см.: 1960] применительно к языкам народов СССР.

Для анализа привлекались главным образом лексемы исконные, из основного словарного фонда, во избежание получения ложной картины фонетического состояния бурятских говоров и фонетической эволюции.

Особое внимание было уделено проблеме взаимодействия бурятских говоров с тунгусо-маньчжурскими языками, чтобы выяснить, насколько глубоким было воздействие тунгусо-маньчжурских языков и насколько широкое отражение оно получило в бурятской фонетической системе. Это необходимо было сделать, поскольку в монголоведении выдвинуто по крайней мере две различные точки зрения на появление бурятского $h (< *s)$, а именно: мнение И.Д. Бураева [1977, с. 40], который считает, что "фарингальный h в современном бурятском языке — это элемент субстрата эвенкийского языка, ассимилировавшегося с одним из диалектов монгольского языка", и предположение Г.И. Рамstedта [1908, с. 27] о влиянии сдвига назад всей артикуляционной базы: "В баргу-бурятском наречии из этого звука ("с" старописьменного языка. — *В.Р.*), параллельно с сильным движением назад гласных, развился звук h ...".

Первые две главы работы содержат в основном сравнительный анализ фонем бурятских говоров в общемонгольском аспекте, в историческом же плане узловые вопросы бурятском фонетики рассмотрены в третьей главе.

Глава I

ВОКАЛИЗМ

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

Гласные первых слогов

Исследование гласных звуков представляет немаловажный интерес с точки зрения исторической фонетики, поскольку в бурятском языке, как и вообще в алтайских языках, гласный первого слога базового корня обычно играет смысловоразличительную роль. Это обусловлено тем, что "в основе строения слова в современных алтайских языках лежит односложный неизменяющийся корень и односложный суффикс, изменяющийся в зависимости от фонетической структуры корня" [Котвич, с. 30]. Корни представляют собой типы: VCV¹, VC, CVC, (C)CC. Таким образом, в данном разделе будут рассмотрены и гласные односложных слов, и гласные первых слогов многосложных слов, образованных путем наращения соответствующих аффиксов к односложным словам. Этим обусловлено и совершенно различное фонетическое соотношение гласных в первых слогах и гласных в непервых слогах. Поэтому эти гласные рассматриваются в разных разделах.

Как известно [см.: Бураев 1959, с. 113--128], гласные в бурятском языке противопоставляются в первую очередь по количественной характеристике, т.е. по долготе и краткости, и затем соответственно в каждой из этих групп по различию артикуляций. Кроме того, краткие и долгие гласные имеют свою историю эволюции. Все это определило их отдельное рассмотрение.

Для современного бурятского языка² исследователями единодушно устанавливается следующий состав гласных фонем: [a], [o], [y], [э], [ө], [y], [и]. Все они употребляются в первых слогах слов без ограничений, например: *гар* 'рука', *бол* 'будь', *ута* 'длинный', *энэ* 'этот', *өргөн* (зап.-бур.) 'широкий', *унэр* 'запах', *ила* 'побеждай'. Разберем каждую из этих фонем в отдельности.

[a] — представляет собой общебурятскую фонему, встречающуюся в твердорядных словах. В то же время она является и общемонгольской фонемой, поскольку представлена в тех же словах в той же позиции во всех монгольских языках, например:

общебур. *аба* — х.-монг. *ав*-, калм. *ав*-, стп.-м. *ab*-, МА *ab*-, MNT *ab*-, орд. *ab*-, мог. *abu*-, даг. П *aʏ*-, даг. К *aɥ*-, баоан. *аб*-, дунс. *аги*- 'брать, взять';

общебур. *гар* — х.-монг. *гар*, калм. *һар*, стп.-м. *γар*, МА *γар*, MNT *һар*, орд. *gag*, мог. *gar*, даг. П *garʏ*-, даг. К *garʔi*, *garʔ*, баоан. *хар*, дунс. *ка* 'рука':

¹V — гласный, C — согласный.

²Включая литературный язык и диалекты.

общепур. *халуун* х.-монг. *халуун*, калм. *халун*, стп.-м. *qalaγun*, МА *qala'un*, MNT *hala'un*, орд. *халūn*, мог. *qalūn*, *qalūn*, даг.П *халоң*, даг.П *халоң*, *халūң*, дунс. *калун* 'жаркий; жара'.

Указанная фонема в данной позиции в бурятском разговорном языке в зависимости от комбинаторных условий реализуется в двух основных оттенках: переднерядном *á*, употребляющемся в соседстве с переднеязычными, среднеязычными и палатализованными согласными (напр., *ámиң* 'дыхание', *бáри* 'держи', *тáби* 'положи' и т.п.), и заднерядном *a*, употребляющемся в соседстве с увулярными и фарингальными согласными (напр., *haxax* 'борода', *xaxa* 'черный', *axa* 'старший брат') [см.: Руднев 1913, с. 1, 22; Поппе 1930а, с. 37; Бураев 1959, с. 129]. В бурятских же диалектах, главным образом в западных, исследователями отмечается тенденция перехода оттенка *á* в еще более переднерядный мягкий звук *ä* - по фонетической классификации широкий неогубленный гласный переднего ряда примерно пятой ступени подъема [см.: Хомонов 1965, с. 41; Раднаев 1965, с. 84]. Например: бох. *нáрин*, барг. *нáрин* 'тонкий', бох. *хáри* 'иди домой'. Особенно сильна эта тенденция в баргузинском говоре.

Аналогичную картину оподнения *a* в *á* для языка дархатов отмечает Г.Д. Санжеев: "*á* - палатализованный вариант *a* перед *и* под влиянием следующих палатальных; встречается только как комбинаторный вариант *a*. В отличие от бурятского и халхаского *á* дархатский очень близок к *a*... Примеры: *бáрихá* (почти - *барихá*) - держать, *ámиң* - жизнь, *хáрихá* - уходить домой" [Санжеев 1931, с. 7]. Б.Я. Владимирцов и Г.Д. Санжеев утверждают, что в халхаском языке это обшемонгольское [a] первого слога реализуется в двух вариантах - *a* и *á*. При этом *á* появляется обычно там, где за ним следует историческое *i, а согласный перед этим *i палатализован [см.: Владимирцов, с. 144; Санжеев 1953, с. 72, 75]. Эти же два производительных варианта *a* и *á* выделяют для современного халха-монгольского языка и монгольские фонетисты [см.: Мөөмөө 1975а, с. 188; Лувсанвандан 1967, с. 64-65].

В калмыцком языке в аналогичной позиции наблюдается тот же процесс. В нем обшемонгольское [a] перед *i везде дало *ä*, обозначаемое в современной калмыцкой орфографии через *э*, например: стп.-м. *amin*, бур. *áмин* (*ámij*), х.-монг. *амин* (*ámij*), дарх. *ámиң*, калм. *эмн* (*ámij*) 'жизнь'; стп.-м. *bariγu*, бур. *бариха* (*bàr'ixʌ*), барг. *бáрьха* (*bàr'xʌ*), дарх. *барихá* ~ *бáр'ixá*, калм. *бэрх* (*bàr x*) 'держать; ловить'. Сходное явление отмечается также Ф.В. Муромским в его материалах по дагурскому языку, изданных С. Калужинским: *ädil*, *ädili* 'подобный', *äni*, *äni*, *äni* 'кто?', *ätirka*, *atirka* 'старший' [см.: Kafužynski, s. 111], а также у Н.Н. Поппе в его материалах по дагурскому языку г. Хайлара, напр. *гáр'í* 'сеять', *äдл'í* 'похожий', *цáлб'íр* 'молиться' [см.: Поппе 1930, с. 108]. Появление в этой позиции на месте *a* более мягких передних звуков *á*, *ä* и даже *e* (э) отмечается исследователями и во всех монгольских диалектах Внутренней Монголии, например А.Д. Рудневым: *äлчүр*, *elčүр* (ср. стп.-м. *alčiyur*) 'платок', *áмин*, *emин* (ср. стп.-м. *amin*) 'жизнь' [см.: Руднев 1911, с. 188]; Б.Х. Тодаевой: *тáнá* 'узнать', *сáлхэи* 'ветер', *áрвáи* 'много' (ср. соответствующие стп.-м. *tani*, *salkin*, *arbin*) [см.: Тодаева 1960, с. 23]; Дьердем Кара: *ägi*, *äg'* 'полюнь' (ср. стп.-м. *agi*), *äji* 'путешествие' (ср. стп.-м. *ajan*), *äi'* 'который' (ср. стп.-м. *ali*) [см.: Кара 1963, с. 1-2], *edal* 'похожий' (ср. стп.-м. *adali*), *peran* 'тонкий' (ср.

стп.-м. папн), гагг 'земля' (ср. стп.-м. уагаг), ет 'жизнь' (ср. стп.-м. атин) [см.: Кага 1970, с. 241, 242].

Таким образом, это явление можно констатировать как общемонгольское, а не присущее одному бурятскому языку и особенно баргузинскому говору. Исследователями оно объясняется регрессивным ассимилирующим влиянием последующего (или предыдущего) палатализованного согласного и гласного *i*, стоящего за ним. Причем по языкам смягчение этого *a* происходит или сильнее (как, например, в баргузинском и боханском говорах бурятского языка, дархатском языке, в диалектах Внутренней Монголии, калмыцком) или слабее (как в большинстве бурятских говоров, халха-монгольском языке).

Кроме сохранения исконного общемонгольского **a* в бурятских говорах, особенно в западных, наблюдается появление *a* на месте обычного *u*, например: аларск. *балаяха* вм. *буляаха* 'отнимать', аларск. *палаад* вм. *пулаад* 'платок', *баряад* вм. *буряад* 'бурят', *балсан* вм. *булшан* 'кра ноги' [см.: Алексеев, с. 90]. Аналогичное явление встретилось нам также в речи окинцев: *баряд* вм. *буряад* 'бурят', *балаялдаха* вм. *буляалдаха* 'отнимать друг у друга', *баргааһан* вм. *бургааһан* 'ивняк'. Сходное явление отмечено и у дагуров Хайлара: "после *ɕ* старый **u* в ряде случаев дает *a*, напр.: *ба'ч'и* (~*бу'ч'и*) 'возвращаться' = мо. *буса*, *бархяң* 'божество, будда' = мо. *буһан*, *балгй* 'соболь' = мо. *буһауан* и т.д." [Поппе 1930, с. 113].

Это явление, видимо, можно объяснить за счет регрессивной ассимиляции последующих широких неогубленных гласных (в данном случае *a*) под влиянием выравнивания по губной гармонии в условиях действия общей тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов, проявляющейся в большей степени, вероятно, в этих языках и говорах. В том же направлении идет замена узкого огубленного *u* широким неогубленным *э* в мягкорядных словах, о чем см. ниже.

Кроме того, нельзя не упомянуть об [a], которое во многих случаях появилось в бурятском языке, как и в некоторых современных монгольских языках, на месте исконного гласного **i* в результате так называемого перелома, в то время как в старописьменном, всех средневековых и отдельных современных монгольских языках этот **i* представлен, например:

бур. *загаһан* — х.-монг. *загас*, калм. *захси*, орд. *džagasu*, даг. П *ʔ'агүс*, даг. К *ʔahūs*, баоан. *джилзасоң*, стп.-м., МА *ʔiγasun*, MNT *ʔiγasu(n)*, SG *ʔiγasun*, ЛР *ʔiγasun* 'рыба';

бур. *шад-а* — х.-монг. *чада*, калм. *чад-~чид-*, даг. П *ш'ад-~шад'а*, даг. К *šada-*, орд. *tšida-*, стп.-м., МА, MNT *šida-* 'мочь, быть в состоянии';

бур. *шара* — х.-монг., калм. *шар*, орд. *šaga*, даг. К *šar*, *šaga*, дунс. *шыра*, баоан. *шйра*, мог., стп.-м., МА, MNT, ЛР *šiga* 'желтый';

бур. *мяхан* (m'ax'᠋ᠨ) — х.-монг. *мах*, калм. *махн*, орд. *таха*, даг. П *m'áxä*, даг. К *m'ax*, *m'ah*, дунс. *миза*, баоан. *мэза*, мог. *miqōn*, стп.-м. *miqa(n)*, МА *miqan*, MNT *miḡa(n)*, SG *miḡa*, ЛР *miqa* 'мясо';

бур. *ямаан* (jama:ᠨ) — х.-монг. *ямаа*, калм. *яман*, орд. *jamā* 'коза', даг. К *jama*, *ima*, *imo* 'козел', дунс. *јиман*, баоан. *имаң*, стп.-м. *имауан*, МА *ima'an*, MNT *ima'at* (Pluralis), SG *yima'an*, ЛР *imān* 'коза'.

В отдельных бурятских говорах в некоторых из подобных слов этот **i* сохранился, например в нижнеудинском говоре: *н'имāу* 'коза', *микаң*

'мясо', *шйда* 'мочь' [см.: Дарбеева 1978, с. 35; о сохранении *i в бур. НУ см. там же, с. 34–37], у олонских хамниган: *сира~шира* желтый, у тункинцев: *н'имаан* 'коза'.

[o] – общебурятская фонема, встречающаяся в твердорядных словах. Обычно она соответствует той же фонеме [o], представленной во всех остальных монгольских языках, например:

общебур. *боло-* – х.-монг., калм. *бол-*, орд., мог., дак.К стп.-м., МА, MNT, ЛР *bol-* 'быть, стать', даг.П *бол-* 'делаться';

общебур. *оло-* – х.-монг., калм. *ол-*, орд. *ol-*, даг.К *ol-*, *woal-*, даг.П *ол-*, *woal-*, стп.-м., МА, MNT, ЛР *ol-* 'находить';

общебур. *он* – х.-монг., калм. *он*, орд. *on*, даг.К *хон*, даг.П *оң*, дунс. *хон*, стп.-м. *on*, МА, MNT, ЛР *hon* 'год'.

Как и в случае с предыдущей фонемой, [o] в соседстве с палатализованными и среднеязычными согласными и в позиции перед *i реализуется в более продвинутом вперед варианте *ó*, в остальных же положениях (в соседстве с увулярными и фарингальным h) произносится обычный задний *o* [см.: Поппе 1930а, с. 37; Поппе 1941; с. 6; Бураев 1959, с. 139–140]. Это характерно для всех бурятских говоров. Аналогичное явление отмечалось Б.Я. Владимирцовым у халха-монголов [см.: Владимирцов, с. 158, §89] и монгольскими фонетистами [см.: Мөөмөө 1975а, с. 188; Лувсанвандан 1967, с. 66].

Но баргузинский говор бурятского языка переводит обычно этот общемонгольский исконный *o в данной позиции перед *i и среднеязычными и палатализованными согласными в очень мягкий переднеязычный звук *ö*, напр., *мörин* 'конь', *хörин* 'двадцать' вм. лит.-бур. *морин*, *хорин* id. [см.: Раднаев 1965, с. 84], напоминающий калмыцкий *ö* (орф. *ө*), что в некоторой степени сближает баргузинский говор с калмыцким языком (ср. калм. *мөрн* 'конь', *хөрн* 'двадцать'). Такое же *ö* на месте *o^h наблюдается в ряде случаев и в языке нижеудинских бурят, напр. бур.НУ *м'öриң* 'лошадь' [см.: Дарбеева 1978, с. 64].

Произношение подобного более переднего *ö* и даже *ȫ* в данной позиции отмечается также в отдельных словах у дархатов, напр. *мөрiң* 'конь' (ср. стп.-м. *morin*), *бөр'ибэ* 'жилы у малого бедра' (ср. стп.-м. *borbi*) [см.: Санжеев 1931, с. 8–9, 55, 57] и, как правило, в монгольских диалектах Внутренней Монголии, напр. *мөр* 'конь', *өрбө* 'вечер' (ср. стп.-м. *ogoi*), *хөрмө* 'подол' (ср. стп.-м. *qormui*) [см.: Тодаева 1960, с. 23], *хөр(i) хөри(n)* 'двадцать' (ср. стп.-м. *qorin*), *хөн*, *хөни*, *хөнин* 'овца' (ср. стп.-м. *qolin*) [см.: Руднев 1913, с. 147], *тол* 'зеркало' (ср. стп.-м. *toli*) [см.: Кара 1970, с. 242].

Если обратиться к сравнительному материалу, то увидим:

общебур. *хорин*, даг. *хörин* – х.-монг. *хорь*, калм. *хөрн*, стп.-м. МА *qorin*, MNT *ḡorin*, даг.К *хор'*, даг.П *хор'иң*, в диалектах Внутренней Монголии *хөр(i)*, *хөри(n)* 'двадцать';

общебур. *морин*, барг. *мörин*, бур.НУ *м'öриң* – х.-монг. *морь*, калм. *мөрн*, стп.-м., МА *morin*, MNT *morin(n)*, даг.К *мор'*, даг.П *мор'~мор'и*, мог. *mori*, в диалектах Внутренней Монголии *мөр*, дарх. *мөрiң* 'конь'.

В ряде бурятских говоров исследователями отмечается своеобразное оканье: произнесение нормального *o* на месте исконного общемонгольского гласного *u. Так, Д.А. Алексеев пишет, что в селенгинско-ивол-

гинском диалекте (по его классификации и терминологии. В.И.) встречается чередование *о* – *у*: *оһон* – *уһан* 'вода' (см.: Алексеев, с. 83). Э.Р. Раднаев говорит о наличии звука *о* на месте *у* в цонгольском говоре: "Характерную фонетическую особенность исследуемого говора составляет оканье. Оно особенно заметно в речи кударинских и кяхтинских бурят, например: *осо* 'вода' (лит. *уһан*), *ходок* 'колодец' (лит. *худаг*), *орто* 'длинный' (лит. *ута*), *соктоо* 'вместе' (лит. *сустаа*) и т.д. Оканье наблюдается и в селах Селенгинского аймака (Ноехон, Убур-Дзокуй и др.): *тогол* 'теленки' (лит. *тугаа*), *толго* 'подпорка, упор' (лит. *тулга*) и т.п." [Раднаев 1960, с. 130].

На спорадическое оканье в языке хоринских бурят обратил в свое время внимание Г.Д. Санжеев, который писал по этому поводу следующее: "В некоторых словах хоринского говора мы встречаем гласный *о* вместо *у*, например: *ото* вместо *ута* – длинный, *тодохо* вместо *тудаха* – попадать. Как известно, подобное явление имеет место в цонгольском говоре, а также, как нам сообщили, в говоре мухор-шибирцев. В результате этого иногда получаются омонимы..., например: *тодохо* – в хоринском говоре и 'попадать' (в других говорах – *тудаха*) и 'подставлять', *ото* – и 'длинный' (в других говорах – *ута*) и 'совсем' (например, *ото*, *таһа мартаба* – совсем забыл). Следует заметить, что подобное явление наблюдается в весьма редких случаях и не во всем хоринском аймаке (в Еравне мы его не наблюдали)" [Санжеев 1939, с. 13].

Аналогичное явление замечено Л.Д. Шагдаровым и в тугнуйском подговоре хоринского говора: "Под влиянием селенгинского диалекта в тугнуйском говоре в абсолютном начале и в первом слоге слова развилось оканье вместо общебуряцкого уканья: тугн. *оһон*, агин. *уһан*, лит. *уһан* (вода), тугн. *оһохо*, агин. *уһаха*, лит. *уһаха* (садиться на коня), тугн. *х'оруу*, агин. *х'уруу* (иней). Первослоговым звуком *о* ассимилирует краткие гласные последующих слогов и долгий звук *а*: тугн. *тогол*, лит. *тугаа* (теленки), тугн. *оргомол*, лит. *ургамал* (растение), тугн. *оһоод*, лит. *уһаад* (семя на коня), тугн. *оһоор*, лит. *уһаар* (водой). Оканье в этом говоре носит регулярный характер. В собственно хоринском и агинском говорах, а также в говорах добайкальского и прибайкальско-саянского диалектов оно отсутствует и потому не отражается в литературном языке" [Шагдаров 1968, с. 156].

В связи с этим нам кажется небезынтересным указание Б.Я. Владимирцова о довольно открытом характере фонемы [у] в халхаском языке: "Акустически халхаское *у* производит впечатление звука среднего между *о* и *у*. Многие русские и другие европейцы, а буряты в большинстве случаев, халхаское *у* воспринимают как *о*. Это халхаское заднее *у* можно обозначать посредством *у̑*..." [Владимирцов, с. 159]. Можно предположить, что поскольку цонголы и часть селенгинских бурят (сартулы) являются исторически выходцами из Монголии и представляют собой по сути дела монгольские племена, начинающие обурячиваться [см.: Цыдендамбаев 1972, с. 231–247; Будаев 1977, с. 32; Будаев 1978; с. 16–17], явление оканья, как раз и отмечающееся у них и связанных с ними соседством тугнуйских бурят, могло появиться как остаточное явление монгольского произношения фонемы [у] в широ-

ком варианте, близком акустически к *о*, о чем и писал Б.Я. Владимирцов.

Кроме того, появление *о* на месте *у* наблюдается спорадически и в других бурятских диалектах, кроме названных выше, например:

каб. *болжомор* лит. *булжамар* 'жаворонок'; тунк. *боро* — лит. *бур* 'глина'; разг. *уюун* — лит. *оюун* 'ум, разум'; булаг. *хошохо* — лит. *хушаха* 'закрывать, запирасть'; барг. *горогор* — лит. *гурагар* 'стройный, длинный'; барг. *одигон* — лит. *удаган* 'шаманка'; барг. *хотиго* — лит. *хутага* 'нож'; эхир-булаг. *йоргоон* лит. *зургаан* 'шесть'.

Необходимо отметить и появление *о* в самом литературном бурятском языке, представляющем в этих словах общебурятскую форму, на месте *у* других монгольских языков, например:

бур. *можо* — х.-монг. *муж*, олёт. [Ramst. KW] *mudž*, орд. *mudž*, стп.-м. *muji* 'область, провинция';

бур. *нomo* (*н*) — х.-монг. *нум* (*ан*), олёт. *numr*, дербет. *номн*, орд. *num*, стп.-м. *numun*, МА *numun*, MNT *numu(n)* 'лук — оружие', лиг.-калм. *нум* 'смычок';

бур. *гошохо* — х.-монг. *гунших*, калм. *хуншх*, *хуних*, стп.-м. *γunγ-šiu* 'говорить в нос, гнусавить', МА *γunqina* 'жужжать, греметь';

бур. *нomo* (*н*) — х.-монг. *сум* (*ан*), олёт. торгут. *sumr*, дербет. *сомр* [Ramst. KW], даг.К *som* 'стрела; пуля', стп.-м., МА *sumun*, MNT *sumu(n)* 'стрела';

бур. *сомон*, *номон* — х.-монг. *сум* (*ан*) 'административная единица сомон', олёт., торгут. [Ramst. KW] *sumr* 'округ', стп.-м. *sumun* 'административная единица';

бур. *шолмо*, *шолмос* — х.-монг. *шулмас*, калм. *шulam*, стп.-м. *šilmusu*, *šimnušu* 'черт, дьявол'.

Из других монгольских языков появление *о* на месте *у* наблюдается также в калмыцком языке, в частности в дербетском говоре, для которого произнесение *о* вместо торгутского *у* является одним из дифференцирующих признаков, напр.: дербет. *совсын* — торгут. *сувсын* 'жемчуг', дербет. *ховцын* — торгут. *хуэцын* 'одежда', дербет. *хомхээ* — торгут. *хумхаа* 'высохший, бесцветный', дербет. *ховдыг* — торгут. *хувдыг* 'жадный' и т.п. При этом *о* на месте *у* в дербетском говоре отмечается в большом количестве слов перед губными согласными *м* и *в* [см.: Кичиков, с. 26].

Но, пожалуй, наиболее развито оканье в дагурском языке и в монгольских диалектах Внутренней Монголии, где оно пронизывает буквально всю систему вокализма. Так, Н.Н. Поппе пишет о дагурском языке: "Старые **о* и **у* (> мо. *о* и *у*) в большинстве случаев совпали и отражаются как *оа* (в начале слова *woa*) или *о*; изредка письменно *у* соответствует *у*" [Поппе 1930, с. 110]. Примеры: даг. *доанд* 'посреди' (стп.-м. *dunda*), даг. *тоалаг* 'столб' (стп.-м. *tulγa* 'колонна'), даг. *хоар* 'дождь' (стп.-м. *χiga*), даг. *водна* 'упасть' (стп.-м. *upa*), даг. *woala* 'подонва' (стп.-м. *ula*), даг. *чос* 'кровь' (стп.-м. *čisun*, х.-монг. *цус*), даг. *болто* 'совсем' (стп.-м. *bultu*), даг. *орго* 'вырасти' (стп.-м. *urγu*), *он* ~ *оно* 'ехать серхом' (стп.-м. *unu*). Относительно диалектов Внутренней Монголии А.Д. Руднев свидетельствует: "В виде общего правила можно сказать, что письм. ... *у*// вост. *о*" [Руднев 1911 с. 191]. Далее он

уточняет: "Всем хорошо известна путаница на географических картах, происходящая от смешения говоров: где написания "нор" и "нур", "ола" и "ула" чередуются в полном беспорядке. На месте письм. "у" вост. и южн. (монголы. — В.Р.) имеют "о" (или о), хЗап. и отчасти хУрг. — звук значительно отличается от русского "у" и воспринимаемый русскими зачастую как "о"; хУрг., бур. и калм. имеют у" [Руднев 1911, с.191] В опыте словаря говоров Внутренней Монголии Руднев почти везде дает о (или о) на месте исконного *и, например: *олаан* 'красный' (ср. стп.-м. *ulaγan*, бур., х.-монг. *улаан*), *хөдөж* 'колодец' (ср. стп.-м. *qudduγ*, х.-монг. бур. *худаг*) [см.: Руднев 1911, с. 115, 147].

Д.Кара, также исследовавший некоторые говоры Внутренней Монголии, повсеместно зарегистрировал, например, звук о на месте *и в языке узумчинов: *өлá* 'красный' (ср. стп.-м. *ulaγan*, бур., х.-монг. *улаан*), *өл* 'подошва' (ср. стп.-м. *ula*, бур., х.-монг. *ула*), *өг'т* 'длинный' (ср. стп.-м. *urtu*, бур. *ута*, х.-монг. *урт*) и т.п. [см.: Кара 1963, с. 38–39], звук о в языке джарутов: *ос* 'вода' (ср. стп.-м. *usun*, бур. *ушан*, х.-монг. *ус*), *осir* 'причина' (ср. стп.-м. *uṣig*, бур. *ушар*, х.-монг. *учир*), *огól* 'губа' (ср. стп.-м. *uγuγul*, бур. *урал*, х.-монг. *уруул*) [см.: Кара 1970, с. 322–323].

Таким образом, явление оканья не представляет специфику одного бурятского языка, а присуще и другим монгольским языкам. Так, оканье заметно в дербетском говоре калмыцкого языка, а как целостная система представлено в монгольских диалектах Внутренней Монголии и в дагурском языке.

Кроме того, как и в случае с предыдущей фонемой [а], в бурятском литературном языке и ряде говоров имеются слова, в которых нормой является фонема [о], в то время как в старомонгольском, средневековых и некоторых современных монгольских языках на месте этого бурятского [о] либо сохраняется гласный *i, еще не подвергшийся перелому, либо представлен гласный другого качества, например:

общебур. *шоно* — х.-монг. *чоно*, калм. *чон*, орд. *tšono*, баоан. *чэна*, мог. *ṣinō*, стп.-м. *ṣinu-a*, МА *ṣinā*, MNT *ṣinō*, SG *ṣino*, ЛР *ṣanā* 'волк';

общебур. *шоро* — х.-монг. калм. *шор*, орд. *šoro* 'заостренная палочка, вертел', даг. К *šog* 'сенные вилы', стп.-м. *širu*, МА *šira*, MNT *širo* 'вертел';

общебур. *ёро* (*joro*) — х.-монг., калм. *ёр*, орд. *joro*, стп.-м. *iru-a* 'дурное предзнаменование', даг. П *ipō* 'благопожелание';

общебур. *жолоо* — х.-монг. *жолоо*, калм. *жола*, орд. *džilo*, даг. К *žolo*, *d'ilo*, стп.-м. *ṣiluγa*, MNT *jilō'a~jilu'a*, ЛР *ṣilawu* 'поводья';

общебур. *жороо* — х.-монг. *жороо*, калм. *жора*, орд. *džitō*, даг. П *ipō*, даг. К *žoto*, мор. *žigō*, стп.-м. *ṣiguγa* 'иноходец';

зап.-бур. *жоргоон*~*ёргоон* — вост.-бур., лит.-бур. *зургаан*, х.-монг. *зургаа*, калм. *зурхан*, орд. *džurgā*, даг. П *irgō* (*н*)~*ḡ'irgō* (*н*), даг. К *žoggo*, дунс. *джыдуан*, баоан. *джирзон*, мог. М *jurghan*, стп.-м. *ṣirγuγan*, МА *ṣirγān*, *ṣirγu'ān*, MNT *ṣirḡo'an*, *ṣirwa'an*, SG *ṣirḡuḡan*, ЛР *ṣirγān*, *ṣirγān*, VMI *ṣirγu'an* 'шесть';

зап.-бур. *хотёго* — вост.-бур., лит.-бур., *хутага*, х.-монг. *хутга*, калм. *утх*, орд. *utaga*, дунс. *кутозо*, баоан. *хдоез*, мог. *qitqei*, стп.-м. *kituγa*, *qutuγa*, *qutaγa*, МА *qituγa*, *qutuγa*, MNT *kituḡai*, ЛР *kituγa*, ИМ *kituγa*, VMI *kiduγa* 'нож';

зап.-бур. *одёгон* – бур.НУ *идазаң*, вост.-бур., лит.-бур., х.-монг. *удаган*, калм. *удһн* 'шаманка', орд. *udagan* 'повивальная бабка', даг. П *јадазәң* ~ *јадазәң* 'шаман', стп.-м. *iduγan, udayan* 'шаманка'.

Такой разнобой в употреблении *o*, *y* и *i* в монгольских языках и бурятских говорах свидетельствует о неравномерности процесса перелома **i*; не только в разных монгольских языках, но и в разных бурятских говорах.

[y] – общебурятская фонема, употребляющаяся в твердорядных словах. В бурятском языке в данной позиции она представляет исконную общемонгольскую фонему **u*, например:

бур. *хурдан* – х.-монг. *хурдан*, калм. *хурдн*, орд. *хурдun*, стп.-м., МА *qurduun*, MNT *hurduun (gurduun)*, даг.К *хурду*, *хурдun* 'быстрый';

бур. *улаан* – х.-монг. *улаан*, калм. *улан*, орд. *ulān*, стп.-м. *ulaγan*, МА *hulān*, *hula'an*, MNT *hula'an*, даг.К *хулāң*, *ulāң*, даг.П *улāн* 'красный';

бур. *уя-* – х.-монг. *уя-*, калм. *уй-*, орд. *uja-*, стп.-м. *uya-*, МА, MNT *huγa-*, даг.К *хија-* 'привязать'.

В бурятских говорах наблюдается в ряде случаев появление *y* на месте гласных *o* или *a*, напр.: тугн. *уран* 'кровать' – лит.-бур. *орон*, х.-монг. *ор(он)*, стп.-м. *ogan* 'кровать; место', МА *ogan* 'место'; тугн. *пулаати* – агинск. *палаати*, лит.-бур. *плаати* 'платье'; тугн. *пулааха* – агинск., лит.-бур. *палааха* 'пол'; эхир.-булаг. *дубуун* – лит.-бур. *добуун*, х.-монг. *довуу* 'бугор, возвышенность'; эхир.-булаг. *шургалзан*, барг. *шургалжан* – лит.-бур. *шоргоолжон*, х.-монг. *шоргоолж*, стп.-м. *širγuljin* 'муравей'; барг. *зубалга* – лит.-бур. *зоболго*, х.-монг. *зовлого*, стп.-м. *jobalγa* 'тощее мясо'; барг. *хултуу'ан* – лит.-бур. *холтоһон*, х.-монг. *холтос*, стп.-м. *qoltusun* 'кора'; барг. *хумигар* – лит.-бур. *хомигор* 'узкий; приплюснутый'; барг. *хуршаганаха* – лит.-бур. *хоршоғонохс* 'шуметь, тарыхтеть'.

Появление звука *y* на месте *o* наблюдается и в других монгольских языках, например:

орд. *mudu*, MNT *mudun~modun* – стп.-м., МА, SG *modun*, даг.К *mod*, *modo*, даг.П *мдд*, х.-монг. *мод*, бур. *модон*, калм. *модн* 'дерево';

орд. *udu* – стп.-м., SG *udun*, МА, MNT *hodun*, х.-монг. *од*, бур. *одон*, калм. *одн*, даг.К *ход*, *ход*, даг.П *од~оддд* 'звезда';

орд. *sungu-*, калм. *суңһ-* – стп.-м. *songγu-*, MNT *so'onghu-*, даг.К *соң-*, даг.П *соңд-*, х.-монг. *сонго-*, бур. *һонго-* 'выбирать';

орд. *gulumta*, зап.-бур. *гуламта*, калм. *һулмт~һолмт* – стп.-м. *γolumta*, МА *γolumtan*, MNT *holumta*, х.-монг. *голомт*, бур. *голомто* 'очаг';

монгор. *урд-* – стп.-м. *oru-*, МА *ora-*, MNT *oro-*, ЛР *or-*, бур. *оро-*, х.-монг., калм. *ор-*, орд. *oro-*, даг.К *waru-* 'входить';

монгор. *суносе-* – стп.-м. *sonus-*, МА *sonas-*, MNT, SG *sonos-*, бур. *сонос-*, х.-монг. калм. *сонс-*, орд. *sonos-*, даг.К *sonso-* 'слышать';

монгор. *хүло* – стп.-м., МА, ЛР *qola*, MNT, SG *hola*, бур. *холо*, х.-монг., калм. *хол*, орд. *холо*, даг.К *хол*, *холо* 'далеко; далекий'.

В бурятском языке в ряде слов почти во всех говорах представлен *y* на месте звука *o* других монгольских языков, например:

бур. *булад* – х.-монг. калм. *болд*, орд. *bolod*, стп.-м. *bolud* 'сталь';

бур. *булар* – х.-монг. *болор*, калм. *болр*, стп.-м. *bolur*, SG *bolor* 'хрусталь';

бур. *улам* — х.-монг. *олом, олон*, калм. *олң*, стп.-м. *olung*, МА, MNT *olang*, ЛР *olan* 'подпруга седла';

бур. *суранзан* — х.-монг. *соронз*, калм. *сорнц*, стп.-м. *soḡunja* 'магнит

бур. *угаа* — х.-монг. *огоо*, качуг. *огоо*, стп.-м. *огу* 'очень';

бур. *улам* — х.-монг. *олом*, олёт. [Ramst. KW] *олм*, стп.-м. *olum* 'брод
лит.-калм. *улм* 'топь, болото';

бур. *улһан* — х.-монг. *олс*, калм. *олсн*, стп.-м. *olusun*, даг.К *ols*, *olsc* 'конопля';

бур. *унги* 'обух топора' — х.-монг. *онги*, стп.-м. *onggi*, калм. [Ramst. KW] *ongʷ*, лит.-калм. *оуһ* 'проушина, отверстие в топоре для ручки';

Появление *у* на месте *о* здесь можно объяснить ассимилирующим воздействием последующего исторического **и* в этих словах, но не во всех случаях. Есть переходы *о* в *у* и при наличии последующих неогубленных гласных, что необходимо объяснить другими причинами. Во всяком случае уканье не является спецификой бурятского языка, оно захватывает ордосский и монгорский языки, встречается в калмыцком языке и в языке "Сокровенного сказания монголов".

Кроме того, фонема [у] появляется в бурятском языке, как и в других современных монгольских языках, на месте исконного **и* в результате его перелома. Причем в некоторых словах *у* на месте **и* представлен уже в средневековых монгольских языках, в старописьменном же языке в этих словах везде *и*. Примеры:

бур. *шуһан* — х.-монг. *цус*, калм. *цусн* орд. *džusu*, даг.П *ч'ос~ч'ос*, даг.К *čos*, *čoso*, *čōs*, дунс. *чусун*, баоан. *чисоң*, мог. *čusun*, стп.-м., МА, ЛР *čisun*, MNT *cisu(n)*, SG *cisun* 'кровь';

бур. *шулуун* — х.-монг. *чулуу*, калм. *чолун*, орд. *tšilü*, даг.П *ч'олō*, даг.К *čolo*, стп.-м. *čilaγun*, MNT *cila'un*, *cilao'un*, SG *cilahun* 'камень';

бур. *шубуун* — х.-монг. *шувуу*, калм. *шовун*, орд. *šiwü* 'птица', даг.П *шовō* 'ловчая птица', даг.К *šowō* 'ястреб', стп.-м. *šibaγun*, МА *šiba'ün*, MNT *šubao'ün*, SG *šibahun*, ЛР *šibawun* 'птица';

бур. *хюмһан* (x'umhḷḥḥ) — х.-монг. *хумс*, калм. *хумсн*, орд. *χumusū*, даг.П *к'им'ч~к'им'ч~к'им'ч'*, даг.К *kimč'i*, дунс. *гымусун*, баоан. *зомсоң*, мог. *qimsun*, стп.-м. *kimusun*, МА *qimusun*, MNT *kimusu*, SG *kimusun*, ЛР *qimusun* 'ногти';

бур. *нударга* (n'udḷḡḡḷ) — х.-монг. *нударга*, калм. *нудрһ*, орд. *nudurḡa*, даг.К *n'adargu*, стп.-м. *nidurḡa*, МА *nudurḡa*, SG *nudurḡa* 'кулак'.

[э] — мягкорядная фонема, встречающаяся во всех бурятск. х. говорах. Ее произношение в бурятском языке заметно отличается от произношения соответствующей фонемы халха-монгольского и калмыцкого языков. Так, в монгольском и калмыцком языках орфограмма *э* представляет собой фонему, обозначаемую в фонетической транскрипции знаком "ε", — открытый гласный переднего ряда 4-й степени подъема [по классификации акад. Л.В. Щербы, см.: Зиндер, с. 204, 210], напоминающий русское *э* в слове *это*. Бурятская же орфограмма *э* передает фонему, отличающуюся от монгольско-калмыцких тем, что произносится несколько закрыто и при оттянутом назад языке, т.е. это звук 4-й степени подъема, но не переднего, а смешанного ряда, обозначаемый в фонетической транскрипции знаком "э" [по классификации акад. Л.В. Щербы, см.: Зиндер, с. 204, 214]. Эта существенная разница в ар-

тикуляции и придает бурятской фонеме [э] тот своеобразный акустический эффект, благодаря которому бурятская речь резко отличается от монгольской и калмыцкой даже в тех случаях, когда в произносимых словах отсутствуют другие дифференцирующие эти языки признаки. Например: слово энэ 'это' по-бурятски произносится как зпэ, по-монгольски же — епё, в калмыцком языке эн 'это' произносится как еп; по-бурятски эмээл 'седло' произносится зте:л, по-монгольски — еп е:л, по-калмыцки эмал звучит как еп'æ:л' и т.д.

Таким образом, наличие смешаннорядного "э" вместо переднерядного "е" можно считать одним из дифференцирующих признаков наряду с *h, ш, ж, с*, отличающих бурятский язык от монгольского и калмыцкого. Этот бурятский звук "з" акустически близок к русскому *ы* или к тюркскому смешанному *ы* и отличается от них только своим более открытым характером. Не случайно поэтому, когда приходится передавать бурятские слова средствами русской орфографии, то бурятский звук "з" (графическое э) почти всегда обозначают буквой *ы*. Например, бурятские личные имена типа *Дэлэг, Гэлэг, Сэдэб* (~Цэдэб) пишут по-русски *Дылык, Гылык, Цыдыл*. Особенно закрытый характер носит фонема [э] в речи западных бурят, почти приближаясь к *ы*.

Звук "з" бывает только кратким, в случае долготы произносится обычный переднерядный "е:", например: *тэрэ* (тэгэ) 'тот', *хэлэ* (хэлэ) 'скажи' но *тээ* *тэрэ* (те: тэгэ) 'вон тот', *хэлээ* (хэлэ:) 'сказал'.

Может быть, поэтому А. Орлов, автор одной из первых грамматик бурятского разговорного языка, выпущенной в 1878 г., писал о произношении бурятского э: "Все гласные звуки и особливо звук Э могут быть произносимыми как Ы, и тем чаще, чем грубее вообще произношение бурятское, как например — кударинское, ольхонское, хоринское. Так, слова книжно-монгольского языка: *хувараг* послушник, *ороху* входить, *унаху* падать, *эхэ* мать, *гэрэл* луч, *гэр* дом, *бий* есть — нередко выговариваются: *хубырик, орохы, уныхы, ыхы, гырыл, гыр, бий*" [Орлов, с. 1—2]. Некоторые современные бурятоведы в своих диалектологических работах тоже иногда обозначают эту фонему знаком *ы*, как, например, А.А. Дарбеева при подаче отдельных материалов по говору нижеудинских бурят. Так, при публикации одной сказки на нижеудинском бурятском говоре она широко вводит в свою транскрипцию знак *ы*, соответствующий фонеме [э] Например, она пишет: *Ыкы ысыгынь мытчи б'эна* (ср. лит.-бур. *Эхэ эсэгынь мэсэжэ байна* 'Родители это знают' [см.: Дарбеева 1974, с. 92]. В другой работе А.А. Дарбеева сообщает о гласном *е* у нижеудинских бурят: "Гласный *е*... произносится как нечто среднее между русск. *э* и *ы* ... Специфика гласного *е* в НУД заключается в том, что он акустически близок к русскому безударному *ы*" [Дарбеева 1978, с. 33].

В позиции после *j* (йот), шипящих согласных *ш* и *ж*, а также перед палатализованными согласными фонема [э] обычно реализуется в более закрытом варианте, приближающемся акустически к "i" или даже к "i". Так, слова *ерэхэ* 'приходить', *жэл* 'год', *шэнэ* 'новый', *эдихэ* 'кушать, есть', *энехэ* 'смеяться' и т.п. произносятся обычно как *jɪxɛ́, ʒil, ʃinɛ́, id'ixɛ́*. Среди окинских бурят у лиц, недостаточно знающих нормы правописания литературного бурятского языка, нам приходилось даже наблюдать

написание подобных слов с *и* вместо *э*, напр.: *идихэ* (вм. *эдихэ*), *инэ-эхэ* (вм. *энеэхэ*), *йирхэ* (вм. *ерэхэ*) и т.п.

На особый характер бурятского краткого *э* и близость его к *ы* и *и* указывали в свою время также А. Руднев для хоринского говора [см.: Руднев 1913, с. II, XXII], Н.Н. Поппе для аларского. Оба они обозначали этот звук одним и тем же знаком *ε*, отличая его от более открытого *e*.

Поппе писал: "Знаком *ε* обозначается $\frac{\text{high}}{\text{mid}}$ = out back-wide. Встречается он только в качестве нормального или редуцированного (в последнем случае *ε̃*) и никогда не бывает долгим. Этот звук не что иное, как более задний *e*. Его часто пытались передавать знаком *ы*, но в действительности это совсем другой звук. Он является общим для всех бурятских говоров, а также для дагурского наречия, где он часто произносится с легкой лабиализацией (т.е. *ε̃*). Из родственных монгольскому языков этот гласный встречается еще в тунгусских говорах" [Поппе 1930а с. 38].

Об особом характере бурятского и дагурского *ε* [см.: Поппе 1930 с. 105–107] и отличии его от монгольского и калмыцкого *э* кроме Н.Н. Поппе писал также Г.Д. Санжеев: "е — нелабиализованная полуузкая гласная фонема, наличная во всех монгольских языках и диалектах в которых она реализуется самым различным образом: 1) в дагурском языке и в бурятском диалектах — это звук преимущественно среднего ряда, но под влиянием главным образом соседнего *i* — становящийся гласным более переднего ряда и часто приближающийся к узкому *i*, что в транскрипции обозначается знаком *ε̂*; 2) в халхаском и ойратском диалектах — это гласный переднего ряда, комбинаторно становящийся (в халхаских говорах) узким. Таким образом, эта фонема сильно подвержена различным комбинаторным изменениям, что в монголоведной лингвистической литературе отмечается знаком *ε̂* (лабиализованный, наличный в дагурском языке), *ε* (нелабиализованный, наличный в дагурском языке и в бурятских диалектах, акустически близкий к русскому безударному *ы*), *э*, *e*, *é*, *ë*" [Санжеев 1953, с. 73].

В бурятском языке, как и в дагурском, появление звука *э* особой артикуляции, отличной от других монгольских языков и сопоставляемой с артикуляцией соответствующего гласного тунгусских говоров, можно нам кажется, объяснить именно тунгусо-маньчжурским влиянием, так как для тунгусо-маньчжурских языков как раз и характерно подобное произношение звука *э* (в них, кстати, он тоже гласный смешанного ряда), бывающего подчас даже огубленным [см.: Цинциус, с. 39; Константинова, с. 14]. Такой же характер звука *e* отличается Дьрдэм Кара и в языке джарутов во Внутренней Монголии [см.: Кара 1970, с. 241].

Таким образом, в свете вышесказанного об особой артикуляции бурятского звука "э" и его отличии от монгольского и калмыцкого "е" нам представляется не совсем правомерным обозначать его как "е" [см. Бураев 1959, с. 145; Бураев 1975, с. 24–25], затушевывая специфику данной бурятской фонемы как звука смешанного ряда.

В бурятском языке наблюдаются три основные пути появления фонемы [э] в 1-м слоге:

1. Бурятское [э] регулярно появляется на месте исконного общемонгольского *е, например:

бур. энэ – х.-монг. энэ, калм. эн, орд. ене, даг. П $\acute{e}n \sim \acute{e}n\acute{e}$, Даг. К ен, мог. enā, стп.-м., МА, ЛР, MNT ene 'этот, эта, это';

бур. нэрэ – х.-монг. нэр, калм. нер, нерн, даг. П $n\acute{e}r$, даг. К ner, орд. nege, мог. negā, стп.-м., МА, ЛР, MNT nege 'имя';

бур. эхэ – х.-монг. эх, калм. эк, даг. П $\acute{e}g \sim \acute{e}g \sim \acute{e}g\acute{e}$, Даг. К ege~eg~eγ, орд. e^kхе, стп.-м., МА, ЛР, MNT еке 'мать';

бур. эмээл – х.-монг. эмээл, калм. эмал, даг. П $\acute{e}m\acute{e}l$, даг. К, орд. mēl, мог. emōl, монгор. imier, стп.-м. emegel, МА, ЛР, ИМ emēl, MNT me'eel 'седло'.

2. В подавляющем большинстве случаев в мягкорядных словах на месте общемонгольского *i в бурятском языке появляется фонема [э], хотя и в более закрытом варианте. Переход общемонгольского *i в более широкий звук е отмечается также как характерная особенность языка монголоязычных шира-югуров (желтых уйгуров. – В.Р.) [см.: Тогаева – Тенишев, с. 48]. Примеры:

бур. эди- (zɔ'ɨ~id'ɨ), ш.-юг. ede- – х.-монг. идэ, калм. ид-, даг. К d-, орд. ide-, мог. idā-, монгор. ide-, стп.-м., МА, MNT ide-, ЛР id- 'есть, кушать';

бур. ерэ- (jɔ'ɨ~jɨgɔ), ш.-юг. еpi- – х.-монг. ирэ, калм. ир-, даг. П $i\acute{p} \sim j\acute{p}$ -, даг. К ir', ire-, орд. ire-, монгор. pe-, стп.-м., МА, MNT ire-, ЛР ir- 'приходить';

бур. эшэ- (zʃɔ'ɨ~ɨʃɔ), ш.-юг. ече- – х.-монг. ичи-, калм. ич-, даг. К $\chi i\acute{s}e$ -, орд. itsi-, стп.-м. iči-, МА, ЛР hiči-, MNT hiče- 'стыдиться, стесняться';

бур. шэлэ (ʃɨlɔ'ɨ~ɨlɔ), ш.-юг. шел – х.-монг. шил, калм. шил, орд. ši-i, стп.-м. šili 'стекло'.

Видимо, под влиянием звука е второго слога в монгольском слове nigen 'один' (ср. стп.-м. nigen, ЛР, SG nigen, MNT nikan 'один') в первом слоге почти во всех современных монгольских языках появился широкий е: бур. нэгэн, х.-монг. нэг, калм. негн, орд. nege, даг. К nek, neG, nege, баоан. нэгэ, ш.-юг. неге id. и только в отдельных современных языках этот *i в данном слове сохраняется: монгор. nige, дунс. nō, мог. nikān 'один'.

Кроме того, в ряде языков наблюдается переход i в е в слове *ki- 'делать': бур. хэ, калм. ке-, баоан. кэ, мог. ki~ke. В других же языках этот i сохраняется: монгор. gi-, орд. kī-, х.-монг. хий-, джарут. hī-, даг. К q-, даг. П k'ɨ, дунс. kiэ, МА, ЛР, стп.-м. ki- 'делать'.

3. В некоторых бурятских говорах наблюдается также появление [э] в тех случаях, где в других говорах и в литературном бурятском языке, а также в прочих монгольских языках представлен гласный ü или y, например:

тунк. бэлэ- – лит.-бур. булэ, х.-монг. були-, калм. бул-, стп.-м. büle-, ЧВТ bule- 'сбивать кумыс, масло';

тунк. бэнэ, агинск. бэнэ//буһэ, даг. П $b\acute{e}c\acute{e} \sim b\acute{u}c$ – х.-монг. бус, лит.-бур. буһэ, калм. бус, даг. К bós, bos, орд. büse, монгор. pudzē, стп.-м. MA büse, MNT buse 'пояс, кушак';

барг. мэн 'опять, тоже', качуг. мэн даа 'то-то' – лит.-бур. мун, х.-монг. мөн, калм. мөн, стп.-м. mön 'да; правильно, действительно; есть, является';

барг. *бэри* 'очень', качуг. *бэрэ* 'совсем не' — лит.-бур. *бури*, х.-мон калм. *бур*, стп.-м. *büri* 'каждый'.

Но в единичных словах это [э] может быть и наследником исконого *е, в то время как в других монгольских языках, а также в диалектах бурятских говорах и литературном бурятском языке на месте *е развились огубленные ö или ü, например:

тунк. *мэшэн*, эхир-булаг. *мэшэн*, тугн. *мэшэн* 'звезда' — лит.-бур. *мшэн*, стп.-м. *mešin* 'звезда, звёзды', калм. *мөшн одн* 'хвостатая звезда комета';

тунк. *эбшэн*~*убшэн* — лит.-бур. *убшэн*, х.-монг. *өвч*, калм. *өвч* стп.-м. *ebedšin* 'болезнь'.

Первоначальный *е сохраняется в этом случае не только в бурятских говорах, но и в дагурском языке (даг.К *ewde*-, даг.П *é'удэ*- 'болеть' могольском (*ebätuna* 'болит'), джарутском (*ǰw šin* 'болезнь').

[ө] — центральнорядная слабоогубленная фонема, встречающаяся лишь в некоторых бурятских говорах. В литературном языке является диалектным вариантом фонемы [у]. Г.Д. Санжеев так, например, писал об этой общемонгольской фонеме: "ö — гласный среднего ряда, полулабиализованный, полуширокий; имеется во всех монгольских языках и диалектах, кроме ойратских; в бурятском языке, кроме некоторых говоров, этот гласный в качестве самостоятельной фонемы уже не фигурирует, оказавшись вариантом фонемы [у]" [Санжеев 1953, с. 72–73].

Однако фонема [ө], судя по диалектологической литературе, как самостоятельная представлена в следующих бурятских говорах:

а) тункинском — *өдөр* 'день', *мөнгөн* 'деньги', *дөшөн* 'сорок', *эрөөһөн* 'дикая коза' (ср. соответственно лит.-бур. *үдэр*, *мүнгэн*, *дүшэ гүрөөһэн*) [см.: Абашеев, с. 6–7];

б) аларском — *өдөр* 'день', *өргө*- 'поднять' (но *үргэ*- 'пугаться — о коне'), *хөл* 'нога', *өбөл* 'зима', *өбөһөң* 'трава' (ср. соответственно лит.-бур. *үргэ*- 'поднять', *үргэ*- 'пугаться', *хул*, *убэл*, *убһэн*) [см.: Поппе 1930 с. 43–44];

в) окинском — *өбэл*, *өвэл*, *өбөл* 'зима', *өрэккэ* 'поднять' (но *үрэккэ* 'испугаться' — о коне), *хөрэккэ*, *хөрөккө* 'заморозить' (но *хүрэккэ* 'довести, проводить'), *хөрөнгө* 'закваска', *өтхөн* 'густой', *шөрмөһөн* 'схожилие' (ср. соответственно лит.-бур. *үбэл*, *хүргэхэ* 'заморозить', *хүргэхэ* 'довести, проводить', *хүрэнгэ*, *үдхэн*, *шүрбэһэн*) [наши собственные правые записи];

г) боханском (только у обусинских бурят) — *өнтэлэг* 'конопля', *дүлэн* 'пламя' (ср. соответственно лит.-бур. *үлтэнэг*~*унтэлэг*, *дүлэн*) [см. Хомонов 1965, с. 41];

д) нижнеудинском — *өдөр* 'день', *көкө* 'синий', *көкшөөң* 'старый', *өгөң* 'широкий' (но *үргөң* 'челюсть'), *өркө* 'труба дымоходная' (но *үрк* 'потирать'), *өлгө* 'зыбка' (но *үлгө* 'повесил'), *өншөөң* 'сирота', *өбөр* 'рог' (ср. соответственно лит.-бур. *үдэр*, *хүхэ*, *хүгшэн*, *үргэн* 'широкий', *үргэн* 'челюсть', *үрхэ* 'дымоходное отверстие', *үлгы* 'зыбка', *үлгээ* 'повесил', *уншэн* 'сирота', *убэр* 'рога') [см.: Дарбеева 1978, с. 31–32]. При этом по нашим наблюдениям и по свидетельству А.А. Дарбеевой [см.: Дарбеева 1978, с. 31, 183] гласный ö нижнеудинского говора акустически напоминает таковой калмыцкого языка, который является, как

нижнеудинский, гласным переднего ряда [см.: Павлов, с. 26], а не центрального, как в других бурятских говорах и халхаском языке. Но в то же время переднеязычный характер бур.НУ *ö* нельзя объяснить и тюркским влиянием, поскольку непосредственные тюркоязычные соседи нижеудинских бурят тофалары, с которыми у них были тесные контакты [см.: Дарбеева 1978, с. 13–14], имеют в своем языке соответствующий гласный "ö" не переднего, а центрального ряда, такой же, как у халха-монголов и у остальных бурят [см.: Рассадин 1971, с. 17–18]. Следовательно, нижеудинцы либо сохраняют древний характер произношения **ö*, либо это остаток ойратского влияния, устанавливаемого для них [см.: Цыцендамбаев 1975, с. 319–320];

е) баргузинском – *өгө* 'дай', но *үгэ* 'слово' (лит.-бур. *үгэ* 'дай' и *үгэ* 'слово'), *нөхөд* 'друзья' (лит.-бур. *нүхэд*) [см.: Раднаев 1965, с. 83];

ж) эхирит-булагатском – *дөрбөн* 'четыре', *хөл* 'нога', *бөхө* 'крепкий, силач' (ср. лит.-бур. *дурбэн*, *хул*, *бүхэ*) [см.: Матхеев 1968, с. 5];

з) качутском – *өрө* 'дыхательное горло' – *үрэ* 'долг; дитя', *өһөө* 'месть – унээ 'потолок', *хөргөхө* 'заморозить, застудить' – *хүргэхэ* 'проводить' [см.: Митрошкина 1968, с. 49];

и) хамниганском – *өкө* 'давать', *нөхөр* 'товарищ', *өдөр* 'день' *өцөгөлдөр* 'вчера', *көнджилө* 'одеяло', *цөмөгө* 'берцовая кость', *гөлөгө* 'щенок' [см. Дамдинцов 1968, с. 80] (ср. лит.-бур. *үгэхэ*, *нүхэр*, *үдэр*, *үсэгэлдэр*, *хунжэл*, *сэмгэн*, *гүлгэн*).

В других же говорах – хоринском, сартульском, цонгольском – всегда выступает [y], при этом [ө] является лишь произносительным вариантом этой фонемы [см.: Бураев 1959, с. 153; Бураев 1965, с. 121, 125–126; Будаев 1965, с. 155]! Таким образом, западные бурятские говоры удерживают [ө] как фонему.

Исторически можно объяснить появление [ө] в бурятских говорах в следующих случаях:

1. Фонема [ө] – наследница исконной монгольской фонемы **ö*, например:

зап.-бур. *өгө* – лит.-бур. *үгэ*, х.-монг., калм. *өг*, орд. *өг*, даг. *Kuku*, *ukku*, даг.П *үг*~*үк*, дунс. *оги*, баоан. *окз*, стп.-м. *öggü*, МА, ЛР. *ög*, MNT *ok*, SG *ök* 'давать';

зап.-бур. *хөл* – лит.-бур. *хул*, х.-монг. *хөл*, калм. *көл*, орд. *köl*, даг.П *к'ул*~*к'ул'й*, монгол. *kuog*, мог. *köl*, стп.-м., МА *köl*, MNT *kol* 'нога';

зап.-бур. *дөрбөн* – лит.-бур. *дурбэн*, х.-монг. *дөрөв*, калм. *дөрв*, орд. *dörwö*, даг.К *dur'В*, *dur'b*, даг.П *дүрвө(н)* монгол. *diēran*, мог. *dörbön*, стп.-м., ЛР *dörben*, MNT *dorben* 'четыре'.

2. Фонема [ө] появилась на месте исконной древней фонемы **e*. Главным образом это произошло в тех случаях, где в последующем слоге был исконный **ü*, который и дал огубление предыдущему **e*. Иначе говоря, произошел "перелом" гласного **e*, аналогично тому, как это было с **i*. Примеры:

зап.-бур. *өдөр* 'день' – лит.-бур. *үдэр*, х.-монг. *өдөр*, калм. *өдр*, даг.К *udur*, даг.П *үдүр*, орд., моғ. *идир*, монгол. *udur*, дунс. *уду*, баоан. *удэ(р)*, стп.-м. *edür*, МА, ЛР *ödür*, SG *üdür*, MNT *udur* 'день';

зап.-бур. *төмөр*, х.-монг. *төмөр*, калм. *төмр*, даг.П *гүмүр*, джарут. *te-mer*, баоан. *гэмэр*, стп.-м., МА, ЛР *temür*, MNT, SG *temur* 'железо';

зап.-бур. *өбөһөн* — лит.-бур. *убһэн*, х.-монг. *өвс*, калм. *өвсн*, ор. *öwös*, даг.К *euse*, даг.П *ёус*, джарут. *uws*, монгол. *wese*, мог. *ebäsq* стп.-м. *ebesün, ebüsün*, МА, ЛР, SG *ebesün*, MNT *ebesun* 'трава'.

3. В хамниганском говоре [см.: Дамдинов 1968, с. 91, 92; Шагдров — Дамдинов, с. 40], в эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 5] а также в боханском [см.: Алексеев, с. 91] исследователями отмечается появление звука *ө* на месте *э* там, где во всех остальных говорах монгольских языках *э* сохраняется, например:

хамниг. *өмөөл* — лит.-бур. *эмээл*, х.-монг. *эмээл*, калм. *эмал*, даг. *ёмёл*, мог. *emöl*, орд., МА, ЛР, ИМ *emël*, MNT *eme'el*, стп.-м. *emegei* 'седло';

хамниг. *өмөгөө* 'бабушка' — лит.-бур. *эмгэн*, х.-монг. *эмгэн*, калм. *эмгн*, орд., стп.-м. *emege*, MNT *emege* 'старая женщина, старуха', даг. *emhe, emih*, даг.П *ёмёг* 'жена';

хамниг. *өгөм* — лит.-бур., х.-монг. *эгэм*, стп.-м. *egem* 'ключица', кал. *эм*, ЛР *egem* 'плечо';

бох. *дөлөһөн* — лит.-бур. *дэлэһэн*, х.-монг. *дэл*, калм. *дел*, стп.-м. *del* 'грива';

бох. *өлөһөн* — лит.-бур. *элэн*, х.-монг. *элс*, калм. *элсн* стп.-м. *elesü* SG *elesun* 'песок';

эхир-булаг. *шөнөһө* — лит.-бур. *шэнэһэн*, х.-монг. *шинэс*, стп.-м. *nesün* 'лиственница';

эхир-булаг. *зөмөлхө* — лит.-бур. *зэмэлхэ*, х.-монг. *зэмлэх*, калм. *зем* стп.-м. *jemelekü* 'обвинять'.

Как уже говорилось выше, огубленный характер гласного *э* характерен для дагурского языка [см.: Поппе 1930, с. 105–107] и для языка джарутов во Внутренней Монголии [см.: Кага 1970, с. 241], также же огубление *е* как характерная черта отмечается и у монгольских хамниган [см.: Мишиг, с. 192].

Нам представляется, что появление *ө*, являющегося огубленным звуком, произносимым с той же ротовой артикуляцией, что и звук *э* в этих словах в других бурятских говорах, правомерно объяснить влиянием тунгусо-маньчжурских языков, особенно эвенкийского, с которым у хамниган отмечаются тесные связи [см.: Дамдинов 1968, с. 75, 76; Мишиг с. 186–189]. Проживание в прошлом в Приангарье эвенков, а по легенде обитание их и поныне, также не могло не отразиться на языке западных бурят. Отголоском этого влияния и могло явиться огубление произношение в ряде случаев звука *э*. Возможно, что это проявление эвенкийского субстрата у олонских хамниган, как считает Ц.Б. Цыдендамбаев [1978, с. 91].

[y] — общебурятская узкая сильноогубленная центральнорядная фонема. Встречается, как и [ө] лишь в мягкорядных словах. В литературном языке она произносится вместо *ө* западнобурятских говоров и других монгольских языков. Литературный язык повсюду закрепил этих случаях норму с [y], хотя может произноситься и вариант *ө* [см. Бураев 1965, с. 126]. Фонема [y] в бурятском языке в историческом плане обнаруживает разное происхождение.

1. Она является наследницей исконной общемонгольской фонемы * например:

бур. үгэ – х.-монг., калм. үг, орд. үге, стп.-м. МА, SG üge, MNT uge 'лово; речь';

бур. хүсэн, хүшэн – х.-монг. хүч, калм. кучн, даг.П к'ү'ч'й, даг.К иц, kücin, орд. gütsi, монгол. куджи, стп.-м. kücün, МА kücin 'сила';

бур. түргэн – х.-монг. түргэн калм. тургн, стп.-м., МА түрген, MNT, G turgen 'быстрый; быстро'.

2. В восточных говорах (а через хоринский говор и в литературном языке) фонема [y] развилась из *е (видимо, через ø), в то время как западных бурятских говорах и ряде других современных и средневековых монгольских языков здесь появился гласный ø, например:

вост.-бур., лит.-бур. үбэл – зап.-бур. вбал, х.-монг. өвөл, калм. увл, орд. wöl, даг.П үгүл, даг.К uhul, джарут. uwul, ubul, ewul, мог. шбул ~ ebüülá, гп.-м. ebül, МА, ИМ öbül 'зима', МА ebülje- ~ öbülji- 'проводить зиму', MNT bul, SG übul, ЛР öwül 'зима';

вост.-бур., лит.-бур. үбгэн – зап.-бур. вбөгөн, х.-монг. өвгөн, калм. өвгн, рд. öwögön, джарут. ebgen, ewgen, ubgen, 'старик', даг.П ё'ү'к'ё 1) старший паг матери; 2) муж старшей сестры отца', стп.-м. ebügen, МА öbügen, INT ebugan, ebuge(n), VMI öbüge 'старик', SG ebuge 'свекор, отец ужа';

вост.-бур., лит.-бур. үбдэг – зап.-бур. вбөдөг, х.-монг. өвдөг, калм. өвдг, рд. öwödök, джарут. ubdeg, баоан. эбдэг, мог. шндшк, стп.-м. ebüdüg, büdeg, МА öbüdük, MNT ebuduk, ЛР ebdün, öbedün 'колени';

вост.-бур., лит.-бур. үбдэ 'болеть', үбшэн 'болезнь' – зап.-бур. вбдө-, бшэн, х.-монг. өвд-, өвч, калм. өвд-, өвчн, орд. öwöd-, джарут. ewšin, wšin, даг.П ё'үд'ё-, даг.К eudu-, дунс. оту-, баоан. өзтэ- 'болеть', мог. bātuna 'болит', стп.-м. ebed- 'болеть', ebedcin, ebecin 'болезнь', МА ebed-, becın, ИМ ebed-, MNT ebet-, ebecin, obecin, obetcin, ЛР ebcin id.;

вост.-бур., лит.-бур. үргэ- – зап.-бур., х.-монг. өргө-, калм. өрг-, орд. игш-, джарут. ureg-, стп.-м. ergü-, МА, ИМ örgü-, MNT, SG ørgu-, ЛР ergü- ~ rge- 'поднимать'.

3. В восточных говорах (через хоринский говор и в литературном бурятском языке) фонема [y] обычно произносится также и на месте исконого *ö, которому в западных бурятских говорах, в халхаском, калмыцком и некоторых других монгольских языках соответствует ö. Фонетисты-урятоведы считают при этом, что в хоринском и других восточных говорах возможно произношение и ø как варианта y, хотя предпочтительнее [см.: Буряев 1959, с. 153; 1965, с. 126]. Примеры:

вост.-бур., лит.-бур. хүхэ – зап.-бур. хөхө, х.-монг. хөх, калм. көк, орд. öххө, джарут. huh, даг.П к'ү'к ~ к'ү'к'ё, даг.К kuk, дунс. кугіз, баоан. огэ, мог. кшкá, стп.-м., МА, SG, ЛР köke, MNT koko 'синий';

вост.-бур., лит.-бур. мульхэн – зап.-бур. малихэн, мельхөн, х.-монг. өс, калм. мөсн, орд. mösch, даг.П меіс, даг.К mois, meis, дунс. мэн-ин, баоан. мэницү, мэну, стп.-м. МА, SG, ЛР mölsün, MNT mölsun 'лед';

вост.-бур., лит.-бур. мүргэ- – зап.-бур. мөргө-, х.-монг. мөргө-, калм. өрг-, орд. тшргш-, джарут. merg-, даг.П м'үрг'ү-, дунс. музу-, баоан. эргэ-, стп.-м., МА mörgü-, SG mörgü-, MNT murgu- 'кланяться; молиться';

вост.-бур., лит.-бур. үндэгэн – зап.-бур. өндөгөн, х.-монг. өндөг, калм. чдгн, орд. öndögö, даг.П ё'ндү'э, даг.К enduhu, öndöhu, öndohu, мог.

шндäyön, стп.-м. öndegen, ИМ öndüge, МА ömdügen, MNT ondeggen, omdeg SG, ЛР ömdegen 'яйцо'.

В самом халха-монгольском языке фонема [ө] довольно закрыт: звук и акустически напоминает русское у, поэтому русские, передавая своей графикой монгольские слова, всегда пишут у на месте х.-монг. например: "Худулмур" – название монгольской газеты "Хөдалме худон – монг. хөдөө 'сельская местность' и т.п. Б.Я. Владимирцов определял халха-монгольскую фонему [ө]; "В Халх.-Ург. фонема ö оч-близка фонеме ü, почему обычно в русских работах ö и ü не различал и передавались при помощи одного знака ü. В Халх.-Зап. и Халх.-Вост. ö и ü акустически отличаются друг от друга в гораздо большей степени. Несмотря на близость, и в Халх.-Ург. фонемы ö и ü различаются в смысле вокализма..." [Владимирцов, с. 162]. Таким образом, и в монгольском языке встречается более закрытое, приближающееся к у произношение фонемы [ө].

Развитие [y] на месте *ö отмечается, кроме бурятского, и в других монгольских языках, начиная со средних веков. Так, например, ü на месте *ö появляется в языке "Сокровенного сказания монголов" [см.: Haeni 1962], в китайско-монгольском словаре XIV в. "Hua-I ih-yü" [см.: Haeni 1957], в языке монголов Ордоса, в дагурском и монгорском языках, с радиически в калмыцком, а также широко представлено почти во всех диалектах Внутренней Монголии [см.: Тодаева 1960, с. 24; Кара 1960, с. 242 и глоссарий – с. 235–237]. Б.Х. Тодаева, например, об этом пишет так: "Для всех говоров восточного диалекта характерен переход во многих словах гласного среднего ряда, огубленного ö в гласный того же образования у: дурэ 'стремля', улсэ- 'проголодаться', ушэ 'месть'" [Тодаева 1960, с. 24]. Примеры:

бур. убэл, калм. увл, джарут. uwul, ubul, gwul, даг.П үгүл, даг.К ulmog. швшлā ~ ebulā, дунс. увун, монгор. uгур, SG, MNT ubul – стп.-м. elMA, ИМ öbüл, ЛР öwül, х.-монг. өвал, орд. öwöl 'зима';

бур. ундэр, джарут., даг.К undur, даг.П үндүр, орд. шндшр, дунс. ун SG, MNT undur – стп.-м., МА öндүр, х.-монг. өндөр, калм. өндр, бас ондэр 'высокий';

бур. һуни, джарут. sun, даг.П сүн' ~ сүн'ї, даг.К sun, sun', мог. ш SG, MNT süni – стп.-м., МА, ЛР söni, х.-монг. шөно, калм. сөө ~ сөөн, о söпö, монгор. soni 'ночь'.

Таким образом, процесс перехода звука ö в у характерен не только в одном бурятском языке, это явление захватило многие монгольские языки, из современных главным образом восточные вместе с дагурским, с для них системой. Так что бурятский язык (в основном его восточные говоры) в отношении перехода *ö в [y] тяготеет к восточному ареалу монгольских языков.

4. В западных бурятских говорах фонема [y] исследователями [см.: Абашеев, с. 8; Раднаев 1965, с. 86; Матхеев 1968, с. 6] на месте фонемы [э] литературного бурятского языка, например:

тунк., эхир-булаг. гүдэһэн – лит.-бур. гэдэһэн, х.-монг. гэдэс, калм. гесн, орд. gedüsh, даг.П гэдёс, даг.К getes, мог. gesän, стп.-м. gedes MA getesün 'кишечник';

барг., эхир.-булаг. *хүдэн* – лит.-бур. *хэды* 'сколько', *хэдэн* 'несколько', х.-монг. *хэд(эн)*, стп.-м. *kedün, kedüi* 'сколько; несколько', калм. *кеду*, МА, ЛР *kedün*, MNT *kedun* 'сколько';

эхир.-булаг. *гүдэргээ* – лит.-бур. *гэдэргээ*, х.-монг. *гэдэрэг*, *гэдэргээ*, калм. *гедрег*, стп.-м., МА *gedergü*, MNT *gedergu*, орд. *gedergēn* 'назад';

барг. *зүргэ* – лит.-бур. *зэргэ*, х.-монг. *зэргэ*, калм. *зерг*, даг. П *ц'эргэ* ~ *цэргэ*, стп.-м., МА *ǰerge* 'ряд'.

[и] – фонема переднего ряда, узкая нелабиализованная, закрытая. Встречается и в твердом и в мягком сингармонических рядах. "Фонема *и* чаще всего встречается после мягких (палатализованных) согласных, причем после согласных первой и второй артикуляций (*б*, *м*, *н*, *п* и очень редко после *л*, *т*) в переднерядном оттенке: *бидэ* 'мы', *пинтагар* 'коротыш', *миниш* 'мой', *нилха* 'дитя', *нидхэ* 'брови', *лимбэ* 'лимба (музыкальный инструмент)', *титим* 'корона'; после согласных третьей артикуляции (*г*, *х*) – в переднем отодвинутом назад оттенке: *гилэгэр* 'блестящий', *хицаар* 'граница', *хирзага* 'злой'. Вне сочетания с мягкими согласными фонема *и* употребляется только в абсолютном начале слова. В данном фонетическом положении употребляется оттенок, который по сравнению с переднерядным оттенком является более открытым... Характерно, что этот оттенок употребляется исключительно в словах твердого ряда. Например: *инаг* 'дружеский', *илалта* 'победа', *илгаха* 'сортировать, различать', *иргаха* 'резать, слепить (глаза)', *илдам* 'приветливый, учтивый' " [Бураев 1959, с. 159].

В современных бурятских говорах, как и в литературном языке, эта фонема тоже употребляется и в твердорядных и в мягкорядных словах, являясь с точки зрения сингармонизма так называемой нейтральной гласной фонемой. "Однако в истории монгольских языков, во многих из которых также имеется нейтральный гласный *i*, не всегда было так. Исследованиями [см.: Рамстедт, с. 52; Владимирцов, с. 170–190; Санжеев 1953, с. 118; 1964, с. 31–33] было установлено, что в монгольских языках в свое время существовали два узких неогубленных гласных: заднерядный **i* (типа *ы*) и переднерядный **i* (типа *и*), которые впоследствии слились в один звук *i*, ставший нейтральным. Таким образом, рассматриваемый нами здесь **i* есть результат конвергенции **i* и **i*.

В бурятском разговорном языке **i* претерпел за время эволюции языка ряд изменений. Рассмотрим их по порядку.

1. Во многих словах мягкого ряда древний **i* в первом слоге перешел в гласный "з" (орф. э), о чем нами уже говорилось выше, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>эдир</i>	<i>ider</i>	<i>идэр</i>	<i>идр</i>	юный
<i>эли</i>	<i>ile</i>	<i>ил</i>	<i>ил</i>	явный, ясный
<i>эльбэ</i>	<i>ilbi</i>	<i>илбэ</i>	<i>илв</i>	фокус
<i>эшэ</i>	<i>iči-</i>	<i>ичи-</i>	<i>ич-</i>	стыдиться
<i>бэшэг</i>	<i>bičig</i>	<i>бичиг</i>	<i>бичг</i>	письмо
<i>хэшэг</i>	<i>kišig</i>	<i>хишиг</i>	<i>кишг</i>	счастье
<i>жэжэг</i>	<i>ǰijig</i>	<i>жижиг</i>	<i>жижг</i>	мелкий

2. Имеется все же свыше десятка слов, где древний *i сохраняется без изменения, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>би</i>	bi	<i>би</i>	<i>би</i>	я
<i>ши</i>	ši	<i>чи</i>	<i>чи</i>	ты
<i>нимгэн</i>	nimgen	<i>нимгэн</i>	<i>нимгэн</i>	тонкий
<i>миһэлээ-</i>	mišilje-	<i>мишэлэ-</i>	<i>мишв-</i>	улыбаться
<i>хибэн</i>	kibeng	<i>хив</i>	—	моль
<i>хилэн</i>	kileng	<i>хилэн</i>	<i>хилң</i>	бархат
<i>мини</i>	minü	<i>миний</i>	<i>мини</i>	мой
<i>титим</i>	titim	<i>титим</i>	<i>титм</i>	корона

3. В отдельных словах *i сохранился в виде долгого гласного *ии*, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>ниидэхэ</i>	niscü	<i>нисэх</i>	<i>нисх</i>	лететь
<i>жиир,</i>	ĵir,	<i>жир,</i>	<i>йир,</i>	обычный поджатые (о губах)
<i>жиирэй</i>	ĵir-ün	<i>жирийн</i>	<i>йирин</i>	
<i>жимгээр</i>	ĵimiger	<i>жимгэр</i>	<i>жимгер</i>	

4. В единичных словах фонема [и] появилась на месте *e:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>хибэхэ</i>	kebiĵü	<i>хэвэх</i>	<i>кевх</i>	жевать
<i>хирээ</i>	keriy-e	<i>хэрээ</i>	<i>керэ</i>	вдрон

5. Имеется много твердорядных и мягкорядных слов, в которых гласный *i первого слога заменился другим по качеству гласным, близким последующему гласному слова, то есть произошел так называемый перелом гласного *i³. Сравнение с другими монгольскими языками показывает, что такое явление в данных словах произошло не только в бурятском языке, например:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>зааха</i>	ĵiyaqu	<i>заах</i>	<i>заах</i>	указывать
<i>загаһан</i>	ĵiyasun	<i>загас</i>	<i>заһсн</i>	рыба
<i>зургаан</i>	ĵiryuyan	<i>зургаа</i>	<i>зурһан</i>	шесть
<i>шуһан</i>	šisun	<i>цус</i>	<i>цусн</i>	кровь
<i>нюдэн</i>	nidün	<i>нуд</i>	<i>нудн</i>	глаз, глаза
<i>шүдэн</i>	šidün	<i>шүд</i>	<i>шүдн</i>	зуб, зубы
<i>бутуу</i>	bitegü	<i>битуу</i>	<i>буту</i>	закрытый
<i>улуу</i>	ilegü	<i>илуу</i>	<i>үлү</i>	лишний
<i>журам</i>	ĵirum	<i>журам</i>	<i>журм</i>	порядок
<i>шубуун</i>	šibaĵun	<i>шувуу</i>	<i>шовун</i>	птица
<i>шоно</i>	šinu-a	<i>чоно</i>	<i>чон</i>	волк
<i>ямаан</i>	imaĵan	<i>ямаа</i>	<i>яман</i>	коза
<i>яргай</i>	irĵai	<i>яргай</i>	<i>ярһэ</i>	кизил
<i>шара</i>	šir-a	<i>шар</i>	<i>шар</i>	желтый

³ Подробнее об этом явлении см. далее, в 3-й главе.

Кроме того, имеется ряд слов, в которых перелом *i наблюдается в бурятском и халха-монгольском языках, но в калмыцком продолжает сохраняться *i:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>жабар</i>	ḡibar	<i>жавар</i>	<i>живр</i>	ветер-хиус
<i>жада</i>	ḡida	<i>жад</i>	<i>жид</i>	пика, копье
<i>шагнаха</i>	ḡingnaqu	<i>чагнах</i>	<i>чиңнх</i>	слушать
<i>шанар</i>	ḡinar	<i>чанар</i>	<i>чинр</i>	качество
<i>хяра</i>	kira	<i>хяр</i>	<i>кир</i>	гребень горы
<i>хята</i>	kitai	<i>хятай</i>	<i>кит</i>	тонкие кишки лошади

В то же время в большинстве слов твердого ряда гласный *i в бурятском языке, как и в калмыцком, продолжает сохраняться, хотя в халахаском здесь наблюдается перелом *i, например:

Бур.	Калм.	Стп.-м.	Х.-монг.	Значение
<i>бишыхан</i>	<i>бичкн</i>	biḡiqan	<i>бяцхан</i>	маленький
<i>илгаха</i>	<i>илґх</i>	ilyaqu	<i>ялгах</i>	различать
<i>ирзайха</i>	<i>ирзэх</i>	irḡayiqu	<i>ярзайх</i>	скалить зубы
<i>нилха</i>	<i>нилх</i>	nilqa	<i>нялх</i>	новорожденный
<i>хилбар</i>	<i>килвр</i>	kilbar	<i>хялбар</i>	легкий
<i>химда</i>	<i>кимд</i>	kimda	<i>хямд</i>	дешевый
<i>миндаһан</i>	<i>миндсн</i>	mindasun	<i>мяндас</i>	шелковая нить.

В современных бурятских говорах перелом гласного *i тоже происходил равномерно. Так, в восточных говорах можно встретить наряду с произношением слов типа *шатаха* 'гореть', *мяхан* 'мясо', *мянган* 'тысяча', *шэнэ ювий*, *здеэн* 'пища', *бэшэхэ* 'писать', *бэди* 'мы' произношение с сохранившимся *i: *шитаха*, *михан*, *минган*, *шинэ*, *идеэн*, *бишэхэ*, *биди*, что, хотя, и совсем характерно. В тункинском говоре тоже встречаются формы такого типа, т.е. вместо *ямаан* 'коза' говорят *нимаан*, наряду с *мяхан* 'мясо' южно услышать и *михан*.

Сохранение гласного *i как массовое явление отмечается в хамниганском диалекте: "Одной из характерных особенностей говора олонских хамниган является то, что в нем в большинстве случаев отсутствует перелом звука *i [Дамдинов 1968, с. 83]. Хотя в этом говоре есть слова и с полным переломом *i [см.: Дамдинов 1968, с. 84]. Поэтому в олонско-хамниганском говоре наряду с *дзургаа* 'шесть' (ср. стп.-м. ḡirḡuḡan, бур. *зургаан*, х.-монг. *зургаа*, калм. *зурһан*), *дзагасу*, *дзагаса* 'рыба' (ср. стп.-м. ḡiyasun, ур. *загаһан*, х.-монг. *загас*, калм. *заһсн*), *буруу* 'годовалый теленок' (ср. стп.-м. biḡaḡu, бур. *буруун*, х.-монг. *бяруу*, калм. *буру*), в которых завершено переломом *i, широко бытуют словоформы типа *сибар*, *шибар* 'глина' (ср. стп.-м. ḡibar, бур. *шабар*, х.-монг. *шавар*, калм. *шавр*) *синага*, *шинага* 'ковш' (ср. стп.-м. ḡinaḡa, бур. *шанага*, х.-монг. *шанага*, калм. *шанһ*), *шакху*, *шитаха* 'гореть' (ср. стп.-м. ḡitaqu, бур. *шатаха*, х.-монг. *шатах*, алм. *шатх*), *минга* 'тысяча' (ср. стп.-м. mingḡan, бур. *мянган*, х.-монг.

мянга, калм. *миңэн*), *ниду* 'глаз' (ср. стп.-м. *nidün*, бур. *нюдэн*, х.-монг. *нуд*, калм. *нудн*), *сиду*, *сидэ*, *шиду* 'зуб' (ср. стп.-м. *šidün*, бур. *шудэ*, х.-монг. *шуд*, калм. *шудн*), *джирэку* 'сердце' (ср. стп.-м. *ǰigüken*, бур. *зурхэн*, х.-монг. *зурх*, калм. *зуркн*) и т.п., сохраняющие гласный *i, подвергшийся перелому.

Сохранение в очень большом количестве слов гласного *i, не подвергнувшегося перелому, происходит и в нижнеудинском говоре [см.: Санжеев 193 с. 4; Дарбеева 1960, с. 121–122; 1978, с. 34–37]. Ср. например, некоторые нижнеудинские бурятские слова с литературными и со словами других монгольских языков:

Бур.НУ	Лит.-бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>н'идэң</i>	<i>нюдэн</i>	<i>нуд</i>	<i>нудн</i>	<i>nidün</i>	глаз
<i>н'имāң</i>	<i>ямаан</i>	<i>ямаа</i>	<i>яман</i>	<i>imayan</i>	коза
<i>ш'игна</i>	<i>шагна</i>	<i>чагна</i>	<i>чиңн</i>	<i>šingna</i>	слушай
<i>ж'илга</i>	<i>жалга</i>	<i>жалга</i>	<i>жилһ</i>	<i>ǰilya</i>	овраг
<i>ж'ирга</i>	<i>жарга</i>	<i>жарга</i>	<i>жирһ</i>	<i>ǰirya</i>	наслаждайся
<i>ж'иргэң</i>	<i>зургаан</i>	<i>зургаа</i>	<i>зурһан</i>	<i>ǰirguyan</i>	шесть

В некоторых же говорах, например в боханском, фонема [и], бытующая в литературном языке и других говорах, в абсолютном начале слова встречается [см.: Хомонов 1958, с. 43], например:

Бох.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>йалаха</i>	<i>илаха</i>	<i>ялах</i>	—	<i>ilaqu</i>	победить
<i>йалхаха</i>	<i>илгаха</i>	<i>ялгах</i>	<i>ялһх</i>	<i>ilyaqu</i>	отделять
<i>йалааһан</i>	<i>илааһан</i>	<i>алаа</i>	<i>илэһн</i>	<i>ilaya</i>	муха

В остальных говорах картина бытования *i примерно такая же, как и в литературном бурятском языке.

Гласные непервых слогов

Характер гласных непервых слогов в бурятских говорах зависит от системы сингармонизма (небного и губного), представленной в том или ином говоре. Здесь мы не будем касаться проблем сингармонизма в литературном бурятском языке, поскольку этот вопрос достаточно освещен в бурятской и бурятско-русской литературе [см.: Бураев 1959, с. 165–173; 1960, с. 84–94], остановимся лишь на характеристике гласных, допустимых в бурятских говорах в непервых слогах.

В монголоведении общепризнано, что гласные четкой артикуляции полного образования произносятся только в 1-м слоге, поскольку он несет всю смысловую нагрузку и он же обуславливает рядность слова. Гласные же 2-го и последующих слогов произносятся с меньшим напряжением артикулирующих органов и с менее четкой артикуляцией. Эти неясные гласные называют также редуцированными [подробнее см.: Биткеев 1966, с. 69–91; 1975, с. 126–142]. В современных монгольских языках — бурятском, халха-монгольском и калмыцком — степень качественной и количественной редукации этих гласных различна. Довольно сильно качественная и количественная редукация проявилась в калмыцком языке, в котором гласные 2-го и последующих слогов представлены в настоящее время лишь тремя фонемами: *э*-образным, *и*-образным и *а*-образным зв.

жами [см.: Биткеев 1964, с. 75]. Не меньшая, если в ряде случаев не большая, редукция гласных произошла и в халха-монгольском языке, в котором наблюдается даже полное отпадение конечных слогов (ср. х.-монг. *нар* — стп.-м. *naᠷan*, калм. *нарн*, бур. *наран* 'солнце'; х.-монг. *яс* — стп.-м. *yasun*, калм. *ясн*, бур. *яһан* 'кость' и т.п.). В бурятском же языке, как и в калмыцком, сохраняются все исторические слоги (см. вышеприведенные примеры *наран*, *яһан*), хотя гласные непервых слогов утратили свое первоначальное качество и произносятся, кроме того, не так напряженно, как гласные 1-го слога. Однако их качество в бурятском языке все же сохранилось более отчетливо, нежели в калмыцком. Благодаря этому стало возможно их четкое обозначение на письме (напр., бур. *абаха* 'взять', *болохо* 'быть; стать', *ерэхэ* 'прийти', *хурэхэ* 'достигать' — ср. соответственно х.-монг. *авах*, *болох*, *ирэх*, *хурэх*; калм. *авх*, *болх*, *ирх*, *курх*), чего до сих пор никак не могут решить для калмыцкой письменности [см.: Биткеев 1969, с. 3–37].

В бурятском языке по говорам редукция гласных тоже неравномерна, хотя в целом свойственна вообще любой разговорной бурятской речи (ср., напр., разг. *татаха* — лит. *татаха* 'тянуть'; 'курить', разг. *ошхо* — лит. *ошохо* 'пойти', разг. *абха* — лит. *абаха* 'взять' и т.п.), независимо от диалектной принадлежности. Однако степень редукции по говорам бывает разной. Например, для центрального хоринского и периферийных хориноидных диалектов вокалический ряд в пределах отдельных слов и ритмических тактов менее подвержен количественным и качественным изменениям. Носители данных говоров, как правило, старательно выговаривают в словах и синтагмах все слоги, например; *јабаха* — ходить, *хэлэхэ* — говорить, *һураха* — учиться, *ошохо* — отправляться, *худэлмэри* — работа, *за:бари* — указание и т.п. Напротив, для западнобурятской лингвистической общности, особенно для тункинского говора, редукция гласных составляет едва ли не самую существенную черту модификации гласных фонем. Даже в тех фонетических положениях, где в других западнобурятских говорах гласные не подвергаются сколько-нибудь заметным изменениям, в тункинском говоре имеют место случаи, вызванные действием закона редукции. Так, например, в этимологически трехсложных словах гласные второго слога, как правило, не произносятся. Более любопытны случаи исчезновения гласных в абсолютном исходе слова, что совершенно не характерно для бурятского языка. Например, *арбад'хад һурна* 'учиться в десятом', *дабу*: *хэх* 'положить соль', *јэк хубуум'и* 'старший сын'... Поскольку редукция и отпадение гласных в абсолютном исходе существенно характеризуют южномонгольский лингвистический ареал, то указанную особенность тункинского говора можно было бы причислить к пережиточным элементам суперстратного характера. Тем более, что основная этническая группа, к которой восходят тункинские буряты, является... выходящем из Монголии" [Матхеев 1972, с. 41–42].

Как видно из бурятоведной диалектологической литературы, довольно заметно редукция и выпадение гласных и образование за счет этого стяженных форм слов проявляются также в баргузинском [см.: Раднаев 1965, с. 82], эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 7], качугском [см.: Митрошкина 1968, с. 51] говорах, например: качуг. *баатха* (лит. *абаадаха*) 'унести с собой', качуг. *таархаха* (лит. *атаархаха*) 'завидовать',

качуг. *сөөн* (лит. *усөөн*) 'малочисленный', барг. *неэн* (лит. *унээн*) 'король', барг. *ошхо* (лит. *ошохо*) 'идти', барг. *ухэб* (лит. *угэхэб*) 'отдам', барг. *устэр* (лит. *усэгэдэр*) 'вчера', барг. *нэбшаа* (лит. *нэгэ бишыхан*) 'немного', эхир.-булаг. *хажгээд* (из *хайшан гээд*) 'как, каким образом', эхир.-булаг. *ожроорой* или *одьроорой* (из *орожо ерээрэй*) 'зайдешь'.

В системе вокализма древнемонгольского языка, как восстановлена в монголоведении, в непервых слогах могли употребляться лишь а – u – ü, вне какой бы то ни было пропорциональной оппозиции находилась фонема *i*, которая могла быть в любом слоге любого слова [см.: Санжаев, 1964, с. 30–31], напр.: *inay* 'друг', *čidür* 'путы-тренога', *bičig* 'письмо', *qolič* 'смешивать', *peŋeri* 'добавка', *kögji* 'развиваться'. Эта система вокализма в процессе эволюции монгольских языков в каждом из них претерпела определенные изменения. Модифицировалась она и в бурятских говорах. Причем картина этой модификации по говорам различна.

Так, в хоринских говорах и в тех бурятских говорах, где отсутствовала фонема [e], которая здесь перешла в [y], в непервых слогах встречаются лишь гласные а, о, u, э с разной степенью редукации и неполным образованием. В тех же западных говорах, в которых [e] представлена как фонема, там и в непервых слогах употребляется e наряду с а, о, u, э. Особняком стоят в отношении гласных непервого слога южные бурятские говоры сартульский, цонгольский и хамниганский, которые знают в этой позиции гласные а, о, u, э, у, y, в. Таким образом, в разговорном бурятском языке различается три системы вокализма непервых слогов: система хоринского типа, западнобурятская система с фонемой [e] и южнобурятская система.

1. Для системы гласных непервых слогов хоринского типа, как уже упоминалось, характерно отсутствие краткой фонемы [e] как в непервом так и в первом слогах. В первом слоге историческая фонема *ö перешла в фонему [y], в которой слились по сути дела две исторические фонемы *ö и *ü. Для вокализма непервых слогов этого типа свойственно употребление после [y] первого слога фонемы [ɔ] вместо фонемы [e] в этих слогах в западнобурятских говорах, чтобы получить представление об эволюции вокализма хоринского типа, сравним его с вокализмом старомонгольского языка.

Гласный 1-го слога	Гласный непервого слога		Примеры		
	стп.-м.	хор.	стп.-м.	хор.	значение
*а	а	а	tala	тала	степь
	u	а	qabur	хабар	весна
*е	е	э, и	eke	эхэ	мать
			erdem	эрд'им	наука
			kelen	хэл'ин	язык
	ü	э	ečüs	эсэс	конец
*и	а	а	uran	уран	искусный
	u	а	ulus	улад	люди
*ü	е	э	ünen	унэн	правда
	ü	э	üsün	унэн	волосы
*о	а	о	olan	олон	много
	u	о	tosun	тоһон	масло
*ö (хор. y)	е	э	örgeŋ	ургэн	широкий
	ü	э	öndür	үндэр	высокий

Отдельно рассмотрим модификацию гласного *i, так как он дал в хоринском говоре различные варианты.

гласный 1-го слога	Гласный непервого слога		Примеры		
	стп.-м.	хор.	стп.-м.	хор.	значение
*i	i	и	titim	титим	корона
	i	э	kili	хилэ	граница
(хор. и)	e	э	kibeng	хибэн	моль
*j	i	э	bičig	бэшэг	письмо
	e	э	irge	эрэ	валух
(хор. э)	e	и	ide	эди	есть
			ile	эли	явный

В твердорядных словах древний гласный *i непервых слогов в хоринских говорах везде сохранился, дав палатализацию предшествующего согласного, которая развилась под влиянием этого *i также в халхаском, дархатском и изредка калмыцком (см. об этом подробнее ниже, в 3-й главе). Примеры:

Стп.-м.	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Даг.	Значение
ali	ал'и	аль	эль	ал'й	который
ani	ан'и-	ани-	ань-	—	зажму- рить
amidu	ам'ида	амьд	эмд	ам'юй	живой
uli-	ул'и-	ули-	ууль-	—	выть
urid	ур'ид	урьд	урд	ордо	прежде
oliy	ол'иг	олиг	—	—	пригод- ность
morin	мор'ин	морь	морн	мор'й	конь
anggir	ан'д'ир	ангир	эңгр	—	турпан
salkin	хал'г'ин	салхин	салькн	—	ветер
oni	он'и	онь	он	он'й	зарубка у стрелы

Однако в ряде случаев *i перед *g, который перешел в j (йот), дал, симилировавшись, а или э в зависимости от рядности слова, например:

Стп.-м.	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Значение
qargi	хар'ja	харги	—	быстрина на реке
burgi-	бур'ja-	бурги-	бург-	клубиться
bayagi-	бааja-	бааги-	—	сильно ды- мить
ergi	эр'jэ	эрэг	эрг	берег

Сильной ассимиляции подвергся *i непервого слога после исторических фрикат и шипящего ш. При этом *i перешел в э, а, о в зависимости от

рядности слова и вокализма 1-го слога. Примеры:

Стп.-м	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Значени
ürgülji	ургэлжэ	ургэлж	ургэлж	постоянно
kögji-	хүгжэ-	хөгжи-	көгжэ-	развивать
ijil	эжэл	ижил	ижэл	одинаковы
				привыкши
eši	эшэ	иш	иш	рукоятка
kerči-	хэршэ-	хэрчи-	керч-	крошить,
				резать
qujir	хужар	хужир	хужр	солончак
ajil	ажал	ажил	ажл	работа
kučir	хушэр	хучир	кучр	трудный
oči-	ошо-	очи-	—	пойти
čabči-	сабша-	цавчи-	чавч-	рубить
učir	ушар	учир	учр	причина
anjisun	анзаһан	анжис	андсх	соха

Как видно из примеров, в халха-монгольском языке в отличие от хоринских говоров ассимиляции гласного *i после аффрикат и шипящего ш не произошло. В бурятском же языке такая значительная ассимиляция *i непервых слогов развилась, вероятно, как и утрата аффрикатами своего смысности в этих словах, под влиянием тенденции ослабления артикуляции звуков. В калмыцком языке эта картина сглажена под действием сильной редукции гласных непервых слогов.

В хоринских говорах, в отличие от старомонгольского языка, в непервых слогах перестали употребляться сильно огубленные узкие гласные и у (тербующие более напряженной и сильной артикуляции, нежели шипящие а, э и слабоогубленные о и ө). Под влиянием ослабления артикуляции произошло полное разогубление у и у и переход их в гласные а и о неясной артикуляции. Лишь после [о] 1-го слога сохраняется слабое огубление гласного *u, который полностью уподобился [о], например: *pidun > модон 'дерево', *tosun > тоһон 'масло', *odun > одон 'звезда'. И вообще в говорах хоринского типа гласный [о] обладает из всех огубленных гласных наибольшим ассимилирующим воздействием, подчиняя огублению даже *а. Например: *olja > олзо 'добыча, трофей', *olap > олон 'многие', *toytaqu > тогтохо 'останавливаться', *qoqlaqu > хорлохо 'наносить вред'. Такое же свойство имеет гласный [о] и в халха-монгольском языке, в котором эти слова тоже произносятся с гласным [о] в непервых слогах например: мод(он) 'дерево', тос(он) 'масло', од(он) 'звезда', олон 'многие', тогтох 'останавливаться', хорлох 'наносить вред'.

Таким образом, вокализм непервых слогов говоров хоринского типа отличается от такового старомонгольского языка расширением употребления в непервых слогах широких гласных а и э за счет разогубления узких огубленных *и и *ü и перехода их в а и э, а также за счет ассимиляции гласного *i. Кроме того, в непервых слогах стал употребителен гласный [о], появившийся в этой позиции в результате ассимиляции гласным [о] 1-го слога последующих *и, *а и гласного *i, стоящего после исторически аффрикат и шипящего ш.

2. Система западнобурятского типа в основном обладает разобранной

выше характеристиками, присущими гласным непервых слогов в говорах хоринского типа, но ее существенным отличием и дополнением является наличие фонемы [ø] во всех непервых слогах, если она представлена в первом слоге, например:

Стп.-м.	Зап.-бур.	Хор.	Х.-монг.	Калм.	Значение
edür	өдөр	үдэр	өдөр	өдр	день
mönggün	мөнгөн	мунгэн	мөнгөн	мөңгн	серебря- ный
ebügen	өбөгөн	убэгэн	өвгөн	өвгн	старик
gölüge	галгө	гулгэн	гөлөг	галг	щенок
döčin	дөшөн	душэн	дөчин	дөчн	сорок
ölüskü	өлдөхө	улдэхэ	өлсөх	өлсх	проголо- даться
körükü	хөрөхө	хүрэхэ	хөрөх	көрх	остывать
dörben	дөрбөн	дүрбэн	дөрвөн	дөрөн	четыре
ebüsün	өбөнөн	үбнэн	өвс	өвсн	трава

Этим западнобурятские говоры сближаются с халха-монгольским языком. Подобная система отмечается исследователями как широко бытующая в аларском [см.: Поппе 1930а, с. 45, 64], нижеудинском [см.: Санжеев 1930, с. 5], боханском [см.: Алексеев, с. 91] говорах и частично в эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 5], качутском [см.: Митрошкина 1958, с. 283–284], баргузинском [см.: Раднаев 1965, с. 83], тункинском [см.: Абашеев, с. 7] говорах.

3. Система вокализма непервых слогов южнобурятских говоров тоже неоднородна. Кроме некоторых общих черт имеются и значительные различия в каждом из южнобурятских говоров – сартульском, цонгольском и хамниганском. Эти говоры связаны своим происхождением с монгольским языком, поэтому они являются как бы промежуточными между бурятскими и монгольскими говорами, вобрав в себя многое из монгольского языка. Субстрат и языковое окружение у каждого из этих южнобурятских говоров были различны, различны были, по всей вероятности, и те монгольские говоры, на базе которых образовались эти, теперь уже бурятские, говоры, поэтому у них и выработались различия в интересующем нас здесь вокализме непервых слогов.

Сартульский говор характеризуется, как наследием монгольского языка, наличием фонем [ø], [с], [ч], [дж], [ц], сюда же относится и довольно сильная редукция, до полного исчезновения, гласных непервых слогов, особенно конечного открытого слога [см.: Бураев 1965, с. 120, 121]. Но в общем-то вокализм непервых слогов сартульского говора, в котором фонема [ø] уже сливается с фонемой [у], напоминает вокализм вышерассмотренных систем. Примеры:

Сарт.	Хор.	Зап.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
уса, усo	уһан	уһан	ус	usun	вода
йосо	йоһон	йоһон	ёс	yosun	обычай
хумэдхэ	хумэдхэ	—	хемсөг	kömüske	брови
тургэн	тургэн	тургэн	тургэн	türgen	быстрый
эцэх	эсэхэ	эсэхэ	эцэх	ecekü	уствовать

Сарт.	Хор.	Зап.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>ан'д'ир</i>	<i>ан'д'ир</i>	<i>ан'яр</i>	<i>ангир</i>	<i>anggir</i>	турпан
<i>хар'и</i>	<i>хар'и</i>	<i>хар'и</i>	<i>харь</i>	<i>qari</i>	чужой
<i>очох,</i> <i>очих</i>	<i>ошохо</i>	<i>ошохо</i>	<i>очих</i>	<i>očiqu</i>	пойти
<i>хол'ихо</i>	<i>хол'ихо</i>	<i>хол'ихо</i>	<i>холих</i>	<i>qoliqu</i>	смешать
<i>тал'г'и</i>	<i>тал'г'и</i>	<i>тал'г'и,</i> <i>тал'с'и,</i> <i>тал'ш'и</i>	<i>талхи</i>	<i>talki</i>	кожемяк
<i>арасо,</i> <i>арас</i>	<i>арахан</i>	<i>арахан</i>	<i>арьс</i>	<i>arisun</i>	кожа
<i>цаса,</i> <i>цас</i>	<i>сахан</i>	<i>сахан</i>	<i>цас</i>	<i>časun</i>	снег
<i>дурэв</i>	<i>дурбэн</i>	<i>дөрбөн</i>	<i>дөрөв</i>	<i>dörben</i>	четыре
<i>дүчэ</i>	<i>дүшэн</i>	<i>дөшөн</i>	<i>дөч</i>	<i>döčin</i>	сорок
<i>өвгөн</i>	<i>үбэгэн</i>	<i>өбөгөн</i>	<i>өвгөн</i>	<i>ebügen</i>	старик
<i>холтос</i>	<i>холтоһон</i>	<i>холтоһон</i>	<i>холтос</i>	<i>qoltasun</i>	кора
<i>бичиг</i>	<i>бэшэг</i>	—	<i>бичиг</i>	<i>bičig</i>	письмо
<i>арав,</i> <i>арва</i>	<i>арбан</i>	<i>арбан</i>	<i>арав</i>	<i>arban</i>	десять
<i>хийдж</i>	<i>хэжэ</i>	<i>хэжэ</i>	<i>хийж</i>	<i>kijü</i>	делая
<i>мэдэдж</i>	<i>мэдэжэ</i>	<i>мэдэжэ ~</i> <i>мэдшэ</i>	<i>мэдэж</i>	<i>medejü</i>	зная
<i>гарч</i>	<i>гаража</i>	<i>гаража ~</i> <i>гарша</i>	<i>гарч</i>	<i>γarču</i>	выходя

Однако, как можно видеть из примеров, в некоторых случаях сохраняется вокализм типа халхаского — наличие гласного *и* после аффрика (*очих, бичиг*), а также фонемы [ө] (*өвгөн*).

Но главной особенностью сартульского говора является употребление в непервых слогах кратких узких огубленных гласных *у* и *ү*, что было замечено уже давно [см.: Буреав, 1960, с. 91]. Исследователь этого говора И.Д. Буреав пишет по данному поводу следующее: "В сартульском говоре имеет место заметная тенденция к употреблению кратких лабиализованных гласных высокого подъема *у* и *ү* в непервых слогах. Как известно, ни в современном бурятском литературном, ни в современном монгольском (халхаском) языках краткие *у* и *ү* не встречаются в непервых слогах. В бурятском литературном языке, если в предыдущем слоге стоит и гласных твердого ряда *а, у, или уу*, то в последующем слоге из кратких может употребляться только *а*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий *у*. Например, лит. *худаг* (колодец) — сарт. *худуг* // *худаг*; лит. *хуулах* (сдирать) — сарт. *хуулух* // *хуулах*; лит. *алаха* (убивать) — сарт. *алух* // *алах*. Если в предыдущем слоге стоит из гласных мягкого ряда *э, у (ө)*, то в последующем слоге в литературном бурятском языке может употребляться из кратких гласных только *э*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий огубленный *ү*. Например, лит. *унэр* (запах), — сарт. *унур* // *унэр*; лит. *нэрэхэ* (перегонять) — сарт. *нэрух* // *нэрэх*. Следует отметить при этом, что гласные *у* и *ү* в непервослоговой позиции звучат несколько иначе, чем в обычной первослоговой позиции

отому что они согласно общей закономерности бурятского языка подергаются в данной позиции заметной качественной редукции. Тем не менее огубленное произнесение гласных в указанных выше позициях не вызывает сомнения. Почти все сотрудники диалектологической экспедиции (студенты и преподаватели — носители других диалектов) фиксируют в своих записях *у* и *ү* в непервых слогах” [Бураев 1965, с. 124–125.]

Употребление словоформ с *у* и *ү* в непервых слогах в сартульском говоре можно, на наш взгляд, объяснить ассимилирующим влиянием гласных *и* и *ү* 1-го слога, как, например, в случае с *унур//унэр* ‘запах’, *худуг//худуг* ‘колодец’. В случае же, когда эти *у* и *ү* появляются после *а* и *э*, их возникновение тоже следует считать результатом ассимиляции *а* и *э* бывшими в этих словах гласными **и* и **ү*. Например, слово *арас* ‘шкура, кожа’ произносится сартулами также и как *арус*, *арусо*, *арасо*. Древней формой этого слова была, видимо форма **ar̥isun* давшая два варианта: **ar̥isun*, к которому восходит халхаское слово *арьс(ан)*, где палатализация *р* есть следствие влияния **и*, и **argasun*, а возможно и **argusun*, в которых второй гласный, имеющий в слове слабую позицию, легко поддается ассимиляции оседлыми гласными. От этого варианта ведет свое происхождение бур. *раһан* ‘кожа, шкура’. Сартульский говор, видимо, сохраняет архаичные черты монгольского языка, когда на определенном этапе его развития первые слоги еще сохраняли свое значение и сильноогубленные гласные *и* и **ү* последнего слога еще не совсем редуцировались. Поэтому из **ar̥isun* ли **argasun* могло развиваться **argusun*, в котором после отпадения конечного *n* основы гласный **и* оказался в открытом слоге, т.е. появилось *argusu*.

Конечные слоги, особенно открытые, в монгольском языке, как известно, очень неустойчивы и их гласные сильно редуцируются. Эта тенденция началась еще в средние века и получила свое полное развитие в халхаском языке. Сартульский говор, в основу которого легли позднесредневековые юнгольские диалекты, унаследовал эту тенденцию, которая, однако, здесь не смогла окончательно развиться, как в халха-монгольском языке, из-за того, что язык сартулов столкнулся и продолжает взаимодействовать с хоринскими говорами, сохраняющими конечные закрытые и открытые слоги. Поэтому-то в сартульском говоре ныне сосуществуют формы *ас* и *аса* ‘снег’, *ерэх* и *ерэхэ* ‘прийти’, *очих*, *очох* и *очохо* ‘пойти’, *арас*, *рус*, *арасо* и *арусо* ‘кожа’ и т.п.

Таким образом, появление *у* и *ү* во втором слоге, видимо, остаточное влияние ассимилирующего влияния **и* и **ү* исторических конечных слогов *а* неустойчивый предыдущий гласный. Поэтому форму *нэрух* ‘переговать молочную водку’ можно объяснить как восходящую к промежуточной более поздней форме **nerükü* < *nerekü*, *шунгухо* ‘купаться’ — к *šunγuqu* < *šungγaqu*, *нагуцо* ‘дядя по матери’ — к **naγuči* < *naγači*, *алух* ‘убить’ — к **aluqu* < *alaqu* и т.п.

Когда в процессе эволюции просодической системы монгольских языков происходило перераспределение сильных и слабых слогов, что было связано с изменением слоговой акцентуации, ударение и семасиологическая нагрузка сконцентрировались на 1-м слоге, ставшем представлять корневую морфему. Гласный 1-го слога (краткий, дифтонг или долгий, образовавшийся за счет стяжения двослогов) получил сильную позицию. Непервые

же слоги оказались в слабой, неустойчивой позиции, в результате чего гласные изменились, либо подвергшись полной редукации и даже отпадению (как, например, в халхаском языке), либо утратив свое качество, став напряженными гласными неполного образования и подвергшись различным ассимилятивным влияниям (как в бурятских говорах). Следовательно мы можем предположить, что в сартульском говоре на фоне действия этих тенденций самым неустойчивым оказался последний слог, гласный которого утратил свое качество, ослабившись, иногда и совсем отпав. Как результат этого ослабления и следует рассматривать появление *o* на месте коннослового *y* в словах типа *нагуцо* (< **naγuʃu*), *шунгухо* (< **ʃunγuquso* (< **usu* < *usun* 'вода'), *тудухо* (< **tuduqu* 'попасть в цель') и т.д. Когда относительно напряженный сильноогубленный гласный верхнего подъема *y* ослабляет свою артикуляцию и теряет напряжение, он закономерно дает наиболее близкий к себе по артикуляции гласный звук *o*. Поэтому развитие другого характерного для сартульского говора явления — возникновения краткого гласного *o* в конечном слоге после предыдущих *a* и *i* (в других бурятских говорах тут предшествует *a*) — можно объяснить именно ослаблением гласного *y* конечного слога⁴.

Цонгольский говор также имеет в своей основе монгольский язык, поскольку "носители цонгольского говора являются выходцами Монголии, переселившимися на территорию Бурятии в разное время, начиная со второй половины XVII столетия" [Будаев 1965, с. 151]. Одна из особенностей — "отличие ... от монгольского языка в цонгольском говоре в абсолютном начале слова и в первом слоге никогда не произносится краткий гласный" [Будаев 1965, с. 160]. Поэтому фонетический облик цонгольских слов частую более близок к бурятскому, чем к монгольскому, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>бухѳ</i>	<i>бухэ</i>	<i>бөх</i>	<i>böke</i>	сильный
<i>удѳр, удѳр</i>	<i>удэр</i>	<i>өдөр</i>	<i>edür</i>	день
<i>дурвэ</i>	<i>дурбэн</i>	<i>дөрөв</i>	<i>dörben</i>	четыре
<i>мунѳ</i>	<i>мунгэн</i>	<i>мөнгө</i>	<i>mönggün</i>	деньги

Как видно из примеров, вокализм 1-го слога в цонгольском говоре напоминает таковой хоринских говоров, в которых **ö* тоже перешел в *o*. Произошло это, вероятно, не без влияния соседних хоринских говоров с которыми язык цонголов с самого начала вступил в соприкосновение. А кроме того само произношение монгольского центральнорядного *ө* очень близко, как уже отмечалось выше, к произношению такого же центральнорядного *y*, так что такой переход *ө* в *y* под влиянием хоринских говоров не различающих *ө* и *y*, вполне возможен.

Вокализм непервых слогов в цонгольском говоре в общем-то тоже приближается к вокализму хоринского типа, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>эргэ, эрйэ</i>	<i>эрье</i>	<i>эргэ</i>	<i>ergi</i>	берег
<i>цэцэн</i>	<i>сэсэн</i>	<i>цэцэн</i>	<i>ᠵᠡᠴᠡᠨ</i>	умный
<i>тэн'д'ир</i>	<i>тэн'д'ир</i>	<i>тэнгэр</i>	<i>ᠲᠡᠩᠭᠡᠷ</i>	небо

⁴ Об оканье у сартулов см.: Будаев 1965, с. 127.

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>ундэс</i>	<i>ундэнэн</i>	<i>ундэс</i>	<i>ündüsün</i>	корень, основа
<i>нүнэлгэ</i>	<i>нүнэлгэ</i>	<i>сөнөлгө</i>	<i>sönülge</i>	угасание
<i>уншаха</i>	<i>уншаха</i>	<i>унших</i>	<i>ungšiqu</i>	читать
<i>шэмэхэ</i>	<i>шэмэхэ</i>	<i>шимэх</i>	<i>šimekü</i>	высасывать сок
<i>бэцэг</i>	<i>бэшэг</i>	<i>бичиг</i>	<i>bičig</i>	письмо
<i>эл'и</i>	<i>эли</i>	<i>ил</i>	<i>ile</i>	ясный, четкий
<i>ерхэ</i>	<i>ерхэ</i>	<i>ирэх</i>	<i>irekü</i>	приходить
<i>ходжохо</i>	<i>хожохо</i>	<i>хожих</i>	<i>qoǰiqu</i>	выиграть

Но все же в отношении вокализма непервых слогов в цонгольском говоре имеются довольно существенные отличия по отношению к традиционным бурятским говорам и халха-монгольскому языку. Дело в том, что в цонгольском говоре после *у* первого слога очень часто стоит в последующих слогах гласный *ө*, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>удэр</i>	<i>удэр</i>	<i>өдөр</i>	<i>edür</i>	день
<i>түмөр</i>	<i>түмэр</i>	<i>төмөр</i>	<i>temür</i>	железо
<i>мунгө</i>	<i>мунгэн</i>	<i>мөнгө</i>	<i>mönggün</i>	деньги
<i>увгөн</i>	<i>убэгэн</i>	<i>өвгөн</i>	<i>ebügen</i>	старик
<i>увөс</i>	<i>убһэн</i>	<i>өвс</i>	<i>ebüsün</i>	трава
<i>н'үдө</i>	<i>нүдэн</i>	<i>нүд</i>	<i>nidün</i>	глаза

Появление *ө* в непервых слогах объясняется, на наш взгляд, тем, что в цонгольском продолжает сохраняться унаследованный от монгольского языка вокализм непервых слогов, особенностью которого является ассимиляция первослоговым *ө* последующих гласных и произнесение их в виде *ю* же *ө* или даже *у*, при этом редуцированный *ө* произносится в открытом конечном слоге, а неясный *у* в закрытом [см.: Владимирцов, с. 326]. Затем, когда цонгольский *ө* первого слога перешел в *у*, то во вторых и последующих слогах продолжали сохраняться огубленные *ө* и даже *у* (*удэр*//*'дур* 'день', *мургөхө*//*мургуху* 'бодаться', *хүлөрхө*//*хүлурху* 'потеть', *нүтөлхө*//*дугулху* 'приближаться'). Варьирование *ө* и *у* в непервых слогах зависит от разной степени напряженности артикулирующих органов при произнесении этого неясного огубленного гласного (*ө* ~ *у*). Тем более, то этимологически во всех этих слогах в непервых слогах был узкий сильноогубленный **ii*, который повлиял на появление огубленного гласного в 1-м слоге (в словах типа *увөс* < *ebüsün* 'трава', *увгөн* < *ebügen* 'старик') как наследие которого в непервых слогах сохраняется *у* или *ө* (слабонапряженный вариант *у*).

Другой особенностью цонгольского говора является наличие краткого *о* в непервых слогах после гласных *а* или *у* первого слога. Если в сартульском говоре *о* появляется как правило в конечном слоге, преимущественно в открытом, то в цонгольском он может быть в любом непервом слоге, прием не только после огубленного *у*, но и после широкого неогубленного *а*. Примеры:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>сахол</i>	<i>һахал</i>	<i>сахал</i>	<i>saqal</i>	борода
<i>арол</i>	<i>арал</i>	<i>арал</i>	<i>aral</i>	остров
<i>нагоцо</i>	<i>нагаса</i>	<i>нагац</i>	<i>naγaɕu</i>	дядя по матери

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>дзагос</i>	<i>загаһан</i>	<i>загас</i>	<i>ǰiyasun</i>	рыба
<i>аворго</i>	<i>абарга</i>	<i>авраг</i>	<i>aburyu</i>	тиски
<i>насо</i>	<i>наһан</i>	<i>нас</i>	<i>nasun</i>	возраст
<i>усо, усу</i>	<i>уһан</i>	<i>ус</i>	<i>usun</i>	вода
<i>нарос</i>	<i>нарһан</i>	<i>нарс</i>	<i>parasun</i>	сосна
<i>намор</i>	<i>намар</i>	<i>намар</i>	<i>pamur</i>	осень
<i>чудхохо</i>	<i>шудхаха</i>	<i>цутгах</i>	<i>ǰidququ</i>	лить металл
<i>хадохо</i>	<i>хадаха</i>	<i>хадах</i>	<i>qadaqu</i>	косить сено
<i>таргон</i>	<i>тарган</i>	<i>тарган</i>	<i>tarγun</i>	жирный

Как видно из примеров, *о* появляется в основном лишь в тех случаях где в непервых слогах был представлен исторический гласный **u* (ср. введенные выше примеры из старомонгольского языка). По сути дела появление этого *о* в цонгольском объясняется теми же причинами, что и появление *у* и *о* в сартульском говоре (см. выше). Произношение же *о* в отных словах типа *сахол*, *арол*, где не было исторического **u* в их основе можно объяснить действием закона аналогии, выравнивания по стереот

Но в то же время в цонгольском говоре бытует масса слов, в которых этот *о* в непервых слогах не появляется, так как исторически в этих словах не было гласного **u* в основе, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>ацарха</i>	<i>асарха</i>	<i>ацрах</i>	<i>aǰaraqu</i>	принести
<i>адхаха</i>	<i>адхаха</i>	<i>асгах</i>	<i>asγaqu</i>	пролить
<i>нара</i>	<i>наран</i>	<i>нар</i>	<i>paraṅ</i>	солнце

Кроме того, есть много слов и с гласным *у* в основе, но оканья в них наблюдается, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>дура</i>	<i>дуран</i>	<i>дур</i>	<i>duram</i>	любовь
<i>умшаха</i>	<i>унишаха</i>	<i>унших</i>	<i>ungšiqu</i>	читать
<i>умтарха</i>	<i>унтарха</i>	<i>унтрах</i>	<i>untaraqu</i>	погаснуть
<i>унтаха</i>	<i>унтаха</i>	<i>унтах</i>	<i>untaqu</i>	спать

Так что, возможно, это оканье, как и в сартульском говоре, — остаточное явление более ранней стадии развития фонетического строя монгольского языка, когда губные гласные непервых слогов еще не совсем утратили свое качество. Это предположение подтверждается сохранением в ряде случаев гласного *у* во вторых и следующих слогах, например:

Цонг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>тугул</i>	<i>тугал</i>	<i>тугал</i>	<i>tuγul</i>	теленоч
<i>худуг</i>	<i>худаг</i>	<i>худаг</i>	<i>qudduy</i>	колодец
<i>усу, усо</i>	<i>уһан</i>	<i>ус (ан)</i>	<i>usun</i>	вода
<i>н'угус</i>	<i>нугаһан</i>	<i>нугас (ан)</i>	<i>nuγusun</i>	утка
<i>ургуху</i>	<i>ургаха</i>	<i>ургах</i>	<i>urγuqu</i>	расти

Таким образом, цонгольский говор, как и сартульский, сохраняет в какой-то мере более архаичный вокализм непервых слогов, чем современные бурятский и халха-монгольский языки.

Говор ононских хамниган, которые тоже являются вы

ми из Монголии, находится на стыке бурятского и монгольского языков. Сохраняя ряд черт монгольского языка, особенности его средневекового периода развития, хамниганский говор приобрел и выработал под воздействием языка соседних агинских бурят (хоринцев по языку) много черт, сближающих его с бурятским языком [см.: Дамдинов 1968, с. 116], одной из которых является ускорение перелома *i (поэтому сосуществуют формы типа *джируку* и *дзурэку* 'сердце', ср. стп.-м. *jigüken*, общебур. *зурхэн*, монг. *зурх id.*), а также произнесение *y* в первом слоге вместо исконного *ö (напр. *букэ* наряду с *бөкө* 'крепкий', *кукэ* наряду с *көкү* 'синий', *рбэ* 'четыре', *дучин* 'сорок', *дзугии* 'пчела', ср. соответственно общебур. *хэ, хухэ, дурбэн, душэн, зугы*; х.-монг. *бөх, хөх, дөрөв, дөч, зөгий*; п.-м. *böke, köke, dörben, döçin, jögei id.*)

Самой же характерной чертой вокализма хамниганского говора является сохранение особенностей монгольского языка средневекового периода, который отличается наличием гласного *i*, еще не подвергшегося перелому, узких сильно огубленных гласных *u* и *y* в непервых слогах. В хамниганском говоре как бы законсервировались эти архаичные черты монгольского языка XIII в. Наличием гласных *u* и *y* во втором и последующих слогах хамниганский говор объединяется с рассматренными выше сартульским и цонгольским говорами. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих особенности вокализма непервых слогов в хамниганском говоре:

Хамниг.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>дабкхур</i>	<i>дабхар</i>	<i>давхар</i>	<i>dabqur</i>	двойной
<i>алкху</i>	<i>алха</i>	<i>алх</i>	<i>alqu</i>	шагай
<i>моду</i>	<i>модон</i>	<i>мод(он)</i>	<i>modun</i>	дерево
<i>хуругу</i>	<i>хурган</i>	<i>хуруу</i>	<i>quruγun</i>	палец
<i>йасу</i>	<i>яһан</i>	<i>яс(ан)</i>	<i>yasun</i>	кость
<i>кимусу</i>	<i>хюмһан</i>	<i>хумс(ан)</i>	<i>kimusun</i>	ноготь
<i>сиду, шиду</i>	<i>шүдэн</i>	<i>шуд(эн)</i>	<i>šidün</i>	зуб; зубы
<i>усу</i>	<i>уһэн</i>	<i>ус(эн)</i>	<i>üsün</i>	волосы
<i>ниругу</i>	<i>нюрган</i>	<i>нуруу</i>	<i>niruγun</i>	спина
<i>усу</i>	<i>уһан</i>	<i>ус(ан)</i>	<i>usun</i>	вода
<i>чилөө</i>	<i>сүлөө</i>	<i>чөлөө</i>	<i>čilüge</i>	свобода
<i>сибуу, шибуу</i>	<i>шубуун</i>	<i>шувуу</i>	<i>šibaγun</i>	птица
<i>ирөкө</i>	<i>ерэхэ</i>	<i>ирэх</i>	<i>irekü</i>	приятн

В то же время в хамниганском говоре развилась ассимиляция первословным *ө* гласных всех последующих слогов. Произошло как бы выравнивание вокализма слова по первому *ө*. Этим хамниганский говор сближается с западнобурятскими говорами, частично с сартульским говором и с халмонгольским языком. Примеры:

амниг.	Зап.-бур.	Вост.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>дөр</i>	<i>өдөр</i>	<i>үдэр</i>	<i>өдөр</i>	<i>edür</i>	день
<i>мөгө</i>	<i>гөлгөн</i>	<i>гүлгэн</i>	<i>гөлөг</i>	<i>gölügen</i>	щенок
<i>бөдөг</i>	<i>өбөдөг</i>	<i>үбдэг</i>	<i>өвдөг</i>	<i>ebüdeg</i>	колени
<i>сө</i>	<i>өгөхө</i>	<i>үгэхэ</i>	<i>өгөх</i>	<i>ögkü</i>	давать

Таким образом, в отношении вокализма непервых слогов из всех современных бурятских говоров самыми архаичными являются сартульский, цонгольский и хамниганский говоры.

Современный бурятский разговорный язык принадлежит к языкам, нематематически различающим долгие и краткие гласные [см.: Бураев 1962, с. 120–122], например: *тахa* 'подкова' – *тааха* 'отгадать'; *заха* 'воротник', *зааха* 'указывать'; *хаха* 'вдребезги' – *хааха* 'закрыть'; *буха* 'бык-порок', *бууха* 'спускаться' и т.п. Долгие гласные, противопоставляемые кратким, имеются во всех современных монгольских языках [см.: Рорре 1962, р. 59–76]. Примечательно, что подобных квазиомонимов типа приведенных выше *буха* – *бууха*, *тахa* – *тааха* в бурятском языке, как и в других монгольских языках, набирается относительно немного, хотя слов с долгими гласными насчитывается многие сотни, если не тысячи. Дело в том, что, как и в других языках, готы, какие мы сейчас имеем в монгольских языках, – факт языка, приобретенный относительно поздно в процессе исторического развития, и долгие гласные здесь первоначально не было. Приведенные слова различались в прошлом не долготой гласных, а иными признаками. Сравните, например, противопоставление подобных слов-квазиомонимов в современном бурятском языке и старомонгольском письменном, сохраняющем вольно архаичное состояние монгольских языков:

Бур.	Стп.-м.	Значения
<i>тахa</i> – <i>тааха</i>	<i>taqa</i> – <i>taṡaṡu</i>	подкова – отгадать
<i>заха</i> – <i>зааха</i>	<i>ṡaqa</i> – <i>ṡaṡaṡu</i>	воротник – указать
<i>буха</i> – <i>бууха</i>	<i>buqa</i> – <i>baṡuṡu</i>	бык – спускаться
<i>хаха</i> – <i>хааха</i>	<i>qaṡa</i> – <i>qaṡaṡu</i>	вдребезги – закрыть
<i>би</i> – <i>бии</i>	<i>bi</i> – <i>bui</i>	я – есть, имеется
<i>шара</i> – <i>шаара</i>	<i>ṡira</i> – <i>ṡiyaru</i>	желтый – чайники
<i>һулдэ</i> – <i>һуулдэ</i>	<i>sülde</i> – <i>següldü</i>	эмблема – потом

Как видно уже из приведенных немногочисленных примеров, у подобных слов в прошлом было различное количество слогов и иногда даже разное количество гласных.

В свое время в монголоведении ставился и обсуждался вопрос о наличии в общемонгольском праязыке первичных долгих гласных [см., например, Hattori, р. 451–462; Рорре 1962; 1967; Doerfer 1964]. Поскольку это очень специфичный и спорный вопрос, касающийся общего монголоведения и уводящий в алтаистику, мы его здесь специально рассматривать не будем. Разберем более подробно лишь условия, в которых в современном бурятском языке развились долгие гласные.

Долгие гласные, развившиеся из комплекса VCV

О возникновении долгих гласных на месте сочетания "гласный + согласный + гласный" (VCV) в монголоведении сказано достаточно много. Например, довольно подробно рассматривали этот вопрос Г.И. Рамси [с. 22–26], А.Д. Руднев [1913, с. XXIX–XXXI], Б.Я. Владимирцов [с. 192–266], Г.Д. Санжеев [1953, с. 77–83], Н.Н. Поппе [1955, р. 59–60]. Особенно же скрупулезно, со всех сторон, разобрал происхождение долгих гласных, дав почти исчерпывающее объяснение этого процесса для современного монгольского языка, акад. Б.Я. Владимирцов. Подробное рассмотрение

цествующих в монголоведении мнений об образовании долгих гласных на месте древних двослогов VCV в монгольских языках находим у Ш. Луванвандана [1967а, с. 5-26].

О появлении долгих гласных в бурятском разговорном языке за счет выпадения интервокального консонанта писал еще в середине прошлого века М.А. Кастрен: "Между двумя краткими гласными g часто и обычно опускается, например bö вместо bögö 'шаман'" (перевод наш. — В.Р.) [Castrén, . 6]. Но, к сожалению, выдающийся ученый своего времени, переживший воими трудами и идеями эпоху, в которую он жил, не развивает это свое наблюдение, за что его справедливо упрекает издатель его трудов акад. Антон Шифнер: "Особого внимания заслуживают слова, в которых имеет место стяжение гласных из-за выпадения гуттурального согласного. Их количество очень значительно и, как следовало ожидать, должно было повлечь за собой долготу гласного вследствие этого стяжения. Однако же в довольно многочисленных случаях такую долготу трудно обнаружить, почему и Кастрен ее не всегда замечал. Посредством выпадения g появляются такие слова как ūg 'пар', ū 'широкий', ūla 'гора', ūden 'дверь', ūg 'гнездо', ôdeheŋ 'токут' из " " " " " " " или хūхен из и кун или хун из (перевод аш. — В.Р.) [Castrén, предисл. А. Шифнера, с. X].

О развитии долгих гласных на месте комплекса VCV и перебоях этого явления в хоринском говоре бурятского языка писал А.Д. Руднев [1913, . XXIX-XXXI].

Таким образом, исследователи давно уже обратили внимание что в бурятском языке, как и в других монгольских языках, долгие гласные развились на месте комплекса VCV.

В связи с тем, что этот вопрос в монголоведной литературе уже разобран довольно подробно, особенно у Б.Я. Владимирцова [с. 192-266], Д. Санжеева [1953, с. 77-83; 1977, с. 94-134], Н.Н. Поппе [1955, р. 59-6], мы позволим себе коснуться здесь этого явления лишь в общих чертах. ассмотрим, из каких исторических комплексов VCV развились долгие гласные в бурятском языке и какого они качества:

*ага → ā (в случае, если в последующем слоге стоит гласный i, то *ага → ā, как и в калмыцком языке, в халхаском же — дифтонг ай), примеры: га → бур. *гаа*, х.-монг. *саа*-, калм. *саа*-, орд. *sā*-, даг. П *сā*-, МА *sā*-, MNT *sa* 'аюить'; *улауан* → бур., х.-монг. *улаан*, калм. *улан*, орд. *ulān*, монгол. *fulān*, аг.П *улау*, МА *ulān* ~ *ula'an*, MNT *hula'an* 'красный'; *дагари* → бур. *dāra*-орф. *дайра*-), х.-монг. *дайра*-, калм. *дээр*-, орд. *dāri*-, MNT *da'ari* 'задевать'; *гаги* → бур. *tāga*- (орф. *тайра*-), х.-монг. *тайр*-, калм. *тээр*-, орд. *tāri* 'отрезать, отпиливать';

*ege → ē, примеры: *emege* → бур., х.-монг. *эмээл*, калм. *эмэл*, орд., даг.К, IA *emēl*, MNT *eme'el* 'седло'; *degesün* → бур. *дээхэн*, х.-монг. *дээс*, калм. *ээсн*, орд., даг.К *dēs*, МА *dēsün* 'веревка'; *degere* → бур. *дээрэ*, х.-монг., алм. *дэр*, орд. *dēre*, даг.П. *dēr*, МА *dēre*, MNT *de'ere* 'наверху';

*igi → i, примеры: *ṣigiqaŋ* → зап.-бур. *шиихан*, ИМ *ṣiqaŋ* 'фурункул'; *ṣig* → бур. *шиг*, х.-монг. *чийг*, калм. *чиг*, орд. *tšig* 'сырость';

*uŋu → ū, примеры: *uŋuŋaŋ* → бур., х.-монг., калм. *уураг*, орд. *ūrak* 'моло-

живо'; *buruγu* → бур., х.-монг. *буруу*, калм. *буру*, орд. *burū*, даг.П *борō*, I *burū*, MNT *buru'u* 'вина';

**ügü* → *ü*, примеры: *küjügün* → бур. *хузуун*, х.-монг. *хузуу*, калм. *куз* орд. *kuḍžün*, даг.П *күцү*, MA *küjün* 'шья'; *tügükei* → бур. *туухэй*, х.-мо *туухий*, калм. *туукэ*, орд. *tükhä*, ИМ *tükej* 'сырой';

iya* → *ā* (при этом предшествующий согласный, кроме шипящего и иерической аффрикаты, палатализуется), примеры: *niya* → бур. *няа*- (*n'* х.-монг. *наа*-, калм. *наа*- [niya*-], монгор. *niā*-, орд. *nā*-, MA *ni'ā*-, M *ni'a* 'клеить'; *jiya* → бур., х.-монг., калм. *заа*-, орд. *džā*-, даг.П *ц'ā*-, I *jā*-, MNT *ja'a* 'указывать';

iya* → *ā*, *ō* (с палатализацией предшествующего согласного), пример *aliya* → бур., х.-монг. *алая*, калм. *алән*, орд. *al'ā* 'шаловливый'; *quriya* → б *хуряа*- (*xur'ā*-), х.-монг. *хураа*-, калм. *хура*- [quriya*-], орд. *xurā*-, да *хор'ē*-, MA *quri'ā*-, MNT *quriya* 'собирать'; *ačiya* → бур. *ашаан*, х.-монг. *ач* калм. *ацан*, орд. *atšā*, MA *ačān*, MNT *ači'an* 'груз, поклажа'; *takiya* → б *х.-монг. тахья*, калм. *така*, орд. *dakā*, MA *taqi'ā*, MNT *takiya* 'курица', *oriya* → бур. *орёо*- (*or'ō*-), х.-монг. *ороо*-, калм. *ора*- 'обматывать'; *doliya* → б *долёо*- (*dol'ō*-), х.-монг. *долоо*-, калм. *дола*- [**doliya*-] 'лизать';

**ige* → *ē* (с палатализацией предшествующего согласного), приме *jiige* → бур., х.-монг., калм. *зээ*, орд. *džē*, монгор. *džiē*, даг.П *ц'ē* 'племянни *šige* → бур., х.-монг., калм. *шээ*, орд., MA *šē*-, MNT *ši'e* 'мочиться';

**iye* → *ē* (с палатализацией предшествующего согласного), приме *küliye* → бур. *хулээ*- (*xul'ē*-), х.-монг. *хулээ*-, калм. *кулэ*- 'ждать'; *eiyei* → бур. *эрезн* (*эг'ēṅ*), х.-монг. *эрээн*, калм. *эрән*, орд. *eṅēn* 'пестрый'; *üniyei* → бур. *унезн* (*үн'ēṅ*), х.-монг. *унээ*, калм. *унән*, орд. *шпē*, даг.П *ун'ē*, I *üneyen*, MNT *uni'en* 'корова';

iγu* → *ü* (с палатализацией предшествующего согласного), пример *niγur* → бур. *нюур* (*n'ür*), х.-монг., калм. *нуур*, орд. *niür*, монгор. *niür*, I *ni'ür*, MNT *ni'ür* 'лицо'; *qariγu* → бур. *харюу* (*χar'ü*), х.-монг. *харюу*, кал *хэру*, орд. *χarü* [qariγü*], даг.П *харү*, MA, MNT *qari'u* 'ответ'; *qaliγu* → бур. *халюун* (*χal'ür*), х.-монг. *халиун*, калм. *халун* 'выдра', орд. *χal* 'масть коня', MNT *ħali'un* 'коричневый конь', MA *qali'un* 'бобр';

**igü* → *ü* (с палатализацией предшествующего согласного), приме *serigün* → бур. *һэрюун* (*ħer'ür*), х.-монг. *сэруун*, калм. *серун*, орд. *seri* даг.П *сёр'үң*, MA *serün* ~ *seri'un* 'прохлада'; *tenigün* → бур. *тэнюун* (*tɛn'ü* х.-монг. *тэнюун* 'спокойный, тихий';

**aγu* → *ü*, примеры: *aγur* → бур., х.-монг., калм. *уур*, орд. *ür*, даг.П *a* MA *a'ür*, MNT *a'ur* 'гнев'; *aγuski* → бур. *уушха*, х.-монг. *уушиг*, калм. *оош* орд. *uški*, даг.П *аўрки*, MA *a'üşki*, MNT *a'ušigi* 'легкие'; *šibaγun* → бур. *с* *буун*, х.-монг. *шувуу*, калм. *шовун*, орд. *šuwū*, даг.П *шовō*, MA *šiba'un*, M *sibao'un* 'птица'; *saγu* → бур. *һуу*-, х.-монг., калм. *суу*-, орд. *sū*-, даг.П *(* MA *sa'ü*-, MNT *sa'u*- 'сидеть, садиться';

**egü* → *ü*, примеры: *degü* → бур., х.-монг., калм. *дуу*, орд. *dü*, даг.П *д* MA *dü* ~ *de'ü*, MNT *de'ü* 'младший брат или сестра'; *negü* → бур., х.-мо калм. *нуу*-, орд. *nü*-, MA *ne'ü*-, MNT *ne'u*- 'кочевать'; *kečegü* → бур. *хэс* х.-монг. *хэцуу*, калм. *кецу*, орд. *gečš*, даг.П *кечү*, MA *kečü*, MNT *keče* 'трудный';

*oγa → ǒ. примеры: toγa → бур., х.-монг., калм. *тоо*, орд. tō, дагП tō̄, монг. toa, MA tōn ~ to'ān, MNT to'a 'число';

*oγu → ǒ (перед i последующего слога *oγu → ǒ̄), примеры: toγusun → бур. *тооһон*, х.-монг. *тоос*, калм. *тоосн* 'пыль'; toγu- → бур., х.-монг., калм. *тоо* 'считать за'; toγudaγ → бур., х.-монг. *тоодог*, калм. *тоодг* 'дрофа'; toγuḡi- → зап.-бур. tōro-, лит.-бур. toeḡg- (орф. *тойро-*), х.-монг. *тойр-*, калм. *төөр-*, орд. tōri-, даг.П tōr ṽ, MA tōri-, MNT to'ori- 'обходить вокруг';

*uγa → ā или ǒ, примеры: doluγan → бур. *долоон*, х.-монг. *долоо*, калм. *долан*, орд. dolō(n), даг.П долō(н), монгор. dolōn, MA dolān, MNT dolo'an 'семь'; jḡγuγan → зап.-бур. *жоргоон*, *йоргоон*, лит.-бур. *зургаан*, х.-монг. *зургаа*, калм. *зурһан*, орд. dźigā, даг.П ʹipǒ(н), монгор. dźigōn, MA jḡγu'ān, MNT jirho'an 'шесть'; jḡγuγa → бур., х.-монг. *жороо*, калм. *жора*, орд. dźigō, даг.П ʹipǒ, монгор. dźiogō, монг. jḡgō 'иноходец';

*ōge → ǒ, примеры: bögere → бур. *бөөрз*, х.-монг., калм. *бөөр*, орд. böḡō, даг.П бōр, ИМ, MNT bö'ere 'почки (анат.)'; ögede → бур., х.-монг. *өөдэ*, калм. *өөд*, орд. ödō, MNT o'ede 'вверх'; böge → бур., х.-монг. *бөө*, калм. *бө*, орд. bö, MNT bo'e 'шаман';

*üge → ǒ, примеры: jöge- → бур., х.-монг., калм. *зөө-*, орд. dźō-, MA jō-, MNT jo'e- 'носить, таскать'; irügel → зап.-бур. *үрөөр*, вост.-бур. *юрөөл*, х.-монг. *өрөөл*, калм. *йөрәл*, орд. öḡöl, MA hirḡr, MNT hiru'er 'благопожелание'; č'irüge → бур. *сулөө*, х.-монг. *чөлөө*, калм. *чөлән*, орд. tšōlō 'свобода'.

Кроме того, долгота гласного развилась на месте исторических групп *aβ, *éβ, *oβ:

*aβ → ā, примеры: *taβlai → *taulai (ср. стп.-м. tulai, MA, MNT ta'ulaj, даг.П таул'ē) → *tūlai (ср. бур., х.-монг. *туулай*, орд. tūlā 'заяц'); *aγan → *auγan (ср. стп.-м. auγan) → *ūγan (ср. бур., х.-монг. *ууган*, калм. *ууһн*, орд. ūγan 'старший сын');

*eβ → ū, примеры: *keβ, *keβken → *keū, *keūken (ср. стп.-м. keū 'сын', keūken 'дитя'; дочь', MNT ko'un 'сын'. MA ke'ūt 'сыновья', MNT ko'uken 'ребенок, дитя', даг.П кēүкē, монг. köш'сын; дитя', монг. köшkat 'дети') → *kū, *kūken (ср. MA kūn 'сын', kūken 'ребенок, дитя', монгор. kü, орд. kū, х.-монг. хуу 'сын; мальчик', бур. хуугэд 'дети', хуухэн, калм. *куукн* 'девочка; дочь'); *teβke → *teūke (ср. стп.-м. teūke) → *tūke (ср. бур. *туухэ*, х.-монг. *туух*, калм. *туук* 'история', орд. tūхе 'историческая книга');

*oβ → ū, ǒ, примеры: *qoβ → *qou (ср. стп.-м. qou) → *qū (ср. бур., х.-монг. хуу, калм. *хоо*, даг.П хō 'все'); *čouβqur → *čouqur (ср. стп.-м. čouqur) → *čōqur (ср. бур. *соохор*, х.-монг. *цоохор*, калм. *цоохр*, орд. tšōхог, даг.П чōхōр 'пестрый').

Долготу гласного дает также комплекс *uβa, который прослеживается в немногих словах, например: стп.-м. ḡḡḡ (γowa) = бур., х.-монг. *гоо*, калм. *һоо*, орд. ḡō ~ ḡōn 'красивый, изящный', наряду с бур., х.-монг. *гоē* id. Кроме того, х.-монг. *гуа* 'красивый, изящный, нарядный' и зап.-бур. *губаагүй* 'неподходящий, негодный' можно рассматривать как сохранение более древней формы *γuβa. Слова бур. *хуаа*, *ухаа* (метатеза), х.-монг. *хуа*, *ухаа*, калм. *хо*, орд. хō 'каурий, светлорыжий – о коне', MNT qo'aḡsip (женск.) 'серая, белесая – масть самки' также имеют более древнюю фор-

му *quba, зафиксированную в старописьменном языке: (quwa том же значении 'каурый, рыжеватый, песочного цвета'. С этой лексемой видимо, сопоставимо слово (quba) 'янтарь; янтарного цвета (ср. бур. хуба, х.-монг. хув, калм. хув id.). Семантическая филиация обрела и закрепила разницу в фонетическом развитии.

Акад. Б.Я. Владимирцов так представлял себе процесс образования долгих гласных из комплекса VCV: "В очень раннюю эпоху междувокальных $\gamma \sim g$, а еще раньше *w начали ослабляться, становясь все более широкими и вокализируясь; благодаря этому $\gamma \sim g$ или исчезли вовсе или заменились билабиальным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был $u \sim \ddot{u}$, и спирантом y тогда, когда один из гласных, первый был $i > i \sim \ddot{i}$. В дальнейшем началось ослабление этих w и u и их полное исчезновение. Впоследствии, два гласных, оказавшись рядом благодаря ударенной лакуне, слились в один долгий, наблюдаемый в настоящее время. Весь процесс этот возник, по всей вероятности, вследствие второстепенного ударения, падавшего на второй гласный в комплексах $V + \gamma \sim g + V$ $V + *w + V$. — явление, похожее на то, какое можно наблюдать в настоящее время в современных монгольских говорах, например в халхаском, где под влиянием усилившегося второстепенного ударения исчезает гласный первого слога ... Таким образом, напр., $a\gamma\ddot{a} > *a\gamma\ddot{a} > a\ddot{a} > \ddot{a}$, напр.: $\acute{u}l\gamma\ddot{a}n$ (монг.-письм.) 'красный' > $hul\ddot{a}\ddot{a}n$ (кит. транскрип.) > $\acute{u}l\ddot{a}\ddot{a}n$ (Араб.) > $\acute{u}l\ddot{a}n$ (ойрат.-письм.) > $\acute{u}l\ddot{a}n$ (Баит.) $\sim \acute{u}l\ddot{a}$ (Халх.); $q\acute{a}l\gamma\ddot{a}n$ (монг.-письм.) > $q\acute{a}l\ddot{a}w$ (Араб.-фил.) > $q\acute{a}l\ddot{a}\ddot{u}n$ (квадрат.) > $x\acute{a}l\ddot{u}n$ (ойрат.) $\sim x\acute{a}l\ddot{u}$ (Халх.) 'голубой'; $\acute{a}r\ddot{i}\gamma\ddot{a}n$ > $\acute{a}r\ddot{i}\gamma\ddot{a}n$ (монг.-письм.) > $\acute{a}r\ddot{i}\gamma\ddot{u}n$ (средн.-монг.) // $\acute{a}r\ddot{i}\ddot{u}\ddot{e}$ (квадрат.) > $\acute{a}r\ddot{i}\ddot{u}n$ (ойрат.-письм.) > $\acute{a}r\ddot{i}\ddot{u}$ (Халх.) 'чистый'. Можно отметить случаи, когда бывает затруднительно отличить вторичные $w < \gamma$ от $w < *w$ напр.: Араб.-Фил. $kew\ddot{u}rge$ 'мост' // $*k\ddot{u}w\ddot{e}rge$ > монг.-письм. $k\ddot{u}gerge$ > Египт.-Тунк. $x\ddot{u}r\ddot{e}$ // тюрк. $k\ddot{u}br\ddot{u}k$ id." [Владимирцов, с. 215–216]

Таким образом, основными причинами, повлекшими изменение комплекса VCV в долгий гласный Б.Я. Владимирцов считал ослабление интервокальных согласных и усилившееся второстепенное ударение, падавшее на 2-й гласный данного комплекса.

Однако Б.Я. Владимирцов [с. 222] в то же время отмечал, что " $\gamma \sim g$ и w между двумя гласными исчезают в монгольском далеко не во всех случаях. Так, в халхаском, как и в других современных монгольских наречиях, можно указать различные группы слов, в которых заднеязычные шумные, наследники древних $\gamma \sim g$, сохранились и, поэтому, долгого гласного не получили". Представив подобные слова (напр., х.-монг. $\acute{o}w\ddot{e}$ 'старик' < $eb\ddot{u}gen$, $asga$ 'дядя' < $aba\gamma\ddot{a}$, $udgan$ 'шаманка' < $ud\gamma\ddot{a}n$, $ba\gamma\ddot{a}$ 'человек' < $ba\gamma\ddot{a}$, $da\gamma\ddot{a}$ 'следовать' < $da\gamma\ddot{a}$ и т.п.) по семасиологическим группам он объясняет сохранение в них интервокальных согласных комплекса VCV тем, что все примеры "относятся к категории слов, часто употребляемых в повседневной речи, что и создавало для них такое положение в языке при котором они легче могли сохранить свою "древнюю" форму. Частое употребление не позволяло, по-видимому, второстепенному ударению победить главное, падавшее на первый слог, и, следовательно, создать условия, необходимые для ослабления интервокальных $\gamma \sim g$ и $*w$ и образования долгих гласных через стяжение" [Владимирцов, с. 231–232]. Хотя далее он сам между тем был вынужден признать, что в то же время во мн

гих не менее употребительных словах (типа *дуу* 'младший брат', *тэмээ* 'верблюд', *суул* 'хвост', хоолой 'горло' и т.п.) долгота образовалась [см.: Владимирцов, с. 230–231], и есть также немало слов, в которых наряду с сохранением интервокальных согласных развилась долгота 2-го гласного (типа *зугаа* 'забава' < *ʃуа*, *янцагаа* 'ржать' < *inʃауа*-, *ягаан* 'розовый' < *узуан* и т.п.) [см.: Владимирцов, с. 232–233].

Как справедливо отметил проф. Г.Д. Санжеев, Б.Я. Владимирцов весь процесс образования долгих гласных в монгольских языках неудачно пытался связать с процессом перехода монголов от охотничьего уклада к кочевому скотоводству [см.: Санжеев 1953, с. 78].

Сравнительный материал монгольских языков показывает, что эволюция комплексов VCV в них происходила неравномерно, дав в одном языке долготу гласного и сохранившись в другом, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>ургэн</i>	<i>эруу</i>	<i>өргн</i>	<i>erügün</i>	подбородок, нижняя челюсть
<i>нурган</i>	<i>нурруу</i>	<i>нурһн</i>	<i>niγuγun</i>	спина
<i>хурган</i>	<i>хуруу</i>	<i>хурһн</i>	<i>quγuγun</i>	палец
<i>дэгэл</i>	<i>дээл</i>	<i>девл</i>	<i>degeł</i>	шуба
<i>һуга</i>	<i>суга</i>	<i>суу</i>	<i>suγu</i>	подмышка
<i>эгэм</i>	* <i>эгэм</i>	<i>ээм</i>	<i>egem</i>	ключица

Подобный разницей в развитии этих комплексов невозможно объяснить ни изменением социального уклада древних монгольских племен, ни явлением "отсталой фонетической эволюции". Дело здесь, видимо, в другом.

Более рациональный вариант объяснения, почему в одних случаях развивается долгота, а в других комплекс VCV остается без изменения, представлен на наш взгляд, у японского монголоведа Широ Хаттори, предположившего, что, во-первых, было два типа согласного *г* — смычный *g* и шелевой *γ* и, во-вторых, в комплексе VCV было два типа 2-го гласного — долгий VV и краткий V. Шелевой *γ* стоял перед долгим гласным, т.е. был комплекс VγVV, а смычный *g* перед кратким, то есть был комплекс VgV. При этом на месте комплекса VγVV развился долгий гласный (так появилось, например, *даа* 'поднять, осилить' из **daγā*-), а из VgV развития долгого гласного не произошло и комплекс сохранился (так появилось, например, *дага* 'следовать за' из **daga*-) [см.: Hattori, с. 457–459].

Г.И. Рамстедт, кстати, тоже в свое время заметил, что не везде образовалась долгота за счет выпадения согласного *г*. Но он не принял окончательно решения по этому вопросу, ограничившись просто предположением, что было два звука *г*: проточный *г* и смычный *г*, а также различия в ударении [см.: Рамстедт, с. 24].

Точку зрения Ш. Хаттори поддержал Н.Н. Поппе [см.: Порре 1962, с. 4], который позднее стал утверждать, что вторичные долгие гласные в монгольских языках развились из комплексов VCV, в которых 2-й гласный был ударным, т.е. *сā* 'дойти' < **sagā*- [см.: Порре 1965, с. 179].

Монгольский ученый Ш. Лувсанвандан [см.: 1967а, с. 14–26; 1967б, с. 34; 1977, с. 96] как бы синтезирует предположение Г.И. Рамстедта о различии в ударении гласных и догадку Ш. Хаттори о противопоставлении в этих комплексах долгих и кратких гласных и высказывает мысль о том,

что, вероятно, комплексы VCV, давшие долготу и сохранившиеся, действительно первоначально различались ударением и гласные находились на уровне суперсегментных фонем. В дальнейшем гласные, произносившиеся с ударением, удлинились и превратились в долгие. Теперь уже не ударение, долготу гласных стала использоваться для дифференциации морфем и эти долгие гласные стали фонемами. Иначе говоря, суперсегментные фонемы получили статус сегментных фонем. Произошло это, как он считает, в всей вероятности, в конце X столетия. Затем, когда положение долгих гласных укрепились и краткие гласные, находящиеся перед ними и отделенные от них согласными γ , g , w и т.п., стали редуцироваться, эти согласные γ , g , совсем ослабели и исчезли. Краткий и долгий гласные, находившиеся по обеим сторонам этих исчезнувших согласных, слились в один долгий гласный. При этом перед тем, как обе эти гласные, имеющие различную длительность, слились в одну долгую гласную фонему, краткий гласный уподобился по качеству долговому, т.е. развитие шло так: $a\gamma\tilde{u}la > a\tilde{u}la > a'\tilde{u}la > o'\tilde{u}la > u'\tilde{u}la > \tilde{u}la$ 'гора'; $eg\tilde{u}le > eg\tilde{u}le > e'\tilde{u}le > \tilde{o}'\tilde{u}le > \tilde{u}'\tilde{u}le > \tilde{u}$ 'облако' и т.п. Гласные же o и \tilde{o} , прежде чем исчезнуть, наоборот, уподобились следовавшие за ними долгие широкие \tilde{a} и \tilde{e} , т.е. $to\gamma\tilde{a} > to\gamma\tilde{a} > to'\tilde{a} > to'\tilde{o} > t\tilde{o}'\tilde{a}$ 'число'; $\tilde{o}g\tilde{e}de > \tilde{o}g\tilde{e}de > \tilde{o}'\tilde{e}de > \tilde{o}'\tilde{o}de > \tilde{o}\tilde{d}$ 'вверх'. Эта синтетизованная точка зрения Ш. Лувсанвандана кажется наиболее вероятной.

Исследование способа обозначения долгих гласных в ойратском "ясном письме" при помощи особого бокового диакритического знака "—" (ударное произведенное монгольским ученым Г. Жамьяном, подтверждает предположение Ш. Хаттори и Ш. Лувсанвандана о том, что "в древнем монгольском языке гласный, находившийся после синкопированного позже интервокального $-z$ или $-j$, был долгим, например $ca\tilde{g}\tilde{a}d$ ($\rightarrow ca\tilde{h}\tilde{a}d \rightarrow ca\tilde{a}d \rightarrow c\tilde{a}d$ а не $ca\tilde{g}ad$ 'помеха'" [Жамьян, с. 152].

Однако в недавнем исследовании Н.К. Вербы, посвященном проблеме развития древнемонгольского комплекса с интервокальным согласным современных монгольских языках, отрицается мнение, что "распад комплексов обусловлен самим интервокальным положением согласных, которые переходя в спиранты, ослаблялись и выпадали" [Верба, с. 3]. С этим мнением трудно согласиться, поскольку в таком случае остается необъяснимой причина развития из $-a\gamma u$, например, \tilde{u} , а не \tilde{a} , из $-eg\tilde{u}$ \tilde{u} , а не \tilde{e} и т.п., а также почему стал спирантизироваться интервокальный согласный и ряд других вопросов.

Как бы то там ни было, во всяком случае бесспорно, что причиной развития долгого гласного из VCV служит именно особое качество 2-го гласного этого комплекса, ибо характер вторичной долготы, развившейся на его месте в монгольских языках, в отличие от тюркских, устанавливается и 2-му гласному. Так, например, в монгольских языках: бур. $уула$, х.-монг. калм. $уул$ 'гора' $< *a\tilde{y}\tilde{u}la < *a\tilde{y}\tilde{u}la$; бур., х.-монг. $халуун$, калм. $халу$ 'горячий' $< *qala\tilde{y}\tilde{u}n < *qala\tilde{y}\tilde{u}n$; бур. $хуул$, х.-монг. $суул$, калм. $су$ 'хвост' $< *seg\tilde{u}l < *seg\tilde{u}l$. Сравним тюркский тип образования вторичной долготы: др.-тюрк. $qo\tilde{q}\tilde{a}y$ 'колокольчик' = тув. $коңураа$ 'погремушка, бубенчик', тоф. $ho\tilde{q}\tilde{y}raa$ 'металлические подвески на шаманском костюме'; др.-тюрк. $a\tilde{y}\tilde{u}$ 'тяжелый' = хак., тув., тоф. aap id.; др.-тюрк. $qo\tilde{q}\tilde{u}r$ 'каурый рыхловатый' = хак., тув. $хоор$, тоф. $h\tilde{o}or$ id.

Сочетание же VCV с обычными краткими гласными (или с ударным [-м гласным?]) остается без изменений. Иначе невозможно объяснить, почему одинаковые по написанию в старомонгольском языке слова ᠳᠠᠭᠠᠴᠢ (*daγaqu*) 'следовать за' и ᠳᠠᠭᠠᠴᠢ (*daγaqu*) 'поднять, осилить' дали в современных языках столь разные рефлексy: бур. *дахаха* ~ *дагаха*, х.-монг. *дагах*, калм. *дахх* 'следовать за' из *daγaqu* и бур. *дааха*, х.-монг., калм. *даах* 'поднять, осилить' тоже из *daγaqu*. Почему также комплекс *-iγa-* в *ᠶᠢᠭᠠᠴᠢ* 'указывать' дал долгий гласный (бур. *зааха*, х.-монг., калм. *заах* id.), а в *ᠶᠢᠭᠠᠰᠤᠨ* 'рыба' сохранил свою структуру (бур. *загахан*, х.-монг. *загас*, калм. *захсн* id.)? Почему *-aγa-* в *qaγa* 'закрой' дал \bar{a} (бур., х.-монг., калм. *хаа* id.), а в *qaγa* 'вдрезбегн' сохранился (бур. *хаха* ~ *хага*, х.-монг. *хага*, калм. *хah* id.)? Все становится на свои места, если согласиться с рассмотренным выше предположением Ш. Хаттори и Ш. Лувсанвандана. Тогда закономерно считать, что *хага* 'вдрезбегн' развилось из $*qāga$, *хаа* 'закрой' — из $*qayā$ < $*qayā$; *заа* 'укажи' — из $*jīyā$ < $*jīyā$, а *загахан* 'рыба' — из $*jīgasun$; *дааха* 'осилить' — из $*dayāqu$ < $*dayāqu$, а *дагаха* 'следовать за' — из $*dāgaqu$; *абага* 'дядя' — из $*ābaga$, а *баатар* 'герой' — из $bayātur$ < $*bayātur$.

Вероятно, и в самом деле этот гласный был сначала просто ударным, потом на месте ударения в процессе эволюции монгольских языков под влиянием действия тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов развилась заместительная долгота. Но если бы эта долгота была первичной, или, иначе говоря, исконной, то ее без сомнения сохранили бы в виде тех или иных рефлексов все без исключения монгольские языки, раз они развились из некоего прамонгольского языка, имевшего первичные долготы. И в то же время бурятский и калмыцкий языки, например, дают иногда краткие гласные там, где в халхаском развилась долгота (напр., бур. *нурган*, калм. *нурхан* 'спина', х.-монг. *нуруу*, ср. т.-м. $nīγuyun$ < $*nīγuyun$ и т.п.), хотя фонематическое различие долгих кратких гласных сейчас весьма развито во всех этих трех языках и носители их прекрасно чувствуют долготу гласного. Далее, монгольский и даурский языки, тоже знающие долготу гласных, часто дают на месте комплекса VCV сочетание разных гласных, но без исчезнувшего интервокального согласного, например: мон. *тоа* 'число' — стп.-м. *toγa* (ср. бур., х.-монг. *то*, калм. *то* id.); мон. *bōgā* 'почки' — стп.-м. *bōgeγe* (ср. бур. *бөөрэ*, х.-монг. *өөр*, калм. *бөөр* id.); мон. *sōsh* 'сидеть' — стп.-м. *sayu-* (ср. бур. *хуу*, х.-монг., калм. *суу* id.); мон. *deisun* 'веревка' — стп.-м. *degesün* (ср. бур. *эээн*, х.-монг. *дээс*, калм. *дээсн* id.); даг.П *аул* ~ *аулā* 'гора' — стп.-м. *yula* (ср. бур. *уула*, х.-монг., калм. *уул* id.); даг.П *дэу* 'младший брат' — тп.-м. *degü* (ср. бур., х.-монг., калм. *дуу* id.); даг.П *хауиц* 'древний, старый' — стп.-м. *qayūciᠨ* (ср. бур. *хуушан*, х.-монг. *хуучин*, калм. *хуучн* id.). Если бы здесь 2-й гласный был с исконной долготой, то она как-то сохранилась бы.

Все становится понятным, если допустить, что 2-й гласный был в комплексах VCV ударным, впоследствии же он в некоторых монгольских языках стал восприниматься как долгий. В этих языках до сих пор ударный или ему подобный) гласный в иноязычных словах воспринимается как долгий. Во всяком случае несомненно, что гласные, например русского языка, произнесенные с сильным динамическим или эспираторным ударе-

нием, присущим русскому языку, носителями монгольских языков в принимаются всегда как долгие. Для бурятского языка это было отмечено еще А.Д. Рудневым [1913, с. XXXV]: "Везде русское ударение отражается в виде долготы". Примеры он приводит такие: *бэйиң* 'печь', *пориоңхб* 'росенок', *х'ил'ёмёң* 'хлеб', *солхдвд* 'целковый (рубль)', *хдйхё* 'кошма', *амбār* 'амбар', *һүнтё* 'фунт', *ол'тōwhā* 'литовка (коса для сенокосения) и т.п.

У Г.И. Рамстедта [см.: Ramst. KW] находим зафиксированные в калмыцком языке русские заимствования, в которых тоже русский ударный гласный отражается в виде долгого, например: *lāmpṛ* < лампа, *lāwkṛ* 'торговый магазин' < *лávка*, *jārtṛ* < ярмарка, *kanāwṛ* 'канал, арык' < *канáва*, *katzā* < *камзл*, *komṛās* < *компáс* (старое произношение, сохранившееся лишь в языке моряков), *tākiñ* < *мякíна* и т.п.

В халха-монгольском языке, по нашим наблюдениям, происходит аналогичная картина, например: *сороочиг* 'рубашка' < русск. *сорочка*, *хопод* < русск. *компóт*, *башинк* < русск. *боти́нки*, *араажи* < русск. *ра́дья*, *бярваас* < *перевóз*, *машаан* < русск. *маши́на* и т.п.

Долгий гласный на месте краткого появляется в бурятском разговорном языке и при заимствовании, например из тюркских языков. Так, зап.-бур. *tөөрсэг* 'крынка' представляет собой заимствованное тюркское слово *торг* 'бурдючок из шкуры с коленного сустава рогатого скота' [см.: Рассадин 1970, с. 55]. При этом восприятие бурятами тюркского *о* как долгого основано на том, что оно произносится более четко, чем последующее узкое *о*. Аналогичная картина у качугского слова *хаабшаг* 'мешочек', которое входит к тюрк. *qarşıq* — уменьшительная форма от тюркского же *qar* 'шок'. Долгий гласный представлен и у зап.-бур. *саажа* 'девичья коса', восходящего к тюрк. *saçı* 'его (ее) волосы' (форма посессива 3-го лица от *saç* 'волосы') [см.: Рассадин 1977, с. 133]. В тюркских языках гласные *a*, *o* в этих словах произносятся четко и как бы несколько затянуто в позиции перед последующим узким гласным, такова норма тюркского произношения. Поэтому *a* и *o* здесь производят впечатление ударных. В тюркологии вообще приходят к мнению, что древнетюркское ударение помещалось на первом слоге [см.: Гаджиева 1975, с. 257—259]. А поскольку указанные слова бурятами были заимствованы очень давно, когда у них еще были тесные контакты с древними тюрками, то они и воспринимали эти тюркские ударные гласные как долгие.

В тех же монгольских языках, где ударный гласный не стал восприниматься как долгий, он до сих пор сохранил свою краткость. Далее, все монгольские языки на определенном этапе их развития захватила волна изменения, сдвига слоговой акцентуации, сопровождавшаяся явлением ослабления артикуляции. В языках, наиболее сильно захваченных этими процессами, ударный гласный (обычно сильно напряженный) стал передаваться более слабым по напряжению долгим гласным (чем-то надо было компенсировать утрату напряжения), а смычные согласные перешли, ослабившись, в щелевые, щелевые же в свою очередь, ослабившись, растворились среди соседних гласных. Долгий 2-й гласный подчинил себе ослабившийся и потерявший устойчивость артикуляции 1-й гласный. Таким образом, можно связать с этим предположить также, что монгольские языки сначала не имели постоянного фиксированного ударения на начальном слоге слова, уда-

ие. видимо, было подвижным и что слова типа *aγula* 'гора' произносились ударением на 2-м гласном *u*, т.е. *aγúla*. Затем это *ú* дало долгий *ū*, а *γ* → *h* → хиатус, т.е. *aγúla* → *aḥūla* → *a'ūla* → *o'ūla* → *u'ūla* → *ūla*.

В тех же языках, где не получили последовательного развития указанные выше явления, процесс перехода ударного в долгий и образования торичной долготы остановился после смены акцентуации слогов (перевыска ударения на 1-й слог слова) как бы на полпути. Поэтому в некоторых современных, особенно периферийных, монгольских языках, например в могольском, долгота гласного успела образоваться лишь на месте их комплексов VCV, в которых обе гласные были одинаковыми или почти одинаковыми, т.е. *-aγa-*, *-ege-*, *-uγu-*, *-üγü-*, *-oγu-*, *-igi-*, *-iye-* и т.п., например:

Мог.	Стп.-м.	Значение
<i>qurūn</i>	<i>quruγun</i>	палец
<i>кш ʒ ūn</i>	<i>küjügün</i>	шея
<i>qōlei</i>	<i>qoγulai</i>	горло
<i>ebčūn</i>	<i>ebčigün</i>	грудь
<i>dširūnā</i>	<i>dügürümüi</i>	наполняется
<i>gēnā</i>	<i>gegümüi</i>	теряет
<i>tšlēn</i>	<i>tšliyen</i>	дрова
<i>ulōn</i>	<i>ulayan</i>	красный
<i>dēia ~ dēra</i>	<i>degere</i>	наверху

там, где в историческом комплексе VCV были представлены гласные разного качества, развитие его в долгий гласный не завершилось, и он застыл на промежуточной стадии эволюции в виде сочетания двух разных гласных, причем первый неогубленный под влиянием второго огубленного получил ебольшое огубление, например:

Мог.	Стп.-м.	Значение
<i>toa</i>	<i>toya</i>	число
<i>sōsil</i>	<i>segül</i>	конец; хвост
<i>ōādā</i>	<i>ōgede</i>	вверх
<i>dōšun</i>	<i>dayun</i>	голос
<i>dōšun</i>	<i>degü</i>	младший брат
<i>bōarā</i>	<i>bōgere</i>	почки

Встречаются в могольском языке и переходные случаи, когда как бы осуществляют формы с долгим гласным и с сочетанием двух разных гласных, например:

Мог.	Стп.-м.	Значение
<i>šōšnā ~ sūnā</i>	<i>saγumui</i>	сидит
<i>bōšna ~ būnā</i>	<i>baγumui</i>	спускается вниз, располагается на жительство
<i>qalōšun ~ galūn</i>	<i>galayun</i>	горячий

В дагурском языке наблюдается хотя и сходная типологически, но несколько иная картина. В нем в основном почти все комплексы VCV развились в долгие гласные, т.е. эволюция комплексов пошла дальше, чем в могольском, так что в дагурском долгие гласные представлены в массо-

вом количестве на месте комплексов как с одинаковыми гласными, и с разными, например:

Даг.-П	Стп.-м.	Значение
ас̄о̄-	asaγu-	спросить
б̄о̄-	baγu-	спускаться вниз
с̄о̄-	saγu-	сидеть; жить
āshi	aγaši	характер
соjō	soyuyā	клык
tō	toγa	число
ō-	aγu- ~ uγu-	пить
ц̄ ал̄о̄	jalayū	молодой
дул̄а̄ң	dulayan	тепло
ула̄ң	ulayan	красный

Но все же, хотя и в относительно немногих словах, на месте комплекса VCV с разными гласными сохраняется сочетание двух разных гласных например:

Даг.-П	Стп.-м.	Значение
аӯл ~ аӯл̄	aγula	гора
аӯл' ц̄ ӣ	aγulja-	встречаться
аӯр	aγur	гнев
ц̄ е̄ӯд̄е̄л-	jegüdele-	видеть сон
ц̄ е̄ӯл̄е̄-	jegüle-	бредить
е̄ӯд̄ ~ е̄ӯд̄е̄	egüden	дверь
е̄ӯл̄е̄ң	egülen	облако
с̄е̄ӯл	segül	хвост
с̄ӯд̄е̄р	següder	тень

Встречаются единичные примеры, как и в могольском языке, с обеими вариантами, например:

Даг.-П	Стп.-м.	Значение
даӯ ~ д̄о̄	daγun	голос
д̄е̄ӯ ~ д̄ӯ	degü	младший брат

Все эти примеры показывают, что и в дагурском языке эволюция комплексов VCV застыла на полпути.

Таким образом, могольский и дагурский языки, сохранив на м. долготных комплексов [по терминологии Г.Д. Санжеева, см.: 1977, с. сочетание разных гласных, причем в дагурском они явно редуцированы косвенно подтверждает наше предположение, что в монгольских языках в свое время происходила смена слоговой просодии и вторые гласные долготных комплексов не имели первичной долготы.

В монголоведении общепризнано, что долготные комплексы с инвокальными согласными, имевшие место в старописьменном монгольском языке, представляют собой древнее состояние монгольских языков, и прочие особенности старописьменного языка [см.: Санжеев 1977, с. 57]. Процесс распада комплексов VCV начался в монгольских языках но. Так, Н.Н. Поппе [1938, с. 15] по этому поводу писал: "В живой монгольском согласный γ (resp. g) в положении между гласными в случаях

которых идет речь, удержался недолго. Как показывают данные XIII–IV ст., эти согласные к тому времени (точнее к середине XIII ст.), пройдя стадию разных типов спирантов, редуцировались и исчезли. По всей вероятности, этот процесс исчезновения γ (g) в случаях, которые мы имеем в виду, начался еще в XIII ст. Точнее время начала этого процесса мы пока определить еще не можем и можем лишь констатировать, на основании словарей и других материалов типа нашего памятника ("Мукаддимат ал-Адаб". — С.Р.), что в XIII ст. никакого γ (g) в разговорной речи не было. К этой стадии, в монгольском историческом языкознании условно называемой средне-монгольской, относятся такие памятники, как выше цитированный лейденский глоссарий 1245 г., труд Ибн-Муханны и др. К этой же стадии относится и язык письменности, созданной указом юаньского императора Хубилая, известной под названием квадратной письменности. Сюда же относятся китайско-монгольские иероглифические словари начального периода минской эпохи типа Хуа-и-и-юй, монгольский текст известного сочинения Юань-чао би-ши ("Сокровенного сказания"). Словом, к этой стадии языкового развития относится ряд книжных памятников — материалов о разговорной речи. Стадиально сюда же относятся языки моголов и дауров".

Если обратимся к самим упомянутым источникам, то действительно видно, что в них в основном на месте комплекса VCV выступают двоелоги либо с хиатусом (VV), либо с билабиальным щелевым w (VwV) между гласными. А то, что образование долгих гласных за счет стяжения тих двослогов началось очень давно, еще до XIII в., подтверждается формами с уже развившимися долгими гласными, зафиксированными уже в памятниках XIII в. — в Лейденской рукописи и "Сокровенном сказании монголов" (датируемом обычно 1240 годом). Так, например, в Лейденской рукописи наряду с формами типа

ЛР	Стп.-м.	Значение
ebcēwūn	ebčigün	грудь
itawun	itayun	куропатка
eïden ~ ewüden	egüden	дверь
aua	aγuba	выпил
aula	aγula	гора
sauba	saγuba	сел
šibawun	šibayun	птица
ŷewūn	ŷegün	левый
baraun	barayun	правый
eleür	elegür	здоровый

входят слова с уже развившимися долгими гласными, например:

ЛР	Стп.-м.	Значение
ŷürγān ~ ŷurγān	ŷirγayan	шесть
dolān	doluyan	семь
būba dōra	baγuba doura	спустился вниз
tōlaba	toγalaba	считал
dēre	degere	наверху
dōrē	dörüge	стремя

ЛР	Стп.-м.	Значение
emēl	emegel	седло
inēbe	iniyebe	смеялся
imān	imayan	коза
qōlā ~ qōlai	qoγulai	горло
terūn ~ tirūn	terigün	голова
bōsün	bögesün	вошь

В то же время отдельные слова представлены как с долгим гласным так и с двослогом, что говорит о развивающемся, еще не завершившемся процессе, например:

ЛР	Стп.-м.	Значение
hulān ~ hulaan	ulayan	красный
qalūn ~ qalawun	qalayun	горячий; зной

Аналогичную картину дает язык "Сокровенного сказания монголо" в котором тоже наряду с массовыми формами типа

MNT	Стп.-м.	Значение
to'a ~ to'o	toγa	число
se'ul	segül	хвост
hula'an	ulayan	красный
o'ede	ögede	вверх
a'ur	aγur	ярость, гнев
a'ula	aγula	гора
jirho'an ~ jirwa'an	γirγuyan	шесть
kiru'e	kirüge	пила
e'ude(n)	egüden	дверь
eme'el	emegel	седло

встречаются хотя и редкие, но весьма показательные формы с развившейся долготой, сосуществующей с двослогами, например:

MNT	Стп.-м.	Значение
ūḥu ~ u'uḥu	aγuqu ~ uγuqu	пить
ūrgu ~ u'urgu	egürekü ~ ügürekü	нести на спине
adūsun ~ adu'usun	adaγusun ~ aduγusun	скот; лошади
aduči ~ adu'uci(n)	adaγučin ~ aduγučin	табунщик
jayātu ~ jaya'atu	γayaγatu	предопределенный суд
inēgu ~ ine'egu	iniyekü	смеяться

В памятниках же живых монгольских языков более поздних эпох, например XIV в., формы с долгими гласными либо уже преобладают, либо развились уже почти в половине слов. Так, например, в глоссарии Ибн-Ханнана [см.: Поппе 1938, с. 402—408] из 135 лексем, имеющих в своем составе долготный комплекс, у 14 представлены двослоги с хиатусом, а у остальных — вторичные долгие гласные. Здесь уже мало слов типа

ИМ	Стп.-м.	Значение
a'ūla	aγula	гора
da'ū	daγun	голос

ИМ	Стп.-м.	Значение
ni'ūr	niγur	лицо
ma'ū	maγu	плохой, дурной
gala'ūn	galaγun	горячий
ja'ūn	jaγun	сто
jala'ū 'юноша'	jalayū	молодой
se'ūl	segül	хвост
šiba'ūn	šibaγun	птица

основном же представлены слова с уже развившейся долготой, например:

ИМ	Стп.-м.	Значение
ūba	aγuba	выпил
būba	baγuba	спустился
sūba	saγuba	сидел
ǰūn	ǰegün	левый
dūren	dügüren	полный, наполненный
ebcūn	ebčigün	грудь
eǰit	elegür	трезвый; здоровый
hulān	ulaγan	красный
kirō	kirüge	пила
qūcīn	qaγučin	старый

Такая же в принципе картина и в глоссарии "Мукаддимат ал-Адаб", в котором хотя еще и сохраняется довольно много форм с двослогами, уже в очень большом количестве слов долгота предстает развившейся. Часто сосуществуют слова и с долготой и с двослогами, такие, например как

МА	Стп.-м.	Значение
adūsun ~ adu'ūsun	adaγusun ~ aduγusun	животное
kūǰūn ~ kūǰū'ūn	kūǰügün	шея
qarū ~ qari'ū ~ qariyū	qariγu	ответ
serūn ~ seri'ūn	serigün	прохладный
kösün ~ kö'esün	kögesün	пена
ǰirγān ~ ǰirγu'ān	ǰirγuγan	шесть
tōndu ~ to'āndu	toγa-dur	при счете
ǰūba ~ ja'ūba	jaγuba	укусил
mū ~ ma'ū	maγu	плохой
ǰalū ~ ǰala'ū	ǰalayū	молодой
ūlen ~ e'ūlen	egülen	туча

В подавляющем же количестве слов этого памятника на месте комплекса с одинаковыми гласными уже имеется долгий гласный [см.: Поппе 38, с. 16–18], например:

МА	Стп.-м.	Значение
sāba	saγaba	доил
qijār	kijaγar	край
hulān	ulaγan	красный
čeǰi	čegeǰi	грудь

МА	Стп.-м.	Значение
ḷeren	ḷegeren	антилопа
dēsün	degesün	веревка
emēl	emegel	седло
qōlai	qoḷulai	горло
qurūn	quruḷun	палец
ūta	uḷuta	мешок
būrul	buḷurul	седой

Комплексы же с разными гласными в тот период эволюции, зафиксированный в языке данного памятника, еще отставали в своем развитии. Основным предстают в виде двослогов с разными гласными [см.: I 1938, с. 19–28], например:

МА	Стп.-м.	Значение
ḷaki'āba	ḷokiyaba	сочинил
ni'āba	niḷaba	приклеил
keri'ē	keriye	ворона
qali'ün 'бобр'	qaliḷun	выдра
ni'ūr	niḷur	лицо
ni'ūba	niḷuba	скрыл
se'ūder	següder	тень
ši'ūr	šiḷür	метла
to'ān	toḷa	число
bö'ēsün	bögesün	вошь
a'ūški	aḷuški	легкое
ḷa'ün	ḷaḷun	сто
bara'ün	baraḷun	правый
qoya'ūla	qoyaḷula	вдвоем
ele'ūr	elegür	трезвый
e'ūden	eḷüden	дверь

Такая стадия в эволюции долготных комплексов, особенно с разными гласными, продолжала сохраняться в монгольских языках довольно долго. Если судить, например, по особенностям языка монголов XV в., зафиксированным в Стамбульском глоссарии [см.: Ligeti 1962; 1963] и по потерю передачи этимологических долготных комплексов в ранней описанной письменности (датируемой XVII веком) [см.: Санжеев 1953, с. 32–33].

Так, в Стамбульском глоссарии наряду с долгими гласными в слове типа

VI	Стп.-м.	Значение
dolān	doluḷan	семь
dēsün	degesün	веревка
bösün	bögesün	вошь
arūn	ariḷun	чистый
ebčün	ebčigün	грудь
hurūl	uruḷul	губы
idēn	idegen	пицца
ḷölen	ḷögelen	мягкий
tülēn	tüliyen	дрова
ūlen	eḷülen	облако

множестве представлены слова с двослогами с разными гласными, например:

	Стп.-м.	Значение
VI		
bara'un	baraγun	правый
bile'ü	bilegü	точильный брусок
dörje	dörüge	стрема
geši'ün	gešigün	ветка
itaun	itaγun	куропатка
yalau 'молодой человек'	yalayu	молодой
jawun	jaγun	сто
jurγu'an	jurγuγan	шесть
qalaun	qalaγun	горячий

В ойратском письменном языке на месте старомонгольских долготных мплексов представлены либо двослоги из разных гласных (ou, öü), бо удвоение гласных (uu, üü), либо особая черточка справа (знак "удан") и одним знаке для гласного [см.: Санжеев 1953, с. 32–33], т.е. писали: len (стп.-м. egülen) 'облако', pour (стп.-м. paγur) 'озеро', dolbn (стп.-м. luγan) 'семь' и т.п. В последнее время монгольский ученый Г. Жамьян основанно предложил читать знак "удан" как долгие ā ияя ē после соответствующей буквы, т.е. не emēl, а eme'ēl 'седло', не tō, а to'ā 'число', не lbn, а lolo'ān 'семь', не yabūd, а yabu'ād 'уйдя', не baḡd, а baḡ'ād 'схватив', böḡrō, а bö'ēḡrō 'почки' и т.п. [см.: Жамьян, с. 150–152]. Его поддерживают проф. Г.Д. Санжеев [см.: 1977, с. 117–120] и акад. Ц. Дамдинсурэн м.: с. 60–61]. Таким образом, ойратская письменность фактически реально отражала еще то состояние большинства ойратских диалектов XVII в., и котором у них еще не был полностью завершен процесс образования гих гласных за счет стяжения двослогов [см.: Санжеев 1953, с. 33]. логически ойратские формы половины XVII в. были еще довольно изки формам, представленным в памятниках монгольских языков XIII, V и XV вв., о которых говорилось выше. Сравним для примера ряд слов, еданных ойратской и старомонгольской письменностями:

Ойр.-письм.	Стп.-м.	Значение
oula	aγula	гора
our	aγur	гнев
ou-	aγu- ~ uγu-	пить
asou-	asaγu-	спрашивать
ouški	aγuški	легкие
söül	segül	хвост
šür	egür	гнездо
öüden	egüden	дверь
köböün	köbegün	сын
eriül ~ eröül	eregül	здоровый
yabuad	yabuγad	уйдя
abuad	abuγad	взяв
göröesün	görügesün	зверь
ideen	idegen	пища

Совершенно прав Г.Д. Санжеев [1977, с. 130–131], утверждая, что

"долготные комплексы ОПЯ (ойратского письменного языка. — *l* позволяют теперь с большой уверенностью заключить, что хронологические рамки среднемонгольской стадии развития наших языков (гласн + гласный" после выпадения интервокальных согласных и до слияния гласных в один долгий) следует раздвинуть примерно до (половины? конца?) XVII в., а не XV—XVI вв., как это было принято считать до пор применительно к основным монгольским языкам, т.е. халха-монгскому и бурятскому, а также ойратским диалектам. Причем процесс озвончения долгих гласных от одних долготных комплексов протекал гораздо медленнее и с большим числом промежуточных фаз, нежели от других особенно таких, которые содержали одинаковые гласные".

В бурятском языке, в котором процесс ослабления артикуляции зашел дальше, чем в других монгольских языках, и захватил весь язык, озвончение и выпадение интервокальных согласных и образование вторичной долготы гласных за счет стяжения происходит и в наше время. Это касается ослабления согласного $h < *s$ и выпадения его почти во всех западных бурятских говорах. При этом в результате либо образу на месте двоеклада настоящий долгий гласный, либо два гласных успели стянуться в один монофтонг и пока сохраняют между собой hiatus.

Так, выпадение h в середине слова наблюдается в боханском говоре. По утверждению М.П. Хомонова [1965, с. 44] "этот процесс, видимо, только начинающийся, территориально охватывает не все население данного лингвистического района. Например, *саан* в м. *саһан* (снег), *загаан* в м. *гаһан* (рыба), *нараан* в м. *нараһан* (сосна), *ялаан* в м. *ялааһан* (муха) и подобные явления наблюдаются в улусах Тараса, Буреть, Шаралдай, Бово. В исходном падеже также наблюдается выпадение h , например *тэрэ ул һама убээ* в м. *тэрэ уладаһа һама убээ* (лучше нет тех народов)". В боханском говоре этот процесс действительно начался недавно, когда вокалы непервых слогов приняли уже современный характер, поэтому долгота стала развиваться на месте сочетания *-аһа-*, в основе которого исторически было *-асу-* (ср. стп.-м. *časun* 'снег', *juasun* 'рыба', *parasun* 'сосна' и т.п.).

Видимо, гораздо древнее этот процесс у байкало-кударинских бурят, у которых тоже образовались долгие гласные на месте стяжения коротких гласных после выпадения находившегося между ними h , поскольку в отличие от боханских бурят байкало-кударинцы вместо *загаан* скажут *загуун* 'рыба' и т.п. Появление здесь и в подобных случаях долгого u на месте боханского долгого *aa* объяснимо, вероятно, тем, что образование долгого uu происходило еще в то время, когда вторым гласным изменявшегося здесь комплекса VCV был огубленный u , то есть слово первоначально имело облик не *загаһан*, а **загаһун*, причем аффикс **-һун* (< h имела, вероятно, ударение, давшее впоследствии долготу этого u). Поэт совершенно справедливо Ц.Б. Цыдендамбаев [1964, с. 63—64] видит причину появления uu в кударинском *загуун* на месте *загаһан* во влиянии более древнего характера гласного в аффиксе: "Выпадение интервокального рингального h главным образом в словообразовательной части, а также в середине слова нередко приводит к превращению кратких гласных в долгие. При этом если краткие гласные оказываются не однотипными, долготы устанавливается по второму гласному. Так, например, кударинцы говорят *анзүүн* (вероятно, из *анзаһун*, ср. старописьменное *анжису* в

нии 'соха, плуг'), *загуун* (из *загаһун*, ср. *жигасу* 'рыба'), *холтгуун* (из *лтоһун*, ср. *холтосо*) 'кора (древесная)', *урмэдзуун* (из *урмэдэһун*) 'пони', *элзуун* (из *элэһун*, ср. *элэсу*) 'песок' и т.д. Выпадение интервокального *h* в причастиях прошедшего времени, независимо от вокализма основы, приводит к образованию долгого гласного *aa*, так как в изучаемом говоре это причастие имело афф. *-һан* (из неупотребительного ныне глагола *а* 'быть'): *бухал шэрэан хубуун* 'мальчик, возивший копыны' (надо полагать, из *шэрэһан*), *ухаан хуун* 'умерший человек' (из *ухэһан*) и т.д." Выпадение *h* между гласными отмечается и в баргузинском говоре. При этом, в отличие от байкало-кударинского, здесь еще не происходит полностью сращения двух разных гласных в долгий монофтонг. На месте бурятско-комплекса *-VhV-* (< *-VsV-*) представлено сочетание *V:V*, где 1-й гласный комплекса — долгий *уу* или *уу*, 2-й гласный — *а* или *э*, а между ними hiatus место выпавшего *h*, например [см.: Раднаев 1965, с. 82]:

Барг.	Байк.-кудар.	Лит.-бур.	Стп.-м.	Значение
<i>загуу'ан</i>	<i>загуун</i>	<i>загаһан</i>	<i>ǰıyasun</i>	рыба
<i>дабуу'ан</i>	<i>дабуун</i>	<i>дабаһан</i>	<i>dabusun</i>	соль
<i>наруу'ан</i>	<i>наруун</i>	<i>нараһан</i>	<i>narasun</i>	сосна
<i>шэнуу'эн</i>	<i>шэнуун</i>	<i>шэнэһэн</i>	<i>ǰinesün</i>	лиственница
<i>нэруу'эн</i>	<i>нэруун</i>	<i>нэрэһэн</i>	<i>neresün</i>	голубица

Однако, при наращивании аффиксов родительного и исходного падежей подобных словах появляется только долгий *уу* или *уу*: *загуунаан* 'с рыба', *нарууни* 'сосны', 'сосновый', *нэруунаа* 'с голубицы' [см.: Раднаев 1965, с. 82]. По свидетельству Э.Р. Раднаева [1965, с. 82], *h* в баргузинском говоре выпадает также в аффиксах причастий, в формах пожелания в глаголах в сложных словах, при этом образуется либо долгий гласный, либо дифтонг (двоеслӧг?), например:

Барг.	Лит.-бур.	Значение
<i>ераан</i> , изредка <i>ерээн</i>	<i>ерэһэн</i>	пришедший
<i>ошаан</i> , —"— <i>ошоон</i>	<i>ошоһон</i>	сходивший
<i>бэшаан</i> , —"— <i>бэшээн</i>	<i>бэшэһэн</i>	писавший
<i>ябаан</i>	<i>ябаһан</i>	ушедший
<i>ерээб</i>	<i>ерэһэйб</i>	пришел бы
<i>ошазб</i>	<i>ошоһойб</i>	сходил бы
<i>эсазш</i>	<i>эсэһэйш</i>	устал бы

Появление в баргузинском говоре *уу* или *уу* в предконечном слоге, перед hiatusом, можно объяснить, на наш взгляд, метатезой. Так, например, **загаһуун* после выпадения *h* возникло **зага'уун*, при метатезе — *зау'ан* 'рыба'. Процесс этот начался во всей вероятности еще тогда, когда в современном бурятском афф. *-һан* < **-һун* < **un* произносился баргузинскими бурятами гласный *у*. Хотя в то же время баргузинский говор в других словах сохраняет более архаичный состав гласных непервых слов, например [см.: Раднаев 1965, с. 82]:

Барг.	Лит.-бур.	Стп.-м.	Значение
<i>таргуун</i>	<i>тарган</i>	<i>tarɣun</i>	жирный
<i>амгуулан</i>	<i>амгалан</i>	<i>amɣulang</i>	тихо, мирно
<i>таху</i>	<i>таха</i>	<i>taqa</i>	подкова
<i>алху</i>	<i>алха</i>	<i>aluqa</i>	молоток

У тункинских бурят тоже зафиксировано выпадение *h* между глас и образование долгих гласных. Так, К.М.Черемисов [1941, с. 125] по этому поводу следующее: "Можно отметить для тункинского диалекта частый факт стяжения в долгий гласный сочетания "гласный + *h* + ный": *годоон* в м. *годоһон* 'кожа на ногах животного', *эһэ дасан бари* в м. *эһэ дасан баригдаһаар* 'с тех пор как построен этот дацан', ... *ябаһан* 'ушедший', *шөлөөн* в м. *шүлэһэн* 'слюна', *хараан юмэ үгэй* 'не и даже: *һарьян* (в м. *һарһан*) *эрбээхэй* 'летучая мышь'".

Как отмечает А.Г. Митрошкина [1968, с. 54], "известный интерес ставляет слабая артикуляция качутского интервокального *h*, особенно в непервых слогах основы и в формате исходного падежа. Примеры: *га'ан* в м. *зумгаһан* (щепки), *хубуунз'эн* в м. *хубуунһэн* (от сына сво *Москваа'ан* в м. *Москвааһан* (из Москвы). По характеру произношения слов с выпавшим интервокальным *h* описываемый говор напоминает и ольхонских бурят. Как и в последнем, в качутском говоре на месте вшего *h* образовывается как бы разрыв между гласными, например *гу'ун* (рыба). Но стяжения гласных в нем не наблюдается. Иными словами выпадение *h* не дает долгого гласного, как в ольхонском говоре. Од в речи одного и того же носителя говора спирант *h* может и выпадать, таваться".

По свидетельству И.Д. Бураева [1968, с. 131], "в аларском говоре встречается выпадение звука *h* в интервокальном положении и в окрестности исходного падежа. Например, в м. *бур'аһаараа* говорят *бур'азаараа хаанаһаа* – *хаанаа*, *арбанаа* в м. *арбанһаа* и т.д."

Исчезновение *h* между гласными характерно также для старобаргутского (хучин-баргутского) говора, о чем сообщает Б.Х. Тодаева [1960, с. например: бур. *оёмһөн*, шинэ-баргут. *оёмһү*, хучин-баргут. *оёмү* 'чу О выпадении *h* в интервокальном положении и образовании долгих гласных вследствие этого в говоре хучин-баргутов Кулун-Буира писал и Чингизов в 50-х годах. Он приводил следующие примеры: монг. *хус* – ст.-бар. 'береза', монг. *улиас* – ст.-бар. *ул'а* 'осина', монг. *унс* – ст.-бар. *уну* 'звезда', монг. *хорс* – ст.-бар. *хуру* 'почва'. Кроме того, в старобаргутском говоре фарингальный *h* выпадает в именах в исходном падеже и в причастиях прошедшего времени: *адүна* 'из табуна' (ср. новобаргутско-бурятское *адүгэ* 'из дома' (ср. новобар.-бур. *гэрһэ*), *јовон хун* 'ушедший член' (ср. новобар.-бур. *яһан хун*) и т.д. [баргутские примеры см.: Цыденов 1964, с. 66].

По свидетельству монгольского ученого Ж. Тумурцэрэн [см.: Тумурцэрэн 1971а, с. 207], в чивчин-баргутском говоре согласный **s*, развиваясь в баргу-бурятском говоре в *h*, дал *x* (через стадию *h*). В середине слова в интервокальном положении этот *x* выпадает, образовав хиатус между гласными, иногда возникает и вторичный долгий гласный. Примеры:

Стп.-м.	Баргу-буряты	Чивчин-баргуты	Значение
usun	uhū	uḥū ~ uū	вода
tosun	toḥū	toḥō ~ toō	масло
qulusun	ḥuluḥu	ḥulū	тростник
ger-eče	gereḥē	ger'ē	из дома
aduγun-ača	adūnaḥā	adūn'ā	из табуна
mölsün	mölöhū	mölū	лед

Таким образом, процесс образования вторичных долгих гласных за счет выпадения интервокальных слабых согласных, захвативший в свое время все монгольские языки, еще не затух окончательно и в какой-то мере продолжается в бурятских, точнее западнобурятских, говорах, а изоглосса этого явления ведет далеко от Байкала — к баргутам, связанным с бурятами своим происхождением.

Сохранение древней долготы?

В бурятском литературном языке и его говорах наблюдается долгота гласных там, где в старописьменном монгольском, а также в средневековых монгольских языках она ничем не обозначена. На месте бурятских долгих в таких случаях везде стоят краткие гласные. Объяснить в данных случаях появление долготы за счет выпадения интервокального согласного в комплексе VCV не представляется возможным, потому что и комплекса этого здесь нет. Примерами могут служить следующие слова:

биш (цонг.) — лит.-бур., х.-монг., калм. *би*, стп.-м., МА, MNT *bi* 'я';

чиш (цонг.) — лит.-бур. *ши*, х.-монг., калм. *чи*, стп.-м., МА, MNT *çi* 'ты';

таа (цонг.) — лит.-бур., х.-монг., калм. *та*, стп.-м., МА, MNT *ta* 'вы';

таргуун (барг.), *тарагуун* (хамниг.) — лит.-бур., х.-монг. *тарган*, калм. *тарһн*, стп.-м., МА *taɣuun* 'жирный';

ниидхэ (общебур.) — х.-монг. *нисэх*, калм. *нисх*, стп.-м. *niskü*, Ма *nis* 'лететь';

жиир, *жиирэй* (лит.-бур.) — х.-монг. *жир*, *жирийн*, калм. *йир*, *йирин*, стр.-м. *jiɣ*, *jiɣin* 'обычный, заурядный, простой';

биэрэ (лит.-бур.) — х.-монг. *бийр*, элют. [Ramst. KW] *bīr*, стр.-м. *bir* 'кисточка для письма';

тиибхэ (зап.-бур.) 'луковица сараны; мошонка животного' — лит.-бур. *тумһэн* 'луковица растений, клубень', х.-монг. *тэмс*, стрп.-м. *tömüsün* 'картофель; луковица сараны; testiculi';

жиимэгэр (лит.-бур.) — х.-монг. *жимгэр*, калм. *жимгр*, стп.-м. *ʃimiger* 'поджатый — о губах';

булгааһан, *балгааһан* (зап.-бур.), *балгоос* (сарт.) 'летняя деревянная юрта' — х.-монг. *балгас*, калм. *балһен*, стр.-м. *balγasun* 'город', МА *balγasun* 'город; стена; дворец, постройка';

бургааһан (общебур.) — х.-монг. *бургаас*, калм. *бурһсн*, стп.-м., МА *buɣasun* 'ветвь';

хилгааһан (общебур.) — х.-монг. *хялгас*, калм. *килһсн*, стп.-м. *kiɣasun*, МА *qilγasun* 'конский волос';

хабхаа (н) (лит.-бур.) — х.-монг., калм. *хавх*, стп.-м. *qa bqa* 'капкан';

хизаалан (г) (общебур.) — х.-монг. *хязалан* (г), стп.-м. *kiɣalang* 'четырёхгодовая кобылица';

шиидам (лит.-бур.) — х.-монг. *шийдам*, *шийдэм*, стп.-м. *šidam* 'дубина', калм. *шиидм* 'длинный — о палке';

баабай (общебур.) 'отец; папа; дядя' — х.-монг. *баабай* 'отец', калм. *баав* 'отец', стп.-м. *baba* 'отец; прадед';

шалбааг (общебур.) — х.-монг. *шалбаа*, *шалбааг*, калм. *шалва*, стп.-м. *šilbaɣ* 'лужа';

шиидхэ (общебур.) — х.-монг. *шийтгэ*, калм. *шиид*, стп.-м. *šidke* 'решить';

суу (тунк., окин.) — лит.-бур. *hун*, зап.-бур. *үһэн*, х.-монг. *суу*, к усн, стп.-м., МА *sün* 'молоко'.

В то же время в бурятском языке имеется большая группа слов, в которых комплекс VCV не дал ожидаемой долготы гласного за счет выпадения интервокального согласного, он сохранился, но зато второй гласный произносится с долготой, например:

амгуулан (барг.) — лит.-бур., х.-монг. *амгалан* (г), калм. *амһлң*, ам стп.-м. *amūyulang* 'тихо, мирно, спокойно', МА *amūlan* 'отдых', MNT : *hulang* 'покой, радость';

богоол (наряду с *боол*) — х.-монг. *боол*. калм. *боһл*, стп.-м. *boγul bo'āl* ~ *bōl*, MNT *bo'ol*, ИМ *bo'āl* 'раб';

агаар — х.-монг. *агаар*, калм. *аһр*, *аһар*, стп.-м. *аγаг*, *аγаг-а* 'воздух, атмосфера; погода';

адагуусан (устар.) — общебур. *адууһан* 'скотина' х.-монг. *адуус*, *адз* калм. *адусн*, стп.-м. *adayusun*, *aduyusun*, МА *adu'usun*, *adūsun*, MNT *adū adu'usun* 'лошадь; скот';

ирагуу — х.-монг. *яруу*, калм. *яру*, *иру*, стп.-м. *igayu* 'звучный, мелодичный';

изагуур 'род, происхождение' (ср. *узуур* 'корень, основание') — х.-м *язгуур* 'происхождение; корень, корешок'+ *ёзоор* 'основание, корень' калм. *йозур*, стп.-м. *ijayur* 'корень, основание, происхождение';

арьятан — х.-монг. *араатан*, стп.-м. *ariyatan* 'хищник', калм. *арат* 'плотник' МА *ari'ātu* 'имеющий клык';

мэнгээрһэн — х.-монг. *мөгөөрс*, калм. *мөөрсн*, стрп.-м. *mögersün* 'хряк' *хизагаар* (книжн. высок.) — разг.-бур. *хизаар*, х.-монг. *хязгаар*, к кизэр, стп.-м. *kiǰayar*, Ма *qijār* 'граница, рубеж';

инсагаа — х.-монг. *янцгаа*, калм. *инцха*, стп.-м. *inčaya* 'ржать';

шагаа — х.-монг. *шагаа*, *шагай*, калм. *шаһа*, стп.-м. *šiya* 'смотреть; заглядывать: в щель';

жэгуур 'крыло' — бур. *жэбэр* 'крыло; маховые перья в крыльях', х.-м *жигуур* 'крыло; фланг', *живэр* 'плавник у рыбы', калм. *живер*, стп. *ǰigür*, *ǰiber* 'крыло';

зугаа 'беседа, разговор; пир, веселье'; (аларск.) 'песня' — х.-монг. *зү* калм. *зуһа*, стп.-м. *juγa* 'развлечение, веселье';

сагаан — х.-монг. *цагаан*, калм. *цаһан*, стп.-м. *čayān*, МА *čayān*, MN : *han*, *saḥa'an* 'белый';

сэгээн 'светло-голубой' — х.-монг. *цэгээн*, калм. *цэгэн*, стп.-м. *š* 'светлый';

ягаан — х.-монг. *ягаан*, калм. —, стп.-м. *yaγan* 'розовый'.

Как видно из примеров, долгота этих гласных появляется иногда и в ха-монгольском и в калмыцком языках. Случаи появления долготы по этому типу отмечаются и в других монгольских языках, например в монгольском и дагурском [см.: Порре 1955, с. 74—76]:

даг. П *kī* — х.-монг. хий-, орд. *kī*, монгол. *gi*, калм. *ке*, бур. *хэ*, стп. *ki* 'делать';

даг. П *ōŋ* — х.-монг., бур., калм. *он*, орд. *on*, монгол. *fān*, МА *һон*, стп. *on* 'год';

даг. П *sū* — х.-монг., тунк., окин. *суу*, лит.-бур., вост.-бур. *һун*, зап.-бур. *үһэн*, калм. *усн*, монгол. *sun*, мог. *шш*, МА, стр.м. *sün* 'молоко';

даг. П *mōd*, мognop. *mōdi* — х.-монг. *mod*, бур. *модон*, калм. *модн*, орд. *udu*, мoг., стп.-м., MA *modun*, MNT *mudun* 'дерево';
 монгор. *dāxu* — х.-монг., бур. *даха*, калм. *дах*, орд. *дахи*, стп.-м., MNT *да* 'доха';
 монгор. *fōdi* — даг. П од ~ оддō, х.-монг. *od*, бур. *одон*, калм. *одн*, орд. *ду*, MA *hodun*, стп.-м. *odun* 'звезда';
 монгор. *dāru-* — х.-монг., калм. *дар-*, бур. *дара-*, орд. *дагу-*, даг. П *дара-*, стп.-м. MA *daru-* 'давить'.

Относительно долготы гласных этого типа можно предположить, что она является пережиточным рефлексом какой-то более древней просодии. Как уже нами отмечалось выше, это могла быть долгота, отразившая более ровный сильный ударный слог при проявлении общей тенденции ослабления артикуляции звуков, в разной степени охватившей все могольские языки, хотя есть мнение, что это остатки древних первичных долгих гласных [см.: Попре 1965; с. 179].

Монофтонгизация дифтонгов

Одной из причин возникновения долгих гласных в бурятском языке является тенденция к монофтонгизации дифтонгов (правильнее в данном случае — дифтонгоидов), развивавшихся из комплексов *Vj* в начале и середине слова и *Vi* в конце слова [см., напр.: Санжеев 1953; с. 80]. При этом тенденция эта в бурятских говорах реализуется по-разному.

Для хоринского говора А.Д. Руднев [1913, с. I—V] везде в аудите в месте исторического дифтонга *Vi* отмечал долгий монофтонг, причем явно выраженным "опереднением" компонента *V*. Так, например, он фиксирует *танā* 'ваш' (лит. *танай*), *намтā* 'со мной' (лит. *намтай*), *бāбā* 'тятя' (лит. *баабай*), *Лодō* — имя собственное Лодой, *орōтōт* 'запоздав, замешавшись' (лит. *оройтоод*), *орōжī* 'обернув' (лит. *оройжо*), *убēшгē* 'дурачок' (лит. *убэштэй*), *хūdū* 'сколько' (лит. *хэды*, стп.-м. *kedüi*). Давая в своем труде сравнительную фонетику монгольского письменного языка хори-бурятского говора, он приводит таблицу, в которой показано реальное произношение в хоринском говоре дифтонгов в 1-м и в остальных слогах. Более дифтонгоподобное произношение сохраняется, по его мнению, в 1-м слоге, а во всех остальных, особенно в абсолютном конце слова, звучат в основном долгие монофтонги. Его транскрипция такова:

исъм.

чертание	1-й слог	Остальные слоги
<i>aĭ</i>	<i>aĕ</i>	<i>ē, ā, ä, ī</i>
<i>eĭ</i>	<i>ī</i>	<i>ē, ī</i>
<i>oĭ</i>	<i>oĕ</i>	<i>ō, ō</i>
<i>uĭ</i>	<i>uĭ</i>	<i>ū, ū, ū, wī, ī</i>

И.Д. Бураев [1959], исследовавший на основе экспериментальных данных звуковой состав бурятского литературного языка, тоже приходит к выводу, что бурятские дифтонги *аз*, *оз*, *уи* проявляются как долгие монофтонги, главным образом в непервых слогах. В первых слогах они произносятся все же ближе к дифтонгам. Объясняется это общей закономер-

ностью бурятского языка, дающего более напряженные гласные в пер-
 слоге и менее напряженные в последующих [см.: Бураев 1959, с. 14].
 При этом он отмечает [с. 144—145, 149—151, 157], что исторические д-
 тонги **ui* и **üi* в непервых слогах развились в долгий монофтонг *ui* (орф.
 а исторический дифтонг **ei* дал долгий монофтонг *ээ*, являющийся от-
 ком фонемы *ээ* и только орфография искусственно продолжает обо-
 чать дифтонг *эй* там, где все произносят вместо него долгий м-
 фтонг *ээ*).

Если обратимся к сугубо диалектологическим работам, то увидим,
 бурятоведы-диалектологи отмечают во многих говорах тенденцию пр-
 носить дифтонги как долгие монофтонги, причем опередненные и во 1
 позициях. Рассмотрим конкретные примеры.

Например, в материалах по нижеудинскому говору, приводит
 Г.Д. Санжеевым [см.: 1930], везде на месте исторических дифтонгов д-
 долгие опередненные монофтонги. Вот некоторые его примеры с наш-
 сравнениями: **хүрää* 'сухой' (стп.-м. *qayugai*), **но^кхэ* 'собака' (стп.-м. по
мōнһөң 'черемуха' (стр.-м. *moylsun*), **милкэ* 'соединить' (стп.-м. *peyilekü*), *е*
 'море' (стп.-м. *dalai*), **бāхā* 'быть' (стп.-м. *baiiqu*), **га^кхā* 'свинья' (стп-
yaqai), **сā* 'чай' (стп.-м. *cai*), **нōтōң* 'мокрый' (стп.-м. *noyitun*).

А.А. Дарбеева [1978, с. 29—31, 32—33, 37—42] тоже отмечает как ха-
 терный признак нижеудинского бурятского говора переход *i*-образ-
 исторических дифтонгов в долгие монофтонги. Так, *ai* дал *ā*; *ei* — *ā* ил-
oi — *ō* или *ē*, например: **гакā* 'свинья' (стп.-м. *yaqai*, лит.-бур. *гахай*), **дā*
 'ножницы' (стп.-м. *qayici*, лит.-бур. *хайша*), **āмкā* 'боязливый' (стп-
ayimqai, лит.-бур. *аймхай*); **келкā* 'заика' (стп.-м. *kelegei*, лит.-бур. *хэлл*
керōсгē 'пустельга' (лит.-бур. *хюрөөсгэй*); **кормā*, **кормē* 'подол' (стп-
qogtui, лит.-бур. *хормой*), **нокā*, **ноке* 'собака' (стп.-м. *noqai*, лит.-бур.
хой), **һөр* 'глухарь' (стп.-м. *soyir*, лит.-бур. *һойр*), **м'ōнһөң* 'черемуха' (стп-
moylsun, лит.-бур. *мойһон*). Дифтонги *ui* и *üi* в первом слоге обычно со-
 няются, например: **уйтūң* 'узкий' (стп.-м. *uyitan*, лит.-бур. *уйтан*), **гүй-*
гать' (стп.-м. *güyi*, лит.-бур. *гуй*). В конце же слова дифтонг *ui* пер-
 дит в долгий узкий разгубленный монофтонг *ū*, например: **ургū* 'подсе-
 ник' (стп.-м. *igayui*, лит.-бур. *ургы*), **каргū* 'дорога' (стп.-м. *qayui*, лит.-
харгы), **кансū* 'рукав' (стп.-м. *qanṣui*, лит.-бур. *хамсы*). В отдельных
 чаях происходит монофтонгизация и дифтонга *üi*, при этом он тоже п-
 ходит в долгий узкий разгубленный мягкорядный *ī*, например: **кīтеу*
лодно' (стп.-м. *küyiten*, лит.-бур. *хүйтэн*, ср. калм. *киитн*). Кстати, ан-
 гичный переход **üui* в *ī* наблюдается также в восточных бурятских гово-
 что нашло отражение и в литературном языке, о чем см. ниже.

Относительно перехода дифтонгов в долгие гласные в тункинском
 воре его исследователь Д.А. Абашеев пишет [с. 7—8]: "Дифтонги тун-
 ского говора *аз*, *оз*, *уи* и *юи* характеризуются тенденцией к монофтонг-
 ции. Как в односложных, так и в многосложных словах дифтонги... в оі
 деленном положении превращаются в обыкновенный долгий гласн
 и второй элемент как бы совершенно стирается". К сожалению, приме-
 мая им транскрипция не позволяет графически точно передать эту разн-
 в дифтонговом и монофтонговом характере звуков, так как и долгие
 нофтонги и дифтонги переданы одинаково посредством сочетаний *б*,
аз, *оз*, *уи* и *юи*, например: *азл* 'сосед', *дазн* 'война', *һазн* 'хороший', *оз* 'л

оэ 'вершина', уи 'печаль', гуулга 'подарок', зуул 'род, сорт', тугимэр 'пор-
ар', туги 'обуза, несчастье'. Поэтому приходится верить ему на слово [см.:
Башеев, с. 8].

В боханском говоре тоже наблюдается, судя по утверждению М.П. Хо-
нова [1965, с. 41], появление долгого \bar{a} из дифтонга ai, например: \bar{a} л-
ус', $\bar{h}\bar{a}$ нг 'хороший', $\bar{h}\bar{a}$ хан 'красивый'. К сожалению, о развитии в моноф-
тонги других дифтонгов он ничего не говорит. Но, как показывает приво-
мый им материал, сюда же можно добавить появление долгого ээ из ai
ei. Так, у него находим нохээ 'собака (стп.-м. ноqai, лит.-бур. нохой),
элээ 'рукавцы' (стп.-м. begelei, лит.-бур. бээлэй), үбээ 'нет' (стп.-м.
ei, лит.-бур. үгы).

Переход дифтонгов, особенно ai, ei, oi, в долгие монофтонги \bar{a} , ээ, \bar{o} на-
дим в качугском говоре, например. б \bar{a} на 'стоит' (лит.-бур. байна), х \bar{a} ха
'ссывать' (лит.-бур. хайха), х \bar{o} но 'на севере; сзади, позади' (лит.-бур.
йно), дэмээ 'зря; бедовый' (стп.-м. demei, лит.-бур. дэмы), дүлээ 'глу-
й' (стп.-м. dülei, лит.-бур. дүлии) [см.: Митрошкина 1968, с. 49–50].
Аналогичная картина и в эхирит-булагатском говоре [см. Матхеев 1957,
202].

Широко представлены долгие монофтонги вместо дифтонгов и в алар-
ском говоре. Н.Н. Поппе [1930а, с. 57–58] пишет об этом: "Что касается
аларского говора, как вообще и ряда других западно-бурятских, по край-
ней мере говоров, то там дифтонги развились в долгие гласные, притом
тогда в долгие гласные переднего ряда, каковой переход дифтонгов с
дним гласным в качестве первого компонента в передний ряд обуслов-
лен влиянием *i". При этом в односложных словах, как правило, разви-
лись чистый долгий гласный (напр., \bar{a}), а в многосложных — долгий гласный
призвукком i (напр., $\bar{a}i$). Примеры [см.: Поппе 1930а, с. 58]: -ai- (в аус-
лауте ai) дал \bar{a} , $\bar{a}i$ (напр., д \bar{a} н, 'враг; война', $\bar{h}\bar{a}$ н, 'хороший', $\bar{h}\bar{a}i$ н, 'прекрас-
ный, хорошенький'); -oi- (в ауслауте oi) дал \bar{a} , $\bar{o}i$ (напр., \bar{o} 'лес', $\bar{h}\bar{o}$ р
'ухарь', \bar{o} р \bar{o} ~ \bar{o} р $\bar{o}i$ 'макушка'); -ui- (в ауслауте ui) дал в ударенном
оге \bar{u} , $\bar{u}i$, в неударенном — \bar{u} (напр., $\bar{u}i$ 'лаха' 'плакать', $\bar{u}i$ н, 'береста',
м $\bar{e}u$ т 'рукав'); -ei- (в ауслауте ei) дал в ударенном слоге \bar{e} , в неударен-
ном — $\bar{e}i$ (напр., т \bar{e} м \bar{e} 'такой', \bar{e} м \bar{e} 'этакий', с \bar{e} д \bar{e} х \bar{e} 'развеваться', \bar{e} рб \bar{e} х \bar{e}
'бочка', $\bar{h}\bar{u}$ г $\bar{e}i$ 'пятка'); -üi- (в ауслауте üi) дал в ударенном слоге \bar{u} , $\bar{u}i$,
в неударенном — \bar{u} , т.е. аналогично дифтонгу ui (напр., $\bar{h}\bar{u}i$ т \bar{e} 'сосватанная',
л 'род, сорт', т $\bar{u}i$ м \bar{e} р 'лесной пожар', гуд \bar{u} т 'столько').

Судя по нашим личным наблюдениям, эта аларская схема развития
исторических дифтонгов в основном представлена во всех западных бурят-
ских говорах, о которых упоминалось выше.

В окинском говоре, как показывают наши полевые записи, нет твер-
дой нормы произношения дифтонгов. В речи одного и того же человека,
носителя говора, исторические дифтонги либо сохраняют свой дифтонго-
вый характер, либо переходят то в чистый долгий монофтонг, то в мо-
нофтонг с i-образным или э-образным призвуком в конце. Рассмотрим
более подробно развитие в окинском говоре исторических общемонгольских
дифтонговых комплексов:

-ai- (в ауслауте -ai) дает в аялауте и иялауте \bar{a}^{ϵ} , в ауслауте — \bar{e} :
о чаще а \bar{e} , \bar{a}^{ϵ} , $\bar{a}i$, например: \bar{a}^{ϵ} d \bar{a} г пугливый' (стп.-м. ayidaγ, лит.-
р. айдаг), \bar{a}^{ϵ} t \bar{a} гт \bar{a} г \bar{e} 'странный; очень' (лит.-бур. айхабтар), хо:le:

'горло' (стп.-м. qolai, лит.-бур. *хоолой*), $\text{ɕo}j\text{o}r\text{t}\epsilon:$ 'двухгодовалый' (с qoyartai, лит.-бур. *хоёртой*);

-eyi- (в ауслауте -ei) дает в анлауте и инлауте i:, i:, в ауслауте - e: 1: (наряду с e), например: $\text{t}\acute{\text{i}}:\text{m}\grave{\text{e}}$ 'такой' (стп.-м. teyimü, лит.-бур. *ти*), $\text{s}\acute{\text{i}}:\text{d}\acute{\text{a}}\text{m}$ 'вода, забеленная молоком' (стп.-м. ɕeyidem , лит.-бур. *сиид*), $\text{z}\acute{\text{u}}:\text{y}\acute{\text{i}}$ 'пчела' (стп.-м. jögei, лит.-бур. *зугы*), $\text{d}\acute{\text{u}}:\text{l}\epsilon:$ 'глухой' (стп.-м. и лит.-бур. *дулли*), $\text{h}\acute{\text{z}}\text{y}\acute{\text{i}}:$, $\text{h}\acute{\text{z}}\text{y}\epsilon:$, $\text{eh}\acute{\text{e}}\text{y}\acute{\text{e}}\text{i}$ 'большой кусок войлока' (стп.-м. и лит.-бур. *дзэ*), $\text{t}\acute{\text{u}}\text{r}\acute{\text{e}}:$, $\text{t}\acute{\text{u}}\text{r}\acute{\text{e}}:$ 'голенце' (стп.-м. и лит.-бур. *турши*), $\text{p}\acute{\text{e}}\text{h}\epsilon:$ 'овчина' (стп.-м. nekei, лит.-бур. *некы*);

-oyi- (в ауслауте -oi) дает $\text{o}\epsilon:$, $\text{o}\epsilon:$ (чаще же $\text{o}\epsilon$, oi , $\text{o}\epsilon\epsilon$), например $\text{o}\epsilon:\text{g}\text{h}\text{o}\text{n}$ 'близко' (стп.-м. oyigaqan, лит.-бур. *ойрхон*); $\text{p}\acute{\text{o}}\text{:}\text{t}\text{o}\text{n}$ 'мок' (стп.-м. pouitan, лит.-бур. *нойтон*), $\text{o}\epsilon:\text{l}\text{o}q:\text{o}$, $\text{o}\epsilon:\text{l}\text{o}q:\text{o}$ 'понимать' (стп.-м. ойлогочу, лит.-бур. *ойлгохо*);

-uyi- (в ауслауте -ui) дает в ауслауте $\text{y}\acute{\text{i}}$ (в анлауте и инлауте обычно в ауслауте также и $\text{y}\acute{\text{i}}$), например: $\text{x}\text{a}\text{n}\text{s}\text{y}\acute{\text{i}}$ 'рукав' (стп.-м. qançui, лит.-бур. *хамсы*);

-üyi- (в ауслауте -üi) дает в анлауте и инлауте $\text{ü}:\epsilon$, $\text{ü}:\text{i}$ (часто же $\text{ü}\epsilon$, üi), иногда $\text{i}:$, в ауслауте - $\text{i}:$, $\text{i}:$, например: $\text{ü}:\text{h}\text{ä}\text{n}$ 'береста' (стп.-м. üyisün, лит.-бур. *үйһэн*), $\text{g}\acute{\text{ü}}:\text{x}\acute{\text{z}}$ 'бежать' (стп.-м. güyikü, лит.-бур. *гуй*), $\text{t}\acute{\text{ü}}:\text{m}\acute{\text{z}}$ 'лесной пожар' (стп.-м. tüyimeg, лит.-бур. *туймэр*), $\text{m}\acute{\text{i}}:\text{h}\acute{\text{z}}$ 'дерево' (стп.-м. büyile, лит.-бур. *муйлэ*), $\text{x}\acute{\text{ü}}:\text{d}\text{i}$ 'сколько' (стп.-м. kedüi, лит.-бур. *кедуй*).

Такой разноречивой в рефлексах рассматриваемого исторического комплекса с гласным i указывает на незавершенность процесса развития диграфов из дифтонгов в окинском говоре.

Кроме того, немало случаев, когда и в самом литературном бурятском языке (через восточные говоры хоринского типа) на месте исторических дифтонгов представлены долгие гласные, что закреплено и в орфографии. Так, комплекс -eyi-, давший в халхаском языке дифтонг *ий*, в бурятском языке развился в долгий i , отражаемый в орфографии в виде *ии* или *ий*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>ниилхэ</i>	<i>нийлэх</i>	<i>ниилх</i>	neyilekü	соединение
<i>тиихэ</i>	<i>тэгэх</i>	<i>тиигх</i>	teyikü	так делать
<i>шимэ</i>	<i>ийм</i>	<i>шим</i>	eyimü	этакий
<i>диилхэ</i>	<i>дийлэх</i>	<i>диилх</i>	deyilekü	побеждать
<i>булсыхэ,</i> <i>бултыхэ,</i> <i>бэлтыхэ</i>	<i>бултийх</i>	<i>бултиих</i>	bülteyikü	выпучивать

Долгий гласный i , обозначаемый в орфографии как *ии* или *ий*, в бурятском языке развился также и из сочетания -üyi- (через промежуточную ступень * -üi-), например: бур. *ниихэ* - стп.-м. süyike, МА sūjke, х.-монг. *суйх*, орд. *сүцхе*, калм. *сиик* 'серьги'; бур. *муйлэ* наряду с *муйлэ* - стп.-м. büyile, х.-монг. *буйл*, калм. *буул* 'десна'.

Развитие же -üyi- в долгий i более характерно для калмыцкого языка, в котором больше примеров на это явление, например: калм. *киитн* - стп.-м. küyiten, бур. *хуйтэн*, х.-монг. *хуйтэн* 'холодный'; калм. *киисн* - стп.-м. küyisün, бур. *хуйһэн*, х.-монг. *хуйс* 'пупок'.

Однако наиболее регулярно и последовательно исторические дифтонги бурятском языке дали долгие гласные в ауслaute. Это характерно для всех бурятских говоров, в том числе и восточных. В литературном языке говорах хоринского типа в основном это долгий *i*, обозначаемый в орфографии как *ы*. Данный *ы* возник из дифтонгов **ei*, **ui*, **üi*, например: *ды* 'сколько' < *kedüi* (х.-монг. *хэдий*, калм. *кеду*), *эды* 'столько' < *edüi* (х.-монг. *өдий*, калм. *эду*), *тэды* 'столько' < *tedüi* (х.-монг. *төдий*, калм. *тэду*), *харгы* 'дорога, путь' < *qarγüi* (х.-монг. *харгуй*), *харанхы* 'темнота' < *qarangγüi* (х.-монг. *харангуй*, *харанхуй*, калм. *харнху*); *ургы* 'подснежник' < *iragγüi* (х.-монг. *яргуй*), *сэсэгы* 'зрачек глаза', *сусэгы* 'сливки' < *šöšüi* (х.-монг. *цөцгий* 'зрачок глаза; сливки', калм. *цецгэ* 'зрачок'), *үнэгы*, *эгы*, *нэгы* 'войлок' < *esegei* (х.-монг. *эсгий*, калм. *ишкэ*, МА *sisegei*). В цонгольском говоре дифтонг *ai//ei* в аффриксе совместного падежа *ai//tei* дал *ы*, например: *мор'ты* 'с конем', *гэргы* 'с домом' [Будаев 1965, с. 166] стп.-м. *moritai*, *gertei*, лит.-бур. *морьтой*, *гэргэй*; ср. в произношении хоринцев соответственно *мор'т'ээ*, *гэртээ*, окинцев — *mor'te:*, *gerte:*.

В литературном бурятском языке и всех западных и хоринских говорах показателе совместного падежа *-тай//тэй* произносится долгий монофтонг или *е*: В этом традиционные бурятские говоры едины.

Таким образом, вокализм бурятского разговорного языка во всем многообразии его говоров обогатился в процессе эволюции долгими гласными не только за счет развития комплекса $V + g\sim\gamma + V$, но и благодаря монофтонгизации исторических дифтонгов. Причем в большинстве западных урянских говоров долгих гласных этого типа больше, чем в восточных. Эта разница возникла из-за того, что в западных говорах монофтонгизация одвернулась дифтонги не только ауслaute, но и в односложных словах и ауслaute многосложных (типа *я* 'бойся' — лит. *ай*, *ө* 'лес' — лит. *ой*, *байна тоит* — лит. *байна* и т.п.).

Причина развития этой монофтонгизации дифтонгов заключается, по-видимому, тоже в действии общей тенденции к ослаблению артикуляции. При этом сверхслабые по природе щелевые спиранты *y* (йот) и *i*, оказавшись в комплексах Vy_i и Vi_i между гласными, а также в абсолютном конце слова, совсем ослабевают и вокализируются. После выпадения *y* (йот) гласный комплекса и *i* стягиваются в один долгий монофтонг, причем *y* (йот) и *i* оставляют после себя среднеязычный настрой артикуляции при произнесении этих комплексов, благодаря чему создается более закрытый опережденный настрой образовавшегося монофтонга. Поскольку характер развившегося долгого гласного определенлся по первому гласному дифтонгового комплекса, закономерно предположить, что этот гласный, не второй, в данном случае *i*, имел сильную позицию. Вероятнее всего, что сначала он был ударным, а потом на месте ударения развилась долгота, как и в случае с долготными комплексами $V + \gamma\sim g + V$. Затем, вследствие продолжающегося действия тенденции ослабления, интервокальный *y* (йот) вокализовался, а из первого гласного и *i* образовался дифтонг, который в дальнейшем действии тенденции ослабления развился в долгий монофтонг.

К такому же выводу пришел и Ш. Лувсанвандан [см.: 1977, с. 97], составивший закономерности образования долгих гласных на месте комп-

лексов $V + \gamma \sim g + V$ с закономерностями образования дифтонгов из комплексов $V + u + i$. Различие в характере долгих гласных и основного элемента дифтонгов навело его на мысль, что в комплексах $V + u + i$ первый гласный должен был быть как-то первоначально выделен.

Развивая эту мысль, можно далее предположить, что в тех случаях, когда из комплекса $V + u + i$ развивается долгий гласный i : (или y_i), например бур. *хансы* (стп.-м. qanšui) 'рукав', бур. *худы* (стп.-м. kedüi) 'сколько', бур. *шимэ*, калм. *шим*, х.-монг. *ийм* (стп.-м. eyimü) 'такой', бур. *дишлэ*, калм. *дишлх*, х.-монг. *дийлэх* (стп.-м. deyilekü) 'победить', наоборот, б как-то просодически выделен второй гласный, т.е. i . Следовательно, если мы имеем в разных монгольских языках различные рефлексивы на месте $V + u + i$ (типа бур. *харгы* — х.-монг. *харгуй*, стп.-м. qarγui 'дорога', бур. *худы*, х.-монг. *хэдий* — калм. *кеду*, стп.-м. kedüi 'сколько'), то из этого следует, что в прошлом в этих языках комплекс $V + u + i$ имел разную просодию.

Очень подробно, гораздо подробнее, чем это сделали Г.И. Рамstedt [см. с. 54–56] и А.Д. Руднев [1911, с. 192–194; 1913, с. XXVI–XXII] разобрал вопросы, связанные с образованием дифтонгов в старомонгольском языке и их развитием в халха-ургинском говоре, Б.Я. Владимирцов [см. с. 266–310]. Здесь он впервые в монголоведении доказал на основе привлечения данных других алтайских языков, что монгольские комплексы $V + u + i$ развились из $*V + \gamma \sim g + i \sim i$ и $*V + w + i \sim i$. Появление дифтонгов он связывал [с. 274–275] с ударенным характером первого гласного данного комплекса: "Фонема i , заключающая последние комплексы, была фонемой слабой, легко доступной всяким воздействием, а ударение, гласное или второстепенное, не падало на него, и в результате из комплексов $V + u + i >$ дифтонги в халхаском и в других монгольских новых диалектах, которые в свою очередь подвергались дальнейшему развитию. Интервокальное u при этом процессе легко ассимилировалось, теряя свой шумный элемент: $V + u + i > V + i + i$ ". Далее Б.Я. Владимирцов заметил [с. 287], что на месте ауслатных дифтонгов в халхаском развились либо нисходящие дифтонги (типа $ai > aë$), либо восходящие с долгим вторым элементом (типа $üi > y_i$, $üi > y_i$). При этом он предположил, что в тех случаях, когда появился нисходящий дифтонг, исходный дифтонг был ударным, а там же, где возобладал долгий i со скользящим первым элементом, там исходный дифтонг не был ударным. Т.е., согласно Б.Я. Владимирцову, качество развившегося дифтонга предопределялось тем, был ли исходный дифтонг ударным или безударным.

Наша же точка зрения такова: исторические комплексы $V + u + i$, представленные в таком виде, например, в старомонгольском языке в начале и середине слова и давшие $V + i$ в конце слова, были предположительно двоякого характера — с ударением (а впоследствии с долготой) на первом гласном и с ударением (впоследствии долготой) на втором гласном, в первом случае на i , причем в первом случае развился дифтонг и далее дифтонг на основе первого гласного, а во втором случае — на основе i долгие y_i или y_i , либо восходящие дифтонги y_i , y_i . Если бы i в исходном дифтонговом комплексе не был бы как-то выделен и не имел бы сильной позиции развития комплекса $V + u + i$ в долгие y_i и y_i не произошло бы.

Г.Д. Санжеев, сопоставивший развитие комплексов $V + u + i$ в хал

монгольском, ойратском и бурятском языках, приходит к выводу [1953, с. 80], что исторические дифтонги в ойратских диалектах полностью исчезают, развившись в долгие монофтонги, а "прочие монгольские диалекты приблизились к ойратским в отношении дифтонга *аё*, который, особенно в непервых слогах, превратился в долгий гласный переднего ряда *ā*, и дифтонга *ей*, который во всех слогах превратился либо в *ē*, либо в *i*".

Развитию исторических дифтонгов в долгие монофтонги в калмыцком языке посвящена специальная статья Д.А. Павлова [см.: 1974, с. 218–225].

По данным Н.Н. Поппе, рассмотревшего развитие исторических дифтонгов почти во всех монгольских языках [Porre 1955, с. 76–84], почти такой же тотальный, как и в калмыцком языке, переход дифтонгов в долгие монофтонги наблюдается и в языке монголов Ордоса, например:

орд. *dalā*, калм. [Ramst. KW] *dalā, dalā* – стп.-м. *dalai*, х.-монг., бур. *да-лай* 'море';

орд. *нохō*, калм. *нохā, нохā* – стп.-м. *ноqai*, х.-монг., бур. *нохой* 'собака';

орд. *kütōn* ~ *kiten* ~ *кшцтен*, калм. *kitŋ* – стп.-м. *küyiten*, х.-монг., бур. *хүйтэн* 'холодный'.

Но калмыцкий язык, единственный из современных монгольских языков, довел до логического конца развитие всех дифтонгов в долгие монофтонги.

Как можно видеть из приведенных выше материалов по современным бурятским говорам, сходная с калмыцким языком картина в отношении развития дифтонгов в долгие монофтонги наблюдается в западных бурятских говорах, особенно в нижеудинском и аларском. Такое же развитие дифтонгов в монофтонги как характерная черта отмечается исследователями и для восточных говоров Внутренней Монголии [см.: Руднев 1911, с. 193–194; Тодаева 1960, с. 25; Кара 1970, с. 242–243].

Таким образом, в отношении развития дифтонгов в монофтонги восточные и южные бурятские говоры в общем совпадают с халхаским языком, а западные бурятские говоры сближаются с языками калмыков, монголов Ордоса и Внутренней Монголии.

ДИФТОНГИ

Дифтонги бурятского языка, которых в литературном языке насчитывается четыре – *ай, ой, уй, үй* (дифтонг *эй* существует только орфографически), – а в говорах несколько больше, восходят, как отмечалось выше, к комплексу *V + u + i* в начале и середине слова и к *V + i* в конце. Как уже говорилось, А.Д. Руднев считал, что как дифтонги эти сочетания сохранились в хоринском говоре в основном лишь в начале слова: *аё, оё, уй*, хотя сам он признавал в то же время [1911, с. XXVIII–XXIX], что "даже и в первом слоге написание дифтонга в транскрипции условно, ... имеющийся теперь там полифтонг со временем даст, вероятно, долгий гласный, какой уже есть в калм., вост., ... ведь и калмыки пишут дифтонг, а произносят долгий, ... некоторое отличие бурХор. полифтонга от соответствующих им калм. долгих и заставила меня прибегнуть к этому условному обозначению дифтонга в первом слоге".

На употребление дифтонга в начале слова в бурятском литературном языке и говорах хоринского типа указывает также И.Д. Бураев [1959,

с. 143]: "Намечается некоторая тенденция в том, что монофтонг употребляется в непервых слогах, а дифтонг в первых".

В некоторых бурятских говорах, главным образом западных, о чем говорилось выше, дифтонги везде стремятся перейти в опередненные гие монофтонги. Но все же в ряде говоров дифтонги сохраняются, прижаясь в произношении к литературному языку. Так, исследователь баинского говора Э.Р. Раднаев [1965, с. 81] пишет: "Характеристика сонных и гласных звуков литературного бурятского языка, данная в ра И.Д. Бураева "Звуковой состав бурятского языка", вполне приложима к согласным и гласным баргузинского говора. В литературном бурятском языке нет дифтонга *өэ*, который довольно часто употребляется в баргузинском говоре. Примеры: *нөхөдөэ* (товарищей – род. п.), *хэлхээ* (не скаже

Относительно дифтонгов сартульского говора И.Д. Бураев [1965, с. сообщает: "Кроме основных четырех дифтонгов, которые встречаются в литературном бурятском языке, в сартульском говоре довольно употребляется дифтонг *уа*, первый элемент которого является открытым, а второй элемент заднерядным *а*. Например, *хуа*, лит. *ухаа* (каурий), *таэдэж*, лит. *хун тайжа* (князь). Слова типа *угааха* (мыть) часто в сартульском говоре произносятся как *гуах* в том же значении... Артикуляционно-акустические данные сартульских дифтонгов *аз*, *оэ*, *уи*, *уи* аналогичны дифтонгам литературного языка (подробное описание см. в ра "Звуковой состав бурятского языка", Улан-Удэ, 1959, стр. 142-157)".

Такие же, как и в литературном языке, дифтонги *аз*, *оэ*, *уи*, *уи* встречаются в цонгольском говоре Ц.Б. Будаев [1965, с. 155], отмечая при этом "особенность цонгольского вокализма заключается в том, что в нем встречается дифтонг *өэ*, которого нет в современном монгольском и литературном бурятском языках. Например: цонг. *дзөөхөэ*, монг. *дзөөхий*, лит. *э* (сметана); цонг. *бөөмөэлхө*, лит. *бөөмэйлхэ* (относиться заботливо)".

По свидетельству А.А. Дарбеевой [1978, с. 37--42], хотя количество дифтонгов в нижнеудинском говоре значительно сократилось за счет свития их в долгие монофтонги, в первом слоге в позиции после согласных дифтонги *oi*, *ui*, *üi* (кроме *ai*, *ei*) сохраняются, например: *koineke* 'задница' (лит.-бур. *хойнохи*), *goilga* 'подарок' (лит.-бур. *гуйлга* 'просьба') 'бекас' (хор. *гуйба* 'годовалый марал'), *уитаң* 'узкий' (лит.-бур. *гуй* 'бегать' (лит.-бур. *гуй*), *зүй* 'сшивать' (лит.-бур. *зуй*). Кроме того в нижнеудинском говоре ею отмечен дифтонг *оа*, произносимый так же как долгое *ō*, в единственном слове *коа* 'светлокаштановый' (о входящего также в состав этнонима *коа даркан* (название рода удинских бурят). Этот дифтонг *оа* соответствует сартульскому *уа* в слове *хуа* (ср. лит.-бур. *ухаа*, *хуаа*) с тем же значением 'светлокаштановый' (о масти). Дифтонги же *ai* и *ei* в нижнеудинском говоре не сохранились, первый дал долгий монофтонг *ā*, *ē*, а второй – *ī* или *ē*.

В окинском говоре, по нашим наблюдениям, дифтонги встречаются чаще, чем развившиеся из них монофтонги. Встречается и двойконое произношение. Эта неустойчивость свидетельствует о незавершенности процесса монофтонгизации дифтонгов у окинцев.

Рассмотрим подробнее, какие дифтонги развились в окинском говоре месте исторических монгольских дифтонгов.

*ai сохраняется в виде дифтонга *әе, әй, ае* во всех позициях, например: *ей* 'война' (лит.-бур. *дайн*), *вәе* 'стой' (лит.-бур. *бай*), *u:rtәе* 'сердитый' (лит.-бур. *ууртай*), *agtәе sәе* 'крепкий чай' (лит.-бур. *агтай сай*), *ba:βqәе* 'адведь' (лит.-бур. *баабгай*), *хәйг* 'гравий' (лит.-бур. *хайр*);

*ei сохраняется в виде *еј* в конце слова, например, *demeј* 'зря' (лит.-бур. *мы*, стп.-м. *demei*), *erβe:хеј* 'бабочка' (лит.-бур. *эрбээхэй*);

*oi сохраняется в виде *оәе, ое, ој* в любой позиции, например, *оәе* 'лес' (лит.-бур. *ой*), *оәетһон*, 'чулки, носки' (лит.-бур. *оймһон*), *оәегосотәе* 'потно' (лит.-бур. *ойлгосотой*), *тогәе, тоғәе* 'змея' (лит.-бур. *могой*), *похәе, хәе* 'собака' (лит.-бур. *нохой*), *һәег, һәйг* 'глухарь' (лит.-бур. *һойр*), *пәе* 'но' (лит.-бур. *нойр*), *толәе* 'голова' (лит.-бур. *толгой*);

*ui сохраняется в виде *үј* в начале и середине слова и *бүј* в конце слова, пример, *gуйlgʷ* 'подарок' (лит.-бур. *гуйлга* 'просьба'), *manβбүј* 'пеленка' (лит.-бур. *мансы*, стп.-м. *manβui*), *хатүбүј* 'дорога' (лит.-бур. *харгы*, стп.-м. *γui*), *хагапчүбүј* 'темно' (лит.-бур. *харанхы*, стп.-м. *qагапγui*);

*üi сохраняется в виде *үе, үј* в начале и середине слова, например, *хүйһэн* 'лок' (лит.-бур. *хүйһэн*), *хүйтән* 'холодно' (лит.-бур. *хүйтэн*); в конце ова иногда дает *үе* параллельно с переходом в *i: i:*, например, *dүгүе* 'хочет' (лит.-бур. *дурагуй*) *зззүе* 'пустой, без хозяина' (лит.-бур. *эжэгуй*; *згүй*, *үе:* *үе:* *үү:* *үү:* *үү:* *үү:* 'нет' (лит.-бур. *угы*, стп.-м. *ügei*).

Кроме того, в окинском говоре встретилось появление дифтонга *әе* (звучаще имен существительных как наращение к общепурятскому (зр. общемонгольскому) аффиксу *-гана* (*-ганаан*), например: *хуйqәләә* 'мышь' (лит.-бур. *хулгана, хулганаан*, стп.-м. *quluγana*), *хаqәләә* — название кустарника (лит.-бур. *харгана, харганаан*, стп.-м. *qагаγana* 'карагана'), *u:qәләә* 'красная смородина' (лит.-бур. *улаагана* 'кислица'), *βasλγәләә* 'блениха' (лит.-бур. *шасаргана, шасарганаан*, стп.-м. *βiβaγana*).

Сходное явление отмечено также К.М. Черемисовым в тункинском говоре бурятского языка [см.: 1941, с. 123], например: *шасарганай* 'облепи', *хулганай* 'мышь', *алаганай* 'окунь' (лит.-бур. *алагана*).

В тункинском говоре им зафиксирован также переход в дифтонг долгогласного после палатализованного согласного, например: *хурэй* вместо *рез* 'изгородь', *урай* вместо *уря* 'раньше', *марайтай* вместо *марятай* 'лный, тучный' [см.: Черемисов 1941, с. 130]. Иногда такой переход происходит и без соседства палатализованных согласных, например: *май-й* вместо аларского *маахай* 'люб', *ургэйхэ* вместо *ургээхэ* 'пугать, отпугивать', *майраха* вместо *маараха* 'блеять', *обойлохо* вместо *обоолхо* 'навалить кучей' [см.: Черемисов 1941, с. 123].

Таким образом, в бурятских говорах бытуют, кроме общих дифтонгов *оэ, уи* и *үй*, также и дифтонги *өэ* (в баргузинском и цонгольском), *уа* (в сартульском) и *оа* (в нижнеудинском).

Особняком стоит в отношении развития дифтонгов хамниганский говор, чем свидетельствует его исследователь Д.Г. Дамдинов [1968, с. 80]: дифтонги исследуемого говора по своему произношению и образованию отличаются от таковых бурятского литературного языка и его говоров. Одной из характерных особенностей данного говора является то, что в нем исторический дифтонг *ei* (*eji*), так же как в современном монгольском

языке, еще не потерял своего дифтонгового характера; сохранение архаичной формы произношения наблюдается и у других дифтонгов, употребляемых в начале и в середине слова: *аји, еји, уји, уји*. Это особенность ярко выражена в речи хамниган сел Алтан и Кыра. Например: *тэжиму* (также *цэжидэм* (забеленный молоком напиток)... и т.д. У хамниган токчинской группы наблюдаются дифтонги несколько другого характера: из исторических дифтонговых сочетаний *аји, оји, уји, уји, еји* здесь сохранился звук а интервокальный звук *ј*, потеряв свой шумный признак, перешел в звук *й* в результате образовался долгий гласный звук *ий*, который обусловил появление ярко выраженных восходящих дифтонгов *^аий, ^оий* и др., например *т^эиймэ, ц^эийдэм, толог^оий*".

Итак, в бурятских говорах и в литературном языке исторические дифтонги претерпели довольно заметное и существенное изменение, проявляющее тенденцию к превращению в долгий монофтонг. Особенно сильно это представлено в западных бурятских говорах, что сближает их с калмыцким языком и с языками монголов Ордоса и Восточной Монголии. В западных бурятских говорах по сравнению с другими бурятскими говорами, процесс ослабления дифтонгов в долгие монофтонги более последователен и закончен.

языке, еще не потерял своего дифтонгового характера; сохранение арной формы произношения наблюдается и у других дифтонгов, употребленных в начале и в середине слова: *aji, eji, uji, uji*. Это особенность ярко ражена в речи хамниган сел Алтан и Кыра. Например: *тэжиму* (так *цэйдэм* (забеленный молоком напиток)... и т.д. У хамниган токчине группы наблюдаются дифтонги несколько другого характера: из исторических дифтонговых сочетаний *aji, oji, uji, uji, eji* здесь сохранился звук а интервокальный звук *j*, потеряв свой шумный признак, перешел в звук в результате образовался долгий гласный звук *ii*, который обусловил появление ярко выраженных восходящих дифтонгов *^aii, ^oii* и др., приме *г³иимэ, ц³иидэм, толог^oии*".

Итак, в бурятских говорах и в литературном языке исторические дтонги претерпели довольно заметное и существенное изменение, проявляя тенденцию к превращению в долгий монофтонг. Особенно сильно представлено в западных бурятских говорах, что сближает их с калмыцким языком и с языками монголов Ордоса и Восточной Монголии. В западных бурятских говорах по сравнению с другими бурятскими говорами, происходит ослабление дифтонгов в долгие монофтонги более последователен и закончен.

Глава II КОНСОНАНТИЗМ

В основу описания согласных в данной главе положено различие их месту образования. Так, отдельно разбираются губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и увулярные. При этом в основу такого деления положен не современный консонантизм современного бурятского языка, а состав общемонгольских согласных пазвуков¹, поскольку представляется гораздо логичнее и удобнее вести исследование эволюции консонантов, исходя из уже восстановленных пазвуков.

ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*φ

В истории развития монгольских языков, да и не только монгольских но и алтайских в целом, большое значение имеет эволюция особого английского звука, восстанавливаемого в виде глухого губно-губного придаточного *р, возможно, имевшего щелевой характер, т.е. *φ [подробно об этом звуке см.: Ramstedt 1916]. В средневековых монгольских языках он еще сохранялся в виде глухого щелевого h, например: MA, MNT he 'голова' (бур., х.-монг. *эхи* (h), калм. *эхи* 'начало'); MA, MNT hula 'красный' (бур., х.-монг. *улаан*, калм. *улан id*); MA, MNT harban 'десна' (бур. *арбан*, х.-монг. *арав*, *арван*, калм. *арвн id*). В современных бурятском, халха-монгольском, калмыцком, могольском, ордосском, чаг-

¹ Таблицу этих пазвуков см.: Poppe 1955, с. 95.

ском, хорчинском и некоторых других языков Внутренней Монголии этот звук и его рефлексы, по утверждению монголоведов, исследовавших эти языки [см.: Порре 1955, с. 96; Тодаева 1973, с. 39], не прослеживается. В ряде же других монгольских языков анализируемый исконный * φ дал следующие рефлексы.

В баоанском [см.: Тодаева 1964, с. 13–14] – *ф* (*фэлаң* 'красный', *фду* 'длинный'), *н* (*нарваң* 'десять', *намэра* 'отдыхать'), *х* (*халгэ* 'ладонь', *ходон* 'звезда') и *ш* (*шילו* 'излишек', *шинэ* 'смеяться').

В дунсянском [см.: Тодаева 1961, с. 12–14] – *ф* (*фуду* 'длинный', *фуру* 'вниз'), *н* (*хамура* 'отдыхать', *харуан* 'десять'), *х* (*хон* 'год', *ходун* 'звезда') и *ш* (*шинэ* 'смеяться', *шилү* 'излишек').

В монгорском [см.: Тодаева 1974, с. 35–39] – *ф* (*фүлэң* 'красный', *фуру* 'вниз'), *х* (*харван* 'десять', *халга* 'ладонь') и *ш* (*шилү* 'излишек' *шинэ*).

В дагурском [см.: Тодаева 1960, с. 56–57] – *х* (*хулэң* 'красный', *харбдү* 'десять', *халгд* 'ладонь').

В языке желтых уйгуров [см.: Тенишев–Тодаева, с. 50] – *н* (*ходон* 'звезда', *нуру* 'вниз', *нурту* 'длинный', *нүлү* 'излишек', *нлэн* 'красный', *налаган* 'ладонь').

В бурятском языке, как правило, все слова, имевшие в прошлом этот общемонгольский инициальный * φ , ныне начинаются на гласный: *арбан* 'десять', *улаан* 'красный', *альган* 'ладонь', *одон* 'звезда', *уруу* 'вниз', *ула* 'длинный', *улуу* 'лишний' и т.п. Однако нами зафиксировано несколько слов и в бурятском языке, в которых сохраняется начальный *н* (развившийся из * φ) в тех случаях, где в халхаском, калмыцком, ордосском и языках Внутренней Монголии слово начинается на гласный. Этих слов немного:

нахар (бох.) 'шерсть второй стрижки' – *ахар* (зап.-бур.) *id.*, *ахар* (лит.-бур., х.-монг.) *'короткий, низкий; овечья шерсть осенней стрижки', калм. *ахр* 'короткий';

набир-шэбэр // *абир-шэбэр* 'шепот; шепотом', х.-монг. *авир шивэр*, калм. *ивр шивр id.*;

намайха 'смотреть с раскрытым ртом, ротозейничать' // *амайха* 'приоткрывать, разевать рот; быть ротозеем';

наамагар 'рассеянный, ротозей' // *аамагар* 'приоткрытый, разинутый' (о беззубом рте);

наараг 'редкий' // *аараг* 'редкий, необычный; редко';

нархагар 'громоздкий' // *архагар* 'громоздкий, тяжелый, громоздкий' – х.-монг. *архагар*, калм. *архр* 'громоздкий';

нархайха 'быть громоздким' // *архайха* 'громоздиться' – х.-монг. *архайха*, калм. *архах* 'быть неуклюжим, громоздким';

нүрэхэ 'разлетаться в стороны, рассыпаться' – х.-монг. *урэх* 'рассыпать, просыпать; разстранжирить, размотать (имущество)', калм. *урх* 'пропадать, гибнуть, разрушаться'.

Как видно из примеров, ряд этих слов и в самом бурятском языке параллельно употребляется без инициального *н*, но в таких случаях наблюдается небольшая дифференциация этих вариантов, что, видимо, и обусловило удержание *н* в этих словах.

Согласный р (*п*) весьма редкий звук в монгольских языках. Б.Я. Вирцов [с. 407] утверждал, что "как и в монг.-письм., так и в халх. гу смьгчный *п~р* встречается т о л ь к о (разрядка наша. — В.Р.) в сл заимствованных. Стар. монг.-письм. не знал этой фонемы и в случае заимствования *р~п* иноязычных слов передавал через *в*... В халхаском *п* встречается т о л ь к о (разрядка наша. — В.Р.) в заимствованных словах". | то же время, если заглянуть в словари, то окажется, что в халха-монгском, бурятском и калмыцком языках есть немало слов начальным глу сильным звуком *п*. Среди них действительно много заимствованных с например, бур., калм. *паар* 'пара', х.-монг. *паалан* (*г*) 'эмаль', бур. *пи* 'плита', х.-монг. *пуужин* (*г*) 'ракета', калм. *парть* 'партия' и т.п. Оди большинство таких слов представляют собой образные и звукоподражательные слова, без сомнения, являющиеся исконными, ни о каком заимствовании здесь речь идти не может.

Примеры: бур. *пал-пал гэхэ* 'булькать', х.-монг. *пал хив* 'бултыхнуть', калм. *пилд гинэд унх* 'шлепнуться', бур. *пос-пос гзихэхэ* 'грузно ступ', х.-монг. *пур пур хийх* 'клокотать, бурлить', калм. *пард* — звукоподражательному треску, звуку, бур. *пагдайха* 'быть коренастым', х.-монг. *пагдайх* 'быть земистым', бур. *пампайха* 'быть пушистым, пухлым, рыхлым', х.-м. *памбайха* 'делаться мягким и толстым, вздуться', калм. *падрх* 'пылающая пламенеть', калм. *пиигх* 'шипеть, свистеть', калм. *пилгх* 'изобилие'. Много междометий, например: бур. *пуу!* 'фу!', бур. *пэй!* 'фу!', 'фуй!', *пэх!* 'фу!', х.-монг. *паа!* 'фу!', 'фи!', х.-монг. *пох!* 'фу!', 'фи!', х.-м. *пфуу!* 'уф!', х.-монг. *пээ!* 'ах!', 'ого!', 'фу!', 'фи!', калм. *пөө!* 'эх!', ой!', калм. *пүф!* 'фу!', 'фи!'. Встречаются наречия, частицы, например: бур. *харанхы* 'совершенно темный', бур. *пад харанхы* 'совершенно темно', *пад хара* 'совершенно черный', бур. *пууяса* 'с шумом, шумно', бур. *па* 'в достатке', х.-монг. *паг мэдэхгүй байх* 'совершенно не знать', х.-м. *пад харанхуй* 'совершенно темный'. х.-монг. *пад хар* 'совершенно черн'. х.-монг. *пиг дуурэн* 'битком набитый'. Есть и обычные прилагательные существительные, хотя эти слова встречаются только в бурятском языке, например: бур. *пиртан* 'клецки', зап.-бур. *питайд* 'нерешительный, колеблющийся, сомневающийся', бур. *пэлдэн* 'мочка (уха)'. |

Все же следует отметить, что из числа слов с начальным *п*, собственно бурятского или монгольского происхождения и не являющихся заимствованиями, подавляющее большинство составляют слова образные и звукоподражательные. В бурятском языке их очень много. Все это заставляет признать, что согласный *р, видимо, был достаточно представлен в старом монгольском языке.

Звук *р* как фонема встречается и в других современных монгольских языках — монгорском, дагурском, дунсянском, баоаньском, желтоульском. Но в них он представлен, кроме заимствованных слов, в основном на месте общемонгольского *b, например: монгор. *падула* — 'укрывать' (стп.-м. *batula* - id.), баоан. *пэджэ* 'письмо' (стп.-м. *bičig* id), дунсян. *пидэ* 'исполняться' (стп.-м. *bütü* - id), даг. К *para* 'сани', даг. К *pandan* 'табурет', ш.-юг. *пос* 'вставать' (стп.-м. *bos*-id).

В бурятском литературном языке и его говорах общемонгольский исконный *b в основном сохраняется в слове во всех позициях.

В начале слова:

бур. *би* — х.-монг., калм. *би*, даг. К *bi*, дунс. *bi*, ш.-юг. *бу*, баоан. *бэ*, монгор. *бу*, стп.-м., МА MNT *bi* 'я';

бур. *бари-* — х.-монг. *барь-*, калм. *бэр-*, орд. *baḡi-*, мог., даг. К *baḡi-*, монгор. *барі-* (вари-), стп.-м., МА, MNT *baḡi-* 'держать, ловить';

бур. *боло-* — х.-монг., калм. *бол-*, орд., даг. К, мог., МА, MNT, стп.-м. *bol-* 'быть, становиться, сделаться'.

В середине слова:

бур. *табан* — х.-монг. *тав (ан)*, калм. *тавн*, орд. *tawu*, монгор. *тавен*, даг. К *taw*, мог., МА, MNT, стп.-м. *tabun* 'пять';

бур. *арбан* — х.-монг. *арав (арван)*, калм. *арвн*, орд. *arwa*, даг. К *ḡarban*, мог., стп.-м. *arban*, МА, MNT *harban* 'десять';

бур. *яба-* — х.-монг. *яв-*, калм. *йов-*, орд. *jawu-*, даг. К *jaū-*, монгор. *jū-*, мог. МА, MNT стп.-м. *yaḡu-* 'идти'.

В конце слова:

бур. *аб-* — х.-монг., калм. *ав-*, орд. *aw-//ab-*, даг. К *au-*, монгор. *авū-*, мог. *aḡu-*, МА, MNT, стп.-м. *ab-* 'брать';

бур. *хоб* — х.-монг., калм. *хов*, стп.-м. *qob* 'сплетни'.

В положении между гласными *b в халхаском, калмыцком, ордосском, дагурском и других монгольских языках переходит в щелевой звук *w*. Это же происходит и с *b, когда он находится в конце слова, а также в середине слова после сонорных, плавных согласных. Бурятский язык во всех случаях удерживает смычный характер *b. Однако в бурятских говорах, особенно в восточных и южных, наблюдается на месте *b губно-губной же, но щелевой звук *β*. Так, носители этих групп говоров произносят не *аба* 'отец', а *ава*, не *хобол* 'паз, желоб', а *ховол*, не *шабар* 'грязь', а *шафар* и т.п.

В бурятском языке и его говорах наблюдается также появление на месте *b губно-губного же, но носового *m(ḡ)*, например:

бур. *эмдэрхэ* 'разрушаться, ломаться, разваливаться' — х.-монг. *эвдрэх*, калм. *эвдрх*, стп.-м. МА *eḡdere-*, MNT *ebde-* id.;

бур. *муйлэ/мылэ* 'десны' — х.-монг. *буйл*, калм. *буул*, стп.-м. *büyile* id.;

бур. *хомор* 'редкий, скудный' — х.-монг. *ховор*, калм. *ховр*, стп.-м. *qobur* id.

Кроме того, в самом бурятском языке некоторые слова бытуют то с *b*, то с *m*, например:

намша/набша, намшаһан//набшаһан 'листья' — х.-монг. *навч*, калм. *намч*, стп.-м. *nabḡi* id.;

бур. *һэбэрхэ//һэмэрхэ* 'сечься, лезть, распускаться (о материи)' — калм. *себрх* id., х.-монг., *сэврэх*, стп.-м. *seberḡ-* 'слегка сохнуть';

намтар (зап.-бур.)//*набтар* 'низкий' — х.-монг. *навтар*, калм. *намтр*, стп.-м. *nabtar* id.;

намтаһан//набтаһан 'послед (у животного)' — калм. *намсн* id.

Чередование *b* и *m*, а также переход *b* в *m* имеет место и в старописьменном монгольском языке [см.: Владимирцов, с. 401], в котором зафиксиро-

nilbu-//nilmu- 'плывать', balta//malta 'топор, секира', mečin//bečin 'обезь'

В истории тюркских языков также отмечается чередование *b* и *v*: *bän*//*män* 'я', *bu* 'это', но *monu* 'этого' (вин. п.), кирг. *алба* 'не бери'//*алма* id. и т.п. [см.: Рясянен, с. 147–148]. Переход **b* в *m* представляется бой, таким образом, обычное явление и в других языках.

В бурятских говорах наблюдается в ряде случаев переход **b* в язычный смычный *g* (*z*). Причем в отдельных словах могут бытовать и леты пары типа *убэл*//*угэл* 'зима', *үгэй*//*үбэй* 'нет', *абдар*//*агдар* 'сундук', *түбэд*//*түгэд* 'тибетский', *бүбөөлжэн*//*гүгөөлжэн* 'удод', *будэрхэ*//*гүдэрхэ* 'спотыкаться'. Появление *z* на месте *b* наблюдается и в других монгольских языках, например: бур. *убэл*//*угэл* — монгор. *ugug*, даг. *K uhul*, ср. стп. *ebül*, х.-монг. *өвөл*, калм. *өвл*//*үвл*, орд. *öwöl* 'зима'.

Сохранение бурятским языком исконной фонемы **b* в "чистом" виде в основном как смычного звука, и там, где он представлен в старомонгольском письменном и средневековых монгольских языках, показывает, в этом отношении бурятский язык стоит ближе к древнему монгольскому языку, чем халхаский, калмыцкий, дагурский и др. Данной картины ничто не меняет переход в отдельных словах **b* в *m* либо в *g*, так как таких случаев буквально единицы.

**m*

Общемонгольский исконный **m* в бурятском языке, включая литературный язык и многочисленные говоры, сохранил, можно сказать, свое качество в неизменном виде. Фонема **m* продолжает употребляться в бурятском языке во всех позициях в слове, например:

бур. *муу* — х.-мон. *муу*, калм. *му*, орд., даг. *K*, монгор. *mū*, стп.-м. *MA ma'ū* 'плохой';

бур. *хомон* — х.-монг. *сум* (*ан*), калм. *сумн*, орд. *sumu*, даг. *K som*, даг. *сомб*, монгор. *sumu*, стп.-м., *MA MNT sumun* 'стрела';

бур. *эм* — х.-монг., калм. *эм*, дан. *K.*, орд., стп.-м., *MA em* 'лекарство', др.-тюрк. *äm* id.

Лишь в отдельных случаях, буквально в единичных словах, наблюдается появление звука *b* на месте аналутного и илаутного **m*, например:

бур. *мэгэ*//*бэтэ*//*бутэ* 'как, вроде' — стп.-м. *metü*, х.-монг. *мэт*, каг. *мет*, монгор. *маду* 'как, словно, подобно';

бур. *бури* 'не хотеть бежать, уклоняться в сторону (о лошади)' — стп. *tiḡi*, х.-монг. *мури* id.;

бур. *хабаар*//*хамаар* — стп.-м. *qatıyaqa-*, х.-монг. *хамаар* 'иметь отношение'.

ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

**t*

Консонант **t* в бурятском языке, как и в других монгольских языках, ограничен в своем употреблении позицией — он может произноситься только в начале и середине слова. Во всех бурятских говорах этот **t* обычно сохраняется в виде сильного, с разной степенью придыхания *t* (орф. При этом перед гласными *i* и *ī* он может получать в некоторых говорах

латализацию. Так, например, зап.-бур. *т'иимэ* 'такой' — юж.-бур. *тымэ* 'такой'; зап.-бур. *т'ииргэн* — лит.-бур. *тииргэн* 'вытопанное, утопанное скотом место'. Слов, в которых было бы после анлаутного *t* *i* или *ī*, немного. Это в основном различные формы от глагола *тиихэ* 'так делать'. Но в то же время в ряде говоров (например, тункинском, хоринском) палатализованный *t'* появляется и перед другими гласными, например: тунк. *г'езд* 'но, однако, тем не менее', тунк. *г'эзбиш* 'бабушка', тунк. *ябатг'ёо* 'ушел', тунк. *өгөтг'ёо* 'отдал', хор. *мор'т'ээ* 'с конем', хор. *хот'огор* 'кривой', будлаг. *таг'аа* 'курица'. Произносится палатализованный *t'* перед *e* и в заимствованных из русского языка словах, особенно послереволюционного периода, так как дореволюционные русизмы адаптированы фонетической системой бурятского языка. Современные же русизмы произносятся близко к оригиналу, например: *г'ээмэ* 'тема', *г'этраад* 'тетрадь', *г'эхникэ* 'техника'.

Палатализованный *t'* в говорах появляется также на месте исторического сочетания **ki*, которое дало по говорам варианты *x'u*, *ши*, *c'u*, *t'u*. При этом гласный *и* может быть ассимилирован соседними гласными и утрачивать свое качество, от комплекса же **ki* остается только *x'*, *ш*, *c'* или *t'*; например: зап.-бур. *арс'и//арши//арт'и*, вост.-бур., юж.-бур., лит.-бур. *арх'и* — стп.-м. *araki* 'водка'; зап.-бур. *тас'аа//таг'аа*, вост.-бур. *тах'аа* — стп.-м. *takiya* 'курица'; зап.-бур. *зас'аа//зат'аа*, вост.-бур. *зах'аа* — стп.-м. *jakiya* 'казал'.

Перехода исконного **t* в звонкий *d*, как это почти повсеместно происходит в юго-восточных и южных халхаских диалектах, в некоторых чахарский диалектах и в языке монголов Ордоса [см.: Тодаева 1951; с. 37–38; Порре 1955, р. 103], в бурятском языке, можно сказать, не наблюдается, хотя в единичных словах на месте **t* и представлен *d*, например: вост.-бур. *дэжгорог*//зап.-бур. *тонгорог* 'перочинный нож', *тошон*//*дошо* 'наледь'.

Бурятский язык относится, таким образом, к языкам, сохраняющим исконный общемонгольский **t* во всех допустимых позициях для этого звука — анлауте и инлауте. Примеры:

бур. *тохо-* — х.-монг. *тохо-*, южные диалекты х.-монг. *дохо-* калм. *тох-*, орд. *дохо-*, монгор. *тузу-*, МА *того-*, стп.-м. *toqu-* 'седлать, класть потник';

бур. *тата-* — х.-монг. *тата-*, калм. *таг-*, орд. *data-*, монг., MNT, стп.-м. *tata-* 'тянуть, тащить';

бур. *уута* — х.-монг., калм. *уут*, орд. *ūta*, монгор. *фүда*, стп.-м. *uyuta* 'мешок'.

Кроме того, в бурятском языке отмечаются отдельные факты перехода **t* в свистящий щелевой *s* (*c*). Так, например, общемонгольский показатель деепричастия предела *-tal*, имеющий в литературном языке фонетический облик *-тар*, в некоторых бурятских говорах (например, тункинском [см.: Абашеев, с. 24], боханском [см.: Хомонов 1965, с. 64], качутском [см.: Митрошкина 1968, с. 58]) произносится как *-сар*, в эхитрит-булагатском говоре [см.: Матхеев 1968, с. 21] — *-сара*, а в сартульском говоре [см.: Бураев 1965, с. 142] формы *-тар* и *-сар* почти свободно взаимочередуются, сосуществуя с формой *-тал*. Общебурятские слова *досоо* 'внутри', *досоодо* 'внутренний', *досоошо* 'внутри' соответствуют халхаским *дотор*, *дотоод*, *дотогш*, старописьменным монгольским *dotur*, *dotuyadu*, *dotuyūi*.

Данный консонант в бурятском языке, как и других монгольских языках, в своем употреблении не ограничен позицией. Он встречается в начале, середине и абсолютном конце слова. Причем почти во всех случаях в бурятском языке он сохраняет свой характер слабого звука *d* и соответствует этому же звуку в других монгольских языках. Примеры:

бур. *дара-* — х.-монг. *дара-*, калм. *дар-*, даг. К *dara-*, орд., МА, стп.-м. *daḡu-* 'давить, нажимать (сверху)';

бур. *дууу* — х.-монг. *дууу*, калм. *дуу*, орд. *duṭū*, MNT *duta'u*, МА *duṭū-tuṭū*, стп.-м. *dutaγu* 'недостающий';

бур. *шада-* — х.-монг. *чад-*, калм. *чид-*, орд. *tšida-*, даг. К *šada-*, стп.-м., МА NBT *šida-*, 'мочь';

бур. *эди-* — х.-монг., калм. *ид-*, орд. *ide-*, монгол. *иде-*, даг. К *id-*, стп.-м., МА, MNT *иде-* 'есть, кушать';

бур. *болод* — х.-монг., калм. *болд*, орд. *bolod*, стп.-м. *bolud* 'сталь'.

Консонант *d* в бурятском языке почти не употребляется в собственных словах перед гласными *i* и *ī*. Встречаются лишь единичные случаи, например: *дигайха* 'быть огромным, громоздким', *дшилэхэ* 'побеждать'. Причем в говорах *d* в этих словах произносят то с палатализацией, то без нее, как и в случае с сильным *t*. Но все же перед *i* более характерно палатализованное произношение. Например, *эди* 'есть' произносят как *эд'и*, *дшилэ* 'побеждай' — как *d'i:lə* и т.п.

Обращает на себя внимание один факт, характерный из всех монгольских языков лишь для бурятских говоров, а именно: ауслуемый *d*, входящий в том числе и в состав корня, при попадании в интервокальное положение при наращении аффиксов переходит в западных бурятских говорах в фарингальный *h*, в цонгальском говоре в свистящей *s*, в эхирит-булагатском и хоринском говорах — в шипящий *ш*, например: *буряад* 'бурят' — зап.-бур. *буряаһаар*, цонг. *буряасаар* 'по-бурятски'; *морид* 'кони' — зап.-бур. *мориһы*, эхир.-булаг. *мор'ши*, хор. *мориһише* 'коней'. Суффикс мн. числа существительных *-д*, имеющий общемонгольский характер и чередующийся в других монгольских языках с показателем мн. числа существительных *-с*, в западных бурятских говорах тоже переходит в *h* [см.: Санжеев 1953, с. 128–129] в некоторых падежах и при наращивании дополнительных показателей множественности. Так, например, из *хонид* 'овцы' возникают словоформы зап.-бур. *хониһууд* 'овцы', *хониһой* 'овец' (род. пад.), *хониһы* 'овец' (вин. пад.) и т.п. Поскольку *h* развивается на месте **s*, то можно предположить, что в данных случаях в *h* переходит не *d*, а тот исконный **s*, который в бурятском языке закономерно дает в позиции перед гласным в анлауте и инлауте фарингальный *h*, а в конце слога перед согласным и в конце слова — смычный слабый *d*. Значит показателем множественности в этих случаях выступает не *-d*, а *-s*, давший в конце слова закономерный фонетический вариант *-d*.

В бурятском языке фонема *d* имеет большее употребление, чем в других монгольских языках. Это происходит главным образом за счет того, что в бурятском языке *d* появляется на месте **s* в конце слога и слова. Так, например, на месте х.-монг. *улас* 'люди, народ; государство', *асга-* 'проливать', *бос-* 'вставать' в бурятском языке развились *улад*, *адха-*, *бод-* (в тех же значениях).

О происхождении и дистрибуции этой фонемы в монгольских языках достаточно и основательно сказано у Б.Я. Владимирцова [с. 405–407] и Г.Д. Санжеева [1953, с. 91–98], поэтому здесь ограничимся лишь общими замечаниями, главным образом об особенностях существования *ɣ в бурятских говорах.

Общемонгольской аффрикате *ɣ в бурятских говорах соответствуют два звука – шипящий *ш* и свистящий *с*. При этом *ш* соответствует шипящей аффрикате *ч* халхаского и ойратского языков, а *с* – свистящей аффрикате *ц* этих языков. По утверждению Г.Д. Санжеева [1953, с. 92] из *ɕ*, восходящей к исконной аффрикате *ɣ, развились в халхаском и ойратском языках *ч*, в бурятском – *с*, а из *ɕ*, возникшей из *t* перед *i* (т.е. из *ti), образовались *ч* в халхаском и ойратском и *ш* в бурятском. Примеры:

бур. *сагаан* 'белый' ← *цагаᠨ ← *ɕаγᠠᠨ (ср. х.-монг. *цагаан*, калм. *цаһан*, стп.-м. *ᠰаγᠠᠨ*);

бур. *шагна* 'слушать' ← *чагна- ← *ɕiŋᠨᠠ- ← *tiŋᠨᠠ- ← *tiŋla- (ср. х.-монг. *чагна*, калм. *чиҗн*, стп.-м. *ᠰiŋᠨᠠ*, др.-тюрк. *tīŋla*).

Фонемы *ш* и *с*, развившиеся из древней аффрикаты *ɣ, представлены в традиционных бурятских говорах – западных и восточных. В группе же южных бурятских говоров, в языке олонских хамниган [см.: Дамдинов 1968, с. 84]; ɕартулов [см.: Бураев 1965, с. 115–116] и цонголов [см.: Будаев 1965, с. 153], связанных своим происхождением с монголами, употребляются вместо них аффрикаты *ч* и *ц*, как и в халхаском и ойратском языках, например: хамниг., сарт. *чи*, цонг. *чиш* – зап.-бур., вост.-бур. *ши*, калм., х.-монг. *чи*, стп.-м. *ᠰи* 'ты'.

Как показывает материал, в бурятском языке не всегда *ш* соответствует *ч*, а *с* – *ц* халхаского и ойратского языков. Имеется немало случаев нерегулярности этих соответствий, например:

Стп.-м.	Бур.	Х.-монг.	Калм.	Значение
ᠵimügeᠨ	сэмгэн	чөмөг	чимгн	трубчатая кость
ᠵilüge	сулөө	чөлөө	чөлән	свобода
möᠵe	мусэ	мөч	мөч	конечность (как часть тела)
ömᠵi	үмсэ	өмч	өмч	собственность
			'доля наследства'	
öᠵükен	үсөөхэн	өчүүхэн	учукн	маленький
ᠵisun	шунан	цус (ан)	цүсн	кровь
ᠵigai	шарай	царай	чирө	лицо
qaᠰar	хасар	хацар	хачр	щека
ᠵidqa	цудха-	цутга-	цутх-	лить металл

На то, что подобные факты в монгольских языках являются результатом неравномерного развития *ɣ, связанного с неравномерностью переломов гласного *i, указывал Г.Д. Санжеев [1953, с. 95–96]. Появление в бурятском языке *с* в тех случаях, где в халха-монгольском и ойратском представлено *ч*, как и в старописьменном монгольском языке, он объясняет тем, что в бурятском языке переход *ɣ → *ц* → *с* произошел еще в период 2-го перелома гласного *i. Наличие же в ряде слов в бурятском язы-

ке *ш*, появившегося на месте **ц* в тех словах, где в халхаском и ойратском, наоборот, представлен *ц*, можно объяснить, как нам кажется, теми же причинами, только в обратном порядке. Иначе говоря, в бурятских словах типа *шуһан* 'кровь', *шарай* 'лицо', *шудха-* 'лить металл' *ш* сохранился потому, что перелом **и* в них произошел позднее, чем в халхаском и ойратском языках, в которых в этих словах представлен *ц*. В бурятском языке к тому времени, когда в нем произошли коренные преобразования фонологической системы и исчезли аффрикаты, в этих словах еще удерживалась шипящая аффриката *ц*, давшая шипящий щелевой *ш*.

В этот период развития звуковой системы бурятского языка, видимо уже прекратили свое действие причины, вызвавшие появление свистящих аффрикат на месте шипящих. 3-й перелом гласного **и* происходил где-то в XIII—XIV вв. Дезаффрикатизация могла произойти в бурятском языке и позже. Этот разнобой в соответствии шипящих и свистящих звуков монгольских языках показывает, что, вероятно, захваченные единым процессом образования свистящих аффрикат бурятский, халха-монгольский и ойратский (калмыцкий) языки пошли впоследствии каждый по своему пути.

В бурятском языке имеются варианты слов, отражающие эту неравномерность развития **ц*. Так, например, наблюдаются междиалектные внутридиалектные пары:

хабсал//*хабишал* 'ущелье', ср. х.-монг. *хавцал*, калм. *хавцг*, стп.-м. *qabʕal id*
сошохо//зап.-бур. *шошохо* 'пугаться', ср. х.-монг. *цочих*, калм. *чочх*, стп.-м. *ʕoʕiɕu id*;

балсан//*булшан* 'мышцы рук, ног', ср. х.-монг. *булчин*, калм. *булч*, стп.-м. *bulʕin id*;

хусэн//*хушэн* 'сила, мощь', ср. х.-монг. *хуч* (*ин*), калм. *кучн* стп.-м. *küʕün id*; ср. др.-тюрк. *küʕ id*;

шэхэ//зап.-бур. *сэхэ* 'прямо', ср. х.-монг. *цэх*, калм. *чик*, стп.-м. *ʕike id*.

Это свидетельствует о том, что бурятские говоры и те языковые компоненты, из которых сложился бурятский язык, прошли неравномерный путь развития.

**з*

О происхождении и дистрибуции в монгольских языках этой общемонгольской фонемы писали подробно Б.Я. Владимирцов [с. 397—400] и Г.Д. Санжеев [1953, с. 99—103], поэтому здесь ограничимся общими замечаниями относительно бытования ее в бурятских говорах.

В бурятском литературном языке и традиционных бурятских говорах западных и восточных — этой аффрикаты соответствуют проточные *ж* и *з*, в месте которых в халха-монгольском языке представлены *дж* и *дз*, а в ойратском — *дж* и *з*.

В бурятских говорах развитие **з* происходило, видимо, неравномерно вследствие чего в них в начале и середине слова — позициях, где допустим **з* — фиксируются варианты *ж*, *з*, *дж*, *дз*, *й*, *д'*. При этом, по свидетельству Ц.Б. Цыдендамбаева [1968, с. 167], "в употреблении начального щелевого *ж* и отчасти *з* в западном наречии наблюдается большой разнобой: нижеудинцы вместо *ж* употребляют мягкий *д'*, аларские и унгино-балаганские

буряты — ж, а далее на восток — щелевой сонант j. Представители восточного же наречия употребляют только согласный ж, а южного наречия — только аффрикату дж’.

Употребление начального й вместо ж (отчасти э) отмечается диалектологами у баргузинцев [см.: Раднаев 1965, с. 83], качугских бурят [см.: Митрошкина 1968, с. 52], байкало-кударинцев [см.: Цыдендамбаев 1964, с. 57].

Разнобой в употреблении ж и з наблюдается также в самом литературном языке, между бурятскими говорами и между бурятским и другими монгольскими языками, например:

лит.-бур. *зүхэхэ//жүхэхэ* — х.-монг. *зусэх*, калм. *зусх*, стп.-м. *jüsekü* 'резать ломтями';

общебур. *жэбэ* — х.-монг. *зэв*, калм. *зев*, стп.-м. *jebe* 'ржавчина';

лит.-ру. *зүхэн//жүхэн* — х.-монг. *зус (эн)*, калм. *зусн*, стп.-м. *jisün, jüsün* 'масть, цвет';

лит.-бур. *зүдхэхэ//жүдхэхэ* — х.-монг. *зутгэх*, калм. *зуткх*, стп.-м. *jüdkekü* 'тянуть, напрягая усилия; усердствовать, стараться';

вост.-бур. *жүлдэ* 'осердие, ливерная часть туши' — х.-монг. калм. *зулд*, стп.-м. *jülde* 'голова вместе в сердце (при разделке туши)';

лит.-бур. *жэжалха//зап.-бур. зажалха* — х.-монг. *зажлах*, калм. *жажлх*, стп.-м. *jajilaqu* 'жевать';

лит.-бур. *эжэн//зээн* — х.-монг. *зэ (эн)*, калм. *зэн*, стп.-м. *ejen* 'хозяин';

лит.-бур. *зулай//жолоо//бох. ёлоон* — х.-монг. *зулай*, калм. *зула*, стп.-м. *julai* 'родничок, темечко у ребенка';

лит.-бур. *анзаһан* — х.-монг. *анжис (ан)*, калм. *андсх*, стп.-м. *anjisun* 'соха'.

*s

Данный консонант претерпевал в бурятском языке в процессе эволюции различные модификации, причем разные в зависимости от позиции в слове. Рассмотрим порознь его эволюцию в трех основных позициях: в начале слова, в положении перед гласным и между гласными, и в положении в конце слога или слова.

Инициальный *s в традиционных бурятских говорах, за исключением сартульского, цонгольского и хамниганского, удерживающих этот *s в виде s, дал фарингальный щелевой h в положении перед любым гласным, кроме *i. Процесс этот в бурятских говорах проходил довольно последовательно. В результате, в ряде слов возникло несоответствие между бурятским и халхаским с ойратским языками, так как в бурятском в тех словах *s → h, а в халхаском и ойратском *s → ш. Примеры:

бур. *һуни* — х.-монг. *шөнө*, калм. *сө*, даг. *K sun'*, мого. *shni*, монгол. *soni*, орд. *soni*, баргу-бур. *hün'i*, стп.-м. *söni* 'ночь';

бур. *миһэлзэхэ* — х.-монг. *мишэлзэх*, калм. *мишэх*, *мишклэх*, стп.-м. *mišiyekü* 'улыбаться';

бур. *хүһөө//хүшөө* — х.-монг. *хөшөө*, калм. *көшө*, стп.-м. *köšiyе* 'изваяние из камня, памятник, обелиск';

бур. *һүүшэ* — х.-монг. *цууц*, калм. *шуунч*, стп.-м. *šüüсе* 'долото';

бур. *эһнэлэхэ* — х.-монг. *эвшээх*, калм. *эвшэх*, стп.-м. *ebšiyekü* 'жевать';

бур. *уһөөн* — х.-монг. *өс, өшөө (н)*, калм. *өшә*, стп.-м. *öšigen, öšiü* 'месть, вражда, ненависть'.

Наличие в данных примерах в бурятском языке *h* объясняется тем, что здесь к моменту действия закона $*s \rightarrow h$ перед $*s$ был иной гласный, чем *i*. Переход же $*s$ в *h* осуществлялся в бурятском языке только перед *i*. Произошел он раньше, нежели $*s$ стал переходить в *h*, поэтому „ $*s + i$ ” оказалось в виде *ш*, а „ $*s +$ любой иной гласный” последовательно везде дал *h*.

Появление на месте $*s$ в анлауте звука *h* характерно также и для бурятского языка [см.: Тодаева 1960, с. 27]. Примеры:

бур. *һаарал*, баргу-бур. *һāрал* — х.-монг. *саарал*, калм. *саарл*, стп.-м. *saṗaral* 'буланный';

бур. *һуул*, баргу-бур. *һуул* — х.-монг. *суул*, калм. *сул*, стп.-м. *suul* 'хвост'.

Аналогичное явление представлено также среди тюркских языков в башкирском и якутском. Причем в башкирском языке *h* сохраняется, а в якутском *h* в анлауте исчезло, дав ноль звука, например:

Др.-тюрк.	Тат.	Башк.	Як.	Х.-монг.	Бур.	Значение
sal	сал	һал	аал	сал	һала	плот
saqal	сақал	һақал	—	сахал	һахал	борода
sān	син	һин	эн	—	—	ты
segiz	сигез	һигез	авыс	—	—	восемь
saŋiŋ	сату	һатуу	атыы	—	—	торговля

В одном из бурятских говоров, байкало-кударинском или кабанском как его называли раньше, исследователями отмечается своеобразное явление перехода начального *h* в *x* [см.: Цыдендамбаев 1964, с. 65]. Это существенно меняет облик слов, например:

Общепур.	Байк.-кудар.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
һара	хара	сар	saŋ-a	луна, месяц
һонин	хонин	сонин	sonin	новость
һанаан	ханаан	санаа	saŋaŋa	мысль
һуулга	хуулга	суулга	saŋuŋa	посади

В результате в байкало-кударинском говоре появились пары слов *хара* 'черный' и *хара* 'луна, месяц'; *хонин* 'овца' и *хонин* 'новость'; *хара* 'закрывать' и *хааха* 'доить' (ср. бур. *һааха* 'доить').

Ц.Б. Цыдендамбаев утверждает, что переход $h \rightarrow x$ характерен для западных говоров вообще. Так, он пишет [1968, с. 166–167] по этому поводу: "В западных говорах фарингальный согласный звук *h* имеет тенденцию к потере самостоятельности. В Добайкалье это явление довольно широко выражено в Нельхайском кусте Аларского р-на (с. Балтуй), где так же как и в Байкало-Кударе, говорят *хазн* вм. *һазн* (хорошо), *хурьха* вм. *һурьха* (спрашивать), *хуури* вм. *һуури* (место для сидения). Употребление заднеязычного звука *x* вместо фарингального *h* встречается также по Унге, Алари, Иде, Куде, Качугу".

Неустойчивость *h* в нижнеудинском бурятском говоре отмечена А.А. Дарбеевой, которая приводит [1978, с. 51–52] данные о замене *h* в ряде случаев на *kx*, *x* и даже *g*, например: *хумалгаң* 'заряженный', *һумалһан*; *һуба'аң*, *хубаһаң* 'ожерелье' вм. *һубаһан*; *хорбоһон* 'республика' вм. *хорбоһон*.

вм. *норьмоһон*; *һүни~хүни* 'ночь' вм. *һуни*; *кхурнам~һурнам* 'спрашиваю'
вм. *һурнаб*; *кхүна~һүна* 'сидит' вм. *һууна*; *кхулашиг~һулашиг* 'слабаватый'
вм. *һулашаг*; *кайиргаң* 'чешуя' вм. *хаширһан*.

Аналогичное явление отмечается исследователями также в старобаргутском (хучин-баргутском) диалекте, в котором, по словам Б.Х. Тодаевой [1960, с. 27], "спирант *h* ... перешел в заднеязычный спирант *x* (в начале слова) ...". Об этом же явлении говорит и Чингэлтэй [см.: Цыдендамбаев 1964, с. 66].

Б.В. Матхеев [1970, с. 57] высказывал мнение, что "появление начального *x* (в речи байкало-кударинцев. — В.Р.) вместо общепобурятского *h*, по-видимому, объясняется тем, что этот звук в силу своей позиционной неустойчивости легко подвергся качественным изменениям в результате иноязычного, например русского, влияния". Нам же кажется, этот переход *h* → *x* невозможно объяснить русским влиянием, так как подобное же явление характерно и для старобаргутского диалекта, который не мог испытывать на себе русского влияния. Следовательно, для объяснения этого явления нужно искать другие причины.

В связи с этим небезыntenесно вспомнить, что в языке джарутов Внутренней Монголии Д. Кара [1970, с. 236] зафиксировал на месте **q* фарингальный *h* как основной аллофон из произносительных вариантов *h*, *ḥ*, *χ*. В словаре и в тексте он дает слова только в начальном *h* вместо *χ*, например: *həl* 'язык' (х.-монг. *хэл*, калм. *келн*, стп.-м. *kelen*, бур. *хэлэн*), *har* 'черный' (х.-монг., калм. *хар*, бур. *хара*, стп.-м. *qara*), *gahā* 'свинья' (х.-монг., бур. *гахай*, калм. *һаха*, стп.-м. *yaqai*), *yih* 'большой' (х.-монг. *их*, калм. *ик*, бур. *эхэ*, стп.-м. *yeke*).

В языке монголов Северо-западной Халхи, особенно у живущих возле оз. Хубсугул, нами наблюдалось произнесение *h* вместо *x*, т.е. говорили *хойор һулгана* вместо *хойор хулгана* 'две мыши', *һар һонь* вместо *хар хонь* 'черная овца' и т.п. Таким образом, здесь правомерно предположить, что поскольку в монгольских языках *x* может переходить в *h*, то почему невозможен обратный переход *h* в *x*? Тем более, что переход *x* в *h* наблюдается в ряде случаев и в самом литературном бурятском языке. Так, лит.-бур. *зэхэхэ* 'готовиться' соответствует х.-монг. *зэхэх* и стп.-м. *ʃekəkü id.*; лит.-бур. *зһээтэй* 'приготовленный' — х.-монг. *зэхээтэй id.*; зап.-бур. *һүрэг*//лит.-бур. *хүрэг* 'портрет, изображение' — х.-монг. *хөрөг*, калм. *көрг*, стп.-м. *köüg id.*; лит.-бур. *һолхихо*//*холхихо* 'болтаться, не приходится вплотную' — х.-монг. *холхих id.*, калм. *холхах* 'быть слишком широким (обувь)'. Следовательно, причина перехода *h* в *x* в байкало-кударинском и других западных говорах лежит не во влиянии русского языка, а в закономерностях развития, эволюции звуковой системы бурятского языка и даже гораздо шире — среди монгольских языков. Так, оба процесса перехода *h* в *x* и *x* в *h* наблюдаются в дагурском языке, в котором инициальный *h*, предшествовавший когда-то гласным, развился в *χ* [примеры см.: Kalužynski, s. 135—144]: даг. *K ɣarban* — МА *harban*, стп.-м. *arban* 'десять'; даг. *K ɣalɣ, ɣalga, ɣalaha* — МА *alaqan, MNT halahaŋ*, стп.-м. *aluŋ* 'ладонь'. Переход этого *h* в *x* отмечается также в монгорском, дунсянском и баоаньском языках [см.: Тодаева 1973, с. 37; 1961, с. 12—14; 1964, с. 12—14].

В бурятском языке, видимо, переход **s* → *h* произошел очень давно, поскольку *h*, развившийся из **s*, стал вступать в дистрибутивные отношения

с фонемой х, появившейся на месте *q и *k, став ее аллофоном. Именно давности свидетельствует то, что в языковом сознании народа *h* перессоциировалась с *c* и начал соотноситься с *x*.

В бурятских говорах (особенно западных) зафиксировано в ряде чаев чередование в анлауте звуков *t* и *h* [см.: Бертагаев 1969, с. 13]. Так появились пары:

зап.-бур. *hэнхээ*//*тэнхээ* 'сила, мощь', ср. лит.-бур. *тэнхээ*, х.-монг. *гэн* калм. *теңк*, стп.-м. *tengke, tengkege id.*;

зап.-бур. *төөм*//*һөөм* 'пядь' ср. лит.-бур. *һөөм*, х.-монг. *сөөм*, калм. *сөм*, стп.-м. *sögem id.*;

зап.-бур., лит.-бур. *тамарха*//лит.-бур. *һамарха* 'перемешивать жидкое плавать', ср. х.-монг. *самрах id.*, калм. *самрх*, стп.-м. *samur-, samuga-* 'перемешивать жидкость';

зап.-бур. *тэтхэл*//*һэтхэл* 'чувство, душа', ср. лит.-бур. *сэдхэл*, х.-монг. *сэтгэл*, стп.-м. *sedkil id.*, калм. *сеткх* 'думать';

зап.-бур. *тэлхээр*//*һэлхээр* 'отечный, полный', ср. лит.-бур. *һэлхээр* х.-монг. *сэлхрэх*, стп.-м. *selgüge-* 'опухать, отекасть'.

Любопытно, что однотипное чередование начальных *h* и *t* наблюдается также и в соседнем тофаларском языке. Так, нами зафиксированы с Алыгджер слова *һаан* 'белая куропатка', *һараачыгай* 'оляпка', а в с. Веня Гутара соответственно *таан*, *тараачыгай*.

Б.Х. Тодаева приводит любопытный факт замены звука *c* звуком в хорчинском говоре монгольского языка Внутренней Монголии. Она цитирует [1960, с. 27]: "Отличительной особенностью джалайт-дурбэтхорчинского говора является отсутствие в нем спиранта *c*, вместо которого имеет взрывной *t*, например: *тā-* 'донть', *давтлā-* 'солить', *ботō-* 'вставать', *джи 'рыба'*, *толоō* 'левша', *шут* 'кровь', *шат* 'снег', *тахл* 'борода' и т.д."

По свидетельству А.Д. Руднева [1911, с. 180–181], "в самой северной восточной группе монгольских говоров, в говорах дурбут-бэйсэ..., северный Горлос... и ... также джалаит..., т.е. среди населения местности, расположенной (в общих чертах) в пределах ромба, заключенного между горами Цицикар, Харбин, Бодунэ, и вытянутого к западу, письменному во всех случаях отвечает т". В опыте словаря говоров Восточной Монголии он приводит, например [см.: 1911, с. 123–131], следующие слова из говора дурбут-бэйсэ: *тал-* (вм. *сал-*) 'разделяться', *талā* (вм. *салā*) 'разветвлен', *тамл-* (вм. *самла-*) 'чесать', *тар* (вм. *сар*) 'месяц', *тетхил*, *тетхүл* (вм. *сет*) 'мысль', *голоцоо* (вм. *солоцоо*) 'радуга', *тум* (вм. *сум*) 'стрела' и т.п.

В бурятском языке *h*, чередующийся с *t*, восходит в этих случаях к шемонгольскому спиранту *s, заменяющемуся на *t* в вышеупомянутых говорах хорчинском и дурбут-бэйсэ. Таким образом, здесь мы имеем дело, вероятно, с каким-то однотипным фонетическим процессом. *

Таковы в общем особенности развития анлаутного *s в бурятских говорах.

В интервокальной позиции *s в бурятском языке реализуется, как и вило, в виде фарингального *h*, например:

бур. *һаһан* – х.-монг. *һас* (*ан*), калм. *һасн*, орд. *һасу*, даг. П *һас*, I стп.-м. *һасун* 'возраст';

бур. *һаһан* – х.-монг. *һас* (*ан*), калм. *һасн*, орд. *һасу*, мог. *һөсун*, даг. П МА, стп.-м. *һасун* 'кость';

бур. *уһан* — х.-монг. *ус (ан)*, калм. *усн*, орд. *usu*, даг. П *ос*, мог., МА, стп.-м. *usun* 'вода'.

В бурятском языке в середине слова переход *s в h ограничен позицией. Он произошел перед всеми гласными за исключением *i. Этот переход наблюдается и в положении после исторического закрытого слога, например:

бур. *хэрһэн* — х.-монг. *хэрс (эн)*, калм. *керсү*, стп.-м. *kersen* 'соколог (часть туши)';

бур. *гамһан* — х.-монг. *тамс* 'тесьма, обшивка', калм. *тасм*, стп.-м. *tasma* 'тесьма' (бур. *гамһан*, х.-монг. *тамс* представляют собой метатезу от *tasma*);

бур. *забһар* — х.-монг. *завсар*, калм. *завср*, стп.-м. *ʿabsar* 'промежуток'.

В бурятском языке встречаются слова, в которых h, подобно вышеприведенным примерам, стоит в позиции после согласного. Но на самом деле исторически в этих словах между h (< *s) и этим согласным был гласный, впоследствии выпавший, так что h здесь по сути дела восходит к интервокальному *s. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>хулһан</i>	<i>хулс (ан)</i>	<i>хулсн</i>	<i>qulusun</i>	тростник
<i>хумһан</i>	<i>хумс (ан)</i>	<i>хумсн</i>	<i>kimusun</i>	ноготь
<i>элһэн</i>	<i>элс (эн)</i>	<i>элсн</i>	<i>elesin</i>	песок
<i>үйһэн</i>	<i>үйс (эн)</i>	<i>үүсн</i>	<i>üyisün</i>	береста
<i>хальһан</i>	<i>хальс (ан)</i>	<i>халсн</i>	<i>qalisun</i>	оболочка, кожура

Совсем иначе ведет себя *s в конце слогов в середине слова в позиции перед согласным, а также в абсолютном конце основы, по сути дела тоже в конце слога, только стоящего в ауслaute. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>хүмэдхэ</i>	<i>хөмсөг</i>	<i>көмсг</i>	<i>kömüske</i>	брови
<i>эрид</i>	<i>эрс</i>	<i>эрс</i>	<i>eris/eres</i>	решительный, резкий
<i>эрбэд</i>	<i>ирвэс</i>	<i>ирвсг</i>	<i>irbis</i>	барс (тунк.)
		'тигр'		тигр (унг.)
<i>улад</i>	<i>улс</i>	<i>улс</i>	<i>ulus</i>	люди, народ
<i>үдэхэ</i>	<i>өсөх</i>	<i>өсх</i>	<i>öskü</i>	размножаться
<i>үдхэхэ</i>	<i>өсгөх</i>	<i>өскх</i>	<i>ösgükü</i>	разводить, размножать
<i>үлдэхэ</i>	<i>өлсөх</i>	<i>өлсх</i>	<i>öfuskü</i>	голодать
<i>үүдхэхэ</i>	<i>үүсгэхэ</i>	<i>үүскх</i>	<i>egüskekü</i>	затевать, зарождать
		~ <i>үүткх</i>		
<i>тодохо</i>	<i>тосох</i>	<i>тосх</i>	<i>tosqu</i>	подхватить, подставить руки
<i>туд</i>	<i>тус</i>	<i>тус</i>	<i>tus</i>	данный, этот
<i>тудаха</i>	<i>тусах</i>	<i>тусх</i>	<i>tusqu</i>	попадать в цель
<i>ород</i>	<i>орос</i>	<i>орс</i>	<i>orus</i>	русский
<i>нишдэхэ</i>	<i>нисэх</i>	<i>нисх</i>	<i>niskü</i>	летать
<i>бодохо</i>	<i>босох</i>	<i>босх</i>	<i>bosqu</i>	вставать
<i>адхаха</i>	<i>асгах</i>	<i>аскх</i>	<i>asqaqu</i>	пролить, вылить
<i>дэбдихэ</i>	<i>дэвсэх</i>	<i>девсх</i>	<i>debiskü</i>	разостлать

Количество примеров можно увеличить, но закономерность эта проявляется регулярно. Лишь этим исторически неодинаковым положением *s в основах слов можно объяснить, почему в бурятском языке в одних слу-

чаях на месте с других монгольских языков появился *д*, а в других. Например, в словах *дэбдихэ* 'разостлать' и *дэбһэхэ* 'топтать' *д* и *һ* дятся в современном бурятском языке в равной позиции — перед ным и после согласного. В данной же позиции **s*, к которому в дят в этих словах и *д* и *һ* (ср. стп.-м. *debiskü* 'разостлать' и *de* 'топтать'), регулярно дает в бурятском языке *һ*. В других современных монгольских языках в обоих словах представлен *с*, оказавшийся в позиции после согласного перед гласным, например: х.-монг. *дэ* калм. *девсх* 'разостлать' и х.-монг. *дэвсэх*, калм. *девсх* 'топтать'. Объясняется такой разницей между бурятским и другими монгольскими языками тем, что в бурятском слове *дэбдихэ* 'разостлать' *д* исторически восходит к **s*, стоящему в ауслaute основы — ср. стп.-м. *debis-id* слове *дэбһэхэ* 'топтать' **s* находится после согласного перед гласным ср. стп.-м. *debse-id*.

Аналогично обстоит дело и со словами бур. *бодохо* 'думать' и *бодохо* 'вставать' (ср. х.-монг. *босох*, калм. *босх* 'вставать'; х.-монг. *дох*, калм. *бодх* 'думать'). Исходя из современного соответствия русского *д* в этих словах, например, халхаскому *с* и *д*, закономерно было бы предположить, что в слове *бодохо* 'вставать' в бурятском языке должен был бы появиться не *д*, а *һ*, так как он обычно развивается на месте **s* в интервокальном положении. Но исторически *д* здесь происходит из **s*, стоящего в ауслaute: ср. стп.-м. *bos-* 'встать', поэтому в бурятском имеем *д*, а не *һ*. В слове же *бодохо* 'думать' исторически была основа с *д*: ср. стп.-м. *bodu-* 'думать'. В бурятском языке основы *bos-* и *bodu-* в процессе развития совпали, дав *бодо-*.

Если **s* в аффиксах стоит в начале, то он переходит в *һ*. Так, например, *һ* представлен в афф. *-һан* (причастие прошедшего времени *-һаар* (продолжительное деепричастие), *-һуу* (пропозитив) и т.п., а также соответственно в халха-монгольском языке формы *-сан*, *-аасай*, в калмыцком — *-сн*, *-сар*, *-су*, в старописьменном монгольском — *-үсан*, *-үсагаг*, *-су*.

Если **s* аффикса стоит в ауслaute, то закономерно появляется *с*. Например, аффикс мн. числа имен существительных **s* дал в бурятском языке *-д*: х.-монг. *нохос* — бур. *ноход* 'собаки' (*нохой* 'собака'); аффикс мгновенного однократного вида от образных глаголов *-с* так же в бурятском языке *-д*: х.-монг. *гялас хийх* 'сверкнуть' (*гялайх* 'сверкать') — бур. *ялад гэхэ* 'блеснуть' (*ялайха* 'блестеть').

Особая позиция оказалась у **s* перед историческим гласным **i*. **si* в бурятском языке закономерно перешел в *ši*, а затем, смотря по месту слова, или дал *шэ* (šэ) в мягкорядных словах, или *ш* + любой дорядный гласный, развившийся на месте этого **i* после его переноса. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>шара</i>	<i>шар</i>	<i>шар</i>	šir-a	желтый
<i>шубуун</i>	<i>шувуу(н)</i>	<i>шовун</i>	šibaγun	птица
<i>ааша</i>	<i>ааш</i>	<i>ааш</i>	aγaši	характер
<i>шэнэ</i>	<i>шинэ</i>	<i>шин</i>	šine	новый
<i>дүшэ</i>	<i>дөш</i>	<i>дөш</i>	döši	наковальня.

Лишь в говоре олонских хамниган *s перед *i продолжает сохраняться в виде того же s, хотя и не у всех групп хамниган. У некоторых все же si → ši [см.: Дамдинов 1968, с. 83]. Примеры:

Хамниг.	Бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
с'ибар ~ ш'ивар	шабар	шавар	šibar	глина
с'инага ~ ш'инага	шанага	шанага	šinaya	ковш
с'итакху ~ ш'итаха	шатаха	шатах	šitaqu	гореть.

Переход *s в ш произошел также в позиции перед сочетанием *ki, т.е. сочетанием *ski, которое получило вид škī, например:

Стп.-м.	Бур.	Х.-монг.	Калм.	Значение
ayuski	уушха	уушиг	оошк	легкие
giski-	гэшхэ-	гишгэ-	ишк-	ступать
qaskiga-	хашхар-	хашгир-	хэшкр-	кричать

Влияние *i, таким образом, оказалось настолько сильным, что действовало на переход *s → ш через согласный.

В бурятских говорах наблюдается довольно интересная картина поведения: услаутого d (< *s), который попадает на стыке морфем при словообразовании и словоизменении в интервокальное положение. Картина следующая (о некоторых наблюдениях см. выше, в разделе о *d).

В цонгольском, сартульском говорах и у хамниган отмечается переход услаутого d в с, когда он попадает между гласными: буряад 'бурят' — гьясые 'бурята' (вин. пад.), буряасаар 'по-бурятски' (лит-бур. бурядые, гьядаар); морид 'кони' — морисые 'коней' [см.: Будаев 1965, с. 162; Ураев 1965, с. 138; Дамдинов 1968, с. 101].

У хоринцев, баргузинцев, эхирит-булагатов наблюдается переход услаутого d в этой позиции в ш: морид 'кони' — моришиие 'коней' [см.: Будаев 1965, с. 83; Алексеев, с. 89; Шагдаров 1967, с. 96].

У боханцев отмечено чередование этого d с h: бодоод — боһоод 'встав', даад — саһаад 'наевшись', хонидоор — хониһоор 'овцами', хошоод — хоһоор 'по два', дурбөөд — дурбөөһөөр 'по четыре' [см.: Хомонов 1965, 43, 56].

По свидетельству Б.В. Матхеева [1970, с. 58], "южно-булагатскому тервокальному d в северо-булагатском, как правило, находим регулярное соответствие звука 'h'. Например, садаад — саһаад 'насытившись', доод — боһоод 'стоя', моридоо — мориһоо 'лошадей'".

Таким образом, тенденция поведения *s такова, что в литературном бурятском языке он дает h в начале слова и аффикса, между гласными, и второй гласный не *i, после согласного перед гласным, опять-таки и он не *i, в конце же слогов перед согласным и в абсолютном конце слова и аффикса он переходит в d, который не изменяет уже своего качества, даже попав в положение, при котором *s → h.

В живых же говорах картина несколько иная. Здесь закон перехода → h или *s → d при появлении соответствующих комбинаторных условий, указанных выше, осуществляется довольно последовательно. Если даются условия, при которых *s → h, то d, возникший здесь на месте закономерно дает h, как если бы это был с. Если же этот d вдруг ока-

зывается в положении перед *и*, то тут же срabатывает закон перехода →*ʃi*, и мы имеем чередование *д//ш*. В ряде говоров этот *i* произно как задний гласный типа *ы*, поэтому *д* чередуется не с *ш*, а с *h*. Здесь закономерно происходит переход **s* в *h*, так как оно оказыв в обычной интервокальной позиции.

Только этой закономерностью можно объяснить появление в бурятском языке диалектных пар: зап.-бур. *боһохо* // лит.-бур. *бодохо* 'вста', зап.-бур. *дууһаха* // лит.-бур. *дуудаха* 'кончиться', зап.-бур. *тоһохо* // бур. *тодохо* 'подставить руки' и т.п.

Звук *h*, появившийся на месте **s* в интервокальном положении в бурятских говорах весьма неустойчив и имеет тенденцию к ослаблению и выпадению, за счет чего образуется вторичная долгота гласного характерно главным образом для западных бурятских говоров, о выше уже подробно было сказано.

В литературном бурятском языке довольно много слов, в которых **s* сохраняется в виде того же *s*, например:

амисхал — х.-монг. *амьсгал*, калм. *амьсхл*, стп.-м. *amisyal* 'дыхать';

соёл — х.-монг. *соёл*, стп.-м. *soyul* 'культура';

тусэб — х.-монг. *төсөв*, стп.-м. *tösüb* 'плэн';

асууха — х.-монг. *асуух*, стп.-м. *asaуиqu* 'задавать вопрос';

соносохо — х.-монг. *сонсох*, калм. *сонсх*, стп.-м. *sonusqu* 'слушать';

алас — х.-монг. *алс*, стп.-м. *alus* 'дальний';

дэбисхэр — х.-монг. *дэвсгэр*, калм. *девскр*, стп.-м. *debisker* 'поддержка; опора; территория';

хусэхэ — х.-монг. *хусэх*, калм. *күсх*, стп.-м. *küsekü* 'желать, хотеть';

эсэргүү — х.-монг. *эсэргүү*, *эсрэг*, калм. *эсргү*, *эсрг*, стп.-м. *esergüü* 'против, наперекор, вопреки'.

Почти все они квалифицируются как слова, пришедшие в литературный бурятский язык из монгольского (в частности старописьменного) языка и образуют зачастую в современном литературном бурятском языке пласт книжных слов с возвышенным, приподнятым пиететом. [Цыдендамбаев 1972, с. 635, 640–642].

Ряд подобных слов имеет свои параллели, содержащие не *s*, а *h* в бурятских фонетических формах, например:

амсах//*амһаха* 'пробовать' — х.-монг. *амсах*, стп.-м. *amsaqu*;

дүрсэ//зап.-бур. *дүрһэн* 'внешность, облик, вид, форма' — х.-бур. *дүрс(эн)*, калм. *дүрсн*, стп.-м. *dürsün, dürisün id.*;

дэбэсэ 'подушка на седле, накладная на чепраке'//*дэбһэн* 'чепрак' — х.-монг. *дэвс(эн)* 'подушка седла', калм. *девс*, стп.-м. *debse* 'чепрак, ладки на чепраке';

хасаха//*хаһаха* 'лишать; изымать, вычитать' — х.-монг. *хасах*, калм. *хаса*, стп.-м. *qasaquid.*;

хэсэг//зап.-бур. *хэһэг* 'часть; куча' — х.-монг. *хэсэг*, калм. *кесг*, стп.-м. *keseg id.*;

тус//*түд* 'каждый в отдельности' — х.-монг. *тус тус*, калм. *тус тус*, стп.-м. *tus tus id.*;

түгэс//*түгэд* 'полный, все, целиком' — х.-монг. *төгс*, калм. *төгс*, стп.-м. *tögüs, tegüs id.*;

улас 'страна, государство'//*улад* 'люди, народ' — х.-монг. *улас*, калм. *улас*, стп.-м. *ulus* 'страна; народ';

сарьдаг//*һарьдаг* 'гольцы, покрытые вечным снегом' — х.-монг. сарьдаг, стп.-м. saridaγ id.;
сомон//*һомон* 'административная единица сомон' — х.-монг. сум(ан), стп.-м. sumun id.;
субад//*һубад* 'жемчуг' — х.-монг. сувд, калм. сувсн, стп.-м. subad id.;
сонин (устаревшее) 'газета'//*һонин* 'новости; интересный' — х.-монг. со-нин, калм. соньн, стп.-м. sonin id.;
сүйд//*һүйд* 'беда, авария' — х.-монг. суйд, стп.-м. süiid id.;
сүлдэ//*һүлдэ* 'духовная мощь, символ' — х.-монг., калм. сүлд, стп.-м. sülde 'знамя'.

Варианты с сохранившимся *с* являются бесспорно монголизмами. Монголизмами, пожалуй, следует признать и слова, сохраняющие *с* и бытующие в разговорном языке, частично являясь общебурятскими словами. Примеры:

сайн 'здравствуйте', ср. *һайн* 'хороший; хорошо' — х.-монг. сайн, калм. сван, стп.-м. sayin 'хороший; хорошо';

сабха (юж.-бур.) 'вилка; палочки для еды' — х.-монг. савх, калм. савх, стп.-м. sabqa 'палочки для еды';

суу (окин., тунк.) 'молоко', ср. вост.-бур., лит.-бур. һун, зап.-бур. уһун — х.-монг. суу(н), калм. усн, стп.-м. sün id.;

суусари (окин., тунк.) 'помесь соболя и куницы' — х.-монг. суусар, калм. сууср, стп.-м. suusar, sausar 'куница';

тэсэхэ 'терпеть' — х.-монг. тэсэх, калм. тесх, стп.-м. tesekü id.;

эсгэхэ 'кроить, делать надрез' — х.-монг. эсгэх, калм. ишкх, стп.-м. esgekü id.;

огсом//*агсам* (зап.-бур.) 'резвый, горячий, буйный' — х.-монг. агсам, калм. агсм, стп.-м. aγsum id.

В эпических произведениях, улигерах о Гэсэре, Ерэнсэе и т.п. часто появляются формы, в которых сохраняется **š*, например: *морин сайхан хулу* (вм. *морин һайхан хулэг*) 'добрая лошадь-аргамак', *тисэн яасан хойном* (вм. *тиһэн яһан хойном*) 'после того, как так было', *һуран суран байна* (вм. *һуран һуран байна*) 'стоит и переспрашивает' [см.: Хо-монов 1965, с. 43]. Сохранение **š* в эпосе можно объяснить тем, что он обычно канонизирует те формы, которые были живыми при его создании, а эволюция языка эпоса обычно проходит медленнее эволюции разговорного языка. Ставшие непонятыми слова и формы обычно снабжаются повторными, более понятными словами (и даже предложениями), так появляются пары типа *һуран суран байна*, где *һуран* — бурятская про-износительная форма общемонгольского *суран*.

*š

Относительно исконности фонемы **š* в монгольских языках у монго-листов нет твердой убежденности. Так, Г.Д. Санжеев [1953, с. 96] пи-шет, что "спирант *ш* некогда отсутствовал в монгольских диалектах (еще около XIII в.) и образовался из свистящего *с* в положении перед глас-ным *i*".

Н.Н. Цопне считает [1955, р. 125], что "в письменно-монгольском языке консонант *š* оказывается и перед иными гласными, чем **i*. Сомнительно,

что консонант *ʃ* является всегда (в этих случаях. — В.Р.) первичным. можно, что гласный, непосредственно следующий за консонантом, праматично является (гласным) вторичного происхождения и развит **i*. С другой стороны, многие основы с *ʃ*, сопровождаемым иным, чем **i*, могут быть заимствованы из других языков, например *ʃatu* 'лестница' < тюрк. *ʃatu* id.; Мо. *ʃoγ* 'шутка' < тюрк. (ср. алта теленгитск. и т.п.) *ʃoq* 'злодейство, подлость' и т.д." (перевод на В.Р.).

Б.Я. Владимирцов [с. 374–375] тоже считал, что "в монг.-писм. очень мало слов, которые можно было бы признать как имевшие неинное *ʃ* ... В XII–XIII вв., а может быть и в более раннюю эпоху, в монг.-письменном языке, в монг.-письм., проникло много слов, заимствованных из разных языков, имевших фонему *ʃ* в самых разнообразных положениях". В качестве примеров он приводит слова: стп.-м. *nišan* уйг. *nišan* 'знак, клеймо' < среднеперс. *nišan*; п.-монг. *ʃabi* ~ *ʃami* < *ʃabi* 'ученик, буддийский novice' < кит. *ша-ми* < кучар. *saṃṣāra* санскр. *ṣṛāṃṣāra*; монг.-письм. *ʃasiṃ* 'религия, вера' < **ʃasan* хотанск. *saṃ* < санскр. *ṣāṣana*. По его наблюдениям, в древнемонгольском языке *ʃ* встречалось в основном лишь перед *i*, перед другими же гласными оно редко. И даже в заимствованных словах, где после *ʃ* и не было *i*, монголы для передачи *ʃ* стали писать *ʃi*. [см.: Владимирцов, с. 376]. Примеры приводит такие: стар. монг.-письм. *ʃitaran*, нов. монг.-письм. *ʃitara* (халх. *шатар*) < перс. *ʃatrang* (< санскр. *ṣaturāṅga*) 'шахматы'; монг.-письм. *ʃiker* < перс. *ʃakar* 'сахар'.

Владимирцов [с. 377] отметил также передачу монголами *s* в заимствованных словах как *ʃ*: "Довольно часто чередование *s* и *ʃ* наблюдается в словах заимствованных, причем можно отметить, что формы с *s* получили большее распространение".

Таким образом, все указывает на то, что **ʃ* как будто бы не был характерен для монгольских языков. В современных языках он развит **s* в позиции перед **i* или в некоторых случаях из **ʃ* [см.: Владимирцов, с. 376].

Однако почти во всех современных монгольских языках, во всяком случае в халха-монгольском, бурятском и калмыцком, довольно значительная группа слов содержит в анлауте звук *ш*, причем усомниться в исконности нет оснований, так как это междометия, образные и звукоподражательные слова. Дело в том, что смена даже одного звука, гласного согласного, меняет смысл этих слов и иногда коренным образом, поэтому слова такого рода довольно устойчивы. Примеры:

бур. *шалд* — междометие, передающее всплеск, ср. калм. *шалд* id.;

бур. *шаад* — междометие, выражающее пронзительный крик;

бур. *шуу* — междометие, служащее для подзывания коз;

бур. *шуурд* — звукоподражание треску, ср. стп.-м. *ʃurdkikü*, *ʃord* 'производить шум (о взлетевшей внезапно птице)';

бур. *шуг-шуг* — звукоподражание скулению щенка;

бур. *шан-шан* гэхэ 'издавать звонкий жалобный звук (напр. о щенке)', ср. стп.-м. *šang šang gekü* 'докучать, надоедать';

бур. *шоб-шоб* гэхэ 'чмокать';

бур. *шар-шар* гэхэ, *шар-шур* гэхэ 'скрипеть, хрустеть', ср. х.-монг. *шар шийх*, *шар шур хийх*, калм. *шар шар гих*, *шар шир гих*, *шар шур гих*,

стп.-м. *šar šar gekü id.*;

бур. *шал-шал* гэхэ, *шал-шул* гэхэ 'булькать (о воде); шлепать (по грязи)', ср. х.-монг. *шал шал гэх* 'шлепать (по грязи)', калм. *шал-шал гих*,

стп.-м. *šal šal gekü* 'булькать; чавкать';

бур. *шарбага шорбого* гэхэ 'вильнуть (хвостом)';

бур. *шагтайха* 'быть низко подпоясанным';

бур. *шалбайха* 'быть вывороченными или выпяченными (о губах);

бур. *шобойхо* 'быть остроконечным', ср. х.-монг. *шовойх*, стп.-м.

šobuyiqu id.;

бур. *шумбыхэ* 'быть конусосбразным', ср. х.-монг. *шөмбийх id.*

Для тюркских языков тоже видимо, не был характерен звук *š*, особенно в начале слова. По этому поводу М. Рясянен [с. 155] пишет: "Существование в древнетюркском языке начального *š*- спорно... *š*- встречается в заимствованиях и звукоподражаниях". В современных тюркских языках *š* в начале слов встречается гораздо чаще. В середине и конце слов *š* имелся и в древнетюркском языке, хотя и чередовался в некоторых тюркских памятниках с *s*: *baš//bas* 'голова', *barmiš//barmis* 'пошел', *beš//bes* 'пять' и т.п.

Если в древнем монгольском языке фонема *š* была почти неупотребительна, часто заменяясь и в заимствованных словах на *s*, то за период эволюции языка картина изменилась коренным образом. Как отмечает И.Д. Бураев [1959, с. 86]: "Фонема *ш* является одним из самых употребительных звуков бурятского языка. Встречается преимущественно в начальной позиции слога".

*п

В отличие от тюркских языков, в которых для их древнего состояния звук *п* не был характерен в начале слова, за исключением, пожалуй, единственной лексемы *пe* 'что', и то которую Рамстедт считал более поздним случаем ассимиляции (< *je - п) [см.: Рясянен, с. 176], а употреблялся лишь в середине и в конце слов, в истории монгольских языков *п более распространенный звук. Он был характерен как для анлаута, так и инлаута и ауслота древнемонгольских слов.

В современном бурятском языке и его говорах это тоже весьма употребительный звук. По свидетельству И.Д. Бураева [1959, с. 82], "фонема *п* употребляется преимущественно в начале слога; в исходе слога внутри слова, встречается довольно ограниченно только перед переднеязычными согласными *т, д, с*, например: *мандаха* 'процветать, здравствовать', *мантагар* 'головастый', *сэнтэй* 'ценный', *монсогор* 'круглый'. В литературном бурятском языке *п* в исходе слова не встречается. В других диалектах, в частности в боханском, также в агинском подговоре хоринского диалекта фонема *п* употребляется в исходе слова в качестве показателя 3-го лица притя-

жательного склонения, которому в литературном языке соответствует мягкая фонема *н'* (*нь*)".

Эволюция **п* в бурятском языке проходила неравномерно в на середине и конце слова и дала различные рефлексy. Поэтому целесообразно рассматривать ее в зависимости от положения **п* в слове.

В анлауге, в позиции перед любым гласным, кроме **i*, **п* в бурятском языке сохраняет свое качество, как и в других монгольских языках. Пример:

бур. *намар* — х.-монг. *намар*, калм. *намр*, даг. П *намър*, орд., МА, I стп.-м. *патуг* 'осень';

бур. *нoмo* — х.-монг. *нум(ан)*, калм. *нумн*, орд. *питу*, даг. П *нѐм*, MNT, стп.-м. *пунил* 'лук (оружие)';

бур. *нэрэ* — х.-монг. *нэр(эн)*, калм. *нерн*, орд. *пеге*, даг. П *нѐр*, мог. I МА, MNT, стп.-м. *пеге* 'имя';

бур. *нураха* — х.-монг. *нурах*, калм. *нурх*, дунс. *нурэ*, стп.-м. *пн* 'обвалиться, обрушиться'.

Развитие начальных согласных, стоящих в положении перед **i*, в процессе эволюции привело к значительному изменению этих согласных, и нился и сам гласный **i*, дав другие рефлексy в результате так называемых "переломов". Г.Д. Санжеев [1953, с. 118] по этому поводу пишет: "одним из начальных этапов борьбы между сингармонизмом звука агглютинацией фонемы **i* и *i* в ранних монгольских диалектах подлилась полной конвергенции, слившись в одну фонему *i* различного качества, а последняя затем начала подвергаться регрессивной ассимиляции, т.е. исчезать в начальном положении, превращаясь в другие начальные фонемы, но исчезать в большинстве случаев не бесследно, а отражаясь в виде палатализованного характера предшествующего ей гласного".

Например, древнее *патуг* дало через промежуточную ступень современное бурятское *нуур* 'озеро', которому соответствуют х.-м. *нуур*, калм. *нур*, даг. П *наър*, орд. *пүг*, монгол. *нүр* id. Древнее же *пүг* дало бурятское *нюур* 'лицо' (с палатализованным *н'*), которому соответствуют х.-монг. *нуур*, калм. *нур*, монгол. *нүүр*, мог. *пүг*, I *ниү*, баон. *нөр*, дарх. *н'үр* id.

Сравнительный материал показывает, что в современном бурятском языке, во всех его говорах, за исключением, пожалуй, лишь сартульского, в котором вообще отсутствуют палатализованные согласные в начале слогов [см.: Бураев 1965, с. 124], где в остальных бурятских говорах имеется палатализованный *н*, довольно широко представлена палатализация начального **п*. В бурятских говорах и в литературном языке до сих пор последовательно общемонгольский **п* перед **i* отражается в виде палатализованного *н'*. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>нюу-</i>	<i>нуу-</i>	<i>нуу-</i>	<i>ниү-</i>	<i>ни'ү-</i>	прятать
<i>нюрган</i>	<i>нуруу</i>	<i>нурһн</i>	<i>ниругун</i>	<i>нирүн</i>	спина
<i>нюдэн</i>	<i>нуд</i>	<i>нудн</i>	<i>нидүн</i>	<i>нидүн</i>	глаз
<i>нёлбоһон</i>	<i>нулимс</i>	<i>нульмси</i>	<i>нилбусун</i>	<i>нилбусун</i>	слезы
<i>нялха</i>	<i>нялх</i>	<i>нилх</i>	<i>нилқа</i>	<i>нилқа</i>	новорожденный
<i>нютаг</i>	<i>нутаг</i>	<i>нутг</i>	<i>нитуу</i>	<i>нутуу</i>	родина

<i>нюсэгэн</i>	<i>нуцгэн</i>	<i>нуцгн</i>	<i>ničügün</i>	<i>ničügün</i>	голый
<i>нюдарга</i>	<i>нударга</i>	<i>нудрн</i>	<i>nidurγa</i>	<i>nudurqa</i>	кулак
<i>нягта</i>	<i>нягт</i>	<i>нигт</i>	<i>niγta</i>		плотно
<i>нялуун</i>	<i>нялуун</i>	<i>нилуун</i>	<i>niluγun</i>		приторный
<i>недонон</i>	<i>ноднин</i>	<i>нидн</i>	<i>nidunun</i>	<i>nidoni</i>	прошлый
				(MNT)	год

Как видно из примеров, в бурятском языке более последовательно отражена палатализация, чем в халха-монгольском, а в калмыцком имеются даже случаи сохранения *i*. Это все свидетельствует, что процесс перелома **i* и палатализация предшествующих согласных проходили в монгольских языках неравномерно и в каждом языке сами по себе.

Приведенный выше материал свидетельствует также, что в тех случаях, где в халхаском и калмыцком языках отсутствует палатализация при наличии перелома гласного **i*, этот перелом произошел еще в то время, когда на месте *i* в твердорядных словах был представлен еще задний **i* (типа *ы*). В таких случаях перелом **i* не затронул предшествующего согласного [см.: Санжеев 1953, с. 119]. В этом процессе халхаский и калмыцкий языки имеют много общего. Материал монгольского языка XIV в. по памятнику "Мукаддимат ал-Адаб" свидетельствует, что уже к тому времени ряд слов (типа *nudurqa* 'кулак', *nutuq* 'родина') уже претерпели перелом на стадии **i*. Бурятский же язык, видимо, испытал перелом гораздо позднее, когда **i* и **i* конвергировались в одном *i*. Хотя единичные примеры говорят, что и в бурятском языке был возможен перелом на стадии **i*, например: бур. *нарай* 'новорожденный' — х.-монг. *нярай*, калм. *нирэ*, *нира*, орд. *nirā id*, стп.-м. *nirai id*. Но все же бурятский язык дает в основном палатализованные формы с переломом, хотя есть формы и без перелома, например: *низа*//*ниса* 'вдребезги', ср. х.-монг. *няц*, стп.-м. *niča id*; *нилааха* 'размазывать', ср. х.-монг. *нялах*, стп.-м. *nila*, Ма *nila* - 'штукатурить'.

Наличие палатализации у **n* позволяет с уверенностью предполагать в древнем монгольском языке праформы с **i* после **n*, хотя в письменном монгольском языке это *i* уже не писалось, например:

бур. *нюхаха* 'мять, растирать, разминать' < **niqu-*, хотя стп.-м. *niqu-*, ср. х.-монг. *нухах*, калм. *нухх id*;

бур. *нюдэхэ* 'толочь в ступе' < **nidü-*, ср. стп.-м. *nüdü-*, х.-монг. *нудэх*, калм. *нудх*, дунс. *нуду-*, баоан. *нэдэ* 'толочь, измельчать';

бур. *няаха* 'клеить' < **niγa-*, ср. стп.-м. *paγa-*, *piγa-*, х.-монг., калм. *наах*, MNT *ni'āhu*, MA *ni'ā-*, *na'ā-*, дунс. *ниа-*, монгол. *нā*, дарх. *н'āлдаха* 'приклеиваться'.

Бурятский язык, видимо, довольно долго сохранял **i*, не подвергшееся перелому, что явилось условием образования палатализованных согласных, при начавшемся впоследствии переломе. Перелом гласного **i* начался в бурятском языке, вероятно, позднее, чем в халхаском и даже калмыцком, так как бурятский язык в гораздо большем объеме, чем калмыцкий, сохраняет, особенно в твердорядных словах, гласный **i*, не подвергшийся перелому, например:

бур. *илгaxa*, калм. *илхх* — х.-монг. *ялгах*, стп.-м. *ilyaqu* 'выбирать, различать, выделять';

бур. *хилар* — калм. *хальр*, х.-монг. *хялар*, стп.-м. *kilar* 'косой (о глазах)';

бур. *химда*, калм. *кимд* — х.-монг. *хямд*, стп.-м. *kimda* 'легкий; дешевый';

зап.-бур. *н'имаан* — лит.-бур. *ямаан*, калм. *яман*, х.-монг. *ямаа(н)*, стп.-м. *imaуan* 'коза'.

В середине слова *п обычно сохраняет свое качество между мягкорядными и твердорядными гласными и превращается в палатализованный перед нейтральным *i*. Примеры:

бур. *энэ* — х.-монг. *энэ*, калм. *эн*, мог. *enā*, даг. П *ēn* ~ *ēñ*, монгол. *не*, орд., МА, МNT, стп.-м. *ene* 'это';

бур. *уна-* — х.-монг. *уна-*, калм. *ун-*, мог. *unō-*, монгол. *унā-*, даг. *woᠨā-*, орд., МА, МNT, стп.-м. *upa* 'падать';

бур. *тэнюун* — х.-монг. *тэнуун*, стп.-м. *tenigün* 'спокойный';

бур. *энеэ* — х.-монг. *инээ*, калм. *инө*, МNT *ine' e*, МА *inē*, стп.-м. *ini* 'смеяться', даг. П *инēд* 'смех';

Таким образом, в результате палатализирующего влияния гласного в бурятском языке развилось противопоставление твердого *n* и палатализованного *n'*, развившихся, как и в аялауте, из одного *п. Примеры:

ханааха (< *qanayaqu*) 'удов- — *ханяаха* (< *qaniyaqu*) 'кашлять' летворять'

хоноор (< *sonu-bar*) 'оводом' — *хонёор* (< *sonin-iyar*) 'интересно'

хоноо (< *qonuᠮa*) 'ночевал' — *хонёо* (< *qoni-ban*) 'свою овцу'

В конце слога, в положении перед согласным, наблюдаются случаи чередования *n* с губным носовым *m*:

хамсы//*ханшы* 'рукав', ср. х.-монг. *ханцуй*, калм. *ханци*, стп.-м. *qanᠴuᠢ*, МА *qanᠴu*, *qanᠴun id.*;

умда//*унда* 'напиток; жажда', ср. х.-монг. *унд*, *ундаа*, калм. *унд*, *унд*, стп.-м. *umd*, *umdн*, стп.-м. *unda id.*

О чередовании *n* и *m* еще в старописьменном монгольском языке в средневековых монгольских диалектах, например: *unta*//*umta* 'спать', *unda*//*umda* 'напиток; жажда', *dunda*//*dumda* 'середина', *öndügen*//*ömdügen* 'яйцо', писал Владимирцов [с. 348]. В современных монгольских языках подобные чередования продолжают сохраняться.

В конце слова *п, как и в халха-монгольском языке, во всех бурятских говорах перешел в заднеязычный *ŋ*. При этом в халха-монгольском языке у имен существительных в именительном падеже этот *ŋ* (< *п) исчезает, в бурятском же сохраняется. У прилагательных и числительных *ŋ* сохраняется в обоих языках. В калмыцком языке *п везде в конце слов сохраняет свое качество. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>хурдан</i> (<i>ᠬᠣᠷᠳᠠᠨ</i>)	<i>хурдан</i> (<i>ᠬᠣᠷᠳᠠᠨ</i>)	<i>хурдн</i> (<i>ᠬᠣᠷᠳᠠᠨ</i>)	<i>qurdun</i>	<i>qurdun</i>	быстрые
<i>он</i>	<i>он</i>	<i>он</i>	<i>on</i>	<i>hon</i>	год

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
(ɔŋ)	(ɔŋ)	(ɔŋ)			
шуһан	цус(ан)	цусн	ʃisun	ʃisun	кровь
(ʃuhʌŋ)	(tʃu(sʌŋ))	(tʃusʌŋ)			
табан	тав(ан)	тавн	tabun	tabun	пять
(tabʌŋ)	(tav(ʌŋ))	(tavʌŋ)			

При склонении же основ с этим конечным ŋ он в ряде падежей исчезает, в некоторых же падежах выступает в виде исконного переднеязычного *п. Ср., например, парадигмы склонения в некоторых монгольских языках слова *модон* 'дерево':

	Бур.	Калм.	Х.-монг.	Стп.-м.
Им.п.	<i>модон (ŋ)</i>	<i>модн (п)</i>	<i>мод</i>	modun
Род.п.	<i>модоной</i>	<i>модна</i>	<i>модны</i>	modun-u
Вин.п.	<i>модо, модые</i>	<i>мод, модыг</i>	<i>мод, модыг</i>	modu-yi
Дат.п.	<i>модондо</i>	<i>моднд</i>	<i>модонд</i>	modun-du (r)
Исх.п.	<i>модонһоо</i>	<i>моднас</i>	<i>модноос</i>	modun-aʃa
Оруд.п.	<i>модоор</i>	<i>модар</i>	<i>модоор</i>	modu-bar
Совм.п.	<i>модтой</i>	<i>модта</i>	<i>модтой</i>	modu-tai
Соед.п.	—	<i>моднла</i>	—	modun-luʒa
Напр.п.	—	<i>моднур</i>	—	—

В бурятских говорах, помимо отмеченных выше модификаций *п в виде *н*, *н'* и *ŋ* (орф. *н(г)*), наблюдаются также случаи перехода *п в начале и середине слова в среднеязычный щелевой *ј*. Это характерно для западных говоров. Так, например, исследователь говора качугских бурят А.Г. Митрошкина [1968, с. 52] пишет: "Начальному *й* качугского говора изредка в литературном языке соответствует звук *н*: качугское сочетание *йэптэ нэрхэ* (насквозь промокнуть) соответствует литературному *нэптэ нэрхэ* с тем же значением". В словаре К.М. Черемисова [1973] обнаруживается ряд слов, в которых на месте звука *н* других бурятских говоров и монгольских языков появляется *й*. При этом все эти слова имеют помету *зап.*, что означает их западнобурятское происхождение. Примеры:

зап.-бур. *ебтэ* — лит.-бур. *нэбтэ* 'насквозь', ср. х.-монг. *нэвт*, калм. *непт*, стп.-м. *nebte* id.;

зап.-бур. *ебтээхэ* 'мочить, размачивать' — лит.-бур. *нэбтэрхэ* 'проходить насквозь, просачиваться, промокать насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрэх*, калм. *нептрх*, стп.-м. *nebterekü* id.;

зап.-бур. *ебтэрхэй* — лит.-бур. *нэбтэрхэй* 'сквозной; впитывающийся, просачивающийся, промокший насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрэхий*, калм. *нептркэ*, стп.-м. *nebterkei* id.;

зап.-бур. *хуйгэн* — лит.-бур. *хунгэн* 'легкий', ср. х.-монг. *хөнгөн*, калм. *гишгн*, *гөүгн*, стп.-м. *könggen* id.;

зап.-бур. *хуйгэрхэ* — лит.-бур. *хунгэрхэ* 'стать легким; подешеветь', ср. х.-монг. *хөнгрөх*, стп.-м. *könggerekü* 'стать легким'.

Подобный же переход *п в *ј* фиксируется Б.Х. Тодаевой [1960, с. 28] в хорчинском говоре восточного диалекта монгольского языка Внутрен-

бур. *бишыхан*, калм. *бичкн, бичхн* — х.-монг. *бяцхан*, стп.-м. *bišqaŋ* 'маленький';

бур. *илгаха*, калм. *илхх* — х.-монг. *ялгах*, стп.-м. *ilyaqa* 'выбирать, различать, выделять';

бур. *хилар* — калм. *хальр*, х.-монг. *хялар*, стп.-м. *kilar* 'косой (о глазах)';

бур. *химда*, калм. *кимд* — х.-монг. *хямд*, стп.-м. *kimda* 'легкий; дешевый';

зап.-бур. *н'имаан* — лит.-бур. *ямаан*, калм. *яман*, х.-монг. *ямаа(н)*, стп.-м. *imaγan* 'коза'.

В середине слова *п обычно сохраняет свое качество между мягкорядными и твердорядными гласными и превращается в палатализованный *п'* перед нейтральным *и*. Примеры:

бур. *энэ* — х.-монг. *энэ*, калм. *эн*, мог. *enà*, даг. П *ēn* ~ *ēnē*, монгол. *не*, орд., МА, MNT, стп.-м. *ene* 'это';

бур. *уна-* — х.-монг. *уна-*, калм. *ун-*, мог. *unō-*, монгол. *унā-*, даг. *woanā-*, орд., МА, MNT, стп.-м. *upa-* 'падать';

бур. *тэнюун* — х.-монг. *тэнуун*, стп.-м. *tenigün* 'спокойный';

бур. *энез* — х.-монг. *инэз*, калм. *инэ*, MNT *ine'* е-, МА *inē-*, стп.-м. *iniy* 'смеяться', даг. П *инēд* 'смех';

Таким образом, в результате палатализирующего влияния гласного в бурятском языке развилось противопоставление твердого *п* и палатализованного *п'*, развившихся, как и в анлауте, из одного *п. Примеры:

ханааха (< *qanaγaqa*) 'удов- — *ханяаха* (< *qaniyaqa*) 'кашлять' летворять'

һоноор (< *sonu-bar*) 'оводом' — *һонёор* (< *sonin-iyar*) 'интересно'

хоноо (< *qonuγa*) 'ночевал' — *хонёо* (< *qoni-ban*) 'свою овцу'

В конце слога, в положении перед согласным, наблюдаются случаи чередования *п* с губным носовым *м*:

хамсы//*ханишы* 'рукав', ср. х.-монг. *ханцуй*, калм. *ханцн*, стп.-м. *qanš* *qanšui*, МА *qanšui*, *qanšun* id.;

умда//*унда* 'напиток; жажда', ср. х.-монг. *унд*, *ундаа*, калм. *унд*, *унд* *умд*, *умдн*, стп.-м. *unda* id.

О чередовании *п* и *п'* еще в старописьменном монгольском языке и средневековых монгольских диалектах, например: *unta*//*umta* 'спать', *unda*//*umda* 'напиток; жажда', *dunda*//*dumda* 'середина', *öndügen*//*ömdügen* 'яйцо', писал Владимирцов [с. 348]. В современных монгольских языках подобные чередования продолжают сохраняться.

В конце слова *п, как и в халха-монгольском языке, во всех бурятских говорах перешел в заднеязычный *ŋ*. При этом в халха-монгольском языке *п* у имен существительных в именительном падеже этот *ŋ* (< *п) исчез, в бурятском же сохраняется. У прилагательных и числительных *ŋ* сохраняется в обоих языках. В калмыцком языке *п везде в конце слов сохраняет свое качество. Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
<i>хурдан</i> (<i>χurdlŋ</i>)	<i>хурдан</i> (<i>χurdlŋ</i>)	<i>хурдн</i> (<i>χurdlŋ</i>)	<i>qurdun</i>	<i>qurdun</i>	быстры
<i>он</i>	<i>он</i>	<i>он</i>	<i>on</i>	<i>hon</i>	год

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
(эᠡ)	(эᠡ)	(эᠡ)			
шухан	цус(ан)	цусн	čisun	čisun	кровь
(šuhʌᠡᠨ)	(tʃu(sʌᠡᠨ))	(tʃusʌᠡᠨ)			
табан	тав(ан)	тавн	tabun	tabun	пять
(tabʌᠡᠨ)	(tav(ʌᠡᠨ))	(tavʌᠡᠨ)			

При склонении же основ с этим конечным ᠡ он в ряде падежей исчезает, в некоторых же падежах выступает в виде исконного переднеязычного *п. Ср., например, парадигмы склонения в некоторых монгольских языках слова *модон* 'дерево':

	Бур.	Калм.	Х.-монг.	Стп.-м.
Им.п.	<i>модон (ᠨ)</i>	<i>модн (п)</i>	<i>мод</i>	modun
Род.п.	<i>модоной</i>	<i>модна</i>	<i>модны</i>	modun-u
Вин.п.	<i>модо, модые</i>	<i>мод, модыг</i>	<i>мод, модыг</i>	modu-yi
Дат.п.	<i>модондо</i>	<i>моднд</i>	<i>модонд</i>	modun-du (r)
Исх.п.	<i>модонһоо</i>	<i>моднас</i>	<i>модноос</i>	modun-ača
Оруд.п.	<i>модоор</i>	<i>модар</i>	<i>модоор</i>	modu-bar
Совм.п.	<i>модтой</i>	<i>модти</i>	<i>модтой</i>	modu-tai
Соед.п.	—	<i>моднла</i>	—	modun-luᠢa
Напр.п.	—	<i>моднур</i>	—	—

В бурятских говорах, помимо отмеченных выше модификаций *п в виде *н*, *н'* и *ᠡ* (орф. *н(г)*), наблюдаются также случаи перехода *п в начале и середине слова в среднеязычный щелевой *ј*. Это характерно для западных говоров. Так, например, исследователь говора качугских бурят А.Г. Митрошкина [1968, с. 52] пишет: "Начальному *й* качугского говора изредка в литературном языке соответствует звук *н*: качугское сочетание *йэптэ нэрхэ* (насквозь промокнуть) соответствует литературному *нэптэ нэрхэ* с тем же значением". В словаре К.М. Черемисова [1973] обнаруживается ряд слов, в которых на месте звука *н* других бурятских говоров и монгольских языков появляется *й*. При этом все эти слова имеют помету *зап.*, что означает их западнобурятское происхождение. Примеры:

зап.-бур. *ебтэ* — лит.-бур. *нэбтэ* 'насквозь', ср. х.-монг. *нэвт*, калм. *непт*, стп.-м. *nebte* id.; -

зап.-бур. *ебтээхэ* 'мочить, размачивать' — лит.-бур. *нэбтэрхэ* 'проходить насквозь, просачиваться, промокать насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрэх*, калм. *нептрх*, стп.-м. *nebterekü* id.;

зап.-бур. *ебтэрхэй* — лит.-бур. *нэбтэрхэй* 'сквозной; впитывающийся, просачивающийся, промокший насквозь', ср. х.-монг. *нэвтрэхий*, калм. *нептркэ*, стп.-м. *nebterkei* id.;

зап.-бур. *хуйгэн* — лит.-бур. *хунгэн* 'легкий', ср. х.-монг. *хөнгөн*, калм. *гишгн*, *гөүгн*, стп.-м. *könggen* id.;

зап.-бур. *хуйгэрхэ* — лит.-бур. *хунгэрхэ* 'стать легким; подешеветь'. ср. х.-монг. *хөнгрөх*, стп.-м. *könggerekü* 'стать легким'.

Подобный же переход *п в *ј* фиксируется Б.Х. Тодаевой [1960, с. 28] в хорчинском говоре восточного диалекта монгольского языка Внутрен-

ней Монголии: *ijē* 'смеяться' в м. *inē*, *хој* 'овца' в м. *хонь*, *јингэн* 'тонк' в м. *нимгэн*.

Появление палатализованного *н'* перед историческим гласным **i* по м бурятского языка отмечается в дагурском языке: *он'ч'* 'нож' (стп. *onib'ci*), *хон'* 'овца' (стп.-м. *qonin*) [см.: Тодаева 1960, с. 56].

Переход в процессе эволюции **n* в *j* наблюдается и в некоторых к мышских словах, при этом *j* в процессе развития языка выпал [см.: Ро 1955, р. 165], например:

калм. *хō* (*н*), 'овца' < **xōjin* < **qojin* < **qonin*;

калм. *сō* (*н*) 'ночь' < **šōji(n)* < **sōni* (*н*).

Переход смычного **n* в щелевой *j*, как можно видеть из примера происходит там, где **n* произносится в виде смягченного *п'*, или в положении **n* перед **i*, где он палатализуется, превращаясь в *п'*, приближающ к среднеязычному *л*, который в свою очередь легко может переход в среднеязычный же *j*. Фонетическое различие *л* и *j* заключается лишь том, что *л* смычный, а *j* щелевой, *л* – носовой, а *j* – ртовый звуки. Поэтому при ослаблении смычки (под действием тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов) *л* закономерно дает носовой щелевой *ј*, который при утрате назализации превращается в обычный ртовый и левой *j*. Таковы на наш взгляд причины, обусловившие возможно перехода **n* в *j*.

Кроме того, имеются, правда немногочисленные, случаи перехода в *л*. Этот переход осуществлялся, видимо, еще в древнемонгольское время, так как чередование *n*//*l* наблюдается не только внутри бурятских говоров, но и среди монгольских языков, например:

зап.-бур. *малгаар* – МА *manaγār*, MNT *manaqar*, ЛР *manaγār*, ма *qār*, калм. *мангдур* 'завтра', ср. лит.-бур. *маргааша*, х.-монг. *маргааш*, *ма гаадар*, орд. *margātu*, стп.-м. *marγaši* id.;

зап.-бур. *минаа*, МА *minā*, MNT, *mina'a*, даг. П. *мінā* – калм. *ма х.-монг. малиа*, орд. *milā*, стп.-м. *milaya* 'бич, кнут';

бур. *мэлхэй*, х.-монг. *мэлхий*, калм. *меклэ* – МА *menekei*, SG *meneg* стп.-м. *menekei*, *melekei* 'лягушка'.

*1

В современном бурятском языке "фонема *л* употребляется в любых позициях слова" [Бураев 1959, с. 90].

В начале слова она встречается преимущественно в звукоподражательных и образных словах и в словах, являющихся заимствованными из других языков. Но есть и собственнобурятские слова, представляющие собой различные части речи. Примеры:

бур. *лаг*, *лай* – х.-монг. *лаг*, *лай*, калм. *ла*, стп.-м. *lai*, *lay* 'ил';

бур. *лама* – х.-монг. *лам*, калм. *лам*, стп.-м. *blam*-а 'буддийский монах' (< тиб. *blama*);

бур. *лугшэхэ* – х.-монг. *лугших*, калм. *лугших*, стп.-м. *luγši*- 'битое (о сердце)';

бур. *лабхайха* 'иметь широкое основание' – калм. *лабдах* 'быть широким', стп.-м. *labtai*- 'раскидываться, развалиться; потягиваться';

бур. *ла*, *лэ* – х.-монг., калм. *л*, стп.-м. *ele* частица утверждения, усилен

Гораздо чаще встречается *л* в середине и в конце бурятских слов. Вообще, общемонгольская фонема **l* сохранилась в бурятском языке довольно хорошо во всех позициях. Примеры:

бур. *алха-* — х.-монг. *алха-*, калм. *алх-*, МА, стп.-м. *alqu-* 'шагать', орд. *alxum* 'шаг';

бур. *малта-* — х.-монг., калм. *малт-*, орд. *malta-*, даг. П *малт᠎а*, MNT, стп.-м. *malta-* 'копать';

бур. *хулһэн* — х.-монг. *хөлс(өн)*, калм. *көлсн*, орд. *kölösш*, МА, стп.-м. *kölösün, kölüsün* 'пот';

бур. *ала-* — х.-монг., калм. *ал-*, даг. П *ал-* ~ *ал᠎а*, монгор. *ала-*, орд., МА, стп.-м. *ala-* 'убивать';

бур. *гал* — х.-монг. *гал*, калм. *һал*, орд. *gal*, мог. *γöl*, монгор. *гал*, даг. П *гал᠎а*, МА, стп.-м. *γal* 'огонь';

бур. *хул* — х.-монг. *хөл*, калм. *көл*, орд. *köl*, даг. П *күл* ~ *күл᠎а*, монгор. *көл*, мог., МА, стп.-м. *köl* 'нога'.

По аналогии с разобранной выше **n* фонема **l* в бурятском языке под влиянием последующего гласного **i* получила палатализацию, в результате чего из одной фонемы **l* в бурятском языке развились две фонемы — *л* и *л'*, различающие слова, например:

алая (< *aliya*) 'шаловливый' — *алаа* (< *alaya*) 'убил'

болёо (< *bolioya*) 'перестал' — *болоо* (< *boluoya*) 'сделался'

Фонема **l* получила в бурятском языке также палатализацию в позиции перед **g*, стоящим перед **i*, например:

лит.-бур. *залгиха* (*zal'd'iχλ*), зап.-бур. *зальйаха* (*zal'jλχλ*) — х.-монг. *залгих* (*dzalgiχ*), калм. *зальгх* (*zal'gχλ*), ср. стп.-м. *jalgiqu* 'глотать';

лит.-бур. *булгиха* (*bul'd'iχλ*), зап.-бур. *бульйаха* (*bul'jλχλ*) 'литься через край; сильно биться (о сердце)', калм. *бульгх* (*bul'gλχλ*) 'бить ключом (о воде); трепетать (о сердце)', стп.-м. *bulgiqu* 'брыкаться, лягаться; сбрасывать'.

Палатализуется в произношении в бурятском языке **l* также перед шипящими *ш* и *ж* (развившимися из **š* и **ž*, которые исторически тоже были связаны соседством с гласным **i*). например:

бур. *булшан* (*bul'šλη*) — х.-монг. *булчин* (*bul'čiη*), калм. *бульчн* (*bul'čiη*), стп.-м. *bulčing* 'икра (ноги)';

бур. *булжмар* (*bul'žλmλr*) — х.-монг. *болжмор* (*bol'žmλr*), стп.-м. *bolžimur* 'жаворонок'.

Как можно было видеть из приведенных выше двух групп примеров, палатализация согласных перед историческим **i* глубоко затронула и калмыцкий язык, что нашло отражение и в орфографии — постановка мягкого знака.

Палатализуется **l* в бурятском языке также и перед историческим сочетанием **ki*, например: *талхиха* (*tal'χ'iχλ* ~ *tal't'iχλ*), ср. стп.-м. *talkiqu* 'мять кожу специальной кожейлкой'.

В ряде слов в процессе развития языка произошло отпадение сонанта **l*. О том, что он первоначально был представлен в этих словах, свидетельствуют сравнительные данные из других монгольских языков, например:

бур. *таби-*, х.-монг. *тавь-*, калм. *тэв-*, дунс. *тай-*, монгор. *тэ-*, орд. *tawi-* — стп.-м. МА, MNT, ЛР *tabi-*, даг. П *тал᠎а* - (наряду с *таб᠎а*, *taw᠎а*), калм. *тавь-* (наряду с *тэв-*) 'класть, ставить';

бур. *haxюuhan* — х.-монг. *сахуус(ан)*, калм. *сакусн*, стп.-м. *sakiγusun* (наряду с *sakiγulsun*) 'талисман, амулет, охранитель';

бур. *дэби*, х.-монг. *дэвэ*-, калм. *дев*-, стп.-м. *debi*- 'опахивать, обмахивать' — МА *kei delbükü yama* 'веер', где *delbükü* имеет значение 'опахивать, обмахивать'; даг. П *дэлбүр* 'веер';

бур. *мойһон* (наряду с *мойл*) — х.-монг. *моил*, калм. *моал*, стп.-м., MNT *toyilsun*, даг. П *мойл'и* 'черемуха';

бур.-зап. *айшан* — лит.-бур. *айлшан*, х.-монг. *айлч*, калм. *ээлчн*, стп.-м. *ayilčün* 'гость' (< общемонг. *ауил* 'дом, двор, семья').

Кроме того, в бурятском языке наблюдается в ряде случаев сохранение этого *l, выпавшего в других современных монгольских языках, например:

бур. *мульһэн* — х.-монг. *мөс(өн)*, калм. *мөсн*, орд. *mösш*, даг. П *мей* 'лед' (ср. МА, ЛР, SG *mölsün*, MNT *molsun*, стп.-м. *mösun//mölsün*, монгол. *молсе*, *мордзе*, дунс. *мэнсун id.*);

бур. *хульһэн* — х.-монг. *цөс(өн)*, *цөс(өн)*, калм. *цөсн* 'желчь' (ср. МА, SG *sölsün*, стп.-м. *čölsün, sölsün id.*);

бур. *саарһан* — х.-монг. *цаас(ан)*, калм. *цаасн*, даг. П *чāс*, орд. *tšās* 'бумага' (ср. монгол. *чāлдзе*; МА *čālsun*, MNT, SG *ča'alsun*, стп.-м. *čaγasun//čaγalsun//čaγarsun*; Владимирцов [с. 364] указывает на разгворную халхаскую форму *чāрс* 'бумага').

Учитывая закономерность выпадения *l перед согласными, можно предположить, например, что бур. *үсэгэлдэр* и калм. *өцклдр*, *өцклдүр* 'вчера' восходят к некоей форме с *l — *öčügeldür. В то же время в современных и средневековых монгольских языках для этого слова не отмечено форм с *l, ср. например, х.-монг. *өчигдөр*, *өцөгдөр*, монгол. *чигдур*, МА *öčüge ödür*, ИМ *ečügen*, ЛР *hečegen* 'вчера', хотя в письменном монгольском языке представлены обе формы: *öčigen*, *öčügedür*, *ečügedür*, *öčügeldür*, *öčigeldür id.*

Отмеченная в баоаньском языке словоформа *джилгасоң* ~ *джиласо* 'рыба' [см.: Тодаева 1964, с. 139] также позволяет предположить, что в этом слове, известном во всех остальных монгольских языках без *l (ср. х.-монг. *загас*, калм. *зәһсн*, орд. *džagus*, даг. П *цагүс*, дунс. *джагасун*, монгол. *джавасе*, стп.-м. МА *jīγasun*, ЛР *jīγasun id.*). Этот *l, возможно, и был когда-то представлен. Таким образом, праформа для этого слова может быть восстановлена в виде *jilyasun (корень *jil- + аффиксы -γa-sun). При сопоставлении данной праформы с материалом из тюркских языков найдем тюркскую параллель в лице общетюркского глагола *jil-//ju* 'ползти, извиваясь (подобно змее)'. От этого глагола в тюркских языках образованы слова *jilan//julap* (ср. тат. *елан*, башк. *йылан*, тур. *ulan*, тоб. *чулан*, кирг. *жылан*) 'змея' и *julyun* (ср. узб. *юлгун*, кирг. *жулгун*) 'тамариск, вьющееся растение'. Это позволяет предполагать очень древний характер данной тюрко-монгольской параллели, подвергнувшейся в монгольских языках весьма давней деформации.

Необходимо отметить также переход звука *l в н в словообразовательном деноминативном глагольном аффиксе -la- в позиции после носовых согласных. Так, например, *samla-* 'причесывается' (< *sam* 'гребенка' -la-) дало в бурятском языке *һамна- id.*; *emle-* 'лечить' (< *em* 'лекарство

.-e-) дало эмнэ- id.; аңла- 'охотиться' (< аң 'дичь' + -ла-) – агна- id. (< *ангна- < *англа- < аңла-).

Кроме того, в западных бурятских говорах, например баргузинском [см.: Раднаев 1965, с. 85], эхирит-булагатском [см.: Матхеев 1968, с. 6], качугском [см.: Митрошкина 1968, с. 53], в суффиксе -γүл происходит замена плавного *l на дрожащий r, например: барг., эхир.-булаг. бар'уур 'ручка, хватка' – лит.-бур., вост.-бур. барюул (стп.-м. barγүл) id.; барг., эхир.-булаг. аршуур 'тряпка' – лит.-бур., вост.-бур. аршуул id. (стп.-м. aršüγүл < arši- 'чистить'); барг., эхир.-булаг. хэруур 'ссора' – лит.-бур., вост.-бур. хэруул id. (стп.-м. keregül); качуг. уруур 'мочалка' – лит.-убр. уруул id.; качуг. үрээр 'благопожелание' – лит.-бур., вост.-бур. юрөөл id. (стп.-м. irügel); качуг. харуур 'зеркало; рубанок' – лит.-бур., вост.-бур. харуул 'рубанок' (стп.-м. qarγүл).

Вызывает интерес чередование *l, получившего перед i палатализацию, со среднеязычным j в словах *һандай* 'скамья, лавка'//*һандал* 'сиденье, скамейка'. Оба восходят к прототипу sandali с тем же значением, ср. х.-монг. *сандал*, калм. *сандл* 'стул, скамья, сиденье', ИМ, SG sandali 'стул'. Употребление j вместо палатализованного l отмечается как характерная черта в речи хошутво ойратского диалекта в КНР, у которых вместо *mal'ä* 'плеть' говорят *mājā*, вм. *дол' – доj* 'сменяй', вм. *дол'gān – доjgān* 'волна', вм. *тол' – тоj* 'зеркало', вм. *үл' – үj* 'плакаты' и т.п. [см.: Тодаева 1960, с. 28]. Аналогичное явление наблюдалось нами в речи сарт-калмыков с. Бюрю-Баш возле г. Пржевальска Киргизской ССР, которые произносили *təj* 'зеркало; окно' вместо *təl'*; *mājā* 'плеть' вместо *mal'ä*; *үj* 'плачь' вместо *ül'*.

Переход палатализованного (среднеязычного?) l в j произошел и в венгерском языке в котором буквосочетание *ly* (исторически l ~ λ) читается сейчас как j (йот) [см.: Деак, с. 46].

Таким образом, переход l в j можно объяснить собственнофонетическими причинами. Палатализованный l, особенно в положении перед i, очень близок к среднеязычному λ по своей артикуляции. Йот (j), как и λ, является шелевым среднеязычным звуком, только λ в отличие от j – боковой шелевой звук. При изменении места щели из среднеязычного бокового λ получается среднеязычный же срединный j.

*r

По данным И.Д. Бураева [1959, с. 92], "фонема *r* в бурятском языке употребляется в начале непервого слога или в конце слога внутри слова перед звонкими согласными в сонантных (звонких) оттенках, в исходе слога внутри слова, перед глухими согласными – в глухом оттенке, а в исходе слова – факультативно в полувзвонком оттенке. В собственно бурятских словах *r* в начале слова не встречается". Не был известен *r ваннаутной позиции и в монгольском праязыке [см.: Порре 1955, с. 160]. В тюркском праязыке звук *r* в начале слова тоже не встречался [см.: Ряснянен, с. 183]. В этих языках начальный *r* при заимствовании иноязычных слов получал как правило протетический гласный, например: бур. *аршаан* – х.-монг. *аршаан*, калм. *аршан*, даг.П *аршаң*, орд. *aragšān*, стп.-м. *aršiyān* 'источник с минеральной водой' (< санскр. *rasāyana* 'нектар').

Об этом же говорит и Б.Я. Владимирцов [с. 366]: "В монг.-письм., в халхаском г ~ р никогда не бывает в начале слова; в монгольской письменности встречаются слова, начинающиеся с г, но слова эти являются лишь транскрипцией форм иноязычных напр. *gilbu* < тиб. . . . *gil-bu* 'пилюк' [халх. *ᠶᠦᠷᠦᠭᠦ*] id. Как в монг.-письм., так и в халхаском, а также и в других монгольских наречиях в заимствованных словах, начинающихся с г ~ в начале появляется гласный, одинаковый с гласным, следующим за г ~ если за начальным г ~ р следуют узкие гласные, *i ~ i*, *u ~ u*, то в качестве эпентезического гласного является гласный средний, *e ~ e* или *o ~ o*; монг.-письм., впрочем, можно встретить и другие эпентезические начальные гласные под влиянием иноязычной среды, из которой произошло заимствование. Примеры:

Стар. монг.-письм. *ᠶᠢᠷᠠᠳ-ᠪᠠᠷᠠᠨᠰ* ~ *ᠶᠢᠷᠢᠳᠤᠪᠠᠷᠠᠨᠰ* < француз. *roi de France* стар. монг.-письм. *ᠶᠢᠷᠢᠨᠴᠢᠨ* < тиб. . . . *rin-chen* 'драгоценность, Ринчен собств. имя'; монг.-письм. *erengge* ~ *rengge* < тиб. *ᠲᠷᠡᠭᠦᠨᠠ* < тиб. . . . *ᠬᠢᠷᠭᠡᠨᠠ* 'четки'; монг.-письм. *ogus*, Халх. *ордс* «Русь, русский»; Халх.-Зап. *arᠶᠢᠷᠢ* 'обуюдоострый нож, род кинжала' < тиб. . . . *gal-gri* 'меч, сабля, кинжал'; монг.-письм. *ürüs sara* 'весенний месяц, месяц обновления природы' < перс. *gūz* 'день', ср. перс. *paugūz* 'новый год, совпадающий с весенним равноденствием'".

В середине и в конце слова согласный *г, как и в остальных монгольских языках, хорошо сохраняется во всех бурятских говорах, например:

бур. *наран* — х.-монг. *нар(ан)*, калм. *нарн*, даг.П *нар*, орд. *пага*, монгол. *нара*, мог., МА, MNT, стп.-м. *паган* 'солнце';

бур. *намар* — х.-монг. *намар*, калм. *намр*, даг.П *намйр*, орд., МА, MNT стп.-м. *патуг* 'осень';

бур. *арбай* — х.-монг. *арвай*, калм. *арвэ*, орд. *arwā*, МА, стп.-м. *арба* 'ячмень';

бур. *эртэ* — х.-монг. *эрт*, калм. *эрт*, орд. *erte*, даг.П *эртэ*, МА, MNT стп.-м. *erte* 'рано; ранний';

бур. *гар* — х.-монг. *гар*, калм. *нар*, даг.П *гарй*, монгол. *гар*, орд. *га* МА, MNT, стп.-м. *γар* 'рука'.

Под влиянием *i консонант *г получил в бурятском языке палатализацию. Некоторые слова стали различаться только палатализацией г, например: *бараа* (*bara:*) 'товар, имущество' (стп.-м. *baraγa*), а также *бара* 'исчерпал' (< *бара-* 'исчерпать', ср. стп.-м. *baraγa* < *bara-*) и *барья* (*bar'a:*) 'схватил' (< *бари-* 'схватить', ср. стп.-м. *bariγa* < *bari-*); арбан (*arβlɔ*) 'десять' (стп.-м. *arβan*) и *арьбан* (*ar'βlɔ*) 'жировой слой на животе лошади' (стп.-м. *arβin*).

Палатализованный *р'* (*г'*) "встречается в начале непервых слогов или в исходе слога внутри слова перед звонким согласным, в отличие от твердой пары — только в звонких оттенках" [Бураев 1959, с. 93]. Под влиянием *i палатализованный *р* как фонема появился и в других современных монгольских языках, например в халха-монгольском: *хар* 'черный' (*χar*) (стп.-м. *qara*) и *харь* (*χar'*) 'вернись' (стп.-м. *qari*); *бар* 'тигр', *бар* (*bar*) 'исчерпайся' (стп.-м. *bar*) и *барь* (*bar'*) 'держи' (стп.-м. *bari*) и т.п.

Появление в единичных случаях согласного г в анлауте в бурятском халха-монгольском, ордосском языках можно объяснить редукцией начального гласного, за которым следовал этот г. Тем более, что этот г поя

вился в начале послелого (служебного слова): бур. *руу*, х.-монг. *руу*, *луу* (после основ с ауслатным *p*), орд. *rū* ~ *lū* 'вниз, по, к', который, по всей видимости, произошел от наречия, ср. бур. *уруу*, х.-монг. *уруу*, калм. *уру*, *уру*, монгор. *фуру*, МА *hurū*, MNT *huru'u*, стп.-м. *uγuγu* 'вниз, книзу'.

В некоторых словах в бурятском языке можно заметить выпадение исконного **r*, особенно в положении перед согласными *c*, *t*, например: бур. *ута*, калм. *ут* ~ х.-монг. *урт*, орд. *urtu*, монг. *urtu*, даг. *Порт* ~ *ортō*, МА, MNT, стп.-м. *urtu* 'длинный';

бур. *өөһэд*, MNT *o'esut* ~ х.-монг. *өөрсэд*, стп.-м. *öbersed*, *öbersüd* 'сами', но в то же время бур. *өөрөө* 'сам', *өөр* 'себя', стп.-м. *öber*, MNT *o'er* 'сам'; зап.-бур. *өөһэн* 'сам' ~ стп.-м. *öbersün*, *öbesün*, MNT *o'er*, *o'esun id*.

СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

**j*

Древний общемонгольский консонант **j* в бурятском языке в основном хорошо сохраняется в начале слова и между гласными, например:

бур. *яһан* (*jaɦʌŋ*) — х.-монг. *яс(ан)*, калм. *ясн*, орд. *jasu*, даг. *П яс* монгор. *јасе*, монг. *jōsun*, дунс. *јасуц*, боан. *јасоц*, МА, MNT, стп.-м. *yasun* 'кость';

бур. *яба-* (*jabʌ*) — х.-монг. *яв-*, калм. *йов-*, орд. *jawu-*, даг. *П јау-*, монгор. *ју-*, дунс. *јаву-*, боан. *ју-*, монг. *jobu-*, МА, MNT, стп.-м. *yabu-* 'идти';

бур. *аяга* (*ajʌqʌ*) — х.-монг. *аяга*, калм. *ааһ*, орд. *зјага*, монгор. *јага*, дунс. боан. *јига*, даг. *П ајггә*; MNT *ayага*, МА, стп.-м. *ayayа* 'чашка';

бур. *наян* (*naɦŋ*) — х.-монг. *ная*, калм. *найн*, орд. *пaja*, даг. *П најй(ц)*, монгор. *најан*, МА, MNT, стп.-м. *naуан* 'восемьдесят';

бур. *уя-* (*ujʌ*) — х.-монг. *уя-*, калм. *уй-*, орд. *ија-*, монгор. *фуја-*, МА, MNT *huуа-*, стп.-м. *ууа-* 'привязывать'.

В конце слога в положении перед согласным в середине слова или в абсолютном конце слова **j* в бурятском языке ослабился, образовав с предыдущим гласным дифтонг, который в западных бурятских говорах, как и в калмыцком языке, имеет тенденцию переходить в долгий монофтонг. о чем выше уже подробно говорилось. Пример: бур. *ой* (вост.-бур. *эе* ~ зап.-бур. *әә*) — х.-монг. *ой*, калм. *өв*, орд. *öḡ*, монгор. *фө*, MNT *hoi*, стп.-м. *oi* 'лес'.

Кроме того, сочетание **Vji* тоже дает дифтонг, превращающийся в западных бурятских говорах в долгий монофтонг, как и в калмыцком языке, о чем выше тоже подробно было сказано. Примеры: зап.-бур. *хөөно* (*χә:nḡ*), калм. *хөөн* — лит.-бур., вост.-бур., х.-монг. *хойно*, стп.-м. *qouina* 'позади';

зап.-бур. *азха* (*æ:χʌ*), калм. *ээх* — лит.-бур., вост.-бур., *айха*, х.-монг. *айх*, стп.-м. *ayiqu* 'бояться';

зап.-бур. *базха* (*bʌ:χʌ*), калм. *бәэх* — лит.-бур., вост.-бур. *байха*, х.-монг. *байх*, стп.-м. *bayiqu* 'быть. находиться'; бур. *тиймэ* (*t'i:mḡ*), калм. *тиим* х.-монг. *тийм*, стп.-м. *teyimü* 'такой'.

Спецификой нижеудинского говора бурятского языка является отражение англлатного **j* в виде палатализованного *д'* (варьирующего по нашим наблюдениям в произношении нижеудинских бурят со среднеязычным

смычным ʃ), на что впервые обратил внимание Г.Д. Санжеев [1930, с. "В некоторых случаях d' в этом (нижнеудинском. — В.Р.) говоре являе заместителем палатально-альвеолярного ʃ и слабого спиранта j , чего наблюдалось ни в одном из монгольских говоров". На эту же особенн нижнеудинского говора указывает и А.А. Дарбеева [1978, с. 63]: "Не м характерным для НУД (нижнеудинского диалекта. — В.Р.) является у ребление d' в анлауте тех слов, которые в старописьменном монгольс языке писались с yod , например:

Ст.-письм. монг.	НУД	ЛБ, ВБ, ЗБ	
yeke	$\text{d}'\text{ik}\text{э}$	$\text{ex}\text{э}$	'большой'
yambar	$\text{d}'\text{am}\text{ар}$	$\text{yam}\text{ар}$	'какой'
yayuma	$\text{d}'\text{y}\text{ма}$	yuma	'вещь'
yisün	$\text{d}'\text{ihe}\text{ң}$	$\text{yüh}\text{эн}$	'девять' "

При этом Дарбеева [1978, с. 63] предполагает, что слова нижнеудинц го говора с d' сохранили более древнюю форму звучания общемонгольс слов, поскольку, как отмечал Б.Я. Владимирцов [с. 397], древние ' *u были очень близкими друг другу, а ' *j ' развился из ' *d ' и иногда да ним чередуется ($\text{*j} \sim \text{*d}$).

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*k

Древний общемонгольский *k почти во всех случаях в бурятских го рах под влиянием тенденции ослабления смычки перешел в проточный: неязычный x , например: $\text{x}\text{эр}\text{эг} < \text{kereg}$ 'дело', $\text{x}\text{ээр} < \text{keger}$ 'степь', $\text{арх} < \text{agaki}$ 'водка', $\text{ex}\text{э} < \text{yeke}$ 'большой'.

Сохранение смычного характера *k наблюдается в языке ононских х ниган и в нижнеудинском говоре, в которых k имеет статус фонемы. Т исследователь языка ононских хамниган Д.Г. Дамдинов [см.: 1968, с.] отмечает наличие в этом говоре смычного заднеязычного k , который у ребляется лишь в мягкорядных словах. В твердорядных словах k вс чается только перед гласным u . Он утверждает также [с. 83], что "упот ление звука k в языке письменных памятников XIII—XIV вв., в частно в "Сокровенном сказании", совпадает с нынешним употреблением ег языке ононских хамниган. Сравним:

"Сокр. сказ."	Онон. хам.	Бур.	Монг.	Значение
idekü	$\text{id}\text{эку}$	$\text{эдix}\text{э}$	$\text{id}\text{эх}$	кушать
bükü	буку//букэ	бухэ	бат бөх	крепкий
ködölji	//бөкө			
köbügen	көдөлжди кубуун	хүдэлжэ хубуун	хөдөлж хуу	двинувший сын
ičikü	ичику //ичикэ	эшэхэ	ичих	стыдиться
čikin	чики//чикэ	шэхэн	чих	слух, ухо"

Относительно нижеудинского говора проф. Г.Д. Санжеев [1930, с. 2] пишет: "Исторический *k в бур^Ну отражается так же, как и в ойратских диалектах: *кэнзэ* – зелень *кõууң* – дитя, *ескэ* – уставать, ... *кэре* – поле, *кõдõ* – степь, *кõкэ* – дитя".

А.А. Дарбеева [1978, с. 48] тоже свидетельствует, что фонема *k* в нижеудинском говоре восходит к историческому *k и "встречается в любой позиции мягкорядного слова, например: *кү́жеке* 'шуметь', *кү́ндил* 'одеяло', *кү́диргэне* 'черная смородина'".

Наши полевые записи нижеудинского говора тоже регулярно дают заднеязычный смычный *k* на месте проточного *x* других говоров и литературного языка, например:

Бур. Ну	Лит.-бур.	Значение
<i>юш кэнзубоб</i>	<i>юшье хэнзүйб</i>	ничего не делаю
<i>мэкэлкэ</i>	<i>мэхэлхэ</i>	обманывать
<i>күндэ</i>	<i>хүндэ</i>	тяжелый
<i>курээ</i>	<i>хүрээ</i> (зап.)	изгородь
<i>кэбтэнэ</i>	<i>хэбтэнэ</i>	лежит
<i>күдмэри</i>	<i>хүдэлмэри</i>	работа, труд
<i>куургэ</i>	<i>хуургэ</i>	мост

Однако, утверждение, что *k* имеется только в указанных говорах, было бы не вполне точным, т.к. исследователи других бурятских говоров тоже отмечают в некоторых из них звук *k* на месте *x*. Так, Д.А. Абашеев [с. 9], изучавший тункинский говор, пишет: "Звук *k* – заднеязычный сильный смычный. Встречается только в середине слова перед согласными и в конце слова как глухой вариант фонемы *g*. В сочетании с гласными твердого ряда звучит как глубоко заднеязычный, например: *гаракка*, лит. *гаргаха* (заставить выходить); *торокко*, лит. *торгохо* (добыть зверя). В сочетании с гласными мягкого ряда *k* продвигнут вперед. Например: *дуурэжкэ*, лит. *дуургэхэ* (выполнить, наполнить); *мэдэжкээ*, лит. *мэдэхэгүй* (не знает)". Как можно видеть из приведенных в этой цитате примеров, произнесение *k* вместо *x* в тункинском говоре обусловлено комбинаторной позицией: в результате сильной редукции либо метатезы согласный *x* оказывается в непосредственном соседстве и контакте с согласным *g*, произносимом в этих условиях глухо. В результате ассимиляции *x* тоже превращается в смычный глухой звук, т.е. в *k*. Можно предположить, что развитие *x* в *k* при этих условиях проходило, так: *мэдэхгүй* → *мэдэхгүй* → *мэдэхкүй* → *мэдэжкээ* → *мэдэжкээ* 'не знает'; *дуургэхэ* → *дуурэгхэ* → *дуурэжкэ* → *дуурэжкэ* 'выполнить, наполнить'.

По данным Н.Н. Поппе [1930а, с. 9], в аларском говоре тоже представлен звук *k*, но только не как самостоятельная фонема, а как позиционный произносительный вариант фонем *g* или *x*, например: *үк'к'э* ~ *үх'х'э* 'умирать', *мөр'к'э* ~ *мөр'г'э* 'кланяться', *н'эмж'к'эң* ~ *н'эмг'эң* 'тоненький'. Как видно, условия появления здесь *k* на месте *x* те же, что и в тункинском говоре.

Также обусловлено позицией, на наш взгляд, появление в некоторых случаях *k* на месте *x* и в цонгольском говоре [см.: Будаев 1965, с. 157], например, цонг. *тэбкэр* – лит.-бур. *тэбхэр*, х.-монг. *тэвхэр* стп.-м. *tebker*

'квадратный'; цонг. *мушкэхэ* — лит.-бур. *мушхэхэ*, х.-монг. *мөшгэх* 'шивать оторочкой', цонг. *мушкөөр* — лит.-бур. *мушхөөрэн*, х.-монг. *мэгөөр* 'оторочка'. Как предполагает С.Б. Будаев [1965, с. 157], это в цонгольском говоре является отголоском раннего обшемонгольского

Относительно звука *к* в сартульском говоре И.Д. Бураев [1965, с. 1] пишет следующее: "Описывая звуки сартульского говора, следует остановиться на звуке *к*, потому что он может стать самостоятельной фонемой скорее всего в данном говоре. Встречается ряд слов, где *х* и *г*, встречающиеся в начале слога в середине слова, произносятся сильно, как *к*, например, *дэбэскэр//дэбэхэр* (матрац, подстилка), *эшкы//эшгы* (шлюк) и др. И это, в свою очередь, обуславливает более частое, чем в литературном бурятском языке, произношение *к* в заимствованных из русского языка словах". Однако, весь приведенный им в этой статье материал по сартульскому говору показывает, что *к* на месте *х* или *г* встречается довольно редко, да и то как их произносительные варианты, обусловленные позицией. В основном же в сартульском говоре, как и в литературном языке и восточных говорах хоринского типа, везде употребляется проточный *х*: *хүдзуу* 'шея', *хүршэ* 'сосед', *хүчэ* 'сила', *хишхэ* 'дела', *хуухэн* 'девочка', *хүмэдхэ* 'брови' и т.п. Таким образом, не вполне правильно утверждение, что *к* стремится в сартульском говоре стать фонемой, так как это всего лишь спорадически встречающийся комбинационно позиционный вариант фонемы *х*.

С полным правом утверждать, что *к* является фонемой, сохранившейся от древнего состояния монгольских языков, можно лишь для нижнеудинского и ононско-хамниганского говоров. Для наглядности сравним ряд слов из этих говоров с литературным бурятским языком и некоторыми другими монгольскими языками, в том числе со старописьменным монгольским и языком словаря "Мукалдимат ал-Адаб" [см.: Поппе 1933] являющимся типичным образцом монгольской речи XIV в., например:

Бур. НУ	Хам- ниг.	Лит.- бур.	Х.- монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значен
<i>көкө</i>	<i>көкү// күкэ</i>	<i>хүхэ</i>	<i>хөх</i>	<i>көк</i>	<i>köke</i>	<i>köke</i>	синий
<i>күн</i>	<i>күн</i>	<i>хүн</i>	<i>хун</i>	<i>күн// күмн</i>	<i>kümün</i>	<i>kümün, kü'ün</i>	человек
<i>көшүн</i>	<i>кубуун</i>	<i>хубуун</i>	<i>хуу</i>	<i>көвун</i>	<i>köbe- gün</i>	<i>kü'ün</i>	сын
<i>дөкэ</i>	<i>икэ</i>	<i>ехэ</i>	<i>их</i>	<i>ик</i>	<i>yeke</i>	<i>yeke</i>	большой
<i>күзүн</i>		<i>хүзуун</i>	<i>хүзуун</i>	<i>кузун</i>	<i>küjü- gün</i>	<i>küjün</i>	шея
<i>үкёр</i>		<i>үхэр</i>	<i>үхэр</i>	<i>үкр</i>	<i>üker</i>	<i>üker</i>	корова
<i>эке</i>	<i>экэ</i>	<i>эхэ</i>	<i>эх</i>	<i>эк</i>	<i>eke</i>	<i>eke</i>	мать

Как видно из примеров, нижнеудинский и хамниганский говоры в отношении сохранения древнего **к* полностью совпадают с калмыцким языком, тоже удержавшим заднеязычный *к* во всех позициях в слове мягкого ряда. Из других современных монгольских языков *к* сохраняется как самостоятельная фонема также в дагурском, могольском, монгольском

ком, ордосском [см.: Рорре 1955, с. 139], в языке желтых уйгуров [см.: Тенишев—Тодаева, с. 49], баоанском [см.: Тодаева 1964, с. 9], дунсянском [см.: Тодаева 1961, с. 10] языках, например:

стп.-м. *kümün*, MNT *gü'ün*, MA *kümün*, *kün*, *kü'ün*, даг. П *кү̄*, монгор. *кун*, орд. *кшп*, калм. *кун*, *күмн*, ш.-юг. *кун*, баоан. *куну*, дунсян. *кун* 'человек'; стп.-м., MA *kelen*, даг. П *кел̄*, монгор. *киле*, орд. *келе*, калм. *келн*, дунс. *кэлэн* 'язык';

стп.-м., MA *ken*, даг. П *кел̄*, монгор. *кен*, орд. *кен*, калм. *кең*, баоан. *каң*, дунсян. *кэн*, ш.-юг. *кен* 'кто'.

Совершенно иначе ведет себя в бурятских говорах исторический **k*, стоявший перед **i*. Как известно, гласный **i* в процессе исторического развития всех монгольских языков оказал довольно заметное влияние на становление современных систем их консонантизма и вокализма, о чем будет сказано подробнее ниже. Здесь же хотелось показать лишь в общих чертах развитие исторического комплекса **ki*, о котором совершенно верно пишет Л.Д. Шагдаров [1969, с. 23]: "Исторический **k* в положении перед гласным **i* отражается в восточных и южных говорах в виде *x'*, в хамниганском — *к'*, *х'*; в западных — *с'*; *т'*; *х'*, *ш'*: вост. *тамх'ай*, южн. *гамх'ай*, хамн. *тамй'ки* ~ *тамй'ай*, зап. *тамс'ай* ~ *тами'ай* ~ *тамт'ай* (табак). В восточных и южных говорах в непервых слогах *x'* имеет тенденцию переходя в *т'*: лит. *тул'х'эхэ* — вост. *тул'т'эхэ* (толкать), лит. *хал'х'ай* — вост. *хал'т'ай* (ветер)".

Таким образом, модификация **k* под палатализирующим влиянием **i* тоже имеет, как и само развитие **k* либо в щелевой *x*, либо в смычный *k*, двоякий характер, а именно: в одних говорах *k* в этой позиции перешел в смычный палатализованный *t'*, в других — в щелевые палатализованные *с'*; *х'*; *ш'*. При конкретизации этих говоров выясняется, что палатализованный смычный *t'* закономерно появляется там, где сохраняется смычный характер исконного **k*, т.е. в нижеудинском и хамниганском говорах, хотя хамниганский говор подчас и сохраняет комплекс **ki* без изменений, переводя его иногда под влиянием бурятского языка в *хи*. Например, по нашим нижеудинским материалам: бур. НУ *t'ire*: 'пила' (< **kire*: < *kirüge*); *t'uru*: 'иней' (< **kiru*: < *kirayu*); *bart'irna* 'кричит' (< **barkirna*); *t'il'ql'ql'ql'* 'ость; трава волосец' (< **kilayana*); *t'it'iq'ql'* 'нож' (метатеза от **kitoya*). В языке олонских хамниган: *кивэс* 'ковер' (стп.-м. *kibes*), *кий* 'сухой навоз для подстилки', *кируу* 'иней', *киргаха* 'стричь' (стп.-м. *kiryaqu*), *кисуур* 'скобель' (стп.-м. *kisayur*); иногда **ki* дает *t'i*: *салки//салти* 'ветер' (стп.-м. *salkin*), *талки//талти* 'кожемялка' (стп.-м. *talki*).

Смычный палатализованный *t'* (< **ki*) на месте литературного *x'u* нам приходилось слышать и у некоторых групп булагатов Иркутской области например: *сот'u* 'бей' вм. *сох'u*, *бартирна* 'кричит' вм. *бархирна*, *манзйт'u* 'наш' вм. *манайхи*.

В тех же говорах, в которых исконный **k* перешел в щелевой *x*, сочетание **ki* тоже дало щелевой палатализованный согласный, качество зависит от степени шумности. Так, в хоринском говоре, как и в литературном языке, мы имеем *x'u*, то же отмечается и для сартульского [см.: Бураев 1965, с. 116] и цонгольского [см.: Будаев 1965, с. 159] говоров, например: сарт. *х'шухэ* 'делать', *цах'юур* 'ремень', цонг. *эм'у* 'порядок'.

цонг. *х'иисхэ* 'несть по ветру'. В тункинском говоре [см.: Абаш с. 11] наряду с *х'и* встречается параллельный вариант *с'и*: *халсин* (*халхин*) 'ветер', *сиу/хиу* 'сухой навоз', *тахья* 'курица', *сюруу* (лит. *руу*) 'иной'. Переход *хи* в *си* отмечается также в боханском говоре, в котором есть даже варианты *и́и* и *т́и*, что зависит от родовых группворящих на этом говоре. В Бохане, например, скажут вместо *та* 'табак' *тамси*, *тамийи* либо *тамт́и* [см.: Хомонов 1965, с. 46—47]. Пере *х'* в *ш* имеется и в эхирит-булагатском говоре, например: *тамшан* 'та' в м. *тамхи*, *и́алар* 'косоглазый' в м. *хялар*, *ташаа* в м. *тахья* 'курица', *та* в м. *тархи* 'голова', *хальи́ан* в м. *халхин* 'ветер' [см.: Матхеев 1968, с. 6].

В аларском говоре тоже из *х* перед *ī* и гласным, восходящим к **i*, явился палатализованный *х'*, который чередуется с палатализованным например: *дах'ин* ~ *дас'ин* 'онять', *х'а́лдр* ~ *с'а́лдр* 'косоглазый', *х'т́* ~ *с'т́* 'хой навоз', *с'и́гәһһү* 'обрезки конского хвоста или гривы' (лит. *хилгаа* 'конский волос'), при этом *с'* наблюдается больше в речи молодежи [с Поппе 1930а, с. 8].

Относительно развития исторического комплекса **ki* в языке хорских бурят Г.Д. Санжеев писал: "Под влиянием исторического *и* на *ме* *х* в хоринском говоре имеется палатализованный согласный, который акустически производит впечатление среднее между палатализованным и *с*, нечто близкое к немецкому *ich-Laut*'у... Этот согласный встречается в словах типа *тамхи* — табак, *тархи* — мозг, *архи*, — вино и т.п. ... Таким образом, во всех бурят-монгольских говорах в положении перед гласным *и* согласный *х* оказывается неустойчивым в своем качестве, и как известно, и в западных говорах мы имеем то же самое явление" [Санжеев 1939, с. 12—13].

Наблюдается закономерность: в тех бурятских говорах, где до сих пор сохраняется смычный *к*, либо он существовал еще до недавнего времени в определенных позициях (например, после сонорных типа *halkin* 'вет' *tülki* 'толкать'), этот *к* в положении перед *i* дал палатализованный смычный *т'* (*t'*); а в тех же говорах, в которых палатализация развилась при щелевом характере согласного *х* (< **k*), там перед *i* возникли шипящие палатализованные *х'*, *с'*, *ш'*.

Из других монгольских языков типологически сходное явление зафиксировано только в монгольском языке [см.: Тодаева 1973, с. 31], в котором комплекс **ki* в ряде случаев перешел в *чи* (при этом переходной пенью от смычного *к* к шипящей аффрикате *ч* мог быть только среднеязычный смычный *һ*, который развился в палатализованный переднеязычный *т'*, а от него в *ч*), например: монгор. *чидога* 'нож' (стп.-м. *kituγa*) бур. НУ *tət'iqʌ* id. (метатеза от **t'itʰqʌ* < **kituγa*); монгор. *чирү* 'п' (стп.-м. *kirüge*), ср. бур. НУ *t'ire*: id.; монгор. *чирга* 'стричь' (стп.-м. *kirγa*); монгор. *чимудзе* 'ноготь' (стп.-м. *kimusun*), ср. бур. НУ *t'im* (< **t'imuhun* < *kimusun*). Изредка такое же явление встречается и в сяньском языке, например: *очин* 'девушка' (стп.-м. *okin*), *чирэу* 'пила' (стп.-м. *kirüge*) [см.: Тодаева 1961, с. 17].

Этот общемонгольский консонант сохранился во всех бурятских говорах в мягкорядных словах. В сочетании с любым мягкорядным гласным, кроме *i, он передается согласным г, например:

бур. *гэр* 'дом, жилое помещение' — х.-монг. *гэр*, калм. *гер*, даг. П *гёр* ~ *гёр* 'монгор. *гер*, орд., мог., МА, MNT, стп.-м. *ger* 'дом, юрта';

бур. *угэ* — х.-монг., калм. *уг*, монгор. *уге*, орд *шге*, МА, MNT, стп.-м. *ige* 'слово; речь';

бур. *эмэгэн* — х.-монг. *эмгэн*, калм. *эмгн*, монгор. *муген*, орд., ИМ, стп.-м. *emege* 'старуха', даг. П *эмэг* 'женщина';

бур. *зуг* — х.-монг., калм. *зуг*, орд. *džug*, MNT *jug*, стп.-м. *jüg* 'сторона; направление';

бур. *дэгдэ* — х.-монг. *дэгд*, калм. *дегд*, орд., стп.-м., MNT *degde* 'взлетать вверх'.

Как и в случае с согласным *k, здесь тоже следует отдельно рассматривать модификацию сочетания *gi по разным бурятским говорам.

В говорах хоринского типа согласный *g перед *i дает очень палатализованный *д'* [см.: Бураев 1959, с. 80, 101], который, по нашим наблюдениям, весьма близок к смычному среднеязычному *ћ*. Так, например, слова типа *ангир* 'турпан', *мангир* 'дикий чеснок', *гангинаха* 'визжать' произносятся хоринцами как *анћиг*, *манћиг*, *ганћинаха* (ср. стп.-м. *anggir*, *manggir*, *γaŋgɨnaχu*).

Произнесение *g в позиции перед *i в виде палатализованного *д'* отмечается также в тункинском говоре. Так, Д.А. Абашеев [с. 12] приводит в качестве примера слова *дандина* 'небесная красавица, фея' (ср. лит.-бур. *дангинаа*), *долд'оон* 'волны' (ср. лит.-бур. *долгёон*), *галд'иха* 'идти медленным шагом' (ср. лит.-бур. *галгиха*).

Переход *g перед *i в смычный палатализованный *д'* характерен по нашим наблюдениям и в окинском говоре, от носителей которого приходилось слышать формы типа *ган'д'инаха* 'визжать' (лит.-бур. *гангинаха*, стп.-м. *γaŋgɨnaχu*), *хон'д'инуур* 'ботало' (лит.-бур. *хон* звукоподражание звону колокольчика, *хонгирхо* 'звенеть', х.-м. *хонгинох* 'звенеть', *хонгинуур* 'колокольчик', стп.-м. *qoŋgɨnaγur*), *шан'д'инур* 'колокольчик' (ср. зап.-бур. *шангинуур* 'колокольчик'), *тээн'д'и* 'опорный столб в юрте' (ср. лит.-бур. *тээнги id.*), *ман'д'иһан* 'дикий чеснок' (ср. лит.-бур. *мангир*, х.-монг. *мангир*, *мангис*, калм. *мэнгерсу*, стп.-м. *manggir*, *manggisun id.*), *һон'дино* 'дикий лук' (ср. лит.-бур. *һонгино*, стп.-м. *songgino* 'репчатый лук'), *ан'д'ир* 'турпан' (ср. лит.-бур. *ангир*, стп.-м. *anggir id.*) и т.п.

Аналогичное же явление зафиксировано и в говоре нижеудинских бурят. Так, Г.Д. Санжеев [1930, с. 3] пишет по этому поводу: "Чрезвычайно любопытно отметить, что в бур.НУ исторический *g в некоторых случаях отражается как сильно палатализованный *д'*:"

тёндө (< *тёнјө < *тёндө) — столб

тёндөр (< *тёнјөр < *тёндјр < *tengri) — небо

манд'иһаң (< *манјиһаң < *маузиһаң) — лук (растение)

д'иңжө (< *јиңжө < *з'иңжө) — цепь.

Как видно из представленных примеров, явление *g > *д'* произошло под влиянием последующей гласной i; в других говорах (в аларском,

например) находим только *g > j...". Это же отмечает для нижнеудинского говора и А.А. Дарбеева [1978, с. 62–63].

Такое же явление И.Д. Бураев [1965, с. 117] находит и в сартульском говоре: "Литературное сочетание *gi*, например в словах *ангир*, *манга* и т.д. в сартульском говоре, так же, как и в других бурятских говорах произносится как *d'* и карткий *и* (в сартульском говоре такое произношение особенно последовательно)".

В цонгольском говоре тоже произошло развитие *g перед *i* в палатализованный *d'* (*d'*). Н.Н. Поппе [Porre 1971, с. 152] говорит об этом например, следующее: "Группа консонантов *lg и *ng передается перед последующим *i* обычно как *l'd'* или *n'd'*, например: цонг. *en'd'iŋ* 'салталада 'в энгинской желтой степи', *jan'd'a* 'трещина, хрустя', *tan'd'ilx* (< *tangilqan*) 'избалованный, изнеженный', *sel'd'ēxex* (< *selgiyeker*) 'холодный'. Ср. еще *il'd'ēx* < *il'g'ē* < *ilegē- 'посылать'" (перевод наш. В.Р.).

Таким образом, сартульский и цонгольский говоры, входящие в группу южнобурятских говоров, в отношении развития комплекса *gi в *d'* роднятся с хоринскими говорами, а также с говорами тункинских, окинских и нижнеудинских бурят.

Другой же южнобурятский говор, говор ононских хамниган, по свидетельству Д.Г. Дамдинова [1968, с. 86], сохраняет сочетание *gi без изменений, например: хамниг. *гилагар* – лит.-бур. *ялагар* 'блестящий, блестящий' (стп.-м. *gilayar*); хамниг. *эргикү* – лит.-бур. *эръехэ* 'кружиться, обходить вокруг' (стп.-м. *ergikü*).

Отмечается сохранение *g перед *i и в баргузинском говоре [см.: Рагнаев 1965, с. 85], например: барг. *гилагар* 'блестящий', барг. *гилэхэ* 'блестеть' (лит. *ялайха*), барг. *ниргэхэ* 'шуметь' (лит. *нэръехэ*, х.-монг. *ниргэ* стп.-м. *niргеkü* 'гремять, грохотать').

В то же время в других западных бурятских говорах произошел переход *g перед *i в щелевой среднеязычный *j* (йот). Такое развитие *g можно объяснить действием тенденции ослабления смычки, когда развившись из *g под действием палатализации согласный *d'* или среднеязычный смычный *ŋ* переходит в среднеязычный щелевой *j*.

Такой переход *g в *j* отмечен в боханском говоре, например: бох. *анйнаха* – лит. *гангинаха* 'визжать' (ср. стп.-м. *yangginaqu*); бох. *ани* желтоватокрасный – лит. *ангир* 'турпан' (ср. стп.-м. *anggir*) [см.: Бураев 1959, с. 101]. Аналогичное развитие *g в *j* перед *i произошло и в качугском говоре, например: качуг. *манйахан* – лит.-бур. *мангир* 'дикий лук, качуг. *манйалай* – лит.-бур. *манлай*, *магнай*, эхирит. *мангилай*, стп.-м. *tanğlai* 'лоб'; качуг. *эснийэ* – лит.-бур. *эсэнги*, стп.-м. *eŋnggi* 'усталый, качуг. *хөөлдэнийэр* – лит.-бур. *хөөлдэнгир* 'хриплый'; качуг. *зальяаха* лит.-бур. *залгиха*, стп.-м. *jalgiqu* 'глотать' [см.: Митрошкина 1958, с. 289].

Такое же положение относительно развития *g перед *i засвидетельствовано и в эхирит-булагатском говоре, например: эхир.-булаг. *гонйох* – лит.-бур. *гонгинохо* 'гнусавить' (ср. х.-монг. *гонгинох*, стп.-м. *yoŋnginaqu* 'пищать, хныкать'); эхир.-булаг. *долъюон* – лит.-бур. *долгэон* 'волна' (ср. х.-монг. *долгио*, стп.-м. *dolgiyan*); эхир.-булаг. *йэрмени* – лит.-бур. *Германи* 'Германия'; эхир.-булаг. *зальяаха* – лит.-бур. *залгиха* 'глотать' [см.: Матхеев 1956, с. 114].

По утверждению Н.Н. Поппе [1930, с. 26], *g перед *i в аларском говоре тоже отражается в виде щелевого среднеязычного j, например: *эргэ* 'берег' (стп.-м. ergi), *долгюу* 'волна' (стп.-м. dolgiyan), *залгяхд* 'продолжить' (стп.-м. jalgiqu). Кроме того, *g иногда дает j и перед *e, например: *сергэ* ~ *сергэ* 'коновязь' (стп.-м. serge), *эргэ* 'кладеный баран' (стп.-м. irge), *хежэ* 'войлок' (стп.-м. esigei) [см.: Поппе 1930а, с. 26].

Таким образом, исторический комплекс *gi в середине слова дает в бурятских говорах следующее развитие: gi – в хамниганском, баргузинском, d'i (ɣi) – в хоринском, сартульском, цонгольском, тункинском, окинском, нижеудинском, ji – в эхирит-булагатском, боханском, качутском, аларском.

В то же время и в тех говорах, которые дают d'i вместо gi литературного бурятского языка, имеется немало случаев, когда из *g перед *i или *e развился щелевой j, например: тунк. *хур'јэн*, бур.НУ *күрјэ* 'зять' (ср. лит.-бур. *хурьгэн*, стп.-м. kürgen); тунк. *бэр'јэн* 'невестка' (ср. лит.-бур. *бэригэн*, стп.-м. bergen); тунк. *эр'јэнэ* 'ворота в поскотине' (ср. лит.-бур. *эргэнэ*, стп.-м. ergeneg 'посудный шкаф'). Общебурятскими являются слова типа *бурьяха* 'клубиться, бурлить' (ср. х.-монг. *бургих*, стп.-м. burgiqu); *бааяха* 'дымить' (ср. х.-монг. *баагих*, стп.-м. baugiqu); *ая* 'полынь' (ср. х.-монг. *агь*, стп.-м. agi).

Комплекс *gi и в анлауте дал в хоринских говорах *ja* либо *jэ* в зависимости отрядности слова, например: хор., лит.-бур. *ялайха* – х.-монг. *гялайх*, стп.-м. gilajiqu 'блестеть'; хор., лит.-бур. *ялалзах* – х.-монг. *гялалзах*, стп.-м. gilaljaqu 'сверкать, сиять, блестеть'; хор., лит.-бур. *ялбах* – х.-монг. *гялбах*, стп.-м. gilbaqu 'ярко блестеть, сверкать, слепить светом'; хор., лит.-бур. *ельхэ* – х.-монг. *гилийх*, стп.-м. giliyiku 'блестеть, лосниться'.

Также в середине и в конце слова комплексы *gi и *ge в хоринских, а через них и в литературном языке, во многих случаях наряду с d'i (ɣi) дают, как во всех западных и примыкающих к ним тункинском и окинском говорах, *ja*, *јэ*. Это подтверждает сравнение ряда словоформ с другими монгольскими языками, например:

Общбур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>эрье</i>	<i>эргэ</i>	<i>эрг</i>	ergi	берег
<i>эрье</i>	<i>ирэг</i>	<i>ирг</i>	irge	валух
<i>харья</i>	<i>харги</i>	<i>хэг'г'</i> (олёт.)	qargi	быстрина на реке
<i>эрьехэ</i>	<i>эргэх</i>	<i>эргх</i>	ergikü	кружиться
<i>ая</i>	<i>агь</i>	<i>эг'</i> (олёт.)	agi	полынь
<i>ааяма</i>	<i>аагим</i>	–	ayagim	знойный
<i>урьяха</i>	<i>ургих</i>	–	urgiqu	клубиться
<i>орьёл</i>	<i>оргил</i>	<i>оргл</i>	orgil	вершина
<i>орьёхо</i>	<i>оргих</i>	<i>оргх</i>	orgiqu	фонтанировать

Появление щелевого j на месте смычного палатализованного g можно объяснить тем, что палатализации подвергся щелевой вариант этого *g – γ. Переход γ' в j возможен только при ослаблении артикуляции γ', так как различие по месту артикуляции у них незначительное и кроме того

γ произносится с большим шумом и с большим напряжением артикулирующих органов.

Такой разницей в произношении (то *j*, то *ɖ* на месте **g*) можно объяснить, на наш взгляд, тем, что действовавшая в прошлом тенденция ослабления смычки реализовалась в бурятских говорах неравномерно и пересела действовать тоже неравномерно. Исконный же прамонгольский зв **g* был, кроме того, по своей природе двояким: в одних словах он был щелевым, в других — смычным. Когда монгольские языки, в том числе и протобурятские говоры, захватила тенденция ослабления напряженных артикулирующих органов при произнесении любых звуков, проточный интервокальный **g* (*γ*) исчез, растворился, ослабившись, среди соседних гласных, в результате чего образовалась заместительная долгота гласных (о чем подробно было сказано выше в соответствующем месте), а смычный же **g* перешел, ослабившись, в проточный и сохранился, опять став в бурятских говорах двояким по природе: произносится то смычно, как щелевой звук. Затем, попав в положение перед *i*, этот, ставший у проточным, *γ* палатализовался в бурятском языке (в котором вообще довольно сильно развилась палатализация согласных) и перешел в *j*. В дальнейшем, видимо, в ряде бурятских говоров действие тенденции ослабления приостановилось и на месте оставшихся щелевыми **g* (стали произноситься (особенно в анлауте и после сонорных согласных) также смычные варианты **g*. Поэтому сейчас смычность и щелинность *g* факультативны и зависят от комбинаторных условий [см.: Буря 1959, с. 98–100]. Там, где в свое время щелевой *g* (*γ*) успел перейти в *j*, в тех словах этот *j* сохранился и утвердился, а там, где опять возобладал смычный характер *g*, там палатализованный смычный *g* дал смычный же *ɖ* (*ɖ* ~ *ɣ*).

Развитие **g* перед **i*, а в некоторых случаях и перед **e*, характерно только для говоров бурятского языка и не имеет аналогий в других монгольских языках.

Влиянием ослабления артикуляции проточного *g* (*γ*) можно объяснить и развитие глухого щелевого *x* на месте этого **g* в некоторых общепурятских словах, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>гүхэрээн</i>	<i>төгрөг</i>	<i>төгрөг</i>	<i>tögürig</i>	круглый
<i>гүхэриг</i>	<i>төгрөг</i>	—	<i>tögürig</i>	рубль
<i>хархис</i>	<i>харгис</i>	<i>хэргис</i>	<i>qargis</i>	варварский, реакционный

Этим же объясняется и произношение в западных бурятских говорах *энэхуур*, *энэхээр* 'этим; 'здесь' вм. лит.-бур. *энэгуур*; *тэрэхуур*, *тэрэхээр* 'там, по тому месту' вм. лит.-бур. *тэрэгуур*; *ябахты* 'уходя; вм. лит.-бур. *ябагты* и т.п.

О том, что все эти процессы до конца еще не изжили себя в бурятском языке свидетельствуют, на наш взгляд, параллельные формы с *g* и *ɣ*, например:

бур. *жэрьехэ*//*жэргэхэ* 'щебетать', ср. х.-монг. *жиргэх*, калм. *жиргэ* стп.-м. *jirgekü id.*;

бур. *тэрьелхэ*//*тэргэлхэ* 'убегать'.

Наличие *j* в ряде случаев может сигнализировать, что в бурятском языке в более древнее время был в данном слове **g* а не **k*, хоть если бы родственные соседние языки и давали бы здесь *x*. Так, например, халха-монгольскому слову *горхи* 'пряжка ремня' (ср. калм. *horьk*, стп.-м. *γogki*) соответствует бур. *горьё*. О том, что прабурятской формой не было *γogki*, говорит наличие в бурятском слове *j*. В таком случае для бурятского слова *горьё* следует предполагать праформу **γogki*. О справедливости такой реконструкции свидетельствует наличие олётского *gog'gʲ* и дэрбетского *gög'gʲ* с тем же значением 'пряжка', зафиксированных Г.И. Рамstedтом [1935, с. 151].

Хотя в ряде случаев в бурятском языке представлен *x* на месте *g* халха-монгольского языка, сравнение с другими монгольскими языками показывает, что в халхаском это *g* не является исконным, а бурятское *x* закономерно развилось в этих случаях из исконного **k*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>гэихэхэ</i>	<i>гишгэх</i>	<i>гишкx</i>	<i>giskikü</i>	шагать
<i>мушхэхэ</i>	<i>мошгөх</i>	<i>мошкx</i>	<i>möskikü</i>	расследовать
<i>мушхаха</i>	<i>мушгих</i>	<i>мошкx</i>	<i>muskiqu</i>	крутить
<i>сөдхэхэ</i>	<i>сэтгэх</i>	<i>седx</i>	<i>sedkikü</i>	мыслить
<i>үдхэн</i>	<i>өтгөн</i>	<i>өткн</i>	<i>ödken</i>	густой

Эти случаи развития *x* из **k* в отношении генезиса отличаются от рассмотренных выше фактов перехода в *x* ослаблением исконного **g*.

**ŋ*

Данный согласный во всех монгольских языках, в том числе и в бурятских говорах, встречается лишь в середине и конце слова и никогда не стоит в анлауте, чем монгольские языки и тюркские отличаются от соседних тунгусо-маньчжурских и самодийских. Причем в середине слова он сохраняется без изменения в бурятских говорах лишь перед заднеязычными и увулярными согласными *χ* и *g*, стоящими перед иными, чем **i*, гласными, например:

общебур. *аŋχлŋ* (орф. *анхан*) — стп.-м. *angqan*, х.-монг. *анхан* (*аŋχлŋ*), калм. *аŋхн* (*аŋχлп*), орд. *аŋхан* 'первоначальный', MNT *anqa urida* 'прежде';

общебур. *аŋ* (орф. *ан*) — стп.-м. *ang*, х.-монг. *ан* (*аŋ*), калм. *ау* (*аŋ*), орд. *аŋ* 'зверь';

общебур. *эŋ* (орф. *эн*) — стп.-м. *eng*, х.-монг. *эн* (*eŋ*), калм. *эу* (*eŋ*), орд. *eŋ* 'ширина материи';

общебур. *эŋгэ:χэ* (орф. *онгойхо*) — стп.-м. *ongγuyiqu*, х.-монг. *онгойх* (*эŋгэχ*), калм. *оŋгах* (*эŋга:χл*) 'раскрываться';

общебур. *эŋгэг* (орф. *энгэр*) — стп.-м. *engger*, х.-монг. *энгэр* (*eŋгэг*) 'лацкан, борт одежды';

общебур. *эŋкхэгхэ* (орф. *энхэрхэ*) — стп.-м. *engkerikü* х.-монг. *энхрэх* (*eŋкхгех*), калм. *энкрх* (*enkэгхэ*) 'относиться с любовью'.

Согласный **ŋ* в позиции перед **g*, после которого следует **i*, палатализующий этот **g*, тоже палатализуется почти во всех бурятских говорах [для аларского говора, например, см.: Поппе 1930а, с. 26], перейдя перед этим из заднеязычного звука в переднеязычный. Согласный же **g* при этом

переходит по говорам либо в d' (ᠳ), либо в j. В тех же немногих говорах например в ононско-хамниганском, в которых *g перед *i сохраняется сохраняет свое качество и *j. Примеры: хамниг. *халангир* 'разлив по лугам и протокам' < *халиха* 'разливаться'; вост.-бур., окинск. *ман* зап.-бур. *ман'јahan* 'дикий лук' (ср. стп.-м. *manggir*, *manggisun*, х.-м. *мангир*, *мангис*, калм. *мәңгерси* id.); вост.-бур., окинс. *ан'д'ур*, зап.-м. *ан'јар* 'турпан' (ср. стп.-м. *anggir*, х.-монг. *ангир* id.). Таким образом в сочетании *ŋgi под палатализирующим влиянием *i переходит в бусских говорах в n'ja (n'je) или n'd'i (n'ḥi).

В процессе развития и становления фонетической системы в бурятских говорах произошел также переход *ŋ в g в тех случаях, когда исторический *ŋ оказался в положении перед *n (< *l). Первоначальный *l, под влиянием ассимиляции дал n, в результате чего *ŋ оказался перед n, было, по-видимому, нетерпимо в протобурятских говорах, поэтому сочетание *ŋn дало gn (орф. *гн*). В сочетании ŋn, видимо, чтобы как-то сохранить свое качество, звук ŋ усилил свой смычный g-образный компонент (образовалось сочетание *gn*). Затем первый n-образный компонент отбросив вместо j только g (в мягкорядных словах) или ɟ (в твердорядных). Таким образом, современное сочетание согласных *гн* имело в протобурятском вид *ŋn, восходящее к *ŋl. Это хорошо видно из сравнения с другими монгольскими языками, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Орд.	Стп.-м.	Значение
<i>агнаха</i>	<i>агнах</i>	<i>аҥнх</i>	<i>аҥна-</i>	<i>angna-</i>	охотиться
<i>шагнаха</i>	<i>чагнах</i>	<i>чиҥнх</i>	<i>тʃиҥна-</i>	<i>čingna-</i>	слушать
<i>тэҥнэхэ</i>	<i>тэҥнэхэ</i>	<i>теҥнх</i>	<i>теҥне-</i>	<i>tengne-</i>	выючить
<i>гагнаха</i>	<i>гагнах</i>	<i>гаҥнх</i>	<i>гаҥна-</i>	<i>γangna-</i>	паять

Из примеров видно, что халха-монгольский язык в отношении рата комплекс *ŋn в *гн* дает такую же картину, что и бурятский язык.

В ононско-хамниганском говоре, сохраняющем многие архаичные черты монгольских языков, комплекс *ŋn продолжает существовать, о чем детально пишет Д.Г. Дамдинов [1968, с. 87], например: хамниг. *маҥнал* (*го*) бур. *магнал*, стп.-м. *mangnuγ* 'род шелковой материи'; хамниг. *накху* бур. *шагнаха*, стп.-м. *čingnaqu* 'слушать'; хамниг. *тэҥнэку* // *нэкэ* – бур. *тэҥнэхэ*, стп.-м. *tengnekü* 'выючить'.

Сохранение *ŋ в этой позиции наблюдалось нами и в речи бурят Ойской долины, например: *аҥн* ᠠᠭᠠ ᠠ 'охотиться', *ᠰаҥн* ᠠᠭᠠ ᠠ 'слушать', *тэҥн* ᠠᠭᠠ 'выючить'.

Таким образом, в отношении комплекса *ŋn эти говоры сохраняют все архаичное состояние бурятского языка.

В ауслауте именных основ в современном бурятском языке, во всех его говорах, вместо исторического переднеязычного *n произносится неязычный j, который развился в этой позиции и в халха-монгольском языке, только здесь он отпал у основ имен существительных и у числительных употребляемых субстантивно, но произносится у прилагательных. В калмыцком языке сохраняется переднеязычный *n. При употреблении же существительных и числительных в атрибутивной функции этот сложный *n основы обязательно восстанавливается и в халха-монгольском языке, но уже в виде заднеязычного ŋ.

Такое же явление, как в бурятском и халхаском, отмечается и для тюркского языка, в котором ауслатный *п основ перешел в заднеязычный [см.: Поппе 1930, с. 139], например: даг.П *ул̄н̄* 'красный' (стп.-м. *ula-γan*). даг.П *о̄н̄* 'год' (стп.-м. *on*).

Этимологический же конечный *η сохраняется во всех случаях как в бурятском, так и в халха-монгольском и калмыцком языках, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>ан</i> (aŋ)	<i>ан</i> (aŋ)	<i>аң</i>	<i>aŋg</i>	зверь
<i>зан</i> (zaŋ)	<i>зан</i> (ɟzaŋ)	<i>заң</i>	<i>ʃaŋg</i>	характер
<i>гэн</i> (tɜŋ)	<i>гэн</i> (tɜŋ)	<i>тең</i>	<i>teng</i>	равный по весу
<i>эн</i> (ɜŋ)	<i>эн</i> (eŋ)	<i>эң</i>	<i>eng</i>	ширина материи
<i>зоболон</i> (zɔbɔlɔŋ)	<i>зовлон</i> (ɟzɔβlɔŋ)	<i>зовлаң</i>	<i>ʃobalɔŋg</i>	мучение
<i>баясхалан</i> (baɟsɣalɔŋ)	<i>баясгалан</i> (baɟisgɣalɔŋ)	<i>баясхлаң</i>	<i>bayasɣulang</i>	радость

В словарях бурятского и монгольского языков в заглавном слове словарной статьи приписной маленькой буквой *ɜ* в скобках указывают на заднеязычный характер *η. Пишут, например, *ан(ɜ)* 'зверь', *зан(ɜ)* 'характер', *зоболон(ɜ)* 'мучение', *баясхалан(ɜ)* 'радость', *эн(ɜ)* 'ширина материи' и т.п. В калмыцкой же орфографии для *η принят особый знак *ң*. В старописьменном монгольском языке на уйгурской графике *η обозначали сочетанием букв нүн + кэф: *ᠨᠠᠭ* (ng) – в середине слова и *ᠨᠭ* (ng) – в конце слова [см.: Владимирцов, с. 71]. Это значит, что еще в древности, при создании старомонгольского алфавита, люди осознавали этот звук η и отличали его от обычного переднеязычного п.

Рассмотрим теперь, сравнив те же языки, сохранность и отражение конечного *п основы, например:

Стп.-м.	Калм.	Х.-монг.	Бур.	Значение
<i>aman</i>	<i>амн</i> (amɔŋ)	<i>ам</i> (am)	<i>аман</i> (amɔŋ)	рот
<i>ɕilaɣun</i>	<i>чолун</i> (ɕɔlu:n)	<i>чулуу</i> (ɕulu:)	<i>шулуун</i> (ʃulu:ŋ)	камень
<i>ʃibaɣun</i>	<i>шовун</i> (ʃɔvu:n)	<i>шувуу</i> (ʃuvu:)	<i>шубуун</i> (ʃubu:ŋ)	птица
<i>tabun</i>	<i>тавн</i> (tavɔŋ)	<i>тав</i> (tav)	<i>табан</i> (tabɔŋ)	пять
<i>on</i>	<i>он</i> (ɔŋ)	<i>он</i> (ɔŋ)	<i>он</i> (ɔŋ)	год

При этом в калмыцкой орфографии буквой *н* обозначен переднеязычный *п, как и в старописьменном монгольском языке. В халха-монгольском же и бурятском, хотя и пишется *н*, но произносится он в ауслате всегда как η ~ ŋ в зависимости от рядности слова. Только два обстоятельства различают этимологический *η и этот η, возникший на месте исконного *п, в бурятском и халха-монгольском языках:

а) этимологический *η в конце слова при склонении всегда сохраняется, а η, развившийся из *п, в ряде падежей всегда отпадает;

б) в тех же падежах, где должна быть полная основа с конечным *п, там этимологические *η и *п основы сохраняются без всяких изменений.

Примеры:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
а᠓ (ан)	а᠓ (ан)	а᠓ (а᠓)	ang	зверь
а᠓᠘ (анда)	а᠓᠘ (анд)	а᠓᠘ (а᠓᠘)	ang-du	зверю
о᠓ (он)	о᠓ (он)	о᠓ (он)	on	год
о᠓᠘ (ондо)	о᠓᠘ (онд)	о᠓᠘ (онд)	on-du	в году.

Особенно явно различие между этимологическим *᠓ и п, развившихся из *п, выявляется в бурятском языке при наращении аффиксов родительного, винительного, исходного и орудного падежей. Даже орфография закрепляет это различие путем ввода вставного согласного г между аффиксом и конечным н основы, например:

ан 'зверь' – ангай (род.п.), ангые (Вин.п.), ангаар (оруд. п.), анги (исх. п.);

зоболон 'мучение' – зоболонгой (род.п.), зоболонгые (вин.п.), зоболонгоор (оруд.п.), зоболонгшоо (исх.п.).

При склонении же основ с этимологическим *п, хотя и произносимым сейчас в основном падеже как ᠓, уже не наблюдается вставного г. В некоторых падежах (винительном, орудном, частично совместном) этот п даже падает, в других же сохраняется в виде того же первоначального *п. Сравним, например, склонение бурятских слов а᠓ (орф. ан, стп.-м. ang) 'зверь' и т᠋ᠣᠷᠢᠨᠢᠵᠢ (орф. морин, стп.-м. morin) 'лошадь':

Осн.	а᠓	(ан)	т᠋ᠣᠷᠢᠨᠢᠵᠢ	(морин)
Род.	а᠓ᠭᠠᠡ	(ангай)	т᠋ᠣᠷᠢᠨᠢᠵᠢᠭᠡ	(мориндой)
Дат.-мест.	а᠓᠘	(анда)	т᠋ᠣᠷᠢᠨᠢᠵᠢ᠘	(мориндо)
Вин.	а᠓ᠭᠡᠵᠢ	(ангые)	т᠋ᠣᠷᠢᠨᠢᠵᠢ	(моринше)
Оруд.	а᠓ᠭᠠᠰᠢᠷ	(ангаар)	т᠋ᠣᠷᠢᠨᠢᠵᠢᠷ	(морингоор)
Совм.	а᠓ᠭᠠᠡ	(ангай)	т᠋ᠣᠷᠢᠨᠢᠵᠢᠭᠡ	(моринтой,
Исх.	а᠓ᠬᠠᠶᠠ	(ангхаа)	т᠋ᠣᠷᠢᠨᠢᠵᠢᠬᠠᠶᠠ	мориншоо)

Таким образом, в бурятском языке в историческом аспекте следует различать этимологический исконный консонант *᠓ и звук ᠓, развившихся в ауслауте из конечного исконного *п основы.

УВУЛЯРНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

*q

В истории монгольских языков этот согласный встречался лишь в начале и середине твердых слов. Как и в других монгольских языках, развитие *q в бурятских говорах связано с развитием гласного *i → i. Слог перешел в *ki в результате слияния *i и *i в одной фонеме i. Под влиянием этого i увулярный *q в данном сочетании перешел в заднеязычный k. Однако в инициальной позиции перед i в различных бурятских говорах уже было слышно выше, поэтому здесь на этом останавливаться не будем.

Рассмотрим подробнее эволюцию *q в позиции соседства с другими, т.е. с гласными.

Из всех современных бурятских говоров лишь в двух, нижнеудинском и олонско-хамниганском, сохраняется смычный характер этой фонемы

в то время как во всех остальных говорах и в литературном языке на месте *q представлен проточный глухой согласный х.

Исследователь нижеудинского говора Г.Д. Санжеев [1930, с. 1-2] пишет: "Исторический согласный *q в бур.НУ отражается в виде смычного и сильно аспирированного k в следующих случаях

а) Если он следовал и следует непосредственно за л, р:

<i>алкă</i> — убить	<i>буркăң</i> — бог
<i>уһăлкă</i> — поить	<i>амлкă</i> — дышать
<i>дулкă</i> — петь	<i>талкăң</i> — мука
<i>таркă</i> — уходить	<i>даркăң</i> — кузнец

б) Если его заместитель ныне находится в слогах, которым предшествуют слоги с переднеязычными т, д, з:

<i>такă</i> — подкова	<i>тăкă</i> — угадать
<i>дакă</i> — доха	<i>дакăкă</i> — следовать
<i>кхазăкă</i> — откусить	<i>тăбкă</i> — поставить.

Во всех остальных условиях *q в бур.НУ превратился в аффрикативный *kx*:

<i>кхарă</i> — черный	<i>кхадă</i> — гора ...
<i>кхарăуи</i> — путь ...	<i>кхојар</i> — два ...
<i>микхайң</i> → мясо ...	<i>нокхэ</i> — собака ..."

Однако А.А. Дарбеева, занимавшаяся нижеудинским говором длительное время, отмечает смычный характер данной фонемы [1978, с. 46]: "Фонема *k* в современном НУД представляет собой увулярный смычный сильный глухой согласный звук, встречающийся в начале слога в любой позиции слова с твердоярдным вокализмом и перед *ă*, например: *кăша* 'ножницы', *кара* 'черный', *какаркă* 'рванный', *окдр* 'короткий', *утуркă* 'половина'. В НУД фонема *k* артикулируется сильной смычкой увулы с задней частью спинки языка..." Она особо подчеркивает, что "аффрикативный звук *kx* в НУД — не самостоятельная фонема, а лишь оттенок..." [Дарбеева 1978, с. 47]. Встречается *kx* преимущественно перед долгим *ă*, например: *кхайң* 'хан', *кхăјакă* 'шуметь'. Таким образом, материалы А.А. Дарбеевой свидетельствуют о наличии в нижеудинском говоре фонемы *k*, а не *kx*. Наши наблюдения над говором нижеудинских бурят подтверждают выводы Дарбеевой относительно преобладания смычного характера фонемы *k* в данном говоре. Нижеудинская фонема *k* абсолютно идентична по своим фонетическим параметрам и акустическому эффекту тюркской фонеме *q*. Причем нам слышалось произношение *q* и перед долгим *ă*, т.е. бур.НУ *qă:ң* 'хан', *qă:qʌjʌ* 'закрывать' и т.п. В этой позиции у *q* все же преобладал смычный элемент, хотя последующий долгий широкий гласный несколько ослаблял смычку, за счет чего происходил призвук х.

Относительно языка ононских хамниган Д.Г. Дамдинов [1968, с.82] сообщает: "Кроме заднеязычных звуков *k* и *k'* в говоре ононских хамниган встречается заднеязычная аффриката *kx*, смычная часть которой артикулируется неясно. Эту аффрикату можно назвать глубоко-заднеязычным согласным, образующимся в результате одновременного действия спирации и смычки более дальнего участка задней части спинки языка с мягким не-

бом. По горизонтальному положению языка аффриката *kx* как бы стоит между звуком *k* и *x*. Эта аффриката употребляется в начале и середине слова в сочетании с твердоядными гласными вместо увулярного спиранта *x* если за ним или за слогом с этим согласным следует палатализованный слог или согласный звук. Аффриката *kx* не играет смысловозначительной фонематической роли и является оттенком фонемы *x*, например: *kxони* (овца) *kхуджир* (солончак). Аффриката *kx* также встречается между гласными в середине слова и в последнем слоге, если за ним следует гласный звук например: *цокху* (жук), *тоххукху* (седлать), *онг^оишлгокху* (открывать).

Увулярный смычный глухой *k* отмечается в тункинском говоре как позиционный вариант в твердоядных словах увулярных фонем *g* и *x*, оставшихся рядом из-за редукции стоявших между ними гласных звуков (о появлении в аналогичной позиции заднеязычного *k* на месте *g* и *x* в твердоядных словах нами выше уже сообщалось), например: *гаракка* 'заставить выходить' — лит. *гаргаха*, *торокко* 'добыть зверя' — лит. *торгохо* [см. Абашеев, с. 9]. Во всех же остальных случаях из **q* в тункинском говоре развился проточный *x*, например: *хара* 'черный', *баха* 'лягушка', *ху* 'дождь', *хоро* 'зло; яд' [см.: Абашеев, с. 10]. Такая же картина и в окском говоре.

Аналогично обстоит дело и в говоре аларских бурят, например: *гаракка* ~ *гаргакка* 'заставить выходить', *о^ладкк^о* ~ *о^ладг^о* 'понимать' [см.: Попов, 1930а, с. 9].

Во всех же остальных бурятских говорах, как и в соседних с бурятско-монгольских языках — халха-монгольском, калмыцком, дагурском — *x* дал в начале и середине слова проточный *x*. Лишь в дагурском и иногда в халхаском в середине слова появляется *g* на месте **q*. Примеры:

бур. *хада* — стп.-м., MNT *qada*, даг.П *хад* ~ *хад^а*, орд. *хада*, х.-монг. калм. *хад* 'скала';

бур. *хурдан* — стп.-м., МА, мог. *qurdun*, х.-монг. *хурдан*, калм. *хурдан* 'быстрый';

бур. *хоёр* — стп.-м., МА *qoуag*, даг.П *хойр* ~ *хойр*, мог. *qojōr*, орд. *хойр*, х.-монг. *хоёр*, калм. *хойр* 'два';

бур. *мяхан* — стп.-м., МА *miqan*, даг.П *маг^а*, мог. *miqōn*, орд. *махан*, х.-монг. *мах*, калм. *махн* 'мясо';

бур. *нохой* — стп.-м. *noqai*, МА *noqai*, даг.П *ног* ~ *ног^о*, мог. *noqei*, орд. *нох^о*, х.-монг. *нохой*, калм. *ноха*, *нохэ* 'собака';

бур. *удха* — стп.-м. *udqa*, орд. *udxa*, х.-монг. *утга*, калм. *утх* 'смысл';

бур. *хадхаха* — стп.-м. *qadququ*, МА *qatququ*, даг.П *харх^ү*, х.-монг. *хадхаха*, калм. *хатхх* 'колоть, пронзать'.

Зачастую бурятские традиционные говоры, западные и восточные, а также литературный язык, сохраняют в виде *x* этот исконный **q*, который в других монгольских языках, например в халхаском, перешел в звонкий *g*. Примеры:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>удха</i>	<i>udqa</i>	<i>утга</i>	<i>утх</i>	смысл
<i>хадхаха</i>	<i>qadququ</i>	<i>хатгах</i>	<i>хатхх</i>	пронзать
<i>худхаха</i>	<i>qudququ</i>	<i>хутгах</i>	<i>хутхх</i>	размешивать
<i>садхалан</i>	<i>ṣadqulang</i>	<i>цатгалан</i>	<i>цадхлң</i>	сытый
<i>баясхалан</i>	<i>bayasqulang</i>	<i>баясгалан</i>	<i>баясхлң</i>	радость

Как видно из примеров, бурятский язык в этом отношении однотипен с калмыцким, тоже сохранившим исконный *q в виде x.

Во многих случаях в традиционных бурятских говорах x появляется там, где был, наоборот, исконный *γ, сохраняющийся в халхаском и калмыцком языках. Примеры:

Бур.	Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Значение
<i>дохолхо</i>	doγulqu	<i>доголох</i>	<i>дохлх</i>	хромать
<i>хахалха</i>	qayalaqu	<i>хагалах</i>	<i>хахлх</i>	разорвать
<i>хухасаа</i>	quγaγaγ-a	<i>хугацаа</i>	—	срок
<i>тохорюун</i>	toγuriγun	<i>тогоруу</i>	<i>тоһрун</i>	журавль
<i>сахариг</i>	ᠰaγatiγ	<i>цагариг</i>	<i>цахрг</i>	обруч, круг
<i>хасуури</i>	γaᠰur-a	<i>гацуур</i>	<i>һацур</i>	ель
<i>хагнаха</i> (эхирит.)	γangnaqu	<i>гагнах</i>	<i>һаңнх</i>	паять

Встречаются случаи, когда и в калмыцком языке, подобно бурятскому, появляется x на месте *γ. Примеры:

Бур.	Калм.	Стп.-м.	Х.-монг.	Значение
<i>дахаха</i>	<i>дахх</i>	daγaqu	<i>дагах</i>	следовать
<i>бахана</i>	<i>бахн</i>	baγana	<i>багана</i>	столб

Эти примеры вкпе с предыдущими, показывающими сохранение *q в виде x вместо халхаского g, показывают, что в данном отношении бурятский язык состоит ближе к калмыцкому. В калмыцких говорах это явление распространено гораздо шире, чем оно представлено в литературном языке. Так, например, по нашим наблюдениям, иссыккульские сарт-калмыки (близкие по языку торгутам) говорят *толха* 'голова' вместо лит.-калм. *толһа* (ср. стп.-м. *toluγai*, бур. *тологой*, х.-монг. *толгой*); *захсн* 'рыба' вместо лит.-калм. *зaһсн* (ср. стп.-м. *ᠵiγasun*, бур. *загаһан*, х.-монг. *загас*) и т.п.

Южные же бурятские говоры, сартульский, цонгольский и хамниганский, связанные своим происхождением с монгольским языком, продолжают, как и халхаский язык, удерживать согласный g там, где в других бурятских говорах представлен x, например:

сарт. *хагалха* 'пахать землю, разрывать', ср. х.-монг. *хагалах*, лит.-бур. *хахалха* id. [см.: Бураев 1965, с. 128];

хамниг. *цагариг* 'круг, обруч', ср. х.-монг. *цагариг*, лит.-бур. *сахариг* id. [см.: Дамдинов 1968, с. 89];

цонг. *дагаха* 'следовать за', ср. х.-монг. *дагах*, лит.-бур. *дахаха* id.;

цонг. *хагалха* 'раскалывать', ср. х.-монг. *хагалах*, лит.-бур. *хахалха* id.;

цонг. *догolon* 'хромой', ср. х.-монг. *догolon*, лит.-бур. *дохолон* id. [см.: Будаев 1965, с. 158].

Однако, в цонгольском говоре, видимо, уже под влиянием литературного бурятского языка и соседних бурятских говоров появляется в ряде случаев x на месте g, например: цонг. *бахалдзуур* 'горло', ср. лит.-бур. *бахалзуур*, х.-монг. *багалзуур* id.; цонг. *уйдхар* 'крусть, печаль', ср. лит.-бур. *уйдхар*, х.-монг. *уйтгар* id. [см.: Будаев 1965, с. 159].

Этот согласный в основном сохраняется во всех бурятских говорах в тех же позициях начала, середины и конца слов твердого ряда, что и во всех остальных современных монгольских языках. Причем в положении перед глухим согласным и в конце слова *γ оглушается и произносится как гхой слабый заднеязычный звук g, почти k, например: *ябаг* 'пусть уйдет' (произносится *jabʌg* – *йабак*); *худаг* 'колодец' (произносится *χudʌg* – *дук*); *огто* 'совсем, совершенно' (произносится *ɔgtʌ* – *окто*); *загсаха* 'стыть (о масле)' (произносится *zagsʌχʌ* – *заксаха*). Учитывая такое произношение *γ, А.Д. Руднев [1913, с. XI] везде в своих материалах по хорошему говору употреблял в данной позиции букву k, например: *унтāk* 'спите' (ср. лит.-бур. *унтагты*), *нудāk* 'живущий' (ср. лит.-бур. *нууда* сак 'время' (ср. лит.-бур. *саг*)).

В зависимости от положения в слове и соседних звуков *γ в бурятском разговорном языке представлен либо смычным увулярным g, либо щелевым увулярным q (орфографически оба звука обозначены одинаково – q, например: *qar* 'рука' (орф. *гар*, стп.-м. *γar*); *baqʌ* 'маленький' (орф. *ба*, стп.-м. *baγa*); *aqʌ* 'способ' (орф. *арга*, стп.-м. *aγa*); *aγɕi* 'охотник' (орф. *ангууша*)).

И.Д. Бураев [1959, с. 99] пишет об этом следующее: "Смычные оттенки (g – В.Р.) употребляются: в начале слова, в исходе слова, внутри слова в исходе слога или в начале слога после согласных, кроме p и часто л. В левые дрожащие оттенки употребляются внутри слова в интервокальном положении и после p, а также иногда после л, при этом они являются всею только звонкими. Смычные оттенки бывают в начале слова звонкими, в исходе слова – глухими, внутри слова в начале слога – звонкими, а в исходе слога являются звонкими, если последующий слог начинается со звонких согласных, и являются глухими, если последующий гласный – глухой. Для современного бурятского языка, как его говоров, так и литературной формы, смычность и щелинность у g не являются фонематическими, это только позиционно-комбинаторные варианты одной и той же фонемы.

Сравнение с другими монгольскими языками показывает, что в бурятском языке *γ сохраняется там же. Примеры:

бур. *гахай* – стп.-м. *γaqai*, МА *γaqaj*, даг.П *gag*, орд. *gaxā*, х.-монг. *гах* калм. *haxa* 'свинья';

бур. *гушан* – стп.-м., МА *γuɕin*, даг.П *gоч'й(ң)*, орд. *gutši*, х.-монг. *гуш* калм. *hучн* 'тридцать';

бур. *гар* – стп.-м., МА *γar*, даг.П *гар'й*, орд. *gar*, х.-монг. *гар*, калм. *hар* 'рука';

бур. *аяга* – стп.-м. *ayaya*, МА *ayaya*, даг.П *aγāgā*, орд. *ajaga*, х.-монг. *ага* калм. *aah* 'чашка';

бур. *арга* – стп.-м. *aγa*, орд. *arga*, х.-монг. *арга*, калм. *arh* 'способ', МА *aγa* 'хитрость';

бур. *балгааһан*, *булгааһан* 'летняя юрта' – стп.-м. *balγasun* 'дворец; род', МА *balγasun* 'стена; город', х.-монг. *балгас* 'развалины древнего рода', калм. *балһсн* 'город';

бур. *загаһан* – стп.-м. *jiγasun*, MNT *jihasun*, даг.П *ц'аг'ус*, орд. *džaga* х.-монг. *загас*, калм. *зайһсн* 'рыба';

бур. *нутаг* — стп.-м. *nutuγ*, MNT *nuntuγ*, даг. П *нотдг*, орд. *nutuq*, х.-монг. *нутаг*, калм. *нутг* 'родное кочевье'.

Согласный *γ, находившийся первоначально в положении перед *i, при дальнейшем развитии монгольских языков, когда два гласных *i и *i слились в одном i, перешел под влиянием этого i в разряд заднеязычных, т.е. в и палатализовался. О модификации же комплекса *gi в современных бурятских говорах выше уже подробно говорилось, поэтому здесь повторно касаться данного вопроса не будем.

Выше также уже было сказано и о том, что в бурятских традиционных говорах на месте *γ развился в ряде случаев, как и в калмыцком языке, глухой щелевой согласный х.

Кроме того, в процессе развития монгольских языков интервокальный *у во многих случаях выпал, в результате чего произошло стяжение соседних с этим *у гласных в один долгий гласный звук. Поскольку данное явление подробно уже рассмотрено выше в разделе о долгих гласных, здесь его тоже рассматривать не будем.

Глава III

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В процессе развития бурятского народного разговорного языка под влиянием различных факторов как внешнего, так и внутреннего характеров произошли некоторые сдвиги фонетического облика слов по сравнению с постулируемым древним прамонгольским языковым состоянием и со всеми современными монгольскими языками. Произошло это, по всей вероятности, вследствие развития некоторых фонетических явлений бурятского языка. К таким явлениям, на наш взгляд, следует отнести изменение системы вокализма и консонантизма, развитие долгих гласных и монофтонгизацию дифтонгов. При этом наиболее значительные изменения, затрагивающие эволюцию как гласных, так и согласных, произошли под влиянием так называемого перелома *i.

Появление долгих гласных, развитие проточных согласных на месте смычных, исчезновение аффрикат, да по сути дела и сам перелом *i связаны с явлением ослабления напряженности артикулирующих органов. При этом представляется, что все фонетические явления, наблюдаемые в истории развития звуковой системы бурятского разговорного языка, можно в общем-то свести к двум группам: явления, связанные с историей развития гласного *i; и явления, возникшие и получившие разные фазы развития в разных монгольских языках и диалектах, связанные с ослаблением напряженности при артикуляции как согласных, так и гласных, что закономерно повлекло за собой различные модификации консонантов, развитие долгих гласных, а также ассимиляцию кратких гласных. Кроме того, эти две группы явлений в истории эволюции звукового строя бурятского языка, и соответственно остальных монгольских языков, теснейшим образом взаимодействовали с захватившей в свое время все монгольские языки

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В процессе развития бурятского народного разговорного языка под влиянием различных факторов как внешнего, так и внутреннего характеров произошли некоторые сдвиги фонетического облика слов по сравнению с постулируемым древним прамонгольским языковым состоянием и со всеми современными монгольскими языками. Произошло это, по всей вероятности, вследствие развития некоторых фонетических явлений бурятского языка. К таким явлениям, на наш взгляд, следует отнести изменение системы вокализма и консонантизма, развитие долгих гласных и монофтонгизацию дифтонгов. При этом наиболее значительные изменения, затрагивающие эволюцию как гласных, так и согласных, произошли под влиянием так называемого перелома *i.

Появление долгих гласных, развитие проточных согласных на месте смычных, исчезновение аффрикат, да по сути дела и сам перелом *i связаны с явлением ослабления напряженности артикулирующих органов. При этом представляется, что все фонетические явления, наблюдаемые в истории развития звуковой системы бурятского разговорного языка, можно в общем-то свести к двум группам: явления, связанные с историей развития гласного *i; и явления, возникшие и получившие разные фазы развития в разных монгольских языках и диалектах, связанные с ослаблением напряженности при артикуляции как согласных, так и гласных, что закономерно повлекло за собой различные модификации консонангов, развитие долгих гласных, а также ассимиляцию кратких гласных. Кроме того, эти две группы явлений в истории эволюции звукового строя бурятского языка, и соответственно остальных монгольских языков, теснейшим образом взаимодействовали с захватившей в свое время все монгольские языки

тенденцией изменения слоговой акцентуации и передвижкой ударения, следствием чего явилось перераспределение мест сильных и слабых слогов.

Рассмотрим подробнее эти две группы фонетических явлений, имевшие место в процессе эволюции звукового строя бурятского языка, в отдельности.

ЯВЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИСТОРИЕЙ РАЗВИТИЯ ГЛАСНОГО *i

Как известно, в истории развития фонетики монгольских языков большую роль сыграли гласные *i и *i, слившиеся впоследствии в одном гласном i. Гипотезу о том, что древнему монгольскому языку был свойствен также как и тюркским языкам, гласный *i задней артикуляции, выдвинул Г.И. Рамstedт [1908, с. 52]: "В некоторых односложных словах i иногда решел в а, ä, что, пожалуй, указывает на существование первоначального". Б.Я. Владимирцов [с. 170--190] обосновал эту гипотезу о существовании в раннем монгольском языке двух гласных типа i — переднеязычного и заднеязычного i — на материале алтайских языков с опорой на старинный письменный монгольский язык. Довольно наглядно противопоставление гласных i и i в системе вокализма древнего монгольского языка представил Г.Д. Санжеев 1964, с. 31--33].

В письменном монгольском языке, видимо, под влиянием разговорного очень рано произошло сближение этих фонем — i и i. На месте двух гласных оказался только один — i. В твердорядных словах тоже появился i, и его стал сопровождать согласный k, присущий мягкому ряду, в то время как с i применялся твердорядный q. Как считает Б.Я. Владимирцов [с. 220] уже в половине XIII в. монголы перестали различать i и i. Будучи звуком среднеязычного образования, гласный i оказал сильное палатализующее влияние на соседние звуки, гласные и согласные.

Опереднение гласных

Появившись на месте древнего *i, звук u в твердорядных словах оказал в некоторых монгольских языках воздействие на предшествующие гласные, выразившееся в их опереднении, т.е. на месте a развились ä и даже ä, на месте o — ö или ö, на месте y — ü или ü. Хотя выше, в 1-й главе уже говорилось подробно об этом явлении при обзоре соответствующих гласных, вернемся к данному вопросу еще раз.

Так, относительно появления смягченного ä в языке дархатов Г.Д. Санжеев [1931, с.7] говорит следующее: "ä — палатализованный вариант u перед u под влиянием последующих палатальных; встречается только как комбинаторный вариант a. В отличие от бурятского и халхаского ä дархатский очень близок к ä. Примеры: *bär'ixä* (почти — *bär'ixä*) — держа, *ämij* — жизнь, *xär'ixä* — уходит домой". Б.Я. Владимирцов [с. 144] отмечал для халха-монгольского языка, что в нем общемонгольский a первого слога реализуется в двух вариантах — a и ä. При этом ä появляется только там, где за ним следует исторический *i; a согласный перед этим i палатализован.

Эти же комбинаторными условиями вызвано произношение варианта ä и в бурятских восточных говорах, а через них и в литературном языке.

[см.: Бураев 1959, с. 129], например: *бáр* 'держит', *тáб* 'пятьдесят', *áм* 'дыхание' (ср. х.-монг. *бáр*, *тáв*, *áм*). Но в западных бурятских говорах исследователями [см.: Хомонов 1965, с. 41; Раднаев 1965, с. 84; Дарбеева 1978, с. 29; Цыдендамбаев 1972а, с. 67] отмечается тенденция перехода *á* в более мягкий звук *ä*, в результате чего эти слова из твердого ряда переходят в мягкий, например:

Стп.-м.	Лит.-бур.	Зап.-бур.	Значение
qarí-	хари-	хэри-	возвращаться
barí-	бары-	бэри-	держать
narín	нарин	нэрин	тонкий
tabí-	табы-	тэбы-	поставить.

Гласный *a* под влиянием последующего *i* и палатализации согласных произносится смягченно почти во всех современных монгольских языках, колеблясь от *á* до *ä*. При этом дагурский, ордосский, халхаский, бурятский (литературный и восточные говоры) дают *á*, а калмыцкий — *ä* [см.: Порре 1955, р. 26]. Примеры:

стп.-м., монгор. *barí-*, даг.П *бáр*'-, х.-монг. *bár*'-, калм. *bär-*, бох., барг. *bär*'-. лит.-бур. *bär*'- 'держат', орд. *bär*'at 'взяв', мог. *barinà* 'держит'; стп.-м. *qarí-*, монгор. *qarí-*, даг.П *хáр*'-, орд. *qári-*, х.-монг. *qár*'-, калм. *qär-*, бох., барг. *qär*'-, лит.-бур. *qär*'- 'возвращаться', мог. *qarinà* 'возвращается'.

Общемонгольский *o* переходит в смягченный *ö* перед гласным *i* последующего слога в ордосском, халхаском и восточнобурятском, а в западнобурятском, калмыцком и чахарском *o* в этой позиции дает *ö* [см.: Порре 1955, р. 28]. Примеры:

стп.-м., мог. *morin*, даг.П *мор*'-, монгор. *morí*, орд. *möri*, х.-монг. *mör*'-, лит.-бур. *mör*'in, чахар. *möri*, калм. *mörin*, зап.-бур. *mör*'in 'лошадь'; стп.-м. *qorin*, монгор. *horin*, даг.П *хор*'(н), орд. *qöri*, х.-монг. *qör*'-, лит.-бур. *qör*'in, барг. *qör*'in, чахар. *qöri*, калм. *qörin* 'двадцать'.

Перед *i* второго слога общемонгольский гласный **u* тоже артикулируется более мягко, но лишь в калмыцком языке он получает довольно сильное смягчение и превращается в переднерядный звук *ü*, вследствие чего все слово переходит из твердого ряда в мягкий. Примеры:

калм. *qürin* ~ *qürin* 'свадебный пир', ср. стп.-м. *qurim*, орд. *qörim*, х.-монг., бур. *хурим* id.:

калм. *qüwl-* 'перевоплощаться', ср. стп.-м. *qubil-*, орд. *quwil-*, х.-монг. *хувил-*, бур. *хубил-* id.

Из всех гласных монгольских языков более всего подвержен палатализации гласный *a*, который опередняется почти во всех монгольских языках, а более же всего в калмыцком языке и в эхиритских говорах бурят. Меньше смягчается гласный *o* и еще меньше *u*. Пожалуй, лишь калмыцкий язык довольно последовательно проводит опереднение и перевод в мягкий ряд твердоядных слов с этимологическим **i*, что заметно отличает этот язык от других современных монгольских языков, например:

калм. *зэкрх* 'повелевать' < *jakira-*, ср. х.-монг. *захирах*, бур. *захирха* id.:

калм. *дэкад* 'еще, снова' < *dakiyad*, ср. х.-монг. *дахиад*, бур. *дахиад* 'снова, повторно';

дэрбет. хэмх//торгут. хумх 'сгребать' < qum-, ср. х.-монг. хумих, бу хумиха 'складывать, свертывать'.

Калмыковеды [см.: Кичиков, с. 27–28] правильно объясняют это явление гласного *i, который в калмыцком языке исчез, дав опереднее заднерядных гласных. Г.Д. Санжеев [1953, с.34] также считает особенностью ойратского (соответственно и калмыцкого) языка то, что 'в ойратских диалектах многие слова заднего ряда, некогда имевшие в своем составе гласный i, перешли в передний ряд под палатализирующим влиянием этого же гласного, после чего последний сам подвергся ассимиляции, например:

морин → *мөрин* → *мөрөн* → *мөрн* 'лошадь';
бйрагу → *бйрү* → *бүрү* 'теленоч по второму году' ...

Этого не случилось в тех словах, в которых перелом гласного i произошел еще тогда, когда данный гласный сохранял свой заднеязычный характер, т.е. артикулировался в виде ī, — отсюда слова типа *мах* ← *мика* 'мясо'.

То, что в ряде бурятских говоров (в основном в языке бурят-эхирито) проявляется тенденция довольно сильного опереднения заднеязычных гласных по типу калмыцкой, а также наличие общих моментов в лексике, грамматике, в родовых названиях позволяют ставить вопрос об участии ойрат-монголов в образовании бурятских племен [см.: Цыдендамбаев 1970, с. 66–68].

Довольно сильная, типа калмыцкой, тенденция опереднять заднеязычные а, о, и отмечается Д. Кара [см.: Кара 1970, с. 241–245] и в языке джарутов Внутренней Монголии. Так, для джарутов характерно произношение (стп.-м. amin) 'жизнь', hób (стп.-м. qubi) 'часть', ei (стп.-м. ali) 'который', hógim (стп.-м. qurim) 'свадебный пир', mór (стп.-м. morin) 'лошадь', d (стп.-м. dalai) 'океан', hór, hórin (стп.-м. qorin) 'двадцать', hüi (стп.-м. qui) 'вихрь' и т.п.

В восточном диалекте Внутренней Монголии, который охватывает ахарчин-баринский, хорчинский и харачин-тумутский говоры, Б.Х. Тодаев [1960, с. 22–23] также отмечены как самостоятельные фонемы гласные *ä, ö, ü* (*ä, ö, ü*) в твердорядных по происхождению словах, например *ä* — ару-хорч. *тәнэ* 'узнать' (ср. бур. *тани-*), хорч. *сэлхэн* 'ветер' (ср. бур. *халхин*), харач. *äвэйн* 'много' (ср. бур. *арьбан*);

ö — ару-хорч. *мөр* 'конь' (ср. бур. *морин*), харач.-тум. *хөрмө* 'под' (ср. бур. *хормой*), хорч. *өрө* 'вечер' (ср. бур. *орой* 'поздно');

ü — ару-хорч. *үсгэр* 'скука' (ср. бур. *уйдхар*), харач. *үнэ* 'падать' (ср. бур. *уна*).

Об этой особенности монгольских говоров Внутренней Монголии пишет и А.Д. Руднев [1911, 188].

Таким образом, опереднение заднерядных гласных под влиянием опереднее отмечаемое в западных (эхиритского происхождения) говорах бурятского языка представляет собой явление, характерное в общем-то для многих монгольских языков. Наиболее сильно же и последовательно оно развито в ойратском языке и в тех диалектах других монгольских языков, которые каким-либо образом связаны своим происхождением либо контактами с ойратскими диалектами.

В системе фонем бурятского языка палатализация согласных играет смысло-различительную роль, т.е. она фонематична [см.: Бураев 1959, с. 49]. Так, например, как уже отмечалось выше, только мягкостью согласных различается смысл таких слов: *нуур* 'озеро' и *н'уур* (орф. *нюур*) 'лицо'; *ханааха* 'удовлетворить' и *хан'ааха* (орф. *ханяаха*) 'кашлять'; *хоноор* 'оводом' и *хен'оор* (орф. *хонёор*) 'интересно'; *арбан* 'десять' и *ар'бан* (орф. *арбан*) 'брюшной жир лошади'; *бариаа* 'исчерпался' и *бар'аа* (орф. *бариаа*) 'схватил'; *алаа* 'убил' и *ал'аа* (орф. *алаа*) 'шаловливый'; у булагатов *татаа* 'ягнул' и *таг'аа* 'кураца'.

Подобные же пары слов наблюдаются и в халха-монгольском языке, например: *бар* 'тигр', 'исчерпайся' и *барь* 'схватил'; *тав* 'пять' и *тавь* 'поставь'; *хап* (орф. *хапа*) 'стена' и *хап'* (орф. *хань*) 'интимный друг', *ам* 'рот' и *амь* 'жизнь': *ал* 'убей' и *аль* 'который', *зад* 'волшебный камень, который по старинному поверью вызывал дождь' и *задь* 'мускатный орех'.

Как самостоятельные фонемы отмечает Б.Х. Тодаева [1960, с. 28] смягченные согласные, противопоставленные несмягченному, в баргу-бурятском диалекте (охватывает говоры хучин-баргутский, шинэ-баргутский и бурятский) Внутренней Монголии, например: *нур* 'озеро' — *н'ур* 'лицо'; *алаа* 'убил' — *ал'аа* 'шаловливый'.

В калмыцком языке, благодаря переходу слов из твердого ряда в мягкий, в подобных случаях представлены обычные смягченные согласные, которые в данной ситуации не противопоставлены несмягченному [см.: Биткеев 1965, с. 20–22]. Поэтому в калмыцком языке подобные слова противопоставляются не палатализованными согласными, как обстоит в халхаском и бурятском языках, а принадлежностью всего слова к твердому или мягкому ряду, например: *амн* 'рот' — *амн'* 'душа', *нур* 'озеро' — *нур'* 'лицо', *хув* 'янтарь' — *хув'* 'часть, доля', *хорх* 'робеть' — *хорх'* 'запрещать'. Но в то же время и в калмыцком языке в ряде случаев мы имеем на месте палатализованных согласных бурятского и халхаского языков соответствующие среднеязычные согласные [см.: Биткеев 1965, с. 22], развившиеся из палатализованных. Слово при этом не теряет свою былую принадлежность к твердому ряду. Примерами могут служить следующие пары слов, противопоставляемые и в калмыцком языке только согласными: *ханях* (хала:хл) 'кашлять' — *ханах* (хана:хл) 'удовлетворять', *ал* 'убей' — *аль* 'дай-ка сюда', *залхх* 'присоединять' — *зальгх* 'проглатывать', *зал* 'зал' — *заль* 'пламя', *бот* 'боты' — *боть* 'том'. Но таких пар слов в калмыцком языке немного.

Зато в дагурском языке палатализованные согласные представлены в составе большого количества слов [см.: Поппе 1930, с. 142] тоже под влиянием гласного *i, например: *м'агд* 'мясо', *ал'и* 'какой' (ср. *ал* ~ *ал'а* 'убивать'), *ам'и* 'жизнь' (ср. *ам* ~ *ам'а* 'рот'), *б'ал* 'сразу' (ср. *бал* 'хорошить'), *б'ар'и* 'держать' (ср. *бар'а* 'кончать'), *б'ар'и* 'невестка' (ср. *б'ере* 'женщина'), *мор'* ~ *мор'и* 'конь', *хоб'и* 'удел, счастье', *нар'иң* 'тонкий', *н'ид* ~ *н'и'дэ* 'глаз', *н'ирд* 'конек крыши', *н'омбос* 'слеза', *ор'е* 'завязать, запутать', *тар'е* ~ *тар'е* 'пашня', *хон'* ~ *хон'и* 'овца'.

Палатализация согласных, однотипная с бурятской, широко представлена и в языке дархатов [см.: Санжеев 1931, с. 13–16, словарь на с. 44–57], у которых имеются палатализованные *л', р', т', м', н', б', х', ч', ш', ж'*, на-

пример: *ан'ахă* 'закрывать глаза', *ам'иң* 'жизнь' (ср. *амăң* 'рот'), *ар'уң* 'чистый', *срг'ихэ* 'вернуться', *инэхэ* 'смеяться', *он'ж'ихэ* 'дневать', *хар'ахă* 'уходить домой' (ср. *хархă* 'смотреть'), *х'ихэ* 'делать', *халгайхă* 'слегка отсесть что-либо', *хон'ч'ар* 'рыло', *хор'иң* 'двадцать', *хор'им* 'пир, свадьба', *хуб'а* 'доля', *хур'гаң* 'ягненок', *т'ишэ* 'туда', *т'имэ* 'такой', *н'ур* 'лицо' (ср. *нур* 'озеро'), *н'ургаң* 'спина', *н'алдахă* 'прилипаться', *м'илă* 'пир у новорожденного'.

Таким образом, палатализация согласных и бытование этих согласных как фонем не является особенностью лишь бурятского языка и довольно заметна в ряде других монгольских языков, во всяком случае бесспорно для дагурского и дархатского языков. В этой связи требует уточнения следующее высказывание Г.Д. Санжеева [1953, с.40]: "Но наиболее характерным для всего бурятского языка является то, что в нем, за весьма редкими исключениями, устойчиво и последовательно отражается исторический гласный *i* в виде палатализации соответствующих согласных. Как известно, во всех современных монгольских языках, кроме бурятского, сохранение и отражение исторического гласного *i* отмечается сравнительно редко". Если в первой своей части, касающейся бурятского языка, утверждение Г.Д. Санжеева абсолютно справедливо, то относительно отнесения **i* в виде палатализации согласных в других монгольских языках как редкого явления необходимо внести некоторые коррективы. Дело в том, что это суждение опровергает, кроме дагурского и дархатского языков, сам халха-монгольский язык, в котором широко представлены палатализованные согласные как фонемы, причем возникли они под влиянием гласного **i* как остаточное явление после его перелома, например: х.-монг. *ам* 'рот' — *амь* 'жизнь' (ср. стп.-м. *aman* — *amin*), *хар* 'черный' — *харь* 'чирный' (ср. стп.-м. *qara* — *qari*), *бар* 'тигр' — *бяр* 'сила, мощь' (ср. стп.-м. *bar* — *bara*), *налах* 'прислоняться, облакачиваться' — *нялах* 'размазывать' (ср. стп.-м. *naluqi* — *niyaqi*) и т.п. Таких слов в халха-монгольском языке в которых **i* исчезло, оставив после себя палатализацию согласного, насчитывается десятки, если не сотни.

Однако палатализованные согласные, возникшие в монгольских языках как следствие влияния **i*, не всегда совпадают по языкам, что свидетельствует о неравномерности этого процесса. Сравним некоторые примеры:

Бур.	Даг.П	Дархат.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.
<i>мяхан</i>	<i>м'ага</i>	<i>махă</i>	<i>мах</i>	<i>махн</i>	<i>miqan</i> 'мать'
<i>нялха</i>	<i>н'алхă</i>	<i>налхă</i>	<i>нялх</i>	<i>нилх</i>	<i>nilqa</i> 'младенец'
<i>нюдэн</i>	<i>н'ид ~ н'идэ</i>	<i>н'удэ ~ нудэ</i>	<i>нуд</i>	<i>нудн</i>	<i>nidün</i> 'глаз'
<i>нурган</i>	<i>н'ирô</i> 'конек кры- ши'	<i>н'ургаң</i>	<i>нуруу</i>	<i>нурһн</i>	<i>niruyun</i> 'спина'
<i>нёлбоһон</i>	<i>н'омбос</i>	—	<i>нулимс</i>	<i>нульмси</i>	<i>nilbusun</i> 'слеза'
<i>орёо-</i>	<i>ор'ё-</i>	—	<i>ороо-</i>	<i>ора-</i>	<i>oriya-</i> 'обвертывать'
<i>таряан</i>	<i>тар'ё</i> 'пашня'	—	<i>тариа</i>	<i>тэрэн</i>	<i>tariyan</i> 'хлеб, ...'

Бур.	Даг.П	Дархат.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.
хонин	хон' ~ хон'ї	хон'їң	хонь	хөн	qonin 'овца'
морин	мор' ~ мор'ї	мор'їң	морь	мөрн	morin 'лошадь'
хуби	хоб'ї	хуб'я	хувь	хув	qubi 'доля, удел'
амин	ам'ї	ам'їң	амь	эмн	amin 'жизнь'
арюун		ар'уң	ариун	арун	arjün 'чистый'
нюур		н'ур	нуур	нур	niyug 'лицо'
хурьган	-	хур'игяң	хурга	хурһн	quragan 'ягненок'

Как можно видеть из примеров, в бурятском языке совпадений среди палатализованных согласных гораздо больше с дагурским и дархатским языками, что свидетельствует о некоторой однотипности этих языков. Халхаский же и калмыцкий зачастую просто переводят слова из твердого ряда в мягкий, особенно это характерно для калмыцкого языка. Но в то же время, как подтверждает приводимый выше материал, и в халхаском, и в калмыцком имеется достаточно много слов, в которых представлены палатализованные гласные. Однако, отдавая дань справедливости, следует все же отметить, что в отношении палатализации согласных бурятский язык остается среди современных монгольских языков поистине непревзойденным. В нем палатализация согласных проявляется в громадном количестве слов, где ее нет ни в халхаском, ни в калмыцком языках (ввиду ограниченности материалов по языку дагуров и дархатов их данные не приводим). Ср., например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	МА	Значение
нютаг	нутаг	нутг	nituy	nutuq	кочевье
нюу-	нуу-	нуу-	niyu-	ni'ü-	прятать
няа-	наа-	наа-	niya-	ni'ä-	клеить
хюмһан	хумс	хумсн	kimusun	qimusun	ноготь
нюха-	нух-	нух-	niqu-	-	размять
заряа	зараа	зара	jarıy-a	jarı'ä	еж
буляа-	булаа-	була-	buliya-	-	отнять
долёо-	долоо-	доло-	doliya-	dol'ä-	лизать
элеэ	элээ	элэ	eliye	-	коршун
эрезн	эрээн	эрэн	eriyen	-	пестрый
нюдэ-	нүд-	нүд-	nidü-	-	толочь
эдеэн	идээ	идэн	idegen	ide'ēn	пища
булезн	булээн	булэн	büliyen	-	теплый

Как видно из примеров, палатализация в бурятском языке представлена в мягкорядных словах, если в них в прошлом был этимологический *i. Таким образом, является закономерностью развитие в бурятском

языке палатализации там, где после палатализованного согласного исторически был гласный *i независимо от принадлежности слова к твердому или мягкому ряду. Во всех приводимых выше примерах твердорядных и мягкорядных слов на месте *i развились уже другие гласные, что явилось следствием так называемого перелома *i, который исчез, оставив после себя палатализацию согласного. В тех же случаях, где не развилась палатализация согласного, как, например, во многих случаях в халхаском и калмыцком языках, особенно в халхаском, хотя в бурятском языке имеется палатализация, а в старописьменном монгольском сохраняется гласный *i, там, действовали другие причины и следует искать другое объяснение, нежели влияние *i.

Дело в том, что, как уже упоминалось выше, в истории монгольских языков восстанавливается система вокализма, для которой был характерен гласный *i, твердорядный антипод мягкорядного гласного *i [см. Владимирцов, с. 118—123, 170—190]. Система была такова:

Задний ряд:	a	o	u	ï	ǎ	ǎ	ǎ
Передний ряд:	e	ö	ü	i	ǐ	ǐ	ǐ

Эта система получила выражение и в начальном этапе развития старомонгольской письменности на основе уйгурского алфавита. При этом по свидетельству Б.Я. Владимирцова [с. 120—121], мягкорядный i (ǐ) сочетался только со знаком k и g (буквой kâph 𐰽), например: kiged 'и эндекин 'здесьние', činggis 'Чингис', sedkiǐü 'подумав', а твердорядный i (ǎ) сочетался с q и γ (буквой heth 𐰽~𐰽), например: joǎiqu 'годиться', orǎil 'вершина', urǎdaqǐ 'прежний', taǎiǎcid 'приносящие жертву', qǎlin 'грех', qǎjaǎar 'граница, край'. Уже, вероятно, в половине XIII в. монголы перестали различать в произношении ï и i. Гласный ï слился с гласным i. Аналогичную картину мы наблюдаем и в языке современных уйгуров, которые перестали различать гласные ï и i. У них как в твердом, так и в мягком ряду представлена одна фонема i. В твердорядных словах она сочетается с увулярными согласными, а в мягкорядных — с заднеязычными, например:

Др.-тюрк.	Кирг.	Уйг.	Узб.	Значение
qiz	qiz	qiz	qiz	дочь
qizil	qizil	qizil	qizil	красный
ayir	oor	eyir		тяжелый
qirq	qirq	qiriq	qirq	сорок
iki, eki	eki	ikki	ikki	два

"И — исторически возникло в результате конвергенции контрастирующих пар гласных ы и i в одной индифферентной фонеме" [Кайдаров, с. 366].

Аналогичное развитие ы и i в одну фонему i произошло и в узбекском языке, по всей вероятности под влиянием уйгурского языка, с которым они объединяются в одну карлукско-хорезмийскую подгруппу, входящую в карлукскую группу тюркских языков [см.: Баскаков, с. 29, 30].

Хотя еще в XIII в. в произношении монголы перестают различать ï и i, но по традиции в письменности, сохраняющей уйгурское начертание

вплоть до XVI в. продолжали писать буквосочетания *qī* и *γī* в твердорядных словах, а *kī* и *gī* в мягкорядных. В конце XVI в., когда была произведена реформа монгольской письменности, которая устранила архаизмы, непонятные пишущим и читающим на этом языке, изменила начертание букв и ввела некоторые новые знаки (галик), было устранено и написание *qī*, *γī*. Вместо них в твердорядных словах стали писать буквосочетания *kī*, *gī*, например: *orgil* 'вершина' (вм. *orγil*), *kījaγar* 'граница' (вм. *qījaγar*), *joqīqu* 'годиться' (вм. *joγīqu*), *takiqu* 'приносить жертву, чтить' (вм. *taqīqu*) [см.: Владимирцов, с. 122].

Под влиянием переломов гласного **i* → *i*, начавшихся еще в дописьменный период монгольских языков (по Санжееву [1953, с. 109], 1-й перелом произошел около VII–X вв., 2-й – X–XII вв., 3-й – XIV–XVI вв.), в монгольских языках на месте *i* и *i* развились другие гласные. В приводимых выше примерах из бурятского языка, сохраняющих палатализацию на месте **i*, перелом этого гласного происходил в довольно позднее время. Во всяком случае тогда, когда на месте **i* в твердорядных словах уже развился переднерядный *i*. То, что в халха-монгольском и калмыцком языках в этих словах отсутствует палатализация согласных и они произносятся твердо, свидетельствует о переломе, произошедшем еще тогда, когда здесь произносился заднерядный *i*.

Развивая теорию переломов *i*, выдвинутую Г.И. Рамstedтом [см.: 1908] и обоснованную Б.Я. Владимирцовым, Г.Д. Санжеев [1953, с. 119] справедливо пишет: "Палатализация, как фонологически значимый фактор, представляет собой явление, которое обязательно своим происхождением именно влиянию гласного *i*, действующему и после исчезновения этого гласного, и относится к периоду второго и третьего переломов *i*. ... В условиях первого перелома гласного **i*, еще не перешедшего в передний ряд, т.е. не ставшего гласным *i*, палатализация не имеет места, например: халхаск. *мах* ← *мака* ← *мiка* 'мясо' = бур. *махā* ← *миха* ← *мика* ← *мика*; халхаск. *нāх* ← *нагаху* ← *нигаху* ← *нигаху* 'кленить' = бур. *нāха* ← *нигаху* ← *нигаху* ← *нигаху*. В ойратском языке ... именно под влиянием гласного *i* слова заднего ряда переходят в передний ряд..."

Таким образом, продолжая и развивая эту мысль, мы можем восстанавливать в тех случаях, где отсутствует палатализация, хотя в старописьменном монгольском языке и пишется *i*, гласный **i*, который претерпел перелом еще на этой стадии. Пользуясь этим правилом, мы можем предполагать, например, для халхаского, калмыцкого и бурятского языков следующие праформы:

Калм.	Х.-монг.	Праформа	Бур.	Праформа	Значение
<i>махн</i>	<i>мах</i>	* <i>miqan</i>	<i>м'ахан</i>	* <i>miqan</i>	мясо
<i>нудрн</i>	<i>нударга</i>	* <i>nidurga</i>	<i>н'ударга</i>	* <i>nidurga</i>	кулак
<i>нуте</i>	<i>нутаг</i>	* <i>nituy</i>	<i>н'утаг</i>	* <i>nituy</i>	кочевье
<i>нуу-</i>	<i>нуу-</i>	* <i>niyu-</i>	<i>н'уу-</i>	* <i>niyu-</i>	прятать
<i>хумсн</i>	<i>хумс</i>	* <i>qimusun</i>	<i>х'умһан</i>	* <i>kimusun</i>	ноготь
<i>була-</i>	<i>булаа-</i>	* <i>buliya-</i>	<i>бул'аа-</i>	* <i>buliya-</i>	отнять
<i>ора-</i>	<i>ороо-</i>	* <i>oriya-</i>	<i>ор'оо-</i>	* <i>oriya-</i>	обмотать
<i>дола-</i>	<i>долоо-</i>	* <i>doliya-</i>	<i>дол'оо-</i>	* <i>doliya-</i>	лизать
<i>наа-</i>	<i>наа-</i>	* <i>niya-</i>	<i>н'аа-</i>	* <i>niya-</i>	кленить

Опираясь на эту закономерность, мы можем также предполагать, что в тех единичных словах бурятского языка, в которых отсутствуют палатализованные согласные, хотя в других монгольских языках они представлены, перелом произошел тоже еще на стадии *i. Ср., например:

Бур.	Праформа	Калм.	Х.-монг.	Праформа	Значение
<i>буруу</i>	*birayu	<i>буру</i>	<i>б'аруу</i>	*birayu	теленек
<i>нарай</i>	*nirai	<i>нирэ, нира</i>	<i>н'арай</i>	*nirai	новорожденный
<i>ургы</i>	*irγui	—	<i>яргуй</i>	*irγui	подснежник

В истории монгольских языков перелом i~i начался и проходил в раннее время и завершался отнюдь не синхронно. По-видимому, тенденция перелома i~i, связанная с тем, что эти гласные, занимая неустойчивую позицию, вероятно, в слабом слоге, стали ассимилироваться гласным сильного слога¹, началась очень давно, еще на стадии *i и продолжалась и завершалась уже на стадии i. В халхаском языке эта тенденция еще по-видимому, не совсем изжила себя, так как в устной речи словоформы типа *бид нар* 'мы', *перевоз* (< русск.) произносятся как *б'аднар*, *б'арвад*. В бурятском языке массовый перелом начался относительно поздно, уже на стадии i, в то время как в халхаском и калмыцком довольно рано, на что указывает значительное количество словоформ без палатализации согласного. В бурятском языке в этих словах палатализация.

Но в то же время и в этих языках имеется целый ряд слов, в которых перелом произошел на стадии i, следствием чего явилась палатализация согласных, например:

Калм.	Х.-монг.	Бур.	Стп.-м.	Значение
<i>аля</i>	<i>алиа</i>	<i>аляа</i>	<i>aliya</i>	озорник
<i>суня-</i>	<i>суниа-</i>	<i>хуняа-</i>	<i>suniya-</i>	потягиваться
<i>ханя-</i>	<i>ханиа-</i>	<i>ханяа-</i>	<i>qaniya-</i>	кашлять
	<i>боль</i>	<i>боли</i>	<i>boli</i>	перестань

Форм без палатализации в монгольских языках все же не так много. Основная масса слов, в которых в старомонгольском языке был представлен i, и в халхаском и в калмыцком языках претерпела перелом на стадии i, на что указывает палатализация. Ср., например, халхаские слова типа *бляцхан* (стп.-м. bičiqan) 'маленький', *мянга* (стп.-м. mingyan) 'тысяча', *хятай* (стп.-м. kitai) 'тонкие кишки лошади', *хяр* (стп.-м. kira) 'гребень горы', *мягт* (стп.-м. niγta) 'плотно', *хялбар* (стп.-м. kilbar) 'легкий', *хярмаг* (стп.-м. kirmay) 'пороша', *хянах* (стп.-м. kinaqu) 'контролировать', *хялгас* (стп.-м. kilyasun), 'конский волос', *мяндас* (стп.-м. mindasun) 'шелковая нить', *нялх* (стп.-м. nilqa) 'новорожденный', *хямд* (стп.-м. kimda) 'дешевый', *хялгана* (стп.-м. kilγana) 'ковыль' и т.п. В бурятских параллелях ко многим из этих халхаских слов в основном тоже представлены палатализованные согласные, например:

¹ Близок к истине был Б.Я. Владимирцов [с. 190], предполагая, что "монг.-письм. i < *i и i < *i является фонемой слабой, легко подвергающейся в дальнейшей жизни языка различным изменениям и легко уступающей место другим фонемам".

Х.-монг.	Бур.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>мянга</i>	<i>мянган</i>	<i>миңһн</i>	<i>mingyan</i>	тысяча
<i>хятай</i>	<i>хята</i>	<i>кит</i>	<i>kitai</i>	тонкие кишки лошади
<i>хяр</i>	<i>хяра</i>	<i>кир</i>	<i>kira</i>	гребень горы
<i>нялх</i>	<i>нялха</i>	<i>нилх</i>	<i>nilqa</i>	младенец
<i>нягт</i>	<i>нягта</i>	<i>нигт</i>	<i>niyta</i>	плотный

В калмыцком языке, как видно из примеров, перелом гласного *i в этих словах не произошел, что говорит о том, что тенденция перелома i в калмыцком языке завершилась и перестала действовать гораздо раньше, чем это произошло в халхаском и бурятском языках. В последних двух языках перелом гласного i наблюдается во многих словах там, где в калмыцком этот i остался без перелома, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>жабар</i>	<i>жавар</i>	<i>живр</i>	<i>ǰibar</i>	холодный ветер
<i>жада</i>	<i>жад</i>	<i>жид</i>	<i>ǰida</i>	лика, штык
<i>жарга-шанар</i>	<i>жарга-чанар</i>	<i>жирһ-чинр</i>	<i>ǰirya-činar</i>	наслаждаться качество
<i>шагна-шадал</i>	<i>чагна-чадал</i>	<i>чиңн-чидл</i>	<i>čingna-čidal</i>	слушать сила, мощь
<i>шарай*</i>	<i>царай</i>	<i>чирэ</i>	<i>čirai</i>	лицо

Однако имеется и большое отличие бурятского языка от халха-монгольского в том, что бурятский, как и калмыцкий, все же в очень большом количестве слов сохранил древний гласный *i непереломленным, хотя согласный перед ним получил палатализацию. В халхаском же языке в этих случаях перелом i произошел. Это свидетельствует о том, что перелом гласного *i проходил в этих языках по-разному, довольно рано прекратившись в калмыцком и бурятском языках и продолжаясь в халха-монгольском языке, в котором она еще действует. Сравним для примера ряд слов из этих языков, имевших гласный *i:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>бишыхан</i>	<i>бяхан</i>	<i>бичһн</i>	<i>bičiqan</i>	маленький
<i>илааһан</i>	<i>ялаа</i>	<i>илэһн</i>	<i>ilaγa(n)</i>	муха
<i>илгаха</i>	<i>ялгах</i>	<i>илһх</i>	<i>ilyaqu</i>	различать
<i>илзарха</i>	<i>ялзрах</i>	<i>илжрх</i>	<i>ilǰaraq</i>	гнить
<i>инаг</i>	<i>янаг</i>	<i>иньг</i>	<i>iṅaγ</i>	возлюбленный
<i>миндаһан</i>	<i>мяндас</i>	<i>миндсн</i>	<i>mindasun</i>	шелковая нить
<i>хилбар</i>	<i>хялбар</i>	<i>килвр</i>	<i>kilbar</i>	легкий
<i>хилгана</i>	<i>хялгана</i>	<i>килһн</i>	<i>kilyana</i>	ковыль
<i>хима</i>	<i>хям</i>	<i>ким</i>	<i>kima</i>	колбаса
<i>хиргаха</i>	<i>хяргах</i>	<i>кирһх</i>	<i>kiryaqu</i>	стричь
<i>хирмаг</i>	<i>хярмаг</i>	<i>кирмаг</i>	<i>kirmay</i>	пороша
<i>хянаха</i>	<i>хянах</i>	<i>киһх</i>	<i>kinaqu</i>	проверять
<i>бидэнэр</i>	<i>бяднар</i>	<i>бидн</i>	<i>bidanar</i>	мы

Кроме того, имеется ряд слов, в которых гласный, образовавшийся в результате перелома *i, стоит сейчас после согласных й, дз (орф. з), дж (орф. ж), ч, ц, ш в халхаском языке; после й, з, ж, ш, с в бурятском и

после *й, дж* (орф. *ж*), *з, ш, ц, ч* в калмыцком. Эти согласные не имеют здесь явно выраженной палатализации, как мы наблюдали в случаях смычными согласными, рассмотренными выше, поэтому на первый взгляд трудно решить, на какой стадии произошел перелом, на стадии **i* или стадии **i*. Отсутствие палатализации должно бы формально говорить в пользу **i*. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что далеко не так. И здесь перелом произошел на стадии **i* во всех привлеченных трех языках (халха-монгольском, калмыцком и бурятском), о чем свидетельствует уже само наличие указанных согласных, происхождение которых в монгольских языках связано именно с гласным **i*. Слова следующие:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>зааха</i>	<i>заах</i>	<i>заах</i>	<i>ʃiyaqu</i>	указывать
<i>загахан</i>	<i>загас</i>	<i>загасн</i>	<i>ʃiyasun</i>	рыба
<i>зургаан,</i> <i>жоргоон,</i> <i>јоргоон</i>	<i>зургаан</i>	<i>зурхан</i>	<i>ʃirγuγan</i>	шесть
<i>зураха</i>	<i>зурах</i>	<i>зурх</i>	<i>ʃiruqu //</i> <i>// ʃuruqu</i>	чертить
<i>зурхэн</i>	<i>зурх</i>	<i>зурхн</i>	<i>ʃirüken</i>	сердце
<i>жолоо</i>	<i>жолоо</i>	<i>жולי</i>	<i>ʃiluya</i>	поводья
<i>жороо</i>	<i>жороо</i>	<i>жора</i>	<i>ʃiruya</i>	иноходец
<i>жүтөөн</i>	<i>жөтөө</i>	<i>жүтэн</i>	<i>ʃitügen</i>	ревность
<i>жуһэн</i>	<i>зус</i>	<i>зусн</i>	<i>ʃisün</i>	масть
<i>шааха</i>	<i>шаах</i>	<i>шаах</i>	<i>ʃiyaqu</i>	вбивать
<i>шабаха</i>	<i>шавах</i>	<i>шавх</i>	<i>ʃibaqu</i>	обмазывать
<i>шабар</i>	<i>шавар</i>	<i>шавр</i>	<i>ʃibar</i>	глина, грязь
<i>шара</i>	<i>шар</i>	<i>шар</i>	<i>ʃira</i>	желтый
<i>шараха</i>	<i>шарах</i>	<i>шарх</i>	<i>ʃiraqu</i>	жарить
<i>шоно</i>	<i>чоно</i>	<i>чон</i>	<i>činu-a</i>	волк
<i>шубуун</i>	<i>шувуу</i>	<i>шовун</i>	<i>ʃibaγun</i>	птица
<i>шулуун</i>	<i>чулуу</i>	<i>чолун</i>	<i>čilayun</i>	камень
<i>шуһан</i>	<i>цус</i>	<i>цусн</i>	<i>čisun</i>	кровь
<i>шүдэн</i>	<i>шүд</i>	<i>шүдн</i>	<i>ʃidün</i>	зуб, зубы
<i>шулэн</i>	<i>шөл</i>	<i>шөлн</i>	<i>ʃilün</i>	бульон
<i>сүлөө</i>	<i>чөлөө</i>	<i>чөлэн</i>	<i>čilüge</i>	свобода
<i>ямаан</i>	<i>ямаа</i>	<i>яман</i>	<i>imayan</i>	коза
<i>яргай</i>	<i>яргай</i>	<i>ярһэ</i>	<i>irγai</i>	кизил

В старомонгольском языке этим согласным соответствуют шипящие аффрикаты *ʃ* и *č*, гласный *i*, очень узкий и палатальный уже сам по своей природе, получивший в этих языках протетический *j*, который в данном случае остался после перелома *i*, и щелевой шипящий согласный *š*, возникший из **s*. Сами шипящие *ʃ*, *č* и *š* развились, по общепринятой и широко известной в монголоведении теории из **d*, **t* и **s* в позиции перед **i*. После того как **i* → *i*, ранние сочетания **d**i*, **t**i*, **s**i* перешли в **d**i*, **t**i*, **s**i*. Согласные *d*, *t* и *s* превратились здесь в мягкие шипящие аффрикаты *ʃ* и *č* и шипящий проточный *š*. Таким образом, и в приве-

ных выше словах, хотя начальные согласные современных языков *й, ш, ж, з, ц, ч, с* не имеют противопоставленных пар по палатализованности и непалатализованности, мы можем с твердой уверенностью сказать, что и в них перелом произошел на стадии *i*, когда уже развились *й, щ и ж* из **i, *t и *s* в позиции перед *i*. А бурятские словоформы *шуһан* 'кровь', *жоргоон* 'шесть', в которых *ш* и *ж* закономерно развились непосредственно из шипящих аффрикат *щ и ж*, хотя в халхаском и калмыцком здесь свистящие звуки *ц* и *дз~з*, дополнительно свидетельствуют, что это была стадия *i*, а не **i*.

Итак, перелом, захватив **i*, главным образом в халхаском и калмыцком языках, продолжал развиваться еще и на стадии, когда **i* перешел в *i*, результатом чего явилась палатализация смычных согласных и формы с *й*, аффрикатами и *ш*, характерные для всех трех языков, халхаского, калмыцкого и бурятского. Далее, заглохнув по каким-то причинам в калмыцком (ойратском) языке, а затем и в бурятском, тенденция перелома *i* сохраняется и продолжает действовать в халха-монгольском языке. В результате в халхаском после исчезновения *i* осталась палатализация согласных, а в бурятском после палатализованных согласных гласный *i* продолжает сохраняться, так и не претерпев перелома. В калмыцком языке сохранилось гораздо больше форм с гласным *i*, который не претерпел перелома, но палатализации в калмыцком не развилось, как это произошло в бурятском языке. Для калмыцкого языка исследователями [см.: Биткеев 1964, с. 22] устанавливается либо переход всего слова в мягкий ряд, либо наличие смягченных вариантов согласных. В некоторых случаях и в калмыцком развились палатализованные согласные, но они представлены в разрозненных словах и не образуют целостной системы палатализованных фонем, противопоставленных непалатализованным, как это развилось в халхаском и бурятском языках.

Тенденция палатализовать согласные перед *i* сохраняется в бурятском языке довольно устойчиво. Под ее влиянием палатализация согласных появилась в современном бурятском языке даже там, где не было исторического **i*, а *i* в бурятском языке развился из **e*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>т'иимэ</i>	<i>тийм</i>	<i>тиим</i>	<i>teyimü</i>	такой
<i>т'ишхэ</i>	<i>тэгэх</i>	<i>тишгх</i>	<i>teyikü</i>	делать так
<i>д'ишлэхэ</i>	<i>дийлэх</i>	<i>дишлх</i>	<i>deyilekü</i>	победить
<i>н'ишлэхэ</i>	<i>нийлэх</i>	<i>нишлх</i>	<i>neyilekü</i>	соединиться
<i>эд'ир</i>	<i>идэр</i>	<i>идр</i>	<i>ider</i>	молодой
<i>эд'ихэ</i>	<i>идэх</i>	<i>идх</i>	<i>idekü</i>	кушать, есть
<i>эт'игэл</i>	<i>итгэл</i>	<i>иткл</i>	<i>itegel</i>	доверие

Под влиянием этой тенденции палатализация захватывает даже стеченные двух согласных, если они оказывались перед историческим **i*, например: бур. *сэг'х'эл* 'чувство' (ср. стп.-м. *sedkil*, х.-монг. *сэтгэл*), *тур'х'ихэ* 'намазывать' (ср. стп.-м. *türkikü*, х.-монг. *турхэх*), *тар'х'и* 'голова' (ср. стп.-м. *tarki*, х.-монг. *тархи* 'головной мозг').

Под палатализирующим влиянием гласного **i* в бурятских говорах произошли также довольно значительные модификации смычных **g* и **k*.

Так, *g в комплексах -ɣg-, -lg- перед *i в хоринских говорах [см.: Шагдаров 1969, с. 23], а также в сартульском [см.: Бураев 1965, с. 117], цонгольском [см.: Будаев 1962, с. 124] дает палатализованный смычный *ɟ* (вариативно среднеязычный *ʃ*), согласные *ɣ* и *l* при этом тоже получают палатализацию, а заднеязычный *ŋ* переходит в разряд переднеязычных. В западных же бурятских говорах здесь развился щелевой среднеязычный *j* [см.: Шагдаров 1969, с. 23], например:

Стп.-м.	Х.-монг.	Лит.-бур.	Хор.	Сарт.	Цонг.	Зап.-бур.
anggir	ангир	ангир	ан'д'ир	ан'д'ир	ан'д'ир	ан'jar 'турпан'
manggir	мангир	мангир	ман'д'ир	ман'д'ир	ман'д'ир	ман'jar 'дикий лук'
dolgiyan	долгион	долгёон	дол'д'он	дол'дон	долдон	дол'joon 'волна'
jalgi-	залги-	залги-	зал'д'и-	зал'д'и-	зал'д'и-	зал'ja-'глотать'

Появление смычного сильно палатализованного *ɟ* (по нашим наблюдениям среднеязычного смычного *ʃ*) на месте *g перед *i* в этих же комплексах отмечается также в нижеудинском говоре [см.: Санжеев 1968, с. 3], например: *tên'd'é* 'опорный столб в юрте' (ср. лит.-бур. *tээнгэн'д'эр* 'небо' (ср. стп.-м. *tngri*, лит.-бур. *тэнгэри*), *ман'д'ihāɣ* 'дикий лук' (ср. стп.-м. *manggirsun*, лит.-бур. *мангир*).

Смычный же сильно палатализованный *ɟ* развился здесь и в говорах окинских бурят, например: окинск. *ман'д'ihān* 'дикий чеснок', *tээнгэн'д'эр* 'опорный столб в юрте', *ан'д'ир* 'турпан'.

Согласный *g перед *i в позиции после дрожащего *ɣ* и *l* в интервокальном положении почти во всех бурятских говорах [см.: Шагдаров 1969, с. 23; Абашеев, с. 11; Будаев 1965, с. 159; Митрошкина 1968, с. 114; Матхеев 1956, с. 114] переходит в щелевой среднеязычный *j* как в корневых словах, так и в аффиксах, например:

Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Бур.	Значение
ergi	эрэг	эрг	эрье	берег
burgi-	бурги-	буркр-	бурья-	клубиться
bayagi-	бааги-	-	баая-	клубиться (о др.)
jasay-i	засгийг	засгиг	засае	власть (вин.п.)
bulay-i	булгийг	булгиг	булае	родника
čigi	ч	чиги	шье	уступ. частица
ergineg	эргэнэг	эргнег	эрьенэг (тунк.)	посудный шкаф
agi	агь	эгь	ая	польнь
ergi-	эрги-	эрг-	эрье-	кружиться
qargi	харги	-	харья	быстрина на реке

В то же время в восточных бурятских говорах, а через них и в восточном литературном языке наряду со случаями перехода палатализованного *ɟ* в щелевой *j*, широко распространенными в западных бурятских говорах, отмечаются моменты сохранения этого *ɟ* (вост.-бур. *ɟ* свидетельствует о том, что процесс ослабления смычки, обуслов-

переход $g' \rightarrow j$, захвативший когда-то и восточные бурятские говоры, давно в них прекратил свое действие, продолжаясь, напротив, в западных бурятских говорах и широко их захватив. Примеры:

Стп.-м.	Х.-монг.	Лит.-бур.	Вост.-бур.	Зап.-бур.
jalgi-	залги-	залги-	зал'д'и-	зал'жа- 'глотать'
bulgi-	бул а-	булги-	бул'д'и-	бул'жа- 'сбрасывать — о коне'
yanggina-	гангина-	гангина-	ган'д'ина-	ган'jana- 'визжать'
qanggil	хангил	хангил	хан'д'ил	— 'гольцы'

Исторический *g перед *i в восточных говорах и в литературном языке в анлауте тоже дает щелевой j, в западных же говорах g в этой позиции сохраняется, например:

Стп.-м.	Х.-монг.	Лит.-бур.	Зап.-бур.	Значение
gilayi-	гялай-	ялай-	гилай-	сверкать
gilalja-	гялалза-	ялалза-	гилалза-	сиять
gilba-	*гялба-	ялба-	гилба-	сверкать
giliyi-	гилий-	елы-	гилы-	блестеть
gileger	гилгэр	елэгэр	гилгээр	лоснящийся

Переход палатализованного переднеязычного *g в среднеязычные ʃ и j объясняется тем, что под влиянием гласного i , артикуляция которого совпадает со среднеязычной артикуляцией у согласных, этот g начинает образовываться смычкой средней части спинки языка, что как раз и дает среднеязычный смычный ʃ , весьма близкий акустически к сильно палатализованному d' , являясь для бурятского языка, видимо, его произносительным вариантом. В случае же фрикативного произнесения этого g' перед i получается щелевой среднеязычный звук j . Для современных бурятских говоров произнесение g как щелевого или как смычного звука представляет собой сугубо вариативное явление. Так, общебурятское слово: *убгэн* 'старик' в одних говорах и даже одними лицами произносится со щелевым g как $\text{ubg}^{\text{h}}\text{en}$, а в других — со смычным g — $\text{ubg}^{\text{v}}\text{en}$. Произношение g как щелевого звука в бурятском языке связано с действием общей тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов, как и сам переход палатализованного g' в щелевой j .

Перехода *gi в j i не произошло, по свидетельству Д.Г. Дамдинова [1968, с. 86], в языке ононских хамниган, которые сохраняют сочетание gi без изменения во всех позициях в слове, например: хамниг. *гилагар* 'блестящий' (лит.-бур. *ялагар*), хамниг. *эргикү* 'кружиться' (лит.-бур. *эрхэхэ*), хамниг. *царги харг'уи* 'утоптанная, проторенная дорога' (лит.-бур. *сарья харгы*), хамниг. *хонончиги* 'с ночлегом' (лит.-бур. *хононшье*).

Под влиянием i палатализуется также исторической согласный *k. При этом в говорах с этим *k в позиции перед i произошли различные модификации.

Так, в восточных говорах, как и в литературном бурятском языке,

на месте исторического комплекса *ki в анлауте развилось сочетание х'и, т.е. *k ослабился и перешел в проточный согласный, палатализация осталась, например: х'иима 'колбаса', х'ии 'воздух', сэт'х'эл 'душа', тар'х'и 'голова', ар'х'и 'водка'. В то же время в непервых слогах перед *i в восточных говорах дает палатализованный смычный т', отраженный в литературном языке в виде хи, например: вост.-бур. хал'тан, лит.-бур. халхин — стп.-м. salkin 'ветер'; вост.-бур. там'тан, лит.-бур. тамхин — стп.-м. tamaki 'табак' и т.п. [см.: Шагдаров 1967, с. 97].

Палатализованный шелевой х' представлен в сартульском говоре [см.: Бураев 1965, 116], например: х'иихэ 'делать', цах'уур 'кремень', цох'и 'удар'; в цонгольском говоре [см.: Будаев 1965, с. 153, 158, 159], например: эр'хим 'лучший', эм'хи 'порядок', х'иисхэ 'нестись по ветру', цорх'и 'куропатка', х'ялгоос 'конские волосы'.

В языке олонских хамниган комплексе *ki в основном сохраняется не переходя в шелевой х' [см.: Дамдинов 1968, с. 85, 88], например: к'овер (стп.-м. kioes), кий 'сухой навоз для подстилки' (ср. як. др.-тюрк. qiy 'навоз'), кируу 'иной' (стп.-м. kirayu), киргахэ 'стп.' (стп.-м. kirgaxu), кисуур 'скобель' (стп.-м. kisuyur). Иногда, особенно в непервых слогах, *ki дает в хамниганском т'и, например: салти//сэ 'ветер', талти//талки 'кожемялка', кунтинэку 'гудеть' (ср. лит. хунхинэхэ id.).

Палатализованный х' на месте исторического комплекса *ki сохраняется в качугском говоре [см.: Митрошкина 1968, с. 52], например: тах'я 'кураца', тамхин 'табак', мул'хихэ 'ползать'.

В тункинском говоре [см.: Абашеев, с. 11] отмечаются случаи сохранения х', так и перехода его в палатализованный свистящий с', например: с'ит//х'иу 'сухой навоз', тах'я 'кураца', с'эрхо//х'эрхо 'наблюдательный', с'юруу//х'юруу 'иной', с'яра 'гребень горы' (лит. хяра), эрс'ин 'колотая колода двери' (лит. эрхин), хальс'ин 'ветер' (лит. халхин).

По свидетельству Н.Н. Поппе [1930а, с. 8], это же характерно для аларских бурят, например: дах'иң~дас'иң 'опять', х'и~с'и 'сухой'.

В окинском говоре, по нашим наблюдениям, на месте *ki, как правило, выступает палатализованный х', например: сах'иха 'высекать огонь' (çakiqu), сах'уур 'кремень' (стп.-м. çakiyur), х'алгана 'ковыль' (kilyana), х'уруу 'иной' (стп.-м. kirayu), х'армаг 'пороша' (стп.-м. kirjarmag), жэрх'и 'бурундук' (стп.-м. jirki), х'ах'иха 'стеречь' (стп.-м. sakiqu), 'жевательная сера' (стп.-м. boki). Но в то же время в единичных случаях встретился смычный палатализованный т', например: хальт'ин 'ползти', а также палатализованный свистящий с', который встречается в произношении с х', например: сох'ихо~сос'ихо 'бить' (стп.-м. soki), дах'ин~дас'ин 'еще, опять', орх'ихо~орс'ихо 'бросать', арх'и~арс'и 'табак'. Встретились предложения, в которых *ki в единичных словах дал разные рефлексy, например: саархан хал'т'инда 'бумагу унесло ветром' (ср. лит.-бур. саархан халхинда хиидээ id.).

В боханском говоре отмечается переход палатализованного х' сразу в с', т' и ш', что правильно объясняется М.П. Хомоновым слабостью людей к разным родовым группам [см.: 1965, с. 46—47].

Улус Тараса	Улусы Эрхидэй, Шаралдай	Улус Обуса	Лит.-бур.	Значение
<i>арси</i>	<i>арши</i>	<i>арти</i>	<i>архи</i>	водка
<i>тамси</i>	<i>тамши</i>	<i>тамти</i>	<i>тамхи</i>	табак
<i>сируу</i>	<i>шируу</i>	<i>тируу</i>	<i>хюруу</i>	иней

Для эхирит-булагатского говора характерен переход *х'* в шипящий щелевой *ш* [см.: Матхеев 1956, с. 115], например: *арша* 'водка', *тамишан* 'табак', *шалар* 'косой' (лит.-бур. *хилар*, стп.-м. *kilar*), *ташаа* 'курица' (лит.-бур. *тахяа*, стп.-м. *takiya*), *эршэн* 'верхняя колода двери' (лит.-бур. *эрхин*, стп.-м. *erkin*), *шилгааһан* 'конский волос' (лит.-бур. *хилгааһан*, стп.-м. *kilyasun*), *тарша* 'голова' (лит. *тархи* id., стп.-м. *tarki* 'головной мозг').

Нижнеудинский говор [см.: Санжеев 1930, с. 2; Дарбеева 1978, с. 49–50] дает отражение исторического **k* перед **i* в виде палатализованного смычного *т'*, например: *һал'т'иң* 'ветер', *хан'т'іркә* 'звенеть' (лит.-бур. *хан-хирха*), *арт'а* 'вино', *тамт'а* 'табак', *т'уруу* 'иней'.

Такой же разнобой, как и в боханском говоре, отмечается и у аларо-унгинских бурят [см.: Бураев 1968, с. 132], которые варьируют произношение *с'*, *х'*, *ш'*, *т'*.

Таким образом, исторический **k* перед **i* палатализуется во всех бурятских говорах и при этом отражается в виде *к'*, *х'*, *т'*, *с'*, *ш'*, что указывает на разнообразные разновременные фонетические процессы, имевшие место в бурятских говорах. *Т'* в массовом количестве представлено у нижнеудинцев, хотя встречается у хамниган и спорадически в восточных говорах. Сохранение смычного характера исторической фонемы **k* явилось причиной того, что вместо палатализованного *к'* выступает тоже смычный палатализованный *т'*. Переход *к'* в *т'* мог произойти через промежуточную степень в образе среднеязычного смычного согласного *ћ*, который очень близок по артикуляции к *к'*. Затем, под действием тенденции развития переднеязычной артикуляции на месте среднеязычной, особенно при эволюции аффрикат, развившихся из палатальных смычных согласных, захватившей монгольские языки на определенном этапе развития их звуковых систем, этот среднеязычный согласный *ћ* закономерно перешел в обычный переднеязычный палатализованный *т'*. Для типологии напомним чередование палатализованных *т'* и *к'* в русских диалектах: *т'есто*~*к'есто*, *т'етрадь*~*к'етрадь* и т.п.

Появление палатализованного смычного *т'* на месте литературного *х* в хоринских говорах свидетельствует о том, что и в этих говорах в тех словах, где представлен *т'*, довольно долго сохранялся смычный характер **k*, так как именно смычный *к*, а не щелевой *х* мог дать смычный же палатализованный *т'*. В тех же говорах, где на месте **k* развились щелевые *х'*, *с'*, *ш'*, сначала произошло ослабление исторического **k* в щелевой *х*, а затем уже *х*, получив под влиянием *i* палатализацию, дал в некоторых говорах, главным образом западнобурятских, модифицированный согласный щелевого же характера. Прав И.Д. Бураев [1968, с. 134], объясняя, что "от заднеязычного *х* образовался *ç* — среднеязычный щелевой глухой звук, который противопоставляется звонкому *ј*. Из *ç* образо-

вались переднеязычные звуки j и s . Наблюдается закономерное передвижение активного органа вперед: $k > x > \zeta > \int > s$. Каждый переход характеризуется сменой только одного фонетического признака: заднеязычность сменяется среднеязычностью, среднеязычность — переднеязычностью. Первоначально произошел переход смьчности на щелиннос-

ЯВЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОСЛАБЛЕНИЕМ НАПРЯЖЕННОСТИ Артикулирующих органов

В истории развития и становления звуковых систем современных монгольских языков, и особенно бурятского, большую роль сыграла тенденция ослабления напряженности артикулирующих органов как согласных звуков, так и у гласных. В системе вокализма эта тенденция теснейшим образом взаимодействовала с изменением акцентуации слогов с перераспределением мест сильных и слабых слогов, что вызвало в свою очередь различные ассимилятивные и диссимилятивные процессы.

Под влиянием этой тенденции ослабления в бурятских говорах произошли довольно значительные и заметные изменения как в области консонантизма, так и вокализма. Рассмотрим все эти изменения в отдельности.

Ослабление артикуляции согласных

Действие этой закономерности в системе бурятского консонантизма повлекло за собой перестройку почти всей системы согласных звуков бурятского языка. При этом в ряде случаев картина эволюции меняется в зависимости от говора или группы говоров. Все эти изменения произошли оттого, что на каком-то этапе развития монгольских языков, в том числе и бурятского, начала действовать тенденция ослабления артикуляции. Возникнуть она могла как спонтанно, так и под воздействием экстралингвистических факторов, одним из которых могло быть действие интратрата. Произшедшая в силу этой тенденции перестройка захватила всю систему консонантизма бурятского языка. Возможно, что тенденция эта попросту связана с общечеловеческой тенденцией к экономии произносительных усилий, проявившей себя во всех языках мира [см.: Серебряков 1974, с. 101].

Как следствие этой причины в системе консонантизма бурятских говоров произошли следующие наиболее существенные изменения.

Переход аффрикат в щелевые

Как известно, аффрикаты состоят из двух компонентов — смьчки и щели. В зависимости от характера смьчки они могут быть переднеязычными, среднеязычными и др., в зависимости от характера щели — шипящими, либо свистящими. По степени участия работы голосовых связок они могут быть глухими или звонкими. Аффрикаты могут произноситься с разной степенью шума.

Когда в общем настрое произносительного аппарата происходит ослабление напряженности артикулирующих органов, то при произнесении аффрикат ослабевает смьчка, самый "напряженный", "трудоемкий" участок в аффрикатах. После ослабления смьчки усиливается щели-

элемент. В зависимости от того, каким был щелевой элемент в аффрикате, таким по характеру будет и щелевой согласный, развившийся на месте аффрикаты после ее ослабления и утраты смычки. Так, шипящие аффрикаты *tʃ* и *dʒ* состоят из смычных элементов *t* и *d* и щелевых шипящих элементов *ʃ* и *ʒ*. Свистящие аффрикаты состоят из смычных компонентов *t* и *d* и свистящих щелевых компонентов *s* и *z*. После ослабления и утраты смычных элементов *t* и *d* на месте *tʃ* и *dʒ* развиваются шипящие щелевые согласные *ʃ* и *ʒ*, а на месте *tʃ* и *dʒ* – свистящие *s* и *z*.

В говорах бурятского языка как раз и произошло такое явление. На месте исконных общемонгольских шипящих аффрикат **č* и **ǰ* (свистящих аффрикат в прамонгольском языке не было) мы находим в бурятском языке щелевые звуки *ʃ*, *ʒ*, *s*, *z*. Наличие свистящих щелевых, которые могут развиваться лишь после утраты смычки свистящими аффрикатами, указывает, что в бурятском языке до начала действия тенденции ослабления смычки у согласных наличествовали и свистящие аффрикаты *č* и *ǰ*, которые из всех монгольских языков имеются ныне лишь в халхаском и калмыцком языках. В других монгольских языках мы имеем здесь шипящие аффрикаты, например:

Стп.-м.	Х.-монг.	Бур.	Калм.	Орд.	Значение
časun	цас	саһан	цасн	džasu	снег
čayan	цагаан	сагаан	цаһан	tšagān	белый
čad-	цад-	сада-	цад-	tšad-	наестся
čisun	цус	шуһан	цусн	džusu	кровь
či	чи	ши	чи	tši	ты
čilayun	чулуу	шулууун	чолун	tšilū	камень
ǰalgi-	залги-	залги-	залг-	džalgi-	глотать
ǰiyasun	загас	загаһан	заһсн	džagasu	рыба
ǰegün	зүү	зуун	зун	džū	игла
ǰajil-	жажил-	жажал-	жажл-	džadžil-	жевать
ǰiluyā	жолоо	жолоо	жола	džolō	поводья

В говорах бурятского языка мы имеем довольно пеструю картину развития аффрикат *č* и *ǰ*, например:

Стп.-м.	Хор.	Эхирит.	Бур. НУ	Юж.-бур.	Значение
ǰida	жада	јада	д'ида	джад	копье
ǰirgal	жаргал	јаргал	ж'иргал	джиргал	счастье
ǰiyasun	загаһан	загаһан	загаһан	дзагасу	рыба
ǰirγuyan	зургаан	жоргоон, јоргоон	д'иргоон, ж'иргоон	дзургаа	шесть
čisun	шуһан	шуһан	шуһан	чусу	кровь
čida-	шада-	шада-	ш'ида-	чида-	мочь
časun	саһан	са'ан	саһан	цасу	снег
čokij-	сохи-	соч'и-, сот'и-	соч'и-	цохи-, цоки-	бить

На месте **č* развились *s*, *ш*, *ц* и *ч*, а на месте **ǰ* – *з*, *ж*, *дз*, *дж*, *ј* и *д'* (его произносительный вариант среднеязычный *ј*). Это развитие отражает различные исторические судьбы и особенности формирования, сложения

тех или иных бурятских племен, их разнообразнейшие связи и взаимоотношения с другими народами.

В зависимости от того, насколько и как модифицировались аффрикаты, все говоры бурятского языка можно разбить на три группы. Одну группу составляют говоры, в которых аффрикаты полностью, во всех позициях утратили смычку и перешли в щелевые звуки. Вторую группу составляют говоры, частично удерживающие в некоторых позициях аффрикаты, хотя в основной массе слов они утрачены. И третью группу составляют говоры, полностью сохраняющие аффрикаты. Рассмотрим подробнее эти группы в отдельности.

В группу говоров, полностью утративших аффрикаты, входят все хорицкие говоры и все западные бурятские говоры, включая тункинский. В них исходные монгольские аффрикаты *č* и *č̣* дали во всех случаях щелевые звуки *ш* и *ж*, *с* и *з*, а также *ј*, например:

Стп.-м.	Хор.	Аларск.	Эхир.-булаг.	Барг.	Тунк.	Качуг.
čiyasun	загаһан	загаһан	загаһан	загуу'ан	загаһан	загу'ун 'рыба'
čirγuγan	зургаан	жоргоон	јоргоон	зургаан	жоргоон	зургаан 'шесть'
čidkü-	зүтхэ-	жүтхэ-	јүтхэ-	зүтхэ-	зүтхэ-	зүтхэ- 'тянут'
čiryal	жаргал	жаргал	јаргал	јаргал	жаргал	јаргал 'счастье'
čigi-	жии-	жии-	зии-	жии-	зии-	зии- 'вытя'
činu-a	шоно	шоно	шоно	шоно	шоно	шоно 'волк'
časun	саһан	саһан	саһан	саһан	саһан	саһан 'снег'

Аффриката *č* во всех этих говорах одинаково дает щелевые *ш* и *с*, причем *с* появляется обычно там, где в халхаэском и калмыцком языках **č* развилась свистящая аффриката *ц*, а *ш* там, где шипящая аффриката *ч*. Но бывают иногда и отклонения от этой закономерности как между бурятскими говорами, так и между монгольскими языками. Примеры:

Стп.-м.	Х.-монг.	Калм.	Хор.	Зап.-бур.	Значение
qačar	хацар	хачр	хасар	хасар	щека
γaγar	гадзар	газр	газар	газар	земля
čögelen	дзөөлөн	жөөлн	зөөлэн	зөөлэн	мягкий
čabči-	цавч-	чавч-	сабиша-	сабиша-	рубить
čisun	цус	цусн-	шуһан	шуһан	кровь
küčün	хуч	кучн	хусэн	хушэн	сила
čaγan	цагаан	цаһан	сагаан	сагаан	белый

Наиболее разнообразное развитие дает в этой группе говоров исходная аффриката **č̣*. Здесь мы видим и *ж*, и *з*, и *ј*. При этом *ј* чаще появляется в эхиритских по происхождению говорах там, где в халхаэском и аларском представлен *ж*, но нередко и *з*. Наличие *ј* отмечено в эхирит-булагатском, боханском, качугском, баргузинском, ошанском

ском. Б.В. Матхеев [1968, с. 6], например, приводит для эхирит-булагатского говора такие соответствия литературному (хоринскому) ж~з, причем эти соответствия представлены лишь в анлауте:

Эхир.-булаг.	Хор.	Стп.-м.	Значение
<i>jarгал</i>	<i>жаргал</i>	<i>ǰirǰal</i>	счастье
<i>jalга</i>	<i>жалга</i>	<i>ǰilya</i>	овраг, лошина
<i>jabар</i>	<i>жабар</i>	<i>ǰibar</i>	холодный ветер
<i>jada</i>	<i>жада</i>	<i>ǰida</i>	копье
<i>jaa</i>	<i>жаа</i>	<i>ǰaya</i>	маленький
<i>jандарган</i>	<i>зандарган</i>	<i>ǰangdurǰan</i>	грубый, резкий
<i>ǰоргоон</i>	<i>зургаан</i>	<i>ǰirǰurǰan</i>	шесть
<i>ǰэрхэ</i>	<i>жэрхи</i>	<i>ǰirki</i>	бурундук
<i>ǰэл</i>	<i>жэл</i>	<i>ǰil</i>	год
<i>ǰүһэн</i>	<i>зүһэн</i>	<i>ǰisün</i>	масть; разный
<i>ǰүтхэхэ</i>	<i>зүдхэхэ</i>	<i>ǰidküü</i>	тянуть; стараться
<i>ǰүһэлээ</i>	<i>зүһэмэг</i>	<i>ǰisümeǰ</i>	ломоть
<i>ǰорон</i>	<i>жаран</i>	<i>ǰiran</i>	шестьдесят
<i>ǰороо</i>	<i>жороо</i>	<i>ǰirurǰa</i>	иноходец

Появление *ǰ* следует рассматривать как дальнейшее развитие процесса ослабления артикуляции согласных.

В группу говоров, частично сохраняющих аффрикаты, можно включить окинский говор, в котором нами зафиксировано произнесение аффрикат вместо щелевых у многих лиц во многих десятках слов, например:

Окинск.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
<i>индзаган</i>	<i>инзаган</i>	<i>яндзга</i>	детеныш антилопы
<i>янгарцаг</i>	—	<i>янгиццаг</i>	вьючное седло
<i>олонцог</i>	<i>олонсог</i>	<i>олонцог</i>	подушка седла
<i>гандзага</i>	<i>ганзага</i>	<i>гандзага</i>	торока
<i>ганцхан</i>	<i>гансахан</i>	<i>ганцхан</i>	единственный
<i>ганцаараа</i>	<i>гансаараа</i>	<i>ганцаараа</i>	в одиночку
<i>яндз бүрийн</i>	—	<i>яндз бүрийн</i>	всевозможный
<i>яндз бүрээр</i>	—	<i>яндз бүрээр</i>	по-разному
<i>улэмджи</i>	<i>улэмжэ</i>	<i>улэмж</i>	более, весьма
'остаток'			
<i>һэньджи</i>	<i>һэнжэ</i>	<i>сэндж</i>	дужка ведра
<i>андзаһан</i>	<i>анзаһан</i>	<i>анджис</i>	соха
<i>бэльчир</i>	<i>бэлшэр</i>	<i>бэлчир</i>	перекресток
<i>хөнджил</i>	<i>хунжэл</i>	<i>хөнджил</i>	одеяло
<i>мөльджихэ</i>	<i>мүлжэхэ</i>	<i>мөлджих</i>	обглаживать

Многие слова употребляются параллельно то с аффрикатами, то с щелевыми согласными, например:

Окинск.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
<i>цагаан~сагаан</i>	<i>сагаан</i>	<i>цаа буга</i>	северный олень
<i>ху.һэнчи~хүлһэншэ</i>	<i>хүлһэншэ</i>	—	батрак
<i>хабчаг~хабшаг</i>	—		заплечная сумка
<i>тоньчихо~тоньшихо</i>	<i>тоншохо</i>	<i>тонших</i>	стучать
<i>хэмджихэ~хэмжихэ</i>	<i>хэмжэхэ</i>	<i>хэмджих</i>	измерять

Окинск.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
эрээлдэй~эрээлэй	-	-	детеньш кабарги
тэрмээльджин~	тэрмээлжэн	тэмээлдзгэнэ	стрекоза
~тэрмээльжин			
һараальджин~	һараалжан	сараалджин	бекас
~һараальжин			
бөбөөльджин~	бубөөлжэн	бөвөөлдж	удод
~бөбөөльжин			

Очень часто приходилось слышать у окинцев произнесение аффрикаты соединительного деепричастия *-жа* в виде *-джи*, *-дж*, как и в монгольском языке, но только в позиции после сонорных, например: окинск. *Газехэ һальтин больджи базна* 'На улице сильный ветер' (ср. лит.-бур. *Газехэ һалхин боложо байна*); окинск. *тордж унаха* 'споткнуться и упасть' (ср. лит.-бур. *горожо унаха*); *ольдж ядаад базна* 'не смог найти' (лит.-бур. *оложо ядаад байна*); *гал носодж базна* 'огонь горит' (лит.-бур. *гал носол байна*); *зохольдж базна* 'чешется' (лит.-бур. *зохолж байна*). Довольно часто вместо аффрикаты *-жа* произносится глухая аффриката *ч*, развившаяся, видимо, из *дж* вследствие его оглушения в определенных комбинированных условиях, например: окинск. *һиидч ямна* 'летит' (лит.-бур. *һиидэж ямана*); *һаадч базна* 'играет' (лит.-бур. *һаадажа байна*); *хурч һирээ* 'приехал' (лит.-бур. *хурэжэ ерээ*).

Но в то же время в громадном количестве случаев и в окинском говоре на месте исходных монгольских аффрикат *č* и *ǰ* развились, как и в традиционных бурятских говорах, щелевые согласные, в данном случае *ш*, *с*, *з*, например:

Окинск.	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>саэ</i>	<i>сай</i>	<i>цай</i>	<i>čai</i>	чай
<i>шэхэн</i>	<i>шэхэн</i>	<i>чих</i>	<i>čikin</i>	ухо
<i>шэхэ</i>	<i>сэхэ</i>	<i>цэх</i>	<i>čike</i>	прямо
<i>угжа</i>	<i>угжа</i>	<i>угдж</i>	<i>uǰǰi</i>	рожок
<i>сахюур</i>	<i>сахюур</i>	<i>цахиур</i>	<i>čakiyur</i>	кремьень
<i>зэмэ</i>	<i>зэмэ</i>	<i>дзэм</i>	<i>ǰeme</i>	вина
<i>заһаха</i>	<i>заһаха</i>	<i>дзасах</i>	<i>ǰasaqu</i>	наладить
<i>зулзага</i>	<i>зулзага</i>	<i>дзулдзага</i>	<i>ǰulǰaya</i>	птенец
<i>забжа</i>	<i>жабжа</i>	<i>дзавдж</i>	<i>ǰabaǰi</i>	углы рта
<i>угалза</i>	<i>угалза</i>	<i>угалдз</i>	<i>uǰalǰa</i>	узор
<i>олзо</i>	<i>олзо</i>	<i>олдз</i>	<i>olǰa</i>	добыча
<i>шоно</i>	<i>шоно</i>	<i>чоно</i>	<i>činu-a</i>	волк
<i>шарга</i>	<i>шарга</i>	<i>чарга</i>	<i>čirǰa</i>	сани

Таким образом, окинский говор представляет собой явный пример шанного говора, в котором аффрикаты сосуществуют со щелевыми. Видимо, следствие сложного этнического происхождения самих окинцев бурят, в составе которых значительная примесь сойотов, которые сейчас хотя и говорят на бурятском языке, но переселились они в Окинскую долину из Монголии. Так что сохранение аффрикат окинцами мы рассматривать как результат влияния соседнего монгольского языка. Включать в эту группу тункинский говор, в котором изредка встреча-

аффриката ч на месте бурятских ш и ж, нет смысла, поскольку явление это характерно, по утверждению исследователя этого говора Д.А. Абашеева [с. 8], главным образом для речи старшего поколения и улигеров, например: эльчэ 'посланец' (вм. элшэ), ошчи 'идя' (вм. ошожо), бодчо 'думая' (вм. боджо), юнч бэжкээ 'ничего нет' (вм. юншые байхагуй). Вся же остальная масса слов, в отличие от окинского говора, имеет вместо аффрикат щелевые согласные.

В некоторой мере подходит к этой группе говор нижеудинских бурят, в котором заметно сохранение смычного элемента у исторических аффрикат. Так, нижеудинский говор характеризуется наличием смычного *д'* (по нашим наблюдениям, это среднеязычный смычный *ʃ*), появляющегося на месте аффрикаты **ʃ* и древнего **у*. Г.Д. Санжеев [1930, с. 3] писал: "В некоторых случаях *д'* в этом говоре является заместителем палатально-альвеолярного ж и слабого спиранта *ј*, чего не наблюдалось ни в одном из монгольских говоров:

<i>алдадѣ</i>	вместо	<i>алдажѣ</i>	—	теряя
<i>мартадѣ</i>	"	<i>мартажѣ</i>	—	забывая
<i>дihѣң</i>	"	<i>jihѣң</i> < * <i>yisün</i>		девять
<i>дipѣң</i>	"	<i>јipѣң</i>		девяносто
<i>дida</i> (чаще	<i>jidā</i>)			— копьё".

Наши полевые записи позволяют расширить этот список. Так, нижеудинские буряты произносили *ʃikz* 'большой' (лит.-бур. *exэ*), *ʃila:ʃlʌŋ* 'мелкие мухи, гнус' (лит.-бур. *илааһан*), *ʃahlʌŋ* 'кость' наряду с *jaʃlʌŋ* (лит.-бур. *яһан*), *kulʃirgɛznɛ* 'черная смородина' (зап.-бур. *хулзэргэнэ*). Исследователь говора нижеудинских бурят А.А. Дарбеева [1960, с. 123–124] также отметила несколько случаев появления аффрикаты *дж* на месте ж других бурятских говоров: *унтаджи* 'засыпая' (лит.-бур. *унтажа*), *шоголджи* 'шутя' (лит.-бур. *шогложо*), *борноэлджи* 'боронуя' (лит.-бур. *борнойложо*). Кроме того, ею [1960, с. 121] же были записаны некоторые слова, сохраняющие аффрикаты: *цэцэглэхэ* 'известить' (ср. лит.-бур. *эсэсгэлэхэ*, х.-монг. *цэцэглэх*), *чи* 'ты' наряду с *ши* (ср. лит.-бур. *ши*, х.-монг. *чи*), *акцаараа* наряду с *гаксаараа* 'только один, в одиночестве' (ср. лит.-бур. *гагса* 'только один'), *Гар кулни укэчнэ, модон болчна* 'Руки немеют, становятся одеревенелыми' (ср. лит.-бур. *үхэшинэ, болшоно*). Общебурятский аффикс деепричастия *-жа* имеет в нижеудинском говоре, по данным А.А. Дарбеевой [1978, с. 123–124], наряду с *-жа* произносительные варианты *-ша* и *-д'и*. При этом *-д'и* чаще употребляется в разговорной обиходной речи и встречается преимущественно после мягкого *л'* и кратких гласных, например: *бол'д'и* 'становясь' (лит.-бур. *боложо*), *тэл'д'и* 'снимая' (лит.-бур. *тайлажа*), *дуул'д'и* 'напевая' (лит.-бур. *дуулажа*), *каткад'и* 'укалывая' (лит.-бур. *хадхажа*), *унтад'и* 'засыпая'. Но в общем же аффрикаты *дж*, *ч*, *ц* для говора нижеудинских бурят не характерны. В нем, как и в окинском говоре, основная масса слов содержит вместо аффрикат щелевые согласные, например:

Бур. НУ	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>кензѣ</i>	<i>хэнзэ</i>	<i>хэндз</i>	<i>kenʃe</i>	отава
<i>ескѣ</i>	<i>эсэхэ</i>	<i>эцэх</i>	<i>eʃiku</i>	устать
<i>сааша</i>	<i>сааша</i>	<i>цааш</i>	<i>ʃinaʃi</i>	туда

Бур. НУ	Лит.-бур.	Х.-монг.	Стп.-м.	Значение
<i>сагаан</i>	<i>сагаан</i>	<i>цагаан</i>	<i>цагаан</i>	белый
<i>сай</i>	<i>сай</i>	<i>цай</i>	<i>цай</i>	чай
<i>зун</i>	<i>зун</i>	<i>дзун</i>	<i>дзун</i>	лето
<i>шүткүр</i>	<i>шүдхэр</i>	<i>чөтгөр</i>	<i>čidkür</i>	черт
<i>ошоко</i>	<i>ошохо</i>	<i>очих</i>	<i>ošiqu</i>	пойти

В группу говоров, сохраняющих аффрикаты, входят тувальский, цонгольский и хамниганский говоры, т.е. южнобурятские группы, связанные своим происхождением с халха-монгольским языком [Будаев 1977, с. 32]. Для всех их характерно наличие на месте древней аффрикаты *č и *j двух видов аффрикат — шипящих ч и дж, свистящих ц и дз, т.е. таких же, как и в современных халхаском и калмыцком языках [см.: Будаев 1977, с. 32; 1978, с. 28; Бураев 1965, с. 115–117; Будаев 1965, с. 153; Раднаев 1960, с. 129; Дамдинов 1968, с. 81], например:

Сарт.	Цонг.	Хамниг.	Х.-монг.	Бур.	Стп.-м.	Значение
<i>чоно</i>	<i>чоно</i>	<i>чоно</i>	<i>чоно</i>	<i>шоно</i>	<i>čino-a</i>	волк
<i>чүлөө</i>	<i>чүлөө</i>	<i>чилөө</i>	<i>чөлөө</i>	<i>сүлөө</i>	<i>čilüge</i>	свобода, 1
<i>дзам</i>	<i>дзам</i>	<i>дзам</i>	<i>дзам</i>	<i>зам</i>	<i>jam</i>	дорога
<i>джаргал</i>	—	<i>джиргал</i>	<i>джаргал</i>	<i>жаргал</i>	<i>čirgal</i>	счастье
<i>чихэн</i>	—	<i>чики</i>	<i>чих</i>	<i>шэхэн</i>	<i>čikin</i>	ши
<i>чулуу</i>	<i>чулуу</i>	—	<i>чулуу</i>	<i>шулуун</i>	<i>čilayun</i>	камень
<i>дзургаа</i>	<i>дзургаа</i>	<i>дзургаа</i>	<i>дзургаа</i>	<i>зургаан</i>	<i>čirguyan</i>	шесть

Таким образом, в современном бурятском языке по сути дела делятся две группы говоров в отношении развития аффрикат — группа, в которой аффрикаты перешли в проточные (переходная группа примыкает сюда) и группа, сохраняющая аффрикаты в полном объеме. Как щелевые заместители аффрикат, так и сохраняющиеся аффрикаты дают в говорах неоднородную картину: на месте древних шипящих аффрикат *č, *j наряду с шипящими ч, дж, ш, ж образовались также свистящие звуки ц, дз. Наличие свистящих щелевых свидетельствует, что и в тех говорах, которые утратили аффрикаты, тоже в свое время были представлены свистящие аффрикаты по типу южных бурятских говоров, а также халхаского и калмыцкого языков, с которыми был связан своим происхождением протобурятский язык, утративший впоследствии аффрикаты.

Закономерен вопрос, каким образом в истории монгольских языков из шипящих аффрикат развились свистящие и почему это произошло только в трех языках — халхаском, калмыцком и бурятском? А в языках, где существуют и шипящие и свистящие аффрикаты (и их шипящие субституты), почему в одних и тех же фонетических условиях в одних случаях сохраняется шипящий характер звуков, а в других развились свистящие звуки? Обратимся к примерам. Так, слово *čirguyan 'шесть' дало х.-монг., цонг., сарт., хамниг. *дзургаа*, хор. *зургаан*, калм. *зургаан*, аларск. *жоргоон*, бур. НУ *д'иргоон~жиргоон~ж'иргоон*, даг. *джиргоон*, монгол. *джирга оон*, орд. *джургаа*: слово *čilayasun 'рыба' дало х.-

дзагас, хамниг. *дзагас*, сарт. *дзагас~дзагос*, цонг. *дзагос*, хор. *загаһан*, зап.-бур. *загаһан*, *зага'ан*, *загуун*, *загуу'ан*, калм. *заһсн*, даг. *джаг ус*, орд. *джагасу*; слово *čisun 'кровь' дало х.-монг. *цус*, калм. *цусн*, вост.-бур., зап.-бур. *шуһан*, цонг. *чосо*, дархат. *чусу*, даг. *чос*, мог. *чусун*, орд. *джусу*; слово *jüya- 'показывать' дало х.-монг. *дзаа-*, калм., вост.-бур., зап.-бур. *заа-*, сарт., цонг. *дзаа-*, даг. *джаа-*, орд. *джаа-*. Таково положение в разных языках.

В то же время есть масса примеров, когда в одном и том же языке в одной и той же по сути дела фонетической позиции развились аффрикаты (или их щелевые субституты) с разными характеристиками – либо шипящие, либо свистящие. Так, например, слова *jüγy 'рисунок' и *jüγum 'порядок' дали следующие рефлексy:

*jüγy → х.-монг. *дзураг* // бур. *зураг* // калм. *зург*;

*jüγum → х.-монг. *джурам* // бур. *журам* // калм. *журм*.

Показательно, что выявляется ряд слов, в которых бурятский язык обнаруживает свистящий *с*, тогда как в халхаском и калмыцком сохраняется шипящая аффриката, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>сэмгэн</i>	<i>чөмөг</i>	<i>чимгн</i>	čimügen	костный мозг
<i>сүлөө</i>	<i>чөлөө</i>	<i>чөлэн</i>	čilüge	досуг
<i>мүсэ</i>	<i>мөч</i>	<i>мөч</i>	möce	член тела
<i>сохом</i>	<i>чухам</i>	<i>чохм</i>	čuqum	достоверно
<i>умсэ</i>	<i>өмч</i>	<i>өмч</i>	ömči	собственность
			'доля наслед-	
			ства'	
<i>хүсэн</i>	<i>хүч</i>	<i>күчн</i>	küčün	сила, мощь
<i>үсөөн,</i>	<i>вчуухэн,</i>	<i>учукн</i>	öcüken	маленький
<i>үсөөхэн</i>	<i>вцуухэн</i>			

В то же время имеется немало случаев, когда бурятский язык, наоборот, дает шипящий звук, а в халхаском и калмыцком представлен свистящий, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>шуһан,</i>	<i>цус</i>	<i>цусн</i>	čisun	кровь
<i>чосо</i> (цонг.)				
<i>жоргоон</i>	<i>дзургаан</i>	<i>зурһан</i>	jüγyγan	шесть
(зап.-бур.)				
<i>жүлдэ</i>	<i>зүлд</i>	<i>зүлд</i>	jülde	голова вместе с осердием
<i>жажалха</i>	<i>дзаджлах</i>	<i>жажлх</i>	ja'jilaqu	жевать
<i>жэбэ</i>	<i>дзэв</i>	<i>зев</i>	jebe	ржавчина
<i>жолоо</i>	<i>дзулай</i>	<i>зүлэ</i>	julai	родничок (у ребенка)
(зап.-бур.)				
<i>эжэн</i>	<i>эдэ</i>	<i>ээн</i>	ejen	хозяин
<i>жүһэхэ</i>	<i>дзүсэх</i>	<i>зүсх</i>	jisükiü	резать лентами

В калмыцком языке тоже есть ряд слов, которые дают шипящий согласный вместо свистящих халхаского и бурятского языков, например:

Калм.	Х.-монг.	Бур.	Стп.-м.	Значение
<i>хачр</i>	<i>хацар</i>	<i>хасар</i>	<i>qačar</i>	щека
<i>учукн</i>	<i>вцуухэн</i>	<i>үсөөхэн</i>	<i>öčüken</i>	маленький
<i>жөөлн</i>	<i>дзөөлөн</i>	<i>зөөлэн</i>	<i>ǰögelen</i>	мягкий
<i>ажрһ</i>	<i>адзарга</i>	<i>азарга</i>	<i>aǰırǰa</i>	жеребец
<i>илжрх</i>	<i>ялдзрах</i>	<i>илзарха</i>	<i>ilǰaraq</i>	гнить

Выявляется также ряд слов, в которых и в бурятском, и в калмыцко произносятся свистящие звуки, а в халхаском – шипящий, например:

Калм.	Х.-монг.	Бур.	Стп.-м.	Значение
<i>вцкдр</i>	<i>өчигдөр</i>	<i>үсэгэлдэр</i>	<i>öčügedür</i>	вчера
<i>өвцуун</i>	<i>өвчүү</i>	<i>убсуун</i>	<i>ebčigün</i>	грудная кость
<i>цар</i>	<i>шар</i>	<i>сар</i>	<i>čar, šar</i>	вол
<i>һацуур</i>	<i>гачуур</i>	<i>хасуури</i>	<i>γačur-a</i>	ель
<i>'пихта'</i>				
<i>урэн</i>	<i>уржнан</i>	<i>урзанан</i>	<i>urǰinun</i>	позапрошлый год

Таким образом, становится очевидным, что развитие свистящих аффрикат (и их щелевых субститутов), хотя и затрагивает халхаский, калмыцкий и бурятский языки, что является одним из объединяющих их моментов, не представляет собой в то же время единого процесса. Создается впечатление, что в этих трех языках действовала в какой-то период развития общая тенденция образования свистящих аффрикат, но осуществлялась она в каждом из этих языков по-своему. А возможно, что дело обстояло так, что в течение какого-то отрезка времени все эти три языка развивались как одно целое, или сразу же одновременно испытали на себе действие тенденции перехода шипящих аффрикат в свистящие, а потом, выйдя из этой общности или освободившись от влияния этой тенденции, которая могла быть экстралингвистическим фактором, каждый из данных трех языков развивался по-своему и независимо друг от друга. Результатом всего этого и явился разноречивый в оформлении слов то свистящими, то шипящими звуками, который мы сейчас и наблюдаем. Основная же масса слов, в которых развились свистящие звуки, совпадает во всех трех языках.

То, что в самих бурятских говорах тоже нет единства в оформлении слов шипящими и свистящими звуками, свидетельствует, что бывшие племенные языки, лежащие в основе современных говоров, также каждый самостоятельно испытывал действие этой тенденции и осуществлял ее тоже самостоятельно. Поэтому сейчас в бурятских говорах чередуются

<i>хусэн~хушэн</i>	сила, мощь
<i>хабсал~хабшал</i>	ушелье
<i>сошохо~шошохо</i>	испугаться
<i>сабсаха~сабшаха</i>	косить траву
<i>балсан~булшан</i>	мышцы рук, ног
<i>сэхэ~шэхэ</i>	прямо
<i>зүһэхэ~жүһэхэ</i>	резать ломтями
<i>зүһэн~жүһэн</i>	масть

зуохэхэ~жуохэхэ	тянуть, стараться
зажалха~жажалха	жевать
зургаан~жоргоон	шесть
заа~жаа	мизерный
зулай~жолоо	темя ребенка
зиихэ~жиихэ	вытянуть ноги
эзэн~эжэн	хозяин

К тому же, если учесть, что в эхиритских по происхождению говорах вместо ж и з других говоров в большинстве представлен щелевой среднеязычный j (йот), который мог развиваться только из среднеязычного смычного звука либо среднеязычной аффрикаты, каковой и была, видимо, первоначально общемонгольская аффриката *j, что свидетельствует о наличии в этих говорах большего количества слов с шипящими первоначально звуками, чем со свистящими, (например, эхирит. *жаа* в м. *заа* или *жаа* 'маленький, мизерный'; *јаһа* в м. *заһа*- 'делать, налаживать'; *јоргоон* в м. *зургаан* или *жоргоон* 'шесть'; *јандарган* в м. *зандарган* 'грубый'; *јүһэлээ* в м. *зүһэмэг* 'ломоть'; *јүһэн* в м. *зүһэн* 'масть, внешний вид'), то это усиливает предположение, что бурятские говоры представляют собой результат самостоятельного развития древних племенных языков в условиях действия одной и той же тенденции образования свистящих аффрикат.

Теперь ниже попытаемся ответить на вопрос, почему свистящие аффрикаты появились из всех монгольских языков только в трех — халхаском, калмыцком и бурятском (в нем сохранились их щелевые субституты), а все остальные монгольские языки продолжают употреблять шипящие аффрикаты.

Как известно, в монголоведении [см.: Владимирцов, с. 399—400; Санжеев 1953, с. 99—103; Рорре 1955, с. 110—119] относительно разнобоя в оформлении слов то шипящими, то свистящими звуками принято объяснять, что, якобы, в тех случаях, где в старомонгольском письменном языке мы имеем j или č + любой гласный, кроме i, то из этих j или č развились свистящие аффрикаты, а там, где был после j или č гласный i, там эти аффрикаты сохранили свой шипящий характер. Например, *јida* > > *джида* 'копье', *јil* > *джил* 'год', *činar* > *чанар* 'качество', *јarliγ* > *дзарлиг* 'указ', *γaγar* > *гадзар* 'земля', *qačar* > *хацар* 'щека', *čaγ* > *цаг* 'время'. Но в то же время монголоведы заметили, что здесь существует масса исключений, например, *јige* > *дзээ* 'племянник', *јiya-* > *дзаа*- 'указывать', *јiyasun* > *дзагас* 'рыба', *јirγuyan* > *дзургаан* 'шесть' и т.п. В таких случаях объясняют факты тем, что тут ассимиляция гласного i после j произошла в разное время. Но чем же тогда объяснить в таком случае, что в других монгольских языках в этих же фонетических положениях аффрикат č и j продолжают сохраняться шипящие аффрикаты? Например: орд. *džarlig* 'указ', *džagasu* 'рыба', *džē* 'племянник', *džā-* 'указывать' и т.п. Таким образом, в монголоведении дело пока не пошло дальше констатации факта, а причина, вызвавшая развитие свистящих звуков на месте шипящих общемонгольских аффрикат только в указанных трех языках, так и не была найдена.

Однако все встает на свои места и получает убедительное объяснение, если рассмотреть, опираясь на положения общей фонетики, само появле-

ние и развитие аффрикат в монгольских языках, привлекая при этом сравнительный материал из других алтайских языков и в первую очередь из тунгусо-маньчжурских, как древнейших ближайших и непосредственных соседей монгольских языков.

Вообще объяснение появления и развития аффрикат в монгольских языках в истории монголоведения стало возможным лишь с привлечением данных алтаистики. С разработкой теории происхождения аффрикат в монгольских языках на широком алтаистическом фоне блестяще справился Б.Я. Владимирцов [с. 297–398, 405–406]. Так, им было доказано, что монг. $\dot{j}i < *di < *d'i$, а монг. $\dot{\xi}i < *ti < *t'i$, например монг. $bi\dot{\xi}ig$ 'письмо' $< *bitig$, ср. тюрк. уйг. $bitig$, маньчж. $bitxe$ id.; монг. $a\dot{\xi}i$ 'внук' $< *ati$, ср. тюрк. орх. $at\dot{i}$ id.; монг. $\dot{\xi}i\eta a$ 'слушать' $< *\dot{\xi}i\eta a < *t\dot{i}\eta a$, ср. тюрк. $t\dot{i}\eta a$ id.; монг. $a\dot{j}i\eta a$ 'жеребец' $< *ad\dot{i}\eta a$, ср. тюрк. орх. $ad\dot{u}\eta g$, як. $at\dot{b}\eta r$, кирг. $ay\dot{g}\eta r$, солон. $ady\dot{g}a$, $ady\dot{z}ga$, эвенк. $ad\dot{i}\eta a$ id.;

монг. $ge\dot{j}ige$ 'коса' $< *gedige$, ср. писем.-монг. $gederge$ 'назад', ср. тунг. $gedemux$ 'затылок', якут. $ketex$ id., тюрк. $ke\dot{d}in // ke\dot{j}in$ 'сзади'.

Таким образом, бесспорно, что в монгольских языках перед тем, как перейти в аффрикаты, звуки $*d$ и $*t$ побывали в позиции перед i , где получили палатализацию, а затем среднеязычную артикуляцию, благодаря чему и смогли в дальнейшем развиться шипящие аффрикаты \dot{j} и $\dot{\xi}$.

В тунгусо-маньчжурских языках тоже имеют широкое распространение аффрикаты $d\dot{z}$ и $t\dot{s}$, произношение которых колеблется от среднеязычных смычных \dot{h} , \dot{n} до палатализованных дорсальных смычных d' , t' , которые могут кроме того произноситься с разной степенью аффрицированности. Очень палатализованные переднеязычные $d'(\dot{h})$ и $t'(\dot{n})$ перед широкими гласными приближаются акустически к свистящим аффрикатам $d\dot{z}$ ($d\dot{z}$) и $t\dot{s}$ ($t\dot{s}$). Все исследователи тунгусо-маньчжурских языков отмечают либо среднеязычный характер этих аффрикат, либо, чаще всего, их большое сходство с аффрицированными палатальными $d'(\dot{h})$ и $t'(\dot{n})$, которые в ряде языков и их диалектов могут переходить в свистящие $d\dot{z}$ ($d\dot{z}$) и $t\dot{s}$ ($t\dot{s}$), как, например, в нанайском, солонском, о чем будет сказано ниже. Так, крупнейший знаток тунгусо-маньчжурских языков, разработавший их сравнительно-историческую фонетику, проф. В.И. Цинциус [с. 210] пишет следующее по поводу тунгусо-маньчжурских аффрикат и связанных с ними одной системой среднеязычных согласных: "Группа среднеязычных (фонем. — В.Р.) тунгусо-маньчжурских языков представляется согласными $ч, \dot{z}, n', j$. Данное положение экспериментально установлено для эвенского и удэйского языков. Для одного из эвенкийских говоров соответствующие фонемы определены как палатализованные переднеязычные аффрицированные t', d', n' , с оговоркой, что развились они "из типа среднеязычных согласных". Как переднеязычные аффрикаты непалатализованные $ц, ч$ и палатализованные $ч', \dot{z}'$, определяются корреспонденты интересующих нас согласных в солонском языке".

Относительно $ч$ В.И. Цинциус [с. 210] пишет подробнее: "Глухой среднеязычный аффрицированный $ч$ в начале слова во всех языках, за исключением солонского и орокского, находит соответствие $ч \sim t'$. В солонском начальный $ч > c > c^4 \sim ц$, $ч' + u > ш' + u$. В орокском $ч > t \dots$ Между гласными в солонском $ч > c \sim cc \sim ш' + u$, в орокском $ч > t$, в удэйском

ч > с...". Примеры она приводит такие: эвенк. *ч̄алб̄ан* 'береза', эвен. *ч̄алб̄ан*, сол. *ч̄алб̄а^Н ~ с̄алб̄а^Н*, нег. *чалбан*, орооч. Ш *ч̄алба* id., уд. *чафак^таи* 'заросли березы', ма. *чалфа* 'береза'; эвенк. *ичэ* 'видеть', эвен. *ичи*-, сол. *исэ* - *иссэ*-, нег. *ичэ*, орооч. *ичэ*-, уд. *исэ*-, орок. *итэ*-, ульч. *ичэ*-, нан. *ичэ* - id.

Относительно звонкого *ж* В.И. Цинциус [с. 211] сообщает: "В начале слова обычно *ж* // *д*' // *ж*. Лишь в орокском языке *ж* // *д*. Перед узкими *и* ~ *е* в негидальском, нанайском, орокском *ж* обнаруживает склонность к потере аффрицированности, т.е. *ж* > *д*' или, как это имеет место в эвенском языке, *ж* + *и* // *г* + *и*". Ее примеры: эвенк. *жава-* 'схватить, взять', эвен. *жава-*, сол. *жава-*, нег. *жава-*, орооч., уд. *жава-*, орок. *дана-*, ульч., нан. *жава-*, ма. *чафа-* id.; эвенк. *ж̄иктэ* 'голубица, черника', эвен. *г̄ит*, нег. *д̄иктэ*, орооч. Ш *ж̄иктэ*, ульч. *ж̄устэ*, нан. *ж̄усиктэ*, ма. (?) *дукси* id.

Исследователь нанайского языка проф. В.А. Аврорин [с. 35] определяет нанайские аффрикаты следующим образом.

"Фонема [ч] — шумная, аффрицированная, с очень кратким вторым щелевым компонентом, глухая, средняяязычная дорсальная. Акустически имеет сходство с русскими звуками [ч], [ц], [тʃ]. Вследствие этого для нанай стоит большого труда различить три указанных выше звука. Русские слова: *чех*, *цех*, *тех* — для нанай, не имеющих достаточной выучки в области русского произношения, представляются неразличимыми. Фонема [ч] имеет два диалектных варианта: в юго-западных говорах, включая найхинский, она звучит несколько ближе к русскому звуку [ц], а в северо-восточных говорах — ближе к русскому звуку [ч], не утрачивая, однако, ни в том, ни в другом случае своего сходства с палатализованным [тʃ]. Примеры: [чапа] 'икра', [чолчол] 'хорек', [чико] 'курица', [кзичэкэ^Н] 'щенок', [гучи] 'еже', [бичхэ] 'письмо, грамота', [арчокэ^Н] 'девочка'.

Фонема [ж] — шумная, аффрицированная, с очень кратким вторым щелевым компонентом, звонкая средняяязычная, дорсальная. Акустически напоминает русский палатализованный звук [дʃ], отличаясь от него аффрикативным характером, который, впрочем иногда, особенно в положении перед гласными переднего ряда, слабо выражен. Фонема [ж] имеет два диалектных варианта, точно так же, как и фонема [ч]: в юго-западных говорах, включая найхинский, второй компонент ее напоминает русский звук [ж], а в северо-восточных говорах ее второй компонент напоминает русский звук [ж], не утрачивая своего сходства и с палатализованным [дʃ]. Примеры: [жа] 'легко, дешево', [жари^Н] 'песня', [сэгжэ^Н] 'красный', [жо] 'дом', [жукэ] 'лед', [жиха] 'деньги', [жижи] 'идет', [унʒи] 'говорит'".

Об аффрикатах кур-урмийского диалекта нанайского языка О.П. Суник [с. 44] пишет: "Аффриката ч встречается в начальной и срединной позициях... Как и в среднеамурских говорах очень часто звучит как ч (ч~ч)... Аффриката ж вместе с вариантами дэ, дж, аффрицированным д' и палатальным дь встречается в начальной и срединной позициях..."

Эвенкийский согласный ч определяется как "среднеязычный, смычный, чистый (без аффрицированности), глухой; в конце слова не встречается" [Константинова, с. 21]. Для эвенкийского языка отмечается также, что "д' — среднеязычный смычный, чистый (без аффрицированности), звонкий, соответствующий глухому ч; в конце слова не встречается"

ся... Среднеязычному неаффрицированному *д'* полигусовского говора других говорах эвенкийского языка, например в качугском и тимптомском говорах восточного наречия, соответствует среднеязычный аффрикативный *ж*..." [Константинова, с. 21–22].

Относительно аффрикат эвенского языка К.А. Новикова [с. 65] пишет: "Фонемы *ч*, *ж* являются смычными среднеязычными согласными, близкими в произношении к сложным согласным или аффрикатам. В произношении отдельных представителей ольского говора на слух они производят впечатление звуков, несколько напоминающих переднеязычные палатализованные *т'*, *д'*, при этом колебания в произношении согласных *ч* – *ж* – *д'* наблюдаются не только у представителей различных селений Ольского района, но даже у одного и того же лица. Фонема *ч* является глухим согласным, *ж* – звонким".

В.И. Цинциус [с. 181, 188] отмечает, что для южных тунгусо-маньчжурских языков, например нанайского и маньчжурского, характерно произношение аффрикат *ч* или *чж* на месте исходных тунгусо-маньчжурских смычных *т* и *д* в позиции перед гласным и (сравним в этой связи развитие в истории монгольских языков аффрикат *ч* из **ti* и *ж* из **di*), например эвенк. *тирү*~*тирэнтун* – нан. *чигту*^н~*чирэнкү*, ма. *чирку*~*чирэк* 'подушка';

эвенк. *тимэйтнэ*~*тимй* 'утром, завтра' – нан. *чемана* 'завтра', *чемај* ~ *чемај* 'утро', ма. *чимари* 'утром';

эвенк. *дилган* 'голос' – нан. *желга*^н 'голос', *желган* 'подать голос, а говорить', ма. *чжилган* 'голос, говорить';

эвенк. *дирам* – нан. *жерами*, ма. *чжирамин* 'толстый'.

Таким образом, для всех тунгусо-маньчжурских языков характерна среднеязычность аффрикат *ч* и *ж* и чередование их с сильнопалатализованными *т'* и *д'*, при этом для южных тунгусо-маньчжурских языков характерны наряду с шипящими *ч* и *ж* их свистящие варианты *ц* и *дз*, т.к. акустически они к ним приближаются.

Видимо, поэтому в бурятском и халхаском языках в заимствовании из тунгусо-маньчжурских языков на месте этих своеобразных тунгусо-маньчжурских аффрикат в качестве их субститутов выступают свистящие: в бурятском языке *з*, в халхаском *дз*, например: бур. *зантах* 'росямаха' < эвенк. *дянтакй* *id.*; х.-монг. *завь* 'челн' < тунг.-маньчж., ср. эвенк. *дяв*, сол. *дяви*, нан. *жай* 'подка-берестянка'. Такова закономерность восприятия тунгусо-маньчжурских аффрикат перед широкими гласными. Перед узкими же *и*~*е*, под влиянием которых артикуляция аффрикаты приближается к среднеязычной, тунгусо-маньчжурские аффрикаты воспринимаются как шипящие, например: бур. *жэрхи*, х.-монг. *джирх* 'бурудук' < тунг.-маньчж., ср. эвенк. *делэкй*, эвен., ульч. *дилики*, удэйск. *делэхи* маньчж. *чжэлкэн* 'колонок либо горноста́й'.

Чередование в тунгусо-маньчжурских языках аффрикат *ч* и *ж* с переднеязычными смычными *т* и *д*, переход *т* и *д*, попавших в позицию перед узкими гласными *и*~*е*, в аффрикаты *ч* и *ж*, отмечаемый исследователями [см.: Цинциус, с. 181, 188], свидетельствуют, что и в тунгусо-маньчжурских языках аффрикаты *ч* и *ж* связаны своим происхождением со смычными согласными *т* и *д*. Этим тунгусо-маньчжурские языки напоминают монгольские языки, в которых исторические смычные **t* и **d*, оказав

шишь в позиции перед *i, развились в шипящие аффрикаты č и ĵ, которые. в свою очередь, перед широкими гласными дали в халхаском, калмыцком и бурятском языках свистящие рефлексy.

Вообще переход в определенных фонетических условиях смычных аффрикаты характерен для многих языков и представляет собой общеязыковую универсалию. Достаточно вспомнить теорию появления аффрикат Л.В. Щербы, считавшего, что аффриката — это не механическое сочетание двух согласных, а один согласный, хотя и сложный в отношении способа образования шума, что аффрикаты в славянских и германских языках. например, возникли не из слияния смычных со щелевыми, а в результате развития смычных [см.: Зиндер, с. 142]. Так, в русском языке аффриката ц (t͡s) развилась из палатализованного смычного т' (t').

Таким образом, наблюдается типологически закономерное явление возникновение свистящих ц и дз из палатализованных переднеязычных дорсальных т' и д'. Такое развитие происходит тогда, когда эти палатализованные оказываются в позиции перед широкими гласными, а перед узким же i обычно развиваются шипящие аффрикаты. Как видим, монгольские языки — халхаский, калмыцкий и бурятский — дают ту же картину.

В современном халхаском языке образование аффрикат из палатализованных смычных продолжается и в настоящее время. Так, для халхамонголов характерно произношение русских заимствованных слов с аффрикатами вместо русских палатализованных смычных т' и д', например: русское слово *платье* перешло в монгольский язык в виде *палааччи* с тем же значением, русское *ботинки* — х.-монг. *бачинк* ~ *баджинк* id., русск. *радио* > х.-монг. *арааджи* id., русск. *социализм* > х.-монг. *социализм* id. и т.п.

Возвращаясь снова к истории монгольских аффрикат и помня о характере аффрикат в тунгусо-маньчжурских языках, можно с уверенностью предполагать, что на том этапе эволюции, когда исходный монгольский гласный *i совпал и в твердоядных словах с исходным *i, а *d и *t оказавшиеся перед i, стали испытывать на себе палатализирующее влияние, то из этих *d и *t, как и в тунгусо-маньчжурских языках, развились палатализованные d' и t', перешедшие в аффрикаты типа тунгусо-маньчжурских, но не типа современных монгольских ч и дж, которые уже не переходят в свистящие перед широкими гласными. Артикуляция аффрикат типа тунгусо-маньчжурских очень близка к аффрицированным палатализованным переднеязычным т' и д', а также к свистящим ц и дз, только у ч и дз язык несколько отодвинут назад.

Как раз такой тип аффрикат представлен в современном дагурском языке, в котором письменно-монгольскому с соответствует шипящая же аффриката ч, ч' и ч', при этом палатализованный ч' производит акустически впечатление звука, среднего между ч и ц" [Поппе 1930, с. 130], поэтому дагурское ч'iki 'ухо' Ивановский передавал как çiki (стп.-м. çikin). Письменно-монгольскому ĵ в дагурском соответствует тоже шипящая аффриката џ с сильно палатализованным вариантом џ', который представляет собой звук средний между дж и дз, иногда же его вариантом выступает палатализованный џ', например: џ'ipгб 'шесть' (ср. стп.-м. ĵiyuan), хоџ'ip 'солончаковая соль' (ср. стп.-м. quĵir) [см.: Поппе 1930, с. 135].

Таким образом, становится реальным предположение, что на каком-то этапе развития монгольских языков тот языковой массив, который составляли древние халхаский, ойратский и бурятский, представлявшие собой, видимо, языки самой северной группы древних монгольских племен, обитавших в бассейне истоков Амура, племен шивэй, в течение какого-то времени испытывал сильное влияние тунгусо-маньчжурских языков, которыми он непосредственно контактировал на той территории, следствием чего явилась не только перестройка системы вокализма в бурятском языке, но и развитие на месте палатализованных t' и d' аффрикат типа тунгусо-маньчжурских. Такая своеобразная артикуляция аффрикат была перенесена и на те аффрикаты, происхождение которых не связано с палатализацией $*t$ и $*d$ перед $*i$.

Затем, после перелома $*i$ палатализованные t' и d' оказались в позиции перед широкими гласными (например, $*t'isun > *t'usun$ 'кровь', $*d'iyasun > *d'ayasun$ 'рыба', $*d'iya- > *d'aya-$ 'указывать'), сохраняя произношение на манер тунгусо-маньчжурских t' и d' , приближаясь к позиции перед широкими гласными артикуляционно и акустически, свистящим ζ и dz . В тех же словах, в которых еще не произошел перелом $*i$, эти t' и d' соответственно произносились при более высоком положении языка, приближаясь к среднеязычным звукам, что дает шипящие звуки. Иначе говоря, определились позиционные оттенки аффрикат. При дальнейшем развитии звукового строя монгольских языков после утраченной тенденции иметь (или сохранять?) эту своеобразную артикуляцию аффрикат произошел сдвиг в артикуляционной базе и эти позиционные аллофоны фонологизовались. Оттенок перед i с более среднеязычным настроением шипящим произношением перешел в шипящую переднеязычную аффрикату и при дальнейшем, продолжавшемся переломе давал уже только шипящие аффрикаты, а оттенок, стоявший перед другими гласными, которые уже к этому моменту успели образоваться на месте i в результате его перелома, перешли в свистящие переднеязычные аффрикаты. Своеобразный характер аффрикат мог поддерживаться какое-то время соседством и тесными контактами носителей тех северных протомонгольских племен с соседними тунгусо-маньчжурскими племенами.

Кроме того, возможность появления подобных аффрикат имела и в самих монгольских языках как раз в тот период, пока звуки, развившиеся на месте $*d$ и $*t$ перед i сохраняли еще характер сильно палатализованных переднеязычных дорсальных согласных. Контакты и соседство тунгусо-маньчжурских языков, их влияние на древние монгольские языки, предков современных бурятского, халхаского и калмыцкого языков, явились в то время как бы экстралингвистическим фактором, тем толчком или катализатором, который повлиял на реализацию этой возможности. Пока существовали эти контакты, данная артикуляция поддерживалась. Когда же эти контакты прекратились и рассматриваемые монгольские языки вышли из-под влияния той артикуляционной базы, их артикуляционная база изменилась под влиянием различных факторов и позиционные оттенки фонологизовались.

В другой же группе монгольских языков, которые не испытали такого сильного влияния тунгусо-маньчжурских языков и в которых перелом гласного i начался гораздо позднее (а в ряде языков так почти и не ра-

вился и они сохраняют в большинстве случаев более древнюю форму с *i*), развился шипящий характер аффрикат с более среднеязычной, видимо, более задней, чем в тех трех языках, артикуляцией *d'* и *t'* перед *i*. При этом, когда в результате перелома этот *i* превращался в широкий гласный, более отодвинутая назад и близкая к среднеязычной артикуляция *t'* и *d'* смогла дать только шипящие аффрикаты *ʃ* и *ʒ*, что мы и имеем во всех остальных монгольских языках.

Итак, обобщая все сказанное выше, можно сделать следующий вывод. Происхождение свистящих аффрикат только в трех из всех монгольских языков, халхаском, калмычком и бурятском, вероятно, связано с тем, что у предков современных халха-монголов, ойратов и бурят, представлявших некогда единый племенной и языковой массив, развившаяся предположительно под иноязычным влиянием, возможно, под влиянием тунгусо-маньчжурских языков, особая палатально-дорсальная артикуляция *d'* и *t'* перед *i* в течение какого-то отрезка времени стала взаимодействовать с начавшейся еще, вероятно, в период, когда были **di* и **ti*, тенденцией перелома сначала **i*, а потом **i* (< **i*). Затем под влиянием разных причин монгольские племена продвинулись несколько на запад, вследствие чего эти протохалха, протоойраты и протобуряты утратили влияние тунгусо-маньчжурских языков, поддерживавшее у них существование особой палатально-дорсальной артикуляции *d'* и *t'* и развивавшихся из них аффрикат, при этом выходили они из-под этого влияния, видимо, не одновременно, иначе не возник бы тот разнобой в оформлении слов то шипящими, то свистящими аффрикатами. После продвижения на запад эти северные монгольские племена под влиянием южных монгольских племен, живших вне тесных контактов с тунгусо-маньчжурскими племенами, несколько изменили артикуляцию аффрикат, сдвинув ее немного назад, вследствие чего свистящие аллофоны в позиции перед широкими гласными дали закономерно свистящие аффрикаты *ʃ* и *ʒ*, а аллофоны со среднеязычным настроем перед *i* закономерно дали шипящие аффрикаты *ʃ* и *ʒ* либо с переднеязычной, либо со среднеязычной артикуляцией смычного элемента, как это и наблюдается сейчас по различным монгольским языкам [напр., см.: Биткеев 1965, с. 22–23].

Таким образом, в тех словах, в которых к моменту утраты отмеченной специфической артикуляции *ʃ* и *ʒ* уже успел произойти перелом **i*, фонологизовавшиеся аллофоны дали свистящие *ʃ* и *ʒ* перед широкими гласными, а в тех же словах, где продолжал сохраняться непереломленный **i*, фонологизовавшиеся аллофоны дали шипящие аффрикаты *ʃ* и *ʒ*, которые в дальнейшем уже при продолжавшемся переломе **i* не давали свистящих вариантов. Хотя тенденция перелома продолжала действовать, захватывая все новые и новые слова во все новых и новых монгольских племенных языках, образовавшиеся уже на месте палатально-дорсальных аффрицированных *d'* и *t'* в результате сдвига назад артикуляционной базы переднеязычно-среднеязычные аффрикаты при переломе **i* и появлении вместо него широких гласных не могли дать свистящих звуков, только шипящие. Поэтому-то мы имеем, например, при однотипных исходных основах *ʃigum* и *ʃigu* разные их рефлексы: *журам* и *зураг*, так как они представляют собой результаты развития аффрикат на разных этапах их эволюции.

Смычный палатализованный d' (нами он характеризуется как сн
 ный среднеязычный \check{h}) нижеудинского говора и щелевой средн
 ный j (йот) эхиритских по происхождению говоров бурятского яз
 следует рассматривать как рефлекс аффрикаты $*j$ того периода, к
 она, пройдя стадию d' , стала произноситься как среднеязычный z
 причем скорее смычный, нежели аффриката. А возможно, что его сн
 ность и аффрицированность были обычными варьиовавшими о
 ками, как и вообще смычность и щелинность у некоторых соглас
 современного бурятского языка (напр., у b, z). О том, что период палат
 но-дорсальной артикуляции был позади, свидетельствуют слова из
 говоров, в которых успел развиться z на месте $*j$, например: *зам* 'дог'
 (ср. стп.-м. *jam*), *загахан* 'рыба' (ср. стп.-м. *jiyasun*), *зэрэг* 'ряд' (ср. ст
jerge). Но многие слова в этих говорах претерпели перелом $*i$ гор
 позже, уже при среднеязычности $*j$, дававшей шипящие рефлекс, поз
 в этих говорах *д'иргоон~ж'иргоон~жоргоон* 'шесть' (ср. вост.-бур. *зур*
 стп.-м. *jiγuγan*), *јутхэхэ* 'тянуть' (ср. вост.-бур. *зудхэхэ*, стп.-м. *jidkü*
 и т.п.

Образование j в данном случае было возможно только из средн
 ного смычного звука при ослаблении его смычки. Аналогичное явление
 имеем в тех языках, где представлена среднеязычная аффриката и где
 ослабляется в некоторых фонетических позициях. Так, например, в со
 нем тофаларском языке имеется среднеязычная аффриката $\check{h}z$, кот
 произносится с разной степенью аффрицированности — от настоя
 аффрикаты до чисто смычного среднеязычного \check{h} . В произношении сос
 ствуют, например, варианты *b'eḥžen~b'eḥjen* 'пятьдесят' (< *beḥ* 'пять';
 'десять'), *ḥsa:laḥзыр~ḥsa:laḥыр* 'воюя' (*ḥsa:laḥ-* 'воевать с кем-ли
 При этом \check{h} иногда настолько ослабляется, особенно в интервокали
 положении, что переходит в обычный щелевой среднеязычный же j , на
 мер: *ḥsa:laјыр* 'воюя', *bo ḥзыл~bo ḥыл~bo јыл* 'этот год', *bo ḥzari*
~bo ḥагыq~bo јагыq 'эта сторона'.

Общefonетические условия допускают переход в щелевой средн
 ный j только среднеязычного же смычного звука, каковым и является
 после его ослабления и утраты смычки. Происходит это обычно под
 нием общей тенденции ослабления напряженности артикулирующих о
 нов вообще во всей звуковой системе. Это и произошло, видимо, на ка
 то этапе развития эхиритских говоров, результатом чего и явился ма
 вый переход среднеязычной общемонгольской аффрикаты $*j$ в щел
 среднеязычный j . Нижеудинцы же сохраняют в некоторых случаях сн
 ный характер этого $*j$, отражаемый смычным d' (либо \check{h}), который у
 даже стал замещать исконный общемонгольский $*j$ (йот). Отсюда
 изношение у нижеудинцев слов *ḥikz* 'большой' вм. *jikz* (ср. лит.
ехэ, стп.-м. *jeke*), *ḥjila:ḥlγ* 'мошкara' вм. *jila:ḥlγ* (ср. лит.-бур. *ила*
 стп.-м. *ilaγan*) и т.п. Это лишний раз подтверждает, что эхиритский
 результат ослабления среднеязычного звука.

Видимо, предки йокающих бурят давно уже оторвались от осно
 массы протобурят, еще тогда, когда $*j$, пройдя стадию палатально-дор
 ной артикуляции, стал произноситься как среднеязычный звук и
 не успел перейти в переднеязычную аффрикату, каковая затем разви
 в других протобурятских говорах и рефлексом которой стал современ

бурятский переднеязычный щелевой ж. Впоследствии, далеко уйдя на север Прибайкалья и находясь в отрыве от основной массы протобурятских племен, протоэхириты сохраняли среднеязычность *j̄. Затем, в результате сильного влияния тенденции ослабления артикуляции они стали произносить вместо среднеязычного *j̄ щелевой j̄ (йот), сохранив з в тех словах, в которых к этому моменту уже произошла фонологизация свистящих аллофонов прежней палатально-дорсальной фонемы d'. У эхирит-булагатских племен вообще произошло сильное ослабление напряженности артикулирующих органов, гораздо больше, чем у носителей всех остальных бурятских говоров. Следствием этого явилось не только преобразование *j̄ в щелевой j̄ (йот), но и переход смычного z в щелевой x, например: уухты в м. уугты 'пейте', бахана в м. багана 'столб', энэхээр в м. энээгуур 'здесь, этим местом', ослабление h в интервокальном положении, например, са'ан, саан в м. саһан 'снег', зага'ан, загаан, загуу'ан, загуун в м. загаһан 'рыба' и т.п.

Нижнеудинцы меньше ослабили смычку, благодаря чему у них сохраняется не только d' (ḥ) на месте *j̄, но и общемонгольские смычные *k и *q.

Развитие ж на месте *j̄ у аларских бурят в тех случаях, где в восточных бурятских говорах и других монгольских языках оказывается свистящий звук, например аларск. жоргоон – вост.-бур. зургаан, х.-монг. дзургаа, калм. зурһан, стп.-м. ᠵᠢᠷᠦᠭᠠᠨ 'шесть', аларск. жүһэн – вост.-бур. зүһэн, х.-монг. зус, жалм. зусн, стп.-м. ᠵᠢᠰᠢᠯᠠᠨ 'масть, внешний вид', свидетельствует о том, что аларские буряты тоже оторвались от основной массы протобурят одновременно с эхиритами, но в силу сложившихся исторических условий, да и территориально это позволяло, постоянно испытывали на себе влияние других монгольских племен (главным образом хонгодоров), а также других групп протобурят. Это выразилось в том, что аларцы ослабили смычку у согласных уже в то время, когда *j̄, пройдя стадию среднеязычности, стала в протобурятском языке переднеязычной аффрикатой, рефлексом которой явился щелевой переднеязычный ж.

Таким образом, судя по развитию аффрикат, нижнеудинцев и йокающие группы бурят (эхирит-булагатов) следует рассматривать как наиболее древние группы протобурят, довольно рано оторвавшиеся от основной массы, рано обособившиеся и пошедшие по своему пути развития.

Переход смычных в щелевые

Как уже отмечалось в предыдущей главе, в древнем общемонгольском языке были смычные согласные *b, *k, *g; *q и *q̄ (смычный вариант заднерядного *γ). Захваченные единым процессом ослабления напряженности артикулирующих органов, смычные согласные в бурятском языке тоже претерпели соответствующие модификации. При этом при утрате или сильном ослаблении смычного элемента образовались соответствующие щелевые согласные. Рассмотрим эволюцию этих смычных по отдельности.

Согласный *b оказался более устойчивым и сохранил в бурятских говорах смычность в анлауте и ауслауте, а также после согласного, например:

бур. бай- – стп.-м. бай-, х.-монг. бай-, калм. бээ 'быть';

бур. бага – стп.-м. бага, х.-монг. бага, калм. баһ 'маленький';

бур. аб – стп.-м. аб, х.-монг., калм. ав 'чары, волшебство';

бур. *хоб* — стп.-м. *qob*, х.-монг., калм. *хов* 'сплетни';

бур. *арбан* — стп.-м. *arban*, х.-монг. *арав*, *арван*, калм. *арвн* 'десять'

бур. *нэрбээ* — стп.-м. *serbege*, х.-монг. *сэрвээ*, калм. *сэрвэ* 'плавник рыбы'.

Зато слабая напряженность *б* позволяет ему при определенных комбинаторных условиях в неустойчивом для согласного положении (особенно в интервокальном) переходить в соответствующий губно-губной щелевой звук *β*, обычно замещающий *б* при быстром темпе речи. В медленной речи смычный характер у *б* остается. Так, например, сосуществуют в традиционных бурятских говорах произносительные варианты *аба* и *аβа* 'папа', *таб* и *таβан* 'пять', *шабар* и *шаβар* 'грязь', *ерэбэ* и *ерэβэ* 'пришел'. В южных бурятских говорах в этой позиции *б* обычно дает щелевой *β*, например [см.: Будаев 1978, с. 29]: юж.-бур. *давас* — зап.-бур., вост.-бур. *даβа* 'соль'; юж.-бур. *гурва* — зап.-бур., вост.-бур. *гурβан* 'три'.

В халхаском и калмыцком языках **б* в этой позиции тоже дает щелевой звук *β*, например:

Зап.-бур.	Вост.-бур.	Юж.-бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.
<i>яба-</i>	<i>яба-</i>	<i>ява-</i>	<i>я в-</i>	<i>йов-</i>	<i>yaба-</i> 'пойти'
<i>баабаз</i>	<i>баабаз</i>	<i>баавай</i>	<i>баавай</i>	<i>баав</i>	<i>bаба</i> 'отец, предок'
<i>табан</i>	<i>табан</i>	<i>тава</i>	<i>тав</i>	<i>тавн</i>	<i>tabun</i> 'пять'
<i>набар</i>	<i>набар</i>	<i>савар</i>	<i>савар</i>	<i>савр</i>	<i>sабар</i> 'когти'
<i>наба</i>	<i>наба</i>	<i>сава</i>	<i>сав</i>	<i>сав</i>	<i>sаба</i> 'посуда, сосуд'
<i>сэбэр</i>	<i>сэбэр</i>	<i>цэвэр</i>	<i>цэвэр</i>	<i>цевр</i>	<i>себер</i> 'чистый'

Как результат ослабления **б* следует также рассматривать его переход в носовую сонант *м*, например:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>мохи</i>	<i>бохь</i>	<i>мохн</i>	<i>boki</i>	жевательная сера
<i>намша</i>	<i>навч</i>	<i>намч</i>	<i>naβči</i>	листья, листва
<i>номшо</i>	<i>новш</i>	<i>новш</i>	<i>noβši</i>	хлам, рухлядь
'логово'				
<i>эмдэрхэ</i>	<i>эвдрэх</i>	<i>эвдрх</i>	<i>ebderekü</i>	сломаться
<i>намтар</i>	<i>навтар</i>	<i>намтр</i>	<i>nabtar</i>	низкий
<i>хомор</i>	<i>ховор</i>	<i>ховр</i>	<i>qobur</i>	редкий

Как видно из примеров, переход *б* → *м* захватил также и калмыцкий язык.

Согласные **к* и **q* почти во всех бурятских говорах, за исключением нижеудинского и хамниганского, утратили смычку и перешли в соответствующий щелевой заднеязычный *х*, о чем было уже сказано в предыдущей главе. При этом **к*, в позиции перед *и* получивший щелевой характер перешел в щелевые же *х'*, *с'*, *ш* (*ш'*). Сохраняющий же смычность **к* соответствует либо *к'*, либо *т'*. Подробнее см. в предыдущей главе.

Согласный **g* в бурятских говорах тоже ослабился. При этом его ослабление наблюдается как в восточных говорах (соответственно оно получило отражение и в литературном языке), так и в западных. Южные говора сохраняют этот **g*, как и халха-монголы [см.: Будаев 1978, с. 29].

Ослабление **g* произошло двояким образом. Во-первых, **g*, находящийся в сочетании с **i*, палатализовался и получил более среднеязычный

настрой артикуляции, а при ослаблении смычки перешел в соответствующий щелевой сонант *j*. Более всего этот процесс затронул западные говоры (эхирит-булагатские), в которых вообще процесс ослабления смычки проявил себя более последовательно. Там даже древняя аффриката **ʃ*, имея, вероятно, среднеязычную артикуляцию, при ослаблении и утрате смычки перешла в соответствующий щелевой *j*, чего не произошло в других бурятских говорах. Во-вторых, в этих же западных бурятских говорах гораздо больше, чем в восточных, наблюдается случаев ослабления **g* в щелевой *x*: зап.-бур. *гэрээхуур* 'там, тем местом' вм. вост.-бур. *гэрээгуур* *id.* и т.п.

Согласный **g* в твердорядных словах (предполагаемый вариант **γ*) тоже ослабился, перейдя, как и **g* мягкорядных слов, там, где он сохранился в процессе исторического развития бурятского языка, в слабый согласный, который в анлауте и ауслауте обычно смычный, причем в анлауте звонкий, а в исходе слов глухой, а в середине слова, особенно в интервокальном положении, выступает обычно со щелевым оттенком. Обо всем этом было сказано во второй главе, поэтому здесь рассматривать этот вопрос мы не будем.

Развившийся из смычного **g* в процессе ослабления щелевой *ɕ*, получив в западных говорах еще большее ослабление, перешел в глухой щелевой *x*, например: зап.-бур. *бахана* 'столб', ср. вост.-бур. *багана*; зап.-бур. *хагнаха* 'пять', ср. вост.-бур. *гагнаха* и т.п. Но в то же время и в восточных говорах, а соответственно и в литературном языке, есть немало слов, в которых на месте исконного **g* развился тоже проточный глухой *x*, в халха-монгольском же языке этот *g* сохраняется, например:

Вост.-бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>дохолхо</i>	<i>доголох</i>	<i>дохлх</i>	<i>doɣulaqu</i>	хромать
<i>хасуури</i>	<i>хацуур</i>		<i>ɣaɕur-a</i>	ель
<i>тохорюун</i>	<i>тогоруу</i>	<i>тоһрун</i>	<i>toɣuriγun</i>	журавль
<i>хахалха</i>	<i>хагалах</i>	<i>хаһлх</i>	<i>qayalaqu</i>	разорвать
<i>хаха</i>	<i>хага</i>	<i>хah</i>	<i>qayа</i>	вдребезги
<i>тохсон</i>	<i>тогсон</i>	—	<i>tosɣun</i>	село

Исчезновение щелевых

Когда в бурятском языке, как и в других монгольских языках, начал действовать процесс ослабления артикуляции, то закономерно произошло еще большее ослабление щелевых фонем того времени, бывших тогда самым слабым звеном фонетической системы. Такими сверхслабыми щелевыми, не имевшими достаточного напряжения артикулирующих органов, чтобы противостоять тенденции ослабления, оказались звонкие щелевые сонанты **γ*, **γ'*, **β*, **у* (йот), стоявшие в интервокальном положении перед долгими гласными, получившими долготу как результат ослабления напряжения бывшего здесь сильного ударного гласного. В процессе ослабления эти сонанты вокализовались и растворились среди соседних гласных. В дальнейшем произошло стяжение этих гласных в один долгий монофтонг, качество которого определилось по 2-му гласному комплекса, бывшему здесь в сильной позиции. Выше, в первой главе уже было подробно рас-

сказано обо всех процессах развития долгих гласных, поэтому повторять этого здесь мы не будем.

Подобное выпадение щелевых интервокальных согласных произошло во всех современных монгольских языках, но стяжение в долгий монофтонг осуществилось не во всех. В некоторых языках, особенно периферийных, таких, как дагурский, могольский, ряд слов так и остался на стадии сочетания разных гласных.

Ослабление и выпадение щелевых согласных в монгольских языках началось давно. Б.Я. Владимирцов [с. 193] пишет, например, по этому поводу: "В очень раннюю эпоху, во всяком случае до возникновения монгольского государства при Чингис-хане, эти проточные $\gamma \sim g$ в большинстве случаев исчезли, а два гласных, между которыми они находились впоследствии слились в один долгий гласный звук. То, что в старом монгольском языке, в древних монгольских наречиях, в положении между гласными, там, где теперь имеется долгий гласный, действительно имелись заднеязычные шумные проточные $\gamma \sim g$, подтверждается рядом соответствий в родственных языках".

Исчезновение интервокальных щелевых с последующим стяжением гласных в один долгий монофтонг в бурятских говорах, но главным образом в западных, как и в калмыцком языке, захватило также комплексы **au*, **oi*, **ei*, **ui*, **üi* и развившиеся из них *ai*, *oi*, *ei*, *ui*, *üi* в то время как в халхаском языке из них развились лишь дифтонги.

Относительно того, как происходило ослабление и выпадение интервокальных **g* и **ɟ*, можно обобщенно предположить следующее.

Ударение в древнем монгольском языке, вероятнее всего, не обязательно было строго фиксированным на первом слоге, как это принято считать. Оно было подвижным и могло быть и на других слогах. Смычные **g* и **ɟ*, находящиеся перед ударным гласным, т.е. гласным сильного слога, починающего себе все остальные, постепенно начали между гласными ослабляться, переходя в щелевые. Произносительные усилия, концентрируемые на сильном слоге, в данном случае на долгом гласном, способствовали дальнейшему ослаблению этого щелевого согласного и растворению его среди соседних гласных.

В тех же словах, где интервокальные согласные **g* и **ɟ* оказались в позиции после ударного гласного, они продолжали сохранять относительную напряженность артикуляции и дольше оставались смычными. Впоследствии, когда признаки, связанные с ослаблением, накопившись количественно, дали новое качество артикуляции и новое качество звуков, комплексы VCV, в которых второй гласный не был ударным, сохранились не дав вместо себя долготы гласных, а интервокальные смычные **g* и **ɟ*, ослабившись, перешли в щелевые.

Для примера сравним развитие бурятских слов *хаха* 'вдребезги' и 'закрой':

**qáqa* → *qáqa* → *qáqa* → *qáya* → *qáya* → *хаха*;

**qaqá* → *qaqá* → *qaqá* → *qa'á* → *qá* → *хаа*.

Точку зрения относительно увязывания смычности и щелинности интервокальных согласных **g* и **ɟ* с разным качеством 2-го гласного комплекса VCV, с его краткостью и долготой, выдвинул Широ Хатга

[см.: Hattori, p. 456—462], о чем подробно уже было сказано в первой главе. Эта точка зрения хорошо увязывается с нашим предположением о явлении ослабления артикуляции, послужившим причиной столь коренных преобразований системы консонантизма в бурятских говорах и вообще в монгольских языках.

Процесс ослабления и выпадения щелевых согласных в интервокальном положении в современном бурятском языке еще продолжается. Характерен он для западных бурятских говоров эхиритского происхождения, в которых тенденция ослабления напряжения вообще проявила себя в гораздо большей степени, чем в других бурятских говорах. В данном случае имеется в виду выпадение фарингального щельского *h* в положении между гласными, о чем в предыдущих главах было уже сказано подробно. Так, например, общебурятские слова типа *саһан* 'снег', *загаһан* 'рыба' дают в западных говорах словоформы *са'ан*, *саан*, *зага'ан*, *загаан*, *загуу'ан*, *загуун*. Однотипное же выпадение *h* наблюдается еще только в старобаргутском языке, связанном своим происхождением с бурятским языком.

Выпадение сонорных перед другими консонантами

Сравнительный материал показывает, что в бурятских говорах и в литературном языке есть словоформы, у которых отсутствуют некоторые согласные звуки, бывшие когда-то здесь в позиции перед другим консонантом. Такому выпадению подвержены главным образом сонанты, причем максимальное количество случаев приходится на долю сонорных *l* (л) и *r* (р). О том, что эти согласные когда-то были в составе данных словоформ, свидетельствует наличие их в словоформах из других говоров и из других монгольских языков. При этом учитывались данные как современных монгольских языков (халхаского, калмыцкого, дагурского, могольского, монгорского, дунсянского, баоаньского), так и материалы из памятников средневекового монгольского языка (Сокровенного сказания. Мукаддимат ал-Адаб, Лейденской рукописи, Синомонгольского глоссария XIV в. Хуа-и и-ю), а также данные классического старомонгольского языка. Рассмотрим конкретные примеры:

бох. *хүдэмэри*, аларск. *хөдэмэр*, бур. НУ *күдмэри*, цонг. *хүдүмур* — лит.-бур., вост.-бур. *хүдэлмэри* 'труд, работа' < *хүдэл* — 'двигаться, работать', ср. х.-монг. *хөдөлмөр*, калм. *көдлмш*, стп.-м. *ködelmüri* 'работа';

цонг. *бахирха* — лит.-бур. *бархирха*, ср. х.-монг. *бархирах*, стп.-м. *barki-gači* 'кричать';

эхир.-булаг. *ээжэн* — лит.-бур. *ээлжэн*, ср. х.-монг. *ээлж*, стп.-м. *egeljī* 'очередь';

бур. *отолхо* — х.-монг. *огтлох*, стп.-м. *oytulaqu* 'отрезать';

бур. *нутаг*, х.-монг. *нутаг*, калм. *нутг*, МА *nutuq* 'родное кочевье' — стп.-м. *nuntuγ~nutuγ*, MNT *nuntuḡ~nutuḡ*, SG *nuntuḡ*, мор. *nuntuq id.*;

бур. НУ, окинск. *маньдиһан*, зап.-бур. *маньйаһан* 'дикий лук' — лит.-бур. *мангир*, вост.-бур. *маньдир*, х.-монг. *мангир*, *мангис* 'дикий лук', калм. *мәңгерсн* 'лук', MNT *manggirsun*, стп.-м. *manggir*, *manggirsun* 'дикий лук';

бур. *үйһэн*, х.-монг. *үйс*, калм. *үүсн*, стп.-м. *üyisün* — MNT *uyilsun* 'береста'.

Кроме того, вызывают интерес случаи, когда бурятский язык наряду с некоторыми другими монгольскими языками сохраняет согласные *л* (*l*) или *р* (*r*), в то время как в остальных монгольских языках они выпали, например:

бур. *үсэгэлдэр*, калм. *өцклдр*, *өцклдур* – х.-монг. *өчигдөр*, МА *öcüge ödür*, ЛР *hečegen*, ИМ *ečügen*, мог. *učkādür*, монгор. *чигудур*, стп.-м. *öcügedür* 'вчера';

бур. *нугархан*, калм. *нуһрсн*, МА *nuqursun*, стп.-м. *nuγursun*, *niγursun* – х.-монг. *нугас* 'спинной мозг';

бур.-вост. *мүгөөрһэн*, *мэнгээрһэн*, зап.-бур. *мөөрһөн*, калм. *мөөрсн*, стп.-м. *mögersün* – х.-монг. *мөгөөс*, *мөгөөрс* 'хрящ'.

Кроме того, в некоторых словах можно предположить наличие в прошлом согласных *l* или *r*, исходя из данных некоторых современных монгольских языков, хотя в старописьменном монгольском и в памятниках средневекового монгольского языка слова бытуют без этих *l* и *r*, например:

даг. П *хайлāрс*~*хайлās* 'вяз' – бур. *хайлааһан*, х.-монг. *хайлаас*, стп.-м. *qayılasun* 'ильм, вяз';

монгор. *кoнopce*, ИМ *köler* – бур. *хулзһэн*, х.-монг. *хөлс*, калм. *көлсн*, даг. К *хүлсу*, стп.-м. *kölesün* 'пот';

монгор. *кōpce* 'пена, накипь' – бур. *хөөһэн*, х.-монг. *хөөс*, калм. *көөсн*, стп.-м. *kögesün* 'пена' < *köge* 'всплывать, подниматься вверх на поверхность жидкости'.

Как можно видеть из приведенных выше примеров, эти выпадающие или сохраняющиеся *l* и *r* находятся зачастую перед аффиксом *-һан* (бур. *-сан* (х.-монг.), *-сн* (калм.), *-sun* (стп.-м.) и т.п. Если обратиться опять к сравнительному материалу, то найдем примеры, в которых эти согласные всегда сохраняются перед данными аффиксами:

Бур.	Х.-монг.	Калм.	Стп.-м.	Значение
<i>алирһан</i>	<i>алирс</i>	<i>алирсн</i>	<i>alirsun</i>	брусника
<i>нуурһэн</i>	<i>нуурс</i>	<i>нуурсн</i>	<i>negürsün</i>	каменный уголь
<i>хашарһан</i>	–	<i>хачрсн</i>	–	чешуя

Согласные *l* и *r* в некоторых словах типа только что приведенных выпали либо по той причине, что, видимо, просто еще не успели выпасть, либо, что более вероятно, сохранились, чтобы не допустить излишней омонимии, так как в противном случае эти слова совпали бы, например, со словоформами *нууһэн* 'кочевал', *хашаһан* 'загороженный' и т.п.

Кроме того, в ряде других случаев в памятниках средневекового монгольского языка, особенно в языке "Сокровенного сказания монголов" [MNT], встречается довольно большое количество слов с таким структурным типом, содержащим в конце слов элементы *-sun* или *-rsun*, например:

MNT *eri'ulsun* 'нищий' (< *eri* 'просить');

MNT *hamḥa'ulsun* 'трава, сорняк', ср. SG *hamḥa'ul* 'сорняк', х.-монг. бур. *хамхуул*, калм. *хамхул*, стп.-м. *qanıqayul* 'перекати-поле';

MNT *čigorsun*, SG *čigorsun* 'можжевеловый', ср. MNT *čigot* (множ. число; здесь показатель множественного числа заменяет *-rsun*, что свидетельствует об его аффиксальности);

MNT *ħaliyarsun* 'дикий лук', ср. х.-монг. *халиар*, бур. *халлар*, стп.-м. *qaliyar* 'черемша';

MNT *olirsun* 'дерево дикой груши', ср. бур. *улир*, х.-монг. *өрөл* 'плоды дикой сибирской яблони', стп.-м. *ögil* 'дикая сибирская яблоня';

SG *öregelsun* 'единственный', ср. MNT *ore'ele~oro'ele*, х.-монг. *өрөөл*, *өрөөсөн*, калм. *өрэл*, *өрасн*, бур. *үрөөлэ*, *үрөөһэн*, стп.-м. *ögügel*, *ögügesün* 'один из пары, симметричная половина'.

Как видно из материала, здесь комплексы *-lsun*, *-rsun* представляют собой сочетание двух аффиксальных элементов *-sun* и *-l* или *-r*, которые могут быть словообразовательными аффиксами, а возможно, и составными элементами корневой основы. Об этом свидетельствуют факты из того же "Сокровенного сказания", когда употребляются параллельно слова с *-sun* и без него, а также когда *-sun* и *-l* взаимозаменяются, например:

MNT *kimul* 'ноготь'~*kimusu* 'ногти, когти', ср. бур. *хюмһан*, х.-монг. *хумс*, калм. *хумси*, монгол. *чимудзе*, дунс. *эымусун*, SG *kimusun*, MA *qimusun*, стп.-м. *kimusun* 'ноготь';

MNT *ħaġa'ul*~*ħaġa'ulsun* 'караул, дозор', ср. бур. *харуул*, зап.-бур. *харуур*, х.-монг. *харуул*, калм. *харул*, стп.-м. *qaġa'ul* 'караул, стража, дозор' < *qaġa'* 'смотреть, наблюдать';

MNT *kebte'ul*~*kebte'ulsun* 'ночная стража' < *kebte-* 'лежать'.

В самом бурятском языке тоже немало случаев, когда в разных говорах, а подчас и в одном и том же говоре употребляются параллельно словоформы, в которых аффиксальные элементы *-l* и *-һан* взаимозаменяются, либо же слово бытует в одном говоре с суфф. *-һан*, в другом же — без него, например:

Зап.-бур.	Вост.-бур.	Х.-монг.	Значение
<i>ġодоһон</i> 'унты'	<i>ġутал</i> ~ <i>ġутаһан</i>	<i>ġутал</i>	обувь, сапоги
<i>арġаһан</i>	<i>арġал</i>	<i>арġал</i>	кизяк
<i>намша</i>	<i>набша</i> ~ <i>набшаһан</i>	<i>навч</i>	лист, листва
<i>хашар</i> (тунк.)	<i>хашарһан</i>	—	чешуя
<i>хасуурһан</i>	<i>хасуури</i>	<i>ġацуур</i>	ель
<i>хашааһан</i>	<i>хашаа</i>	<i>хашаа</i>	ограда, двор
(аларск.)			
<i>харуур</i>	<i>харуул</i> ~ <i>харууһан</i>	<i>харуул</i>	дозор, присмотр
—	<i>саġдуул</i> ~ <i>саġдууһан</i>	—	деревце

Таким образом, факт отсутствия *l* и *r* в комплексах аусланта *-rsun* или *-lsun* в современных монгольских языках или же их говорах не всегда сигнализирует об обычном выпадении согласных. Иногда слово изначально может содержать только один словообразовательный элемент — либо *-sun*, либо *-r* или *-l*, но не их комплексы (*-lsun* или *-rsun*).

Сравнительный материал показывает, что неустойчивость сонантов *r* или *l* перед другими согласными наблюдается не только в бурятских говорах. В единичных словах она отмечается также в монгольском и баоаньском языках (ср. монгол. *маġаше* 'завтра', баоан. *махше* id., ср. стп.-м. *maġaši* id.; баоан. *эгэ*, стп.-м. *erte* 'рано'), но более заметно это выпадение в дунсянском языке, например:

дунс. *мата-* монгол. *март-*, баоан. *мартэ-*, бур. *март-*, х.-монг. *март-*, стп.-м. *umarta-* 'забывать':

дунс. *куган* — монгор. *хурга*, баоан. *хурган*, бур. *хурьган*, калм. *хурһи*, х.-мон. *хурган*, стп.-м. *qıgayaŋ* 'ягненок';

дунс. *джыгуан* — монгор. *джирѣдн~джурѣоң*, баоан. *джирѣон*, бур., х.-монг. *зургаан*, стп.-м. *ǰıgıyaŋ* 'шесть';

дунс. *музу* 'молиться' — монгор. *мургу*, баоан. *мэргэ*, бур. *мургэ*, х.-монг. *мөргө*, стп.-м. *mǰgü* 'кланяться; молиться';

дунс. *сауза* — монгор. *сүлза*, баоан. *сулзэ*, бур. *хуулга*, х.-монг. *суулга*, стп.-м. *saɣuʒa* 'ведро';

дунс. *тазун* 'жирный, тучный' — монгор. *тарауң* 'упитанный (о животном)', баоан. *тарѣоң*, бур. *тарган*, стп.-м. *taɣuŋ* 'жирный, упитанный'.

Сонанты г и л выпадают также и в тюркских языках [см.: Севортян, с. 289–292]. Их выпадение вообще связано со слабой артикуляцией и неустойчивостью сонантов и может быть отнесено к типологическим явлениям.

Ослабление *s в h и d

В традиционных бурятских говорах (кроме сартульского, цонгольского и хамниганского), а соответственно и в современном литературном бурятском языке на месте исконного общемонгольского сибиланта *s в анлауте и между гласными, а также в постконсонантно-превокальной позиции представлен фарингальный h, а ауслaute слога и слова — смычный оглушенный слабый d. При этом *s → h перед любым гласным, кроме *i, поскольку *s + i → ʃi. Выше все эти процессы были рассмотрены подробно, поэтому здесь их касаться не будем. В данном случае нас интересуют причины вызвавшие из всех монгольских языков лишь в бурятском и связанном с ним общностью происхождения баргутском языках развитие *s в h и d. Разберем эти причины.

В свое время выдающийся французский лингвист Антуан Мейе объяснил переход индо-европейского *s в h в позиции перед гласным влиянием ослабления артикуляции. Он писал по этому поводу [с. 121–122]: "Отражение и.-е. *s — одна из сложнейших частей индоевропейской фонетики, потому что здесь большое влияние оказывают соседние артикуляции. Для начала слова соответствия следующие: s в хеттском (где употребление ʃ вместо s в клинописи, по-видимому, указывает на особое произношение s), в "тохарском", в санскритском, в славянском, в балтийском, в германском, в галльском и газльском, в итальянском; h в иранском, в армянском, в греческом, в бриттском; переход в h объясняется слабостью произношения и обнаруживается независимо друг от друга (это очевидно в отношении бриттского) в тех случаях, где артикуляция смычных не отличается твердостью... Между гласными *s подвергается значительным изменениям в тех трех языках, в которых начальное *s уже с древних времен дало h, оно переходит в h, которое сохраняется в иранском и исчезает в армянском и греческом...".

Разбирая причины превращения начального *s в h в башкирском языке Б.А. Серебренников [1973, с. 10–15] поддерживает предположение А. Мейе и считает [с. 13], что "следующий за начальным s гласный особо благоприятствует ослаблению s, преобразуя его в простое придыхание". И действительно, приводимые им примеры из других языков, древних и современ-

ных, показывают, что остальные согласные этих языков тоже ослабили смычку, перейдя в проточные, т.е. все изменения согласных, в том числе и $s \rightarrow h$, представляют собой целостную систему.

Однако Б.А. Серебrenников убежден в том, что переход s в h , наблюдаемый из других тюркских языков еще в якутском, проходил иначе, здесь действовал иной механизм, чем в башкирском языке. Причину превращения s в h в башкирском языке он [1973, с. 14–15] усматривает в том, что в результате перехода s в середине слова и в конце его в межзубной s (δ) общий объем s уменьшился и начальное s ослабло, утратив фонематические функции, до степени простого придыхания. Недостаток s восполнился переходом аффрикаты * \check{s} через * c в s . При этом Б.А. Серебrenников [1973, с. 10] считает, что "превращение начального s в h , интердентализация s в остальных положениях и возникновение нового s из аффрикаты s представляют три совершенно разных процесса, проходивших в различное время". Соглашаясь в целом с этой концепцией для башкирского языка и с тем, что в якутском языке механизм перехода s в h был несколько иным, чем в башкирском, мы склоняемся к мысли, что и в бурятском языке переход s в h и d осуществлялся немного иначе, чем в башкирском, и больше аналогий имеет в якутском языке.

Опираясь на теорию А. Мейе о спирантизации согласных под влиянием ослабления артикуляции, что впрочем представляет собой весьма закономерное общезонетическое явление, мы предполагаем, что в процессе исторического развития бурятского языка, да и других монгольских языков, на каком-то этапе развилась и укрепилась тенденция ослабления напряженности артикулирующих органов. Это соответственным образом повлияло на модификацию не только всей системы консонантизма, но и вокализма, а также на просодию слова. Эта тенденция, заложенная, вероятно, диалектически в потенции развития любого языка, могла усилиться и проявиться под влиянием экстралингвистических факторов. Этими факторами могли быть субстратно-адстратные воздействия на язык прото-бурятских племен как еще на прежней территории их обитания со стороны тунгусо-маньчжуров, так и после их продвижения в Прибайкалье со стороны аборигенных племен.

Поскольку тюркские предки якутов тоже какое-то время обитали на той же территории в Прибайкалье, что и протобуряты, то, возможно, и они испытали на себе воздействие того же субстрата или адстрата. Поэтому в якутском языке развились сходные с бурятским языком фонетические явления перехода * s в h , а также в t , дезаффрикатизация, широкое развитие палатализованных согласных, противопоставленных непалатализованным, развитие смычного вулярного * q в щелевой x и ряд других более мелких моментов. Но при этом якутский язык отличается от бурятского тем, что в якутском совершенно отсутствуют шипящие звуки в собственно-тюркских по происхождению словах. Бурятский же язык, хотя и перевел аффрикаты в щелевые, но удержал шипящие $ш$ и $ж$. Объяснить это можно тем, что эти оба языка получили одинаковый внешний толчок, каковым явился один и тот же субстрат или адстрат, под влиянием которого у них произошло однотипное направление развития артикуляционной базы. Затем тюркские предки якутов ушли на север, унеся с собой эту тенденцию, поддерживаемую там контактами с аборигенами тех краев. Бурят-

ские же племена испытывали воздействие все прибывающих вновь к ним других протобурятских и многольских племен. В результате чего языки этих вновь прибывших племен тоже начинали подвергаться воздействию той же тенденции. Но только воздействие той тенденции под влиянием притока новых племен ослабело и бурятский язык не лишился шипящих, как это произошло с якутским языком.

Итак, обобщенно картина перехода *s в h и d представляется нам в следующем виде.

До прихода в Прибайкалье протобурят, что произошло, вероятно, где-то в XI–XII вв. [см.: Окладников, с. 206], здесь обитали различные самодийские, кетские и эвенкийские племена. Для звуковых систем многих из них как раз характерно отсутствие или весьма слабое развитие шипящих звуков, развитая система противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных, чередование по говорам смычных и щелевых согласных, а также чередование по говорам s и h. Для всех почти этих языков отмечается особое произношение сибиланта s, на слух несколько "шепелявое". Такая особая артикуляция s характерна для всех финно-угорских, самодийских, кетских и тунгусо-маньчжурских языков, т.е. проходит широкой полосой по всей Сибири, захватывая Европейский Север. И как раз в этих языках нет противопоставления s и š: они как бы совпали в одном этом щелевом шумном апиальном \acute{s} , отличающемся некоей шепелявостью. Очень точно охарактеризовал этот звук для нанайского языка В.А. Аврорин [с. 34]: "Нанайская фонема [с] обладает без труда воспринимаемой на слух шепелявостью, всегда обращавшей на себя внимание русских исследователей. Такой характер этой нанайской фонемы служит для нанай помехой в различении русских фонем [с] и [ш]". Аналогичное произношение имеет эта фонема в эвенском [см.: Новикова, с. 71], эвенкийском [см.: Константинова, с. 23], орокском [см.: Петрова, с. 12], кетском [см.: Дульзон, с. 44–45; Вернер, с. 14–15], самодийских языках [см.: Терещенко, с. 366].

В эвенкийском языке по диалектам эта фонема реализуется по-разному: то в виде апиального шепелявого \acute{s} , то в виде шипящего \acute{s} , то в виде h. Эвенкийский язык вообще не различает s и h [см.: Новикова, с. 72], для него это аллофоны одной фонемы. В ненецком языке в начале слова встречается только как чередующийся с h [см.: Вербов, с. 41]. В финском языке h и d считаются слабой ступенью согласного s, появившейся между гласными [см.: Бубрих, с. 154]. например: mies 'мужчина' – miehiet 'мужчины'; paras 'лучший' – parhaassa 'в лучшем'; nopeus 'скорость' – nopeudella 'со скоростью'; viisi 'пять' – viides 'пятый' и т.п. В башкирском языке, как было уже сказано выше, развитие *s → h связано с передвижением *s → ʃ [см.: Серебренников 1973, с. 10–15; Гарипов, с. 131, 137]. В венгерском языке h развился из общевенноугорского s через промежуточную ступень ʃ [см.: Серебренников 1973, с. 12].

Таким образом, происхождение фарингального h в этих языках связано не просто с s, а с особым s: либо межзубным ʃ, либо апиальным шепелявым \acute{s} . Теперь подойдем к этому явлению чисто фонетически и представим, что у этих \acute{s} или ʃ ослабилась артикуляция, вследствие чего значительно расширилась щель, через которую проходит воздушная струя

Расширение щели при произнесении этого \acute{s} в бурятском языке вследствие ослабления могло взаимодействовать и быть поддержано сдвигом назад вообще всей артикуляции бурятского языка по отношению к постулируемому древнемонгольскому состоянию. При этом окажется, что при узкой щели струя создавала свистящий оттенок звука (если же этот \acute{s} стоял перед i , то имел уже более шепелявый оттенок, приближающийся акустически к шипящему звуку), теперь же, после расширения щели, струя воздуха проходит с глухим шумом, который при сохранении работы голосовых связок как раз и дает фарингальный придыхательный h . Но это возможно только в предвокальной и интервокальной позициях, а также в постконсонантном положении перед гласным, т.к. гласное окружение способствует образованию еще большей щели. При сильном же ослаблении артикуляции у \acute{s} и $\acute{ʃ}$, находящихся в конце слога перед согласным, а также в абсолютном конце слова, происходит резкое уменьшение свистящего щелевого элемента за счет возросшей широты щели и время на его произнесение укорачивается, вследствие чего быстро наступает импловивный смык артикулирующих органов. Появляется смычный слабый глухой звук. Им может быть только d , так как артикуляционная фаза у d и \acute{s} одна, разница лишь в том, что \acute{s} щелевой, а d смычный звук.

Итак, в этой связи представляется возможным предположить, что протобурятские племена, войдя в Прибайкалье в контакт с аборигенными племенами (эвенков, самодийцев или кетов, пока это точно не известно), имеющими особую артикуляцию \acute{s} , испытали их влияние в виде субстрата и адстрата, усвоив их артикуляционную базу, для которой было характерно сильное развитие палатализованных согласных (что и развилось в бурятском языке), особая среднеязычная артикуляция шипящих аффрикат (что повлияло на сохранение шипящего характера аффрикат, давших $ʒ$ или щелевой среднеязычный йот — j в западнобурятских говорах на месте свистящего $ʒ$ восточных), а также чередование \acute{s} и h (что и было тоже усвоено протобурятами). Затем, когда усилилась и начала оказывать свое разрушающее действие тенденция ослабления напряженности артикулирующих органов, то последовательную перестройку претерпела буквально вся система звуков протобурятского языка, гласных и согласных. У согласных произошло ослабление аффрикат в проточные, смычных в щелевые, выпадение щелевых, выпадение сонантов перед другими согласными (глухими), ослабление \acute{s} в h и d . На место изменившегося \acute{s} пришло s , развившееся из аффрикаты $tʃ$, а на месте шипящей аффрикаты $tʃ$ возник шипящий щелевой. Таким образом, перестройка всей системы произошла, видимо, за относительно непродолжительный срок единым процессом под влиянием сдвига в характере всей артикуляционной базы.

А возможно, что особый шепелявый характер \acute{s} (обусловивший впоследствии переход в h) протобуряты получили, как и качество палатально-дорсальных аффрикат, способствовавших развитию свистящих аффрикат из их аллофонов перед широкими гласными, как и особое произношение гласного \acute{e} как звука смешанного ряда, как и слияние древних $*\ddot{o}$ и $*\ddot{u}$ в одном центральнорядном \ddot{u} , еще на прежней территории своего обитания от тунгусо-маньчжуров задолго до переселения в Прибайкалье. На эту мысль наталкивает особый характер произношения $*s$ как звука среднего

между *ш'* и *с'*, подмеченный А.Д. Рудневым [1911, с. 180–181] во Внутренней Монголии в ее самом северо-восточном углу в говорах дурбубэйсэ, северный горлос и джалаит, а также переход в этих говорах **s* в *г*. Все это тоже свидетельствует о том, что и здесь представлен особый характер произношения **s*, давший, видимо, шепелявое *ś* и смычный глухой *г*. Наблюдается это вдали от Прибайкалья и от байкальских звенков. Значит, эти монгольские говоры получили особый характер данных звуков под другим влиянием. Это могло быть влиянием местных тунгусо-маньчжурских племен Приамурья, населяющих смежные территории. Тунгусо-маньчжурским же влиянием вызвано, видимо, и особое произношение древнего исконного **e* как звука неясной артикуляции, произносимого как *é*, *і*, *э*, *ө*, *ó*, *ý*, *у*, *у* [см.: Руднев 1911, с. 189]. Аналогичный характер гласного **e* отмечается и в дагурском языке, в котором он тоже произносится как звук смешанного ряда, слегка иногда лабиализованный. Этот звук сопоставляется с аналогичным бурятским и тунгусо-маньчжурским [см.: Поппе 1930, с. 105–106]. А как известно из истории, именно в данном районе обитали в прошлом племена протомонголов, протоиранцев и протобурят, входившие в племенное объединение шивэй. Здесь-то еще в то время протобуряты и могли получить от тунгусо-маньчжуров те свои особенности произношения гласных и согласных, которые способствовали такому значительному изменению звуковой системы бурятского языка в Прибайкалье, видимо, под влиянием аборигенных языков.

Относительно предполагаемой датировки перехода **s* в *h* можно предположить, что он произошел и завершился давно, во всяком случае раньше, чем *tš* → *š*, а *tš* → *s*, так как *s*, равнившийся из *tš*, уже не переходил в *h*. О давности появления *h* в бурятских говорах, особенно в западных, самых древних из бурятских говоров, свидетельствует еще и то, что *h* здесь уже перестал ассоциироваться с **s* и давно начал соотноситься с *x*. Кроме того *h* стал выпадать между гласными подобно *г*.

К сожалению, нет ранних письменных памятников бурятского языка, а те свидетельства современников бурят XVII–XVIII вв., которые известны сейчас, дают весьма противоречивые факты. Так, например, у швейцарца Ранье [см.: Meusel, s. 119–180], который в 1769 г. жил в Иркутске, приведен небольшой словарь [200 слов и выражений] бурятского языка. Там имеются слова, в которых *h* обозначен как *ch* или *g*, и в то же время даны слова, сохраняющие *s*, например: *chaga* 'луна' (ср. лит.-бур. *hapa*, х.-монг. *cap*), *ubuchun* 'трава' (ср. лит.-бур. *убһэн*, х.-монг. *вс*), *chochot* 'слепой' (ср. лит.-бур. *hoxop*, х.-монг. *сохор*), *chaga urochun* 'медведь' (ср. лит.-бур. *хара гурөөһэн* id., х.-монг. *гөрөөс* 'антилопа'), *sagun* 'снег' (ср. лит.-бур. *саһан*, х.-монг. *цас*), *gedegun* 'желудок' (ср. лит.-бур. *гэдэһэн*, х.-монг. *гэдэс*), *chugun* 'береза' (ср. лит.-бур. *хуһан*, х.-монг. *хус*), *dabasa* 'соль' (ср. лит.-бур. *дабһан*, х.-монг. *давс*), *omosu* 'чулки' (ср. лит.-бур. *оймон*, х.-монг. *оймс*), *usu* 'волосы' (ср. лит.-бур. *үһэн*, х.-монг. *ус*), *usin* 'вода' (ср. лит.-бур. *уһан*, х.-монг. *ус*), *giros* 'дикая коза' (ср. лит.-бур. *боро гурөөһэн*, х.-монг. *гөрөөс*), *sü* 'молоко' (ср. лит.-бур. *һун*, х.-монг. *суу*), *buse* 'пояс' (ср. лит.-бур. *буһэ*, х.-монг. *бус*), *sagasun* 'рыба' (ср. лит.-бур. *загаһан*, х.-монг. *загас*).

Создается впечатление, что переход **s* → *h* в это время только начался, еще не завершился. Некоторые монголоведы так и склонны считать,

переход *s → h произошел где-то в XVII–XVIII вв. [см.: Санжеев, 1953, с. 9]. Однако материалы Палласа, приведенные им в "Сравнительных словарях" за 1787 г., очень часто дают для бурятского языка параллельные словоформы, явно принадлежащие к двум разным диалектам, например:

Паллас	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
шалунъ ~ челонъ	шулуун	чулуу	камень
сагазунъ ~ сагасунъ	загаһан	загас	рыба
хуса ~ хуца	хуса	хуц	баран
узунъ ~ усунъ	уһан	ус	вода
югунъ ~ юсунъ	юһэн	ес	девять
сапсаганъ ~ цаганъ	сагаан	цагаан	белый
серкунъ ~ дзурканъ	зурхэн	дзурх	сердце
эра ~ сара	һара	сар	месяц
бишаханъ ~ бацаханъ	бишыхан	бяцхан	маленький

В то же время множество слов у него имеют h (в его передаче х, г), а также другие, явно бурятские черты, например:

Паллас	Лит.-бур.	Х.-монг.	Значение
дабузунъ	дабһан	давс	соль
шуху	шуһан	цус	кровь
мулужунъ	мульһэн	мес	лед
мяхайъ	мяхан	мах	мясо
шикюнъ	шэхэн	чих	ухо
шлхунъ	элһэн	элс	песок
газаръ	газар	гадзар	земля
онгоссу	онгосо	онгоц	судно
отхаху	адхаха	асгах	лить
хунъ ~ гунъ	һун	суу	молоко
напшезу	намшаһан	навч	листья
боръ, тотхо	бор, тоодха (зап.-бур.)	–	глина
шаборъ	шабар	шавар	глина
бузе	бунэ	бус	пояс
зуке	һухэ	сух	топор

Таким образом, материалы Палласа, хотя тоже неоднородные, позволяют предположить, что в то время, как и сейчас, бурятские племена не были однородными. Часть из них представляла собой сравнительно недавних выходцев из Монголии (хонгодоры и др.), которые к тому времени, видимо, полностью еще не адаптировались среди бурятских племен и в какой-то мере могли сохранять некоторые черты монгольского языка. Это среди бурят Прибайкалья. Среди восточных же бурят в то время уже обитали сартулы и цонголы, сохранявшие в большей степени, чем сейчас, монголь-

ские черты в языке. Этим, наверно, и объясняется то, что для бурят тогда было характерно два типа облика слов — сохраняющий монгольские черты (аффрикаты *дз, дж, ч, ц, сибилант с*) и собственно бурятский (щелевые *ш, ж, с, з* вместо аффрикат и *h* вместо сибиланта *с*). Все это и находило отражение в словарях того времени.

Ослабление артикуляции гласных

Система вокализма в бурятских говорах под воздействием той же тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов также претерпела ряд существенных модификаций. На каком-то этапе исторического развития монгольских языков произошла смена акцентуации слогов, с которой вступила во взаимодействие тенденция ослабления артикуляции звуков. Гласные слабых, неударных слогов стали либо совсем отпадать, либо ассимилироваться гласными сильных слогов. В результате корневые основы (условно-непроизводные), да и аффиксальные элементы в монгольских языках, в том числе и в бурятском, претерпели в ряде случаев значительные изменения. Первоначальный облик слова изменился до неузнаваемости (например, *ayuba šigü* дало современное бурятское *уубашье*, х.-монг. *уувч* 'хотя бы и выпил'). Существовавшие в праязыке одно-, двух- и трехсложные корневые основы под влиянием ослабления смычки а затем смены слоговой акцентуации видоизменились. Взаимовлияние этих двух тенденций повлекло за собой развитие долгих гласных с характером долготы по гласному сильного слога, в данном случае по второму гласному долготного комплекса. Гласный же первого слога в таких комплексах в этих случаях полностью утратил свое качество, ассимилировавшись гласным сильного второго слога. Схема развития такова, например:

**agūla* 'гора' → **aγūla* → **aḡūla* → **a'ūla* → **o'ūla* → **u'ūla* → *ūla* (ср. современное бурятское *уула* 'гора');

**sigü-* 'цедить' → **šigü-* → **šī'ü-* → **šū'ü-* → *šū-* (ср. современное бурятское *шу-* 'цедить').

При этом монгольские языки стали стремиться к корневой основе с меньшим количеством слогов. Произошедшая затем смена акцентуации и закрепление главного ударения на 1-м слоге слова привели в некоторых языках к сильной редукции гласных последующих слогов не только открытых, но и закрытых. В ряде языков произошло даже не только отпадение конечного -*n* основы, но вообще полная редукция и отпадение всего последнего слога (как, например, в халха-монгольском, в котором из *paḡan* стало *нар* 'солнце', ср. бур. *наран*, калм. *нарн* id.; из *yasun* стало *яс* 'кость', ср. бур. *яһан*, калм. *яси* id. и т.п.). В халха-монгольском языке основным типом корневой основы стал тип с одним кратким или долгим гласным, т.е. (C)V(:)C, характерный для тюркских языков [см.: Котвич, с. 34] и, возможно, развившийся под их влиянием. В калмыцком языке возобладала, видимо, акцентуация несколько иного типа, чем в халхаском, так как в калмыцком языке удержался последний слог и сохранилось конечное -*n* основы. Господствовать в калмыцком языке стали типы слогов (C)V(C) и (C)V(:)C(C)VC, т.е. односложные и двусложные (имеются в виду только корневые основы). Конечный слог, особенно с конечным -*n*, сохраняется. Его сохранение при явной тенденции редуцировать гласные не

вых слогов и особенно конечный гласный ауслата объясняется, видимо, особенностями слоговой акцентуации, поддерживаемой стремлением удерживать этот -п как морфологический показатель имени. Исыккульские же калмыки утверждают даже, что главное ударение у них падает в слове на последний гласный перед этим конечным -п, например: *махан* 'мясо', *гәәхән* 'красивы', *марһн* 'конь', *кумун* 'человек'. Произношение же с русским ударением на 1-м слого этих слов они считают неверным, искажающим данные слова. Следовательно тип ударения в калмыцком языке иной, чем в русском, а второй слог имеет дополнительное, возможно, музыкальное ударение.

В бурятском языке положение аналогично калмыцкому. И в нем основы имен удерживают конечный -п. Вопрос относительно характера ударения в бурятском языке пока до конца не выяснен. Видимо, и в нем ударение не всегда было на 1-м слого, так как в разговорном языке встречается немало случаев, когда гласный 1-го слога слова отпал, например:

окинск. *мээл* 'седло', ср. лит.-бур., х.-монг. *эмээл*, стп.-м. *emegel* id.;

общебур. *марта*-, х.-монг., калм. *март*- 'забывать', ср. стп.-м. *umarta*- id.;

общебур. *нээрээ*, х.-монг. *нээрээ* 'действительно', ср. стп.-м. *ünen-iyer-iyen* id.;

тунк. *нөөдөр* 'сегодня', ср. лит.-бур. *үнөө үдэр*, х.-монг. *өнөөдөр* id.;

зап.-бур. *неэн* 'жорова', ср. лит.-бур. *унезн*, х.-монг. *унээ*, стп.-м. *üniyen* id.;

барг. *неэдэн* 'смех', ср. лит.-бур. *энеэдэн*, х.-монг. *инээд*, стп.-м, *iniyeden* id.;

зап.-бур., цонг. *неэхэ* 'смеяться' ср. лит.-бур. *энеэхэ*, х.-монг. *инээх*, стп.-м. *iniyekü* id.;

тунк. *нөөнени* 'сегодня ночью', ср. лит.-бур. *үнөө һуни* id.;

цонг., хор. *үөахи* 'тот самый', ср. лит.-бур. *унөөахи*, х.-монг. *өнөөх* id.

Сильная редукция начальных гласных и даже слогов наблюдается в монгорском языке, а также в баоаньском и шира-югурском и связано с их ударением на последнем слоге. По этому поводу Б.Х. Тодаева [1973, с. 17—18] пишет: "В отличие от остальных монгольских языков в монгорском ударение падает на последний слог слова. В силу этого в нем наблюдается ослабление гласных начального, неударного слога. Если в других монгольских языках, где ударение падает на первый слог, ослабляются конечные гласные, то в монгорском существует явление обратного порядка — выпадают неударные гласные в начальной позиции:

	Мгр. х.	Монг. письм.	Совр. монг.
<i>досе-</i>	'проголодаться'	ölüsü-	<i>алсв-</i>
<i>мосе-</i>	'надевать'	emüs-	<i>амсө-</i>
<i>нага</i>	'жеребенок'	unaya	<i>унаган</i>
<i>ре-</i>	'приходить'	ire-	<i>ирэ-</i>
<i>гуле-</i>	'говорить'	ügüle-	<i>агүлэ-</i>
<i>сага-</i>	'спрашивать'	asaγu-	<i>асуу-</i>

Подобная утрата гласных происходит в баоаньском и в языке шира-югуров. В них, так же как и в монгорском языке, ударение падает на последний слог слова и как результат предельной редукции происходит выпадение гласных в начальном слоге".

Таким образом, только иной, чем теперь, акцентуацией прамонгольского

языка и сильным ослаблением артикуляции звуков, в том числе и гласных, можно объяснить отпадение в бурятских говорах гласных I-го слога слова и те ассимилятивные процессы, которые произошли с гласными первых слогов, в том числе и перелом *i.

Как показывают материалы по монгольским языкам, этот позднейший по классификации Г.Д. Санжеева [см.: 1953, с. 94] перелом *i захватил также и гласный *e. Попросту же это была утрата в результате ослабления гласными *i и *e начальных слогов своих артикуляционных особенностей и подчинение гласному последующего более сильного ударного слога (обычная ассимиляция). Затем же, когда ударение передвинулось и закрепилось на начальном слоге, сильная позиция перешла к нему, и те гласные *i и *e, которые к этому моменту не успели ассимилироваться, сохранились, так как стали ударными. Гласные же последующих слогов, даже бывшие в прошлом сильными (ударными) и когда-то ассимилировавшиеся, теперь стали ослабевать, терять свое качество и редуцироваться. Рассмотрим это конкретнее. Так, например, у основ типа *nidün 'глаз', *sidün 'зуб', *nilqá 'новорожденный', *jidá 'пика', *ebúl 'зима', *ebesün 'трава' и т.п., имевших ударение на последнем слоге, гласные I-х слогов в результате ослабления подчинились по своей артикуляции гласным сильных (ударных) слогов, вследствие чего развились формы: n'üdün, šüdün, n'á lqá, jadá, óbúl. öbüsün и т.п. (что, между прочим, и зафиксировано в памятниках средневекового монгольского языка; ср.: MA öbül 'зима' и другие основы такого типа ödür < edür 'день', örgü- < ergü- 'поднять' и т.п.). При передвижении ударения и закреплении его на I-м слоге здесь усилилась гласная, уже успевшие к этому моменту развиться здесь на месте прежних *i и *e. Последующие же слоги стали ослабляться, оказавшись в неустойчивой позиции, и их гласные начали утрачивать свое качество. Так появились бурятские разговорные диалектные формы типа нуду// нудэ 'глаз', шуду// шудэ 'зуб', убул// убэл 'зима' и т.п.

Гласный *i, стоящий в непервых слогах, в бурятских говорах тоже утратил свои артикуляционные особенности, подчинившись гласному сильного, теперь уже I-го, слога, например: бур. горьэ < γorgi 'пряжка', бур. ар'а, ар'са, арш'а < arki 'водка', ошохо < ošiqu 'пойти', сабшаха < šabšiqu 'рубить', шье < šigi 'хотя' и т.п.

В бурятском языке перелом *i начался, вероятно, как и в калмыцком, позднее, чем в халха-монгольском языке, о чем упоминалось уже выше, и завершился быстрее, так и не успев дать к моменту передвижения ударения на первый слог слова другим гласным на месте *i, который во многих случаях сохранился, например бур. химда, калм. кимд 'дешевый' < kimda, ср. х.-монг. хямд; бур. нилха, калм. нилх 'новорожденный' < nilqa, ср. х.-монг. нялх; калм. жид 'пика', ср. бур., х.-монг. жада < jida. Ср. также в бурятских говорах н'идэн 'глаз' < nidün (ср. лит.-бур. нюдэн), шидэн 'зуб' < šidün (ср. лит.-бур. шудэн), шитаха 'гореть' < šitaqu (ср. лит.-бур. шатаха) и т.п.

Таким образом, развившаяся в бурятском языке, особенно в эхиритских говорах, тенденция ослабления артикуляции вызвала вполне закономерное изменение во всей системе гласных и согласных, а также преобразования слоговой структуры корневых основ в сторону сокращения количества слогов. Развившаяся далее смена слоговой акцентуации закрепила

возникшие модификации звуков и новую слоговую структуру. В бурятских говорах (главным образом западных) под воздействием этих процессов происходит отпадение в ряде слов гласных анлаута, а также стяжение слогов и образование долгих гласных за счет выпадения интервокального *h*, развившегося из **s*.

Как показывает сравнительный материал, и в других современных монгольских языках наблюдаются рефлексy, связанные как с историей развития гласного **i*, так и ослаблением напряженности артикулирующих органов. Так, например, опереднение гласных сильно развито в калмыцком языке, в языке дархатов и монголов Внутренней Монголии, палатализация согласных — в халхаском и дагурском, переход аффрикат и смычных в щелевые встречается еще в калмыцком, халхаском, дагурском языках и диалектах Внутренней Монголии, во всех современных монгольских языках развились долгие гласные за счет ослабления и исчезновения щелевых согласных между гласными, во всех языках также отмечается спорадическое выпадение сонорных и редукция гласных в слабой позиции. Но все же следует признать, что в бурятском языке и его говорах все эти явления получили наибольшее развитие.

б

б

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая и обобщая все сказанное выше относительно развития звукового строя бурятского языка в свете данных других монгольских и алтайских языков, можно сделать ряд следующих выводов.

1. Древний бурятский язык до того, как в нем произошел в области фонетики столь существенный сдвиг, выразившийся главным образом в появлении h ($< *s$) и щелевых согласных на месте исконных аффрикат $*č$ и $*j$ ($š$ и s на месте $*č$ и $ž$, z , j на месте $*j$), имел в звуковом отношении вид языка типа современных ойратского или халха-монгольского, поскольку бурятские свистящие щелевые s и z , появившиеся на месте древних $*č$ и $*j$, могли развиваться только из свистящих аффрикат типа $ч$ (ts) и $дж$ (dz), представленных из всех современных монгольских языков лишь в ойратском и халха-монгольском. Это объединяет бурятский язык с данными языками в одну группу северных монгольских языков [см.: Поппе 1930 а, с. 17]. О былой тесной общности этих языков говорит и морфология [см.: Цыдендамбаев 1979].

Ранее нами уже выдвигалась гипотеза о развитии свистящих аффрикат на месте исконных шипящих в группе северных монгольских языков под тунгусо-маньчжурским влиянием [см.: Рассадин 1975, с. 65–69]. Вероятно, на каком-то этапе своего развития группа северных монгольских языков, включавшая протобурятский, протоойратский и протохалхаский языки, испытывала сильное влияние языков типа южных тунгусо-маньчжурских, у которых аффрикаты $ч$ и $ж$, соотносимые исторически с t и d , произносятся как палатально-дорсальные аффрицированные звуки, имеющие свистящие аллофоны перед широкими гласными и более шипящие перед узкими i и e . Монгольские аффрикаты $*č$ и $*j$, особенно развившиеся из $*t$ и $*d$ перед $*i$, вероятно, тоже имели в то время подобную артикуляцию, дававшую свистящие аллофоны перед широкими гласными и шипящие перед узкими. Впоследствии, когда группа северных монгольских племен, обитавшая в древности в верховьях южных истоков Амура (монгольские племена шивэй), продвинулись на запад, их языки вышли из-под тунгусо-маньчжурского влияния, а позиционные оттенки — аллофоны аффрикат (свистящие перед широкими гласными и шипящие перед узким i) фонологизовались, перейдя в соответствующие свистящие и шипящие аффрикаты. Южная же группа монгольских языков, не испытывавшая этого влияния, развила во всех позициях шипящие варианты аффрикат. В свое время Б.Я. Владимирцов [с. 397] высказывал догадку, что аффриката $*j$ имела особый характер: "По всей вероятности общемонгольское $*j$ было средним между $*dž$ и dy , почему оно и могло развиваться на монголь-

ской почве в *й, у, ү, j, d ~ л, ʒ, ʒ, з'*. Так что выдвигаемое нами предположение имеет реальную основу.

2. Хотя бурятский, халха-монгольский и ойратский языки по многим сближающим их признакам объединяются в одну группу, у каждого из них имеются специфические черты, выделяющие его среди остальных. Представлены такие черты и в бурятском языке.

Так, в области вокализма для бурятского языка (для всех его традиционных говоров) характерно произношение фонемы **e* как гласного смешанного ряда, обозначаемого в фонетической транскрипции знаком *э* (орф. *э*), а фонем **ö* и **ü* — как соответствующих центральнорядных звуков *ё* (орф. *ё*) и *ю* (орф. *ю*). В ойратских же диалектах (а соответственно и в калмыцком языке) здесь произносятся переднеязычные гласные *е*, *ё* (*ө*) и *ю* (*у*). В халхаском языке на месте **e* представлен, как и в ойратском, переднеязычный открытый *е* (типа русского *э*), а на месте **ö* и **ü* — центральнорядные гласные типа бурятских. Произношение остальных гласных в общих чертах совпадает. Только в западных бурятских говорах развито сильное опереднение гласных, как и в ойратском языке, под влиянием исторического **i* (типа *bäg'xä* 'брат' < *бариха*, *mög'iq* 'конь' < *морин* и т.п.), а также образовались, как и в ойратском, долгие опередненные монофтонги на месте исторических дифтонгов и дифтонговых комплексов (типа *bä* 'будь' < *бай-*, *ö* 'лес' < *оу* и т.п.). Таким образом, вокализм бурятского языка, с одной стороны, имеет общие черты с ойратским, а с другой — с халхаским, сохраняя в то же время и свою специфику в виде гласного *э* смешанного ряда.

Кроме того, все традиционные бурятские говоры делятся на два крупных массива в отношении сохранения фонемы **ö*: группу западных говоров, в которых центральнорядный *ё* (< **ö*) сохраняет статус фонемы, и группу восточных говоров хоринского типа, в которых такой же звук *ё* (< **ö*) утратил фонемные свойства и выступает лишь как оттенок фонемы *ю* (< **ü*), слившись с нею.

Если выйдем за пределы ареала указанных трех языков, то увидим, что бурятское смешаннорядное *э*, а также слияние в одном центральнорядном *ю* (орф. *ю*) двух исторических фонем **ö* и **ü* находят свою полную аналогию в дагурском языке (ср. дагурские *ε ~ ε̂* и *ү*) и в языке джарутов Внутренней Монголии (ср. джарутские *ε* и *u*). Полное соответствие бурятскому и дагурскому *ε ~ ε̂* уже было отмечено в тунгусо-маньчжурских языках [см.: Попле 1930, с. 105—107], для которых вообще повсеместно характерно произношение гласного *э* как звука смешанного ряда с различной степенью лабиализации [см.: Цинциус. с. 78].

Таким образом, появление гласного этого типа на месте **e* в рассматриваемых монгольских языках можно объяснить тунгусо-маньчжурским влиянием. Этим же влиянием можно объяснить и слияние исторических **ö* и **ü* в одном центральнорядном *ю*, представленном в этих же языках, поскольку для тунгусо-маньчжурских языков тоже не характерно противопоставление фонем **ö* и **ü*. Для них обычно наличие одного гласного *у* (ш) на месте *ö* и *ü* других алтайских языков [см.: Рясянен, с. 28, табл.]. Тем самым напрашивается предположение о принятии бурятским, дагурским языками и некоторыми восточномонгольскими говорами тунгусо-

маньчжурской системы гласных с ее особенностями артикуляции. Именно взята вся система, а не отдельные звуки. Произойти это могло, возможно, еще в то время, когда протобуряты продолжали обитать на своей прежней территории в верховьях истоков Амура и когда ими была воспринята от тунгусо-маньчжуров та особая артикуляция аффрикат *č и *č̣, давшая впоследствии свистящие аффрикаты перед широкими гласными.

Сохранение фонемы *ɔ* (орф. *ө*) в западных бурятских говорах можно объяснить их большей древностью, а скорее всего включением в более позднее время в состав западных бурят ойратских и монгольских племенных групп, под влиянием которых *ө* удержало статус фонемы.

В области консонантизма традиционные бурятские говоры отличаются от ойратского и халхаского языков полной дезаффрикатизацией, т.е. развитием щелевых звуков *с, з, ш, ж* на месте соответствующих аффрикат *ц, дз, ч, дж*. Лишь в ойратском, как и в бурятском, на месте аффрикаты *дз* образовался свистящий щелевой *з*. Кроме того, в бурятском языке исторические смычные **k* и **q* дали щелевой *х*, как и в халхаском (исключение составляет из традиционных бурятских говоров нижнеудинский, сохраняющий в данном случае смычность этих фонем). В ойратском же в *х* перешел **q*, а **k* везде сохранил смычность. Исторический **g* в позиции перед **i*, палатализуясь, часто дает в бурятских говорах щелевой *й*. В прошлом это было характерно для всех бурятских говоров, ныне же только для западных. В западных говорах, главным образом эхиритских, произошло, кроме того, развитие аффрикаты **ʃ* в щелевой *й*, видимо, еще на стадии среднеязычности артикуляции **ʃ*.

В отношении развития аффрикат традиционные бурятские говоры тоже распадаются на два массива: группа западных бурятских говоров, в которых в гораздо большем количестве слов представлены шипящий рефлекс *ж* (в аларском говоре) и среднеязычный щелевой *й* (в эхиритбулагатских говорах) как результат непосредственного развития шипящей аффрикаты **ʃ*, и группа восточных говоров, в которых во многих словах содержатся свистящие рефлексy этой аффрикаты, развившиеся здесь на месте свистящей аффрикаты *дз*.

За пределами группы северных монгольских языков переход аффрикат в щелевые наблюдается еще в дагурском (**č* иногда дает *š*) и в джарутском (**č̣* регулярно дало *š*). Аффриката же **ʃ* в дагурском и джарутском сохраняется. Объяснить дезаффрикатизацию влиянием тунгусо-маньчжурских языков не представляется возможным, поскольку для всех их как раз характерно наличие аффрикат *ч* и *ч̣*, а также смычного *к* (анлаутный *х* во многих из них является развитием **pf*). Таким образом, для дезаффрикатизации бурятского и некоторых других монгольских языков следует искать иные причины.

3. Ряд моментов исторического развития звукового строя бурятского языка носит общемонгольский характер, например: развитие **q* в *х*, а в ряде языков и **k* в *х* (халхаский, ойратский, дагурский, ордосский, монгольский языки, восточномонгольские говоры); появление долгих гласных на месте долготных комплексов VCV за счет исчезновения интервокальных согласных (все современные и средневековые монгольские языки);

ассимиляция гласных анлаута *i и *e (в разной степени все современные монгольские языки). Объяснить это можно только действием общей для всех монгольских языков тенденцией ослабления напряженности артикулирующих органов. Этим же объясняется и дезаффрикатизация, как одно из звеньев общей системы перестройки всего звукового строя бурятского языка под действием этой тенденции. Захватив некогда все монгольские языки, она проявила себя в них по-разному, остановив свое действие в одних (за счет чего сохраняется смычный характер *q и *k, аффрикаты, переломленный *i, иногда и *e, а в некоторых периферийных языках и двослоги после выпадения интервокальных согласных, не успевшие стянуться в долгий монофтонг) и продолжив в других. Сильнее же всего эта тенденция проявила себя в бурятских говорах (*ʃ → ʒ; *č → ʒ; *dz → z; *tʂ → s; *s → h ~ d; *q и *k → x), более всего разившись в группе западных бурятских говоров (ослабление палатализованного *g в щелевой j, аффрикаты *j тоже в j, исчезновение фарингального h между гласными и образование вторичных долгот гласных). Только влиянием тенденции ослабления можно объяснить утрату смычки у *k и *q и у аффрикат, а также исчезновение интервокальных *g, *γ, *у (йот), а затем и h (< *s) и образование заместительных долгот гласных, переломы (ассимиляцию) гласных *i и *e.

Тенденцию ослабления, как общемонгольскую, протобурятский язык мог принести с собой в Прибайкалье. А здесь она могла получить поддержку и стимуляцию к усиленному развитию под субстратно-адстратным влиянием аборигенных племен, что явилось экстралингвистическим фактором для развития внутренних потенций языка протобурят. На эту мысль наталкивает тот факт, что типологически аналогичное развитие получил якутский язык, вернее его тюркская часть, в которой тоже, видимо, под однотипным же воздействием извне на месте исторических аффрикат развились щелевые согласные, *q дал щелевой x, а на месте *s появились h и t. Только в отличие от бурятского языка в якутском полностью исчезли шипящие звуки. Это могло развиться в якутском языке под влиянием тех эвенкийских диалектов, в которых отсутствуют шипящие звуки.

В бурятском языке тенденция ослабления, по всей вероятности, не могла усилиться под влиянием местного эвенкийского языка, так как во всех эвенкийских диалектах и говорах, как уже упоминалось, сохраняются смычный k и аффрикаты ч и ʃ. Следовательно, эвенки не могли быть тем аборигенным народом, вызвавшим такое сильное развитие ослабления смычки в бурятских говорах. В данном случае обращает на себя внимание ареал соседних тюркских языков Саяно-Алтайского нагорья и Минусинской котловины — языки шорский, хакасский, гувинский, и тофаларский, в которых тоже прослеживается действие аналогичной тенденции ослабления смычки, выразившееся в развитии x или h на месте *q и *k, ослабление (оглушение) *ʃ в ʒ, переход аффрикаты *č в щелевой ʒ, развитие долгих гласных на месте двослога VC'V после ослабления и выпадения интервокальных согласных. Этот ареал тюркских языков, таким образом, смыкается с монгольскими языками, а особенно с бурятским, образуя вместе с ними и якутским языком один более широкий ареал с результатами действия одной тенденции ослабления.

Задачей является отыскание тех аборигенных племен, которые могли вызвать такое сильное ослабление напряженности артикулирующих органов в бурятском языке. Этими племенами могли быть как кетоязычные, так и палеазиатскоязычные племена.

Ослабление захватило бурятские говоры, вероятно, очень давно, поскольку оно прослеживается, как однотипное с бурятским, и в старобургутском диалекте, а также и потому, что тот особый по артикуляции сибилант *s*, который мог появиться в бурятском языке еще на прежней территории под тунгусо-маньчжурским влиянием, ослабившись, дал *h* в анлауте и между гласными и *d* в конце слова. А этот *h* в свою очередь стал уже замещаться согласным *x* (< *q и *k), а кое-где и *z*, а также стал выпадать в интервокальной позиции. После перехода **s* в *h* стали развиваться шелевые *s* и *z* на месте аффрикат *ts* и *dz*.

Развитие **s* в *h* могло быть, с другой стороны, поддержано влиянием и эвенкийского языка, в некоторых говорах которого тоже отмечается переход **s* в *h*. Вполне вероятно также, что местный эвенкийский язык мог быть тем фактором, под влиянием которого в бурятском языке закрепились те тунгусо-маньчжурские черты в фонетике (особенно в вокализме), которые протобуряты принесли с собой в Прибайкалье и которые, ввиду отсутствия подобного влияния, исчезли у халха-монголов и ойратов.

4. Нельзя не упомянуть еще об одной тенденции, охватившей в прошлом почти все монгольские языки, — это тенденция переноса ударения в слове на начальный слог, следствием чего явилось перераспределение мест сильных и слабых слогов в слове. Действовать эта тенденция начала уже после того, как под влиянием перелома **i*, а точнее говоря ассимиляции гласных **i* и **e*, некогда стоявших в слабых, безударных слогах, развились другие гласные: на месте **i* — *a*, *o*, *u*, *ü*, а на месте **e* — *ö*, потому что после закрепления ударения на первом слоге слова усилился гласный, уже успевший развиться на месте **i* или **e*, а гласные последующих слогов, бывшие некогда ударными и подчинившие себе эти **i* и **e*, ослабев, стали редуцироваться и в ряде языков совсем отпали (явление типа **nidün* 'глаз' → **nüdün* → **nüdün* → **nüdü* → **nüdü* → *nüd*).

Развитие долгих гласных из долготных комплексов VCV с характером, определившимся по второму гласному комплекса, в прошлом ударному, а также ассимиляция (так называемый перелом) **i* и **e* свидетельствуют, что когда-то ударение в монгольских языках, в том числе и в бурятском, было подвижным, оно могло быть не только на первом слоге, но и на втором, и на третьем и т.п. Затем в силу неизвестных пока причин оно стало передвигаться на первый слог слова. На этот сдвиг в развитии слоговой акцентуации монгольских языков могли вполне повлиять тюркские языки, у которых исторически была несколько иная корневая структура, преимущественно односложная [см.: Котвич, с. 34].

Таким образом, сравнительно-исторический анализ звукового состава современных бурятских говоров показывает, что традиционные бурятские говоры распадаются в фонетическом отношении на два крупных массива: более архаичную группу западных говоров и группу восточных говоров хоринского типа. Вокализм бурятских говоров обеих групп, сближаясь в своих основных характерных чертах с таковым дагурского языка и не-

которых восточномонгольских говоров, сформировался под сильным тунгусо-маньчжурским влиянием. В консонантизме тунгусо-маньчжурское влияние выразилось в развитии свистящих звуков на месте исторических шипящих аффрикат и особом характере сибиллянта *s, давшего впоследствии, при сильном развитии ослабления напряженности артикулирующих органов, фарингальный h и дорсальный слабый d. Тунгусо-маньчжурские черты в звуковом облике протобуряты принесли на новую территорию своего обитания, в Прибайкалье, где они закрепились и усилились под вторичным влиянием тунгусо-маньчжурского языка, на этот раз эвенкийского, а также аборигенных языков других групп. Пока остается открытым вопрос о том, какими были языки, способствовавшие столь сильному развитию тенденции ослабления, вызвавшей утрату бурятским языком аффрикат и переход *s в h и d.

Появление h в бурятском языке под влиянием эвенкийского субстрата [см.: Бураев 1977, с. 40] сейчас окончательно установить довольно трудно, поскольку группа хакающих эвенков (у которых *s → h во всех позициях в слове), объединяемая в составе северной группы эвенкийских говоров [см.: Василевич, с. 645], локализуется в районе Северного полярного круга между Нижней Тунгуской и Хатангой. Восточная группа эвенкийских говоров, у которых h дает только интервокальный *s а анлаутный *s_h сохраняется [см.: Василевич, с. 645–646, 648], локализуется к востоку от Бодайбо и Муи вплоть до Охотского моря. Те же эвенкийские говоры, которые располагаются возле Байкала, в районе непосредственных контактов с бурятскими говорами, классификационно относятся к южной группе эвенкийских говоров, у которых *s либо дал š, либо сохранился [см.: Василевич, с. 644–645]. К ним относятся говоры баунтовских и северо-байкальских эвенков. Говор эвенков Баргузина в своей основе секающий (т.е. *s → s), но включает и некоторые черты восточной группы.

Таким образом, предстоит еще определить, какие группы эвенков, да и эвенков ли?, могли дать h традиционным бурятским говорам. А может быть, это просто результат перестройки всей звуковой системы бурятского языка из-за того, что некий субстрат или адстрат сыграл роль внешнего толчка и направил внутреннее развитие бурятской фонетики в иную сторону, чем в других монгольских языках. Во всяком случае остается бесспорным, что бурятские говоры в прошлом испытали на себе сильное влияние тунгусо-маньчжурских языков.

На русском языке

- Абашеев Д.А.* Тункинский говор. В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965.
- Аврорин В.А.* Грамматика нанайского языка. Т. I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.—Л., 1959.
- Алексеев Д.А.* О "территориальных" диалектах бурят-монгольского языка. В кн.: Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955.
- Бажеева Т.П.* Библиография публикаций по фонетике бурятского языка. Труды института общественных наук БФ СО АН СССР, сер. языковед. Улан-Удэ, 1976, вып. 29.
- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969.
- Бертагаев Т.А.* Заметки лингвиста о хоринском говоре. Зап. ГИЯЛИ. Улан-Удэ, 1936, вып. 1.
- Бертагаев Т.А.* Сингармонизм, ударение и изменение звукового строя языка. ВЯ, 1968, № 2.
- Бертагаев Т.А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
- Бертагаев Т.А.* Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках. — ВЯ, 1971, № 6.
- Биткеев П.Ц.* Неясные гласные калмыцкого языка. Зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1964, вып. 3.
- Биткеев П.Ц.* Экспериментальное исследование звукового строя калмыцкого языка. Автореф. канд. дис. Л., 1965.
- Биткеев П.Ц.* Согласные фонемы калмыцкого языка. Улан-Удэ, 1965а.
- Биткеев П.Ц.* Фонетические причины сингармонической трансформации слов в монгольских языках. Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук, 1968, вып. 3, № 11.
- Биткеев П.Ц.* Проблемы графики и орфографии современного калмыцкого языка. Элиста, 1969.
- Биткеев П.Ц.* Фонематические оппозиции в результате количественных изменений в системе гласных калмыцкого языка. В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11—13 мая 1969 г. Томск, 1969а.
- Биткеев П.Ц.* Количественные изменения гласных в монгольских языках. — В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып. 5. Улан-Удэ, 1970.
- Биткеев П.Ц.* Твердый гласный *й* в монгольском языке Тувы. — Учен. зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1973, вып. 11.
- Биткеев П.Ц.* Проблемы фонетики калмыцкого языка. Элиста, 1975.
- Биткеев П.Ц.* Мягкие согласные в алтайских языках. — В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Материалы Всесоюзной конференции (Элиста, 17—19 мая 1972 г.). М., 1975а.
- Биткеев П.Ц.* Сравнительно-типологическая характеристика гласных фонем монгольского и калмыцкого языков. — В кн.: Исследования по монгольской филологии. М., 1978.
- Бобровников А.А.* Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Буррих Д.В.* Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948.

- Будаев Ц.Б.* Фонетические особенности цонгольского говора. Кратк. сообщ. БКНИИ СО АН СССР, сер. ист.-филол., 1962, вып. 4.
- Будаев Ц.Б.* Цонгольский говор. В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965.
- Будаев Ц.Б.* Формирование южнобурятских говоров как результат взаимодействия монгольского и бурятского языков. В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1977.
- Будаев Ц.Б.* Североселенгинский говор бурятского языка (Опыт сравнительно-статистического анализа материалов, собранных по программе диалектологического атласа). В кн.: Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977а.
- Будаев Ц.Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978.
- Бураев И.Д.* Краткий обзор работ по фонетике бурят-монгольского языка. - Сб. трудов по филологии. Улан-Удэ, 1958, вып. 3.
- Бураев И.Д.* Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959.
- Бураев И.Д.* Сингармонизм в бурятском языке. - Труды БКНИИ СО АН СССР, сер. вост., 1960, вып. 3.
- Бураев И.Д.* Сартульский говор. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965.
- Бураев И.Д.* Некоторые фонетические особенности говора аларо-унгинских бурят. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2, Улан-Удэ, 1968.
- Бураев И.Д.* Фарингальный *h* в бурятских диалектах. В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976.
- Бураев И.Д.* Длительность гласных и согласных звуков байкало-кударинского говора бурятского языка. - Труды БИОН БФ СО АН СССР, сер. языковед., 1967а, вып. 29. ³
- Бураев И.Д.* Спирантизация согласных в монгольских языках. В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1977.
- Бураев И.Д., Бажсеева Т.П., Павлова Е.С.* Атлас звуков бурятского языка. Улан-Удэ, 1975.
- Бэцэ Л.* Об аффрикатах хоринского диалекта. - Кратк. сообщ. ин-та народов Азии. 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964.
- Бэцэ Л.* Об иволгинском говоре хори-бурятского диалекта. В кн.: О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968.
- Вандуй Э.* К вопросу классификации говоров и подговоров в халхаском наречии. - В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. I-р боть. Улаанбаатар, 1973.
- Василевич Г.М.* Грамматический очерк эвенкийского языка. - В кн.: Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- Верба Н.К.* К истории изучения долгих гласных и их роли в монгольских языках. - В кн.: Вопросы грамматики и лексики современного калмыцкого языка. М., 1976.
- Верба Н.К.* Древнемонгольский комплекс с интервокальным согласным и его эквиваленты в современных монгольских языках. Автореф. канд. дис. М., 1978.
- Вербов Г.Д.* Диалект лесных ненцев. В кн.: Самодийский сборник. Новосибирск, 1973.
- Вернер Г.К.* Звуковая система сымского диалекта кетского языка. Автореф. канд. дис. Томск, 1966.
- Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
- Гаджиева Н.З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.
- Гаринов Т.М.* Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.
- Ламдинов Д.Г.* Этно-лингвистический очерк хамниганского говора. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Ламдинов Д.Г.* О языке закаменских (армакских) хамниган. - В кн.: Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977.
- Ламдинсүрэн Ц.* "Рамаяна" в Монголии. М., 1979.
- Нарбеева А.А.* Предварительные данные о языке нижнеудинских бурят. Труды БКНИИ СО АН СССР, сер. вост., 1960, вып. 3.
- Нарбеева А.А.* О сказках нижнеудинских бурят. - В кн.: Исследования по монгольской филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.

- Дарбеева А.А.* Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. На материале монгольских языков. М., 1978.
- Дек Ш.* Учебник венгерского языка, т. 1. Будапешт, 1970.
- Дельзон А.П.* Очерки по грамматике кетского языка. Томск, 1964.
- Жамьян Г.* Обозначение долгих гласных в ойратском "ясном письме". — Народы Азии и Африки, 1970. № 5.
- Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. Л., 1960.
- Золотов В.И.* Сильные и слабые позиции гласных фонем в бурятском языке. В кн.: Вопросы бурятской филологии, вып. 2. Улан-Удэ, 1973.
- Кайдаров А.Т.* Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Туркские языки. М., 1966.
- Калмыцко-русский словарь.* Под редакцией Б.Д. Муниева. М., 1977.
- Кичиков А.Ш.* Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка. — Учен. зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1967, вып. 5.
- Константинова О.А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.-Л., 1964.
- Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. Пер. с пол. М., 1962.
- Лигети Л.* Рецензия на книгу Г.Д. Санжеева "Сравнительная грамматика монгольских языков", т. 1. М., 1953. — ВЯ. 1955. № 5.
- Лигети Л.* Табгачский язык диалект сяньбийского. — Народы Азии и Африки, 1964. № 1.
- Лувсанданзан Ш.* Дистрибуция гласных и ударение в монгольских языках. — В кн.: Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.
- Лувсанданзан Ш.* К проблеме долгих гласных среднемонгольского языка. — В кн.: Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1977.
- Матхеев Б.В.* Эхирит-булагатский говор. — Зап. Бур.-Монг. НИИК, 1956, вып. 2.
- Матхеев Б.В.* Звуковой состав эхирит-булагатского говора. — Учен. зап. Бур.-Монг. гос. пед. ин-та им. Д. Банзарова, 1957, вып. 11.
- Матхеев Б.В.* Очерки эхирит-булагатского говора. В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Матхеев Б.В.* О фонетической дифференциации бурятских диалектов Прибайкалья. В кн.: Вопросы филологии (Учен. зап. Бур. гос. пед. ин-та им. Д. Банзарова). Улан-Удэ, 1970, вып. 37.
- Матхеев Б.В.* Некоторые особенности модификации фонем в говоре тункинских бурят. — В кн.: Вопросы бурятской филологии, вып. 1. Улан-Удэ, 1972.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Пер. с фр. М.-Л., 1938.
- Мельников Г.П.* Монгольский вокализм как система и алтайская гипотеза. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Митрошкина А.Г.* О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят. В кн.: Сборник трудов по филологии, вып. 3. Улан-Удэ, 1958.
- Митрошкина А.Г.* Говор качугских (верхоленских) бурят. — В кн.: Исследования бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Монгольско-русский словарь.* Под общей ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957.
- Наделяев В.М.* Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. — Вестн. ЛГУ, сер. ист., яз. и лит., 1957, вып. 1, № 8.
- Наделяев В.М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М., 1960.
- Новикова К.А.* Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 1. М.-Л., 1961.
- Номинханов Ц.Д.* К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках. — Зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1964, вып. 3.
- Окладников А.П.* Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье. — В кн.: Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. М., 1958.
- Орлов А.* Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.
- Павлов Д.А.* Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста, 1963.
- Павлов Д.А.* Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка. — Зап. Калм. НИИЯЛИ, сер. филол., 1964, вып. 3.
- Павлов Д.А.* Развитие дифтонгов в монофтонги в калмыцком языке. — В кн.: Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.

- Петрова Т.И.* Язык ороков (ульта). Л., 1967.
- Поппе Н.Н.* Дагурское наречие. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тинну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. 6. Л., 1930.
- Поппе Н.Н.* Аларский говор. ч. 1. Л. 1930а.
- Поппе Н.Н.* Заметки о говоре агинских бурят. Труды монгольской комиссии, № 8. Л., 1932.
- Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I—II. — Труды ин-та востоковедения. М.—Л., 1938, вып. 14.
- Поппе Н.Н.* Изучение говоров бурят-монгольского языка. — Зап. БМ НИИЯЛИ, 1941, вып. 3—4.
- Раднаев Э.Р.* О фонетических своеобразиях баргузинского говора. — В кн.: Сборник трудов по филологии, вып. 3. Улан-Удэ, 1958.
- Раднаев Э.Р.* Заметка о цонгольском говоре. — Труды БКНИИ СО АН СССР, сер. вост., 1960, вып. 3.
- Раднаев Э.Р.* Баргузинский говор. — В кн.: Исследования бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965.
- Рамстедт Г.И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхатургинского говора. Пер. с нем. СПб., 1908.
- Рассадин В.И.* Тюркизмы в халха-монгольском языке. — В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып. 5. Улан-Удэ, 1970.
- Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- Рассадин В.И.* Развитие монгольских аффрикат в свете данных других алтайских языков. — В кн.: Финно-угорские народы и восток. Тезисы докладов. Тарту, 1975.
- Рассадин В.И.* История развития отдельных фонетических явлений бурятского языка. — В кн.: Лингвистические исследования 1976. Вопросы фонетики, диалектологии и истории языка. М., 1976.
- Рассадин В.И.* Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов. — В кн.: Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ, 1977.
- Руднев А.Д.* Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.
- Руднев А.Д.* Хори-бурятский говор. Вып. 1. Опыт исследования. Петроград, 1913—1914.
- Рыгдылон Э.Р.* О некоторых особенностях говоров бурят Иркутской области. Зап. БМ НИИЯЛИ, 1957, вып. 23.
- Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Пер. с нем. М., 1955.
- Санжеев Г.Д.* Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тинну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. 8. Л., 1930.
- Санжеев Г.Д.* Дархатский говор и фольклор. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. 15. Л., 1931.
- Санжеев Г.Д.* Лингвистические наблюдения в Фравне и Хори. — Зап. БМ НИИЯЛИ, 1939, вып. 1.
- Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1. М., 1953.
- Санжеев Г.Д.* Б.Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков. В кн.: Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. М., 1958.
- Санжеев Г.Д.* Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
- Санжеев Г.Д.* Заметки по тюркско-монгольскому вокализму. — В кн.: Studies in General and Oriental Linguistics. Present to Shiro Hattori on the Occasion of his 60-th Birthday. Tokyo, 1970.
- Санжеев Г.Д.* Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
- Санжеев Г.Д.* Об аллофонах долгих гласных фонем в монгольских языках. — ВЯ, 1978, № 1.
- Севорган Э.В.* Выпадение согласных в южных тюркских языках. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1. Фонетика. М., 1955.
- Серебрянников Б.А.* Что было первичным г² или г¹? Советская тюркология, 1971, № 1.

- Серебрянников Б.А.* О причинах превращения начального *х* в *h* в банкирском языке. Советская тюркология, 1973, № 2.
- Серебрянников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Симонов М.Д.* К вопросу о реконструкции праэврейского вокализма. В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976.
- Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки, ч. I. СПб., 1787.
- Суник О.П.* Кур-урмийский диалект. Л., 1958.
- Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. М., 1966.
- Терещенко Н.М.* Самодийские языки. Введение. В кн.: Языки народов СССР. Г. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.
- Тодаева Б.Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.
- Тодаева Б.Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
- Тодаева Б.Х.* Дунсянский язык. М., 1961.
- Тодаева Б.Х.* Баоаньский язык. М., 1964.
- Тодаева Б.Х.* Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М., 1973.
- Хаттори С.* Начальные взрывные в протомонгольском языке и их дальнейшее развитие. - В кн.: Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Л. Санжеева. М., 1974.
- Хомонов М.П.* Некоторые данные о говоре боханских бурят. В кн.: Сборник трудов по филологии, вып. 3. Улан-Удэ, 1958.
- Хомонов М.П.* Боханский говор. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 1. Улан-Удэ, 1965.
- Цинцус В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Одиалектальных различиях в разговорном бурятском языке. - Труды БКНИИ СО АН СССР, сер. вост., 1960, вып. 3.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Краткая характеристика говора кударинских бурят. В кн.: Краткие сообщения ин-та народов Азии. 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят. - В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Обрат-монгольские элементы в этническом составе и языке бурят. В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции. Элиста, 1972а.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Об обрат-монгольских элементах в этническом составе и языке бурят. В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Материалы Всесоюзной конференции (Элиста, 17-19 мая 1972 г.). М., 1975.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят. - В кн.: Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
- Чагдуров С.Ш.* Заметки о сартульском говоре. - Зап. БМ НИИК, 1951, вып. 11.
- Черемисов К.М.* Заметки по бурят-монгольскому языку. III. Несколько замечаний о тункинском диалекте. Зап. БМ НИИЯЛИ, 1941, вып. 3-4.
- Черемисов К.М.* Заметки по бурят-монгольскому языку. IV. О кабанском подговоре. Зап. БМ НИИКЭ, 1947, вып. 7.
- Черемисов К.М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973.
- Шагдаров Л.Д.* Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967.
- Шагдаров Л.Д.* О некоторых языковых особенностях тунгуских и агинских бурят и степени их отражения в литературном бурятском языке. В кн.: Исследование бурятских говоров, вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Шагдаров Л.Д.* Разработка вопросов фонетики, диалектологии, лексики и орфографии бурятского языка за советский период. В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969.
- Шагдаров Л.Д., Дамдинов Д.Г.* О языке олонских хамниган (в связи с работами

- К. Ураи-Кёхальми и Л. Мишига по языку монгольских хамниган). - В кн.: О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968.
- Шаадаров Л.Д., Казанцева А.М. О языке моголов Афганистана (По материалам Ш. Иватуры и Х.Ф. Шурмана). В кн.: О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968.

На монгольском языке

- Вандуй Э. Дорвод аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965.
- Лувсанвандан Ш. Монгол хэл аялгууны учир. *Studia Mongolica*, Улаанбаатар, 1959, т. I, fasc. 32.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний зүй. Монгол хэлний авианы бүтэц. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 1967.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний урт эгшгийн гарлын тухай асуудал. - В кн.: Хэл зохиол. Монгол хэл уран зохиолын зарим асуудал. 4-р боть. Улаанбаатар, 1967а.
- Лувсанвандан Ш. Дөрвөлжин үеийн дурсгалын зүйлд эгшгийн урт богиныг ялгасан нь. - В кн.: Хэл зохиол. Монгол хэл уран зохиолын зарим асуудал. 4-р боть. Улаанбаатар, 1967б.
- Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний авиа зохиоц тухай асуудал. - *Studia Mongolica*, Ulan-Bator, 1975, т. II (10).
- Мишиг Л. Монгол Ард Улсын зарим нутгийн хамниган аялгууг сурвалжилсан нь. Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. 1-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1961.
- Мөөмөв С. Об общих фонетических особенностях монгольского языка. - В кн.: Хэл зохиол судлал. X боть. Улаанбаатар, 1975.
- Мөөмөв С. Система вокализма современного монгольского языка. - *Studia Mongolica*, Ulan-Bator, 1975a, т. II (10).
- Сүхбаатар Ц. Орчин цагийн монгол хэлний фонемын байрлалын асуудал. В кн.: Хэл зохиол судлал. IX боть. Улаанбаатар, 1972.
- Тамертоого О. Дундад үеийн монгол хэлний эгшиг авианы ижилшил. - В кн.: Монголын судлал. VIII боть. Улаанбаатар, 1971.
- Тамерцэрэн Ж. Халхын аялгууны эгшиг авианы тагнайшрал. - В кн.: Хэл зохиолын судлал. VII боть. Улаанбаатар, 1970.
- Тамерцэрэн Ж. Халхын аялгууны уужимших зохиол. - В кн.: Монголын судлал. VII боть. Улаанбаатар, 1970а.
- Тамерцэрэн Ж. Монгол хэлний үе хураагдах ёс. - В кн.: Хэл зохиолын судлал. VIII боть. Улаанбаатар, 1971.
- Тамерцэрэн Ж. Баргын тухай товч тэмдэглэл. - В кн.: Монголын судлал. VIII боть. Улаанбаатар, 1971а.
- Халхын аялгуу. Ред. Ш. Барайшир. Улаанбаатар, 1960.
- Цолоо Ж. Орчин үеийн монгол хэлний авиазүй. Улаанбаатар, 1976.
- Činggeltei, Dumdadu ulus-taki mongyul törül-ün kelenügüd ba mongyul kelen-ü ayalу-nууд-un yerüngkei bayidal. - *Mongyul kele bičig*, 1957, N 11-12; *Mongyul teuke kele bičig*, 1958, N 1-4, 6-7, 12.
- Činggeltei. Вагарин-у аман аялун-у абиya-yin жүи ба үгес-үн жүи. - In: Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал, 2 дэвтэр. Улаанбаатар, 1961.

На европейских языках

- Castrén A.M. Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. hrsg. von A. Schiefner. St.-Pb., 1857.
- Doerfer G. Langvokale im Urmongolischen? - *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1964, N 65, 4.
- Doerfer G. Langvokale im Urmongolischen? II. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1970, 70.
- Haenisch E. Sinomongolische Glossare. I. Das Hua-I ih-yu. Berlin, 1957.
- Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yuan-ch ao pi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962.

- Hattori Shiro.* The Length of Vowels in Proto-Mongol. – In: Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал, 2 дэвтэр. Улаанбаатар, 1961.
- Katzyński St.* Dagurisches Wörterverzeichnis nach F.V. Muromski's handschriftlichen Sprachaufzeichnungen. – Rocznik Orientalistyczny (Warszawa), 1970, t. 33, z. 1–2.
- Kara Gy.* Sur le dialecte üjümüčin. – Acta Orient. Hung., 1962, t. 14, fasc. 2.
- Kara Gy.* Un glossaire üjümüčin. – Acta Orient. Hung., 1963, t. 16, fasc. 1.
- Kara Gy.* Chants d'un barde mongol. Budapest., 1970.
- Lessing F.* (general editor). Mongolian-English Dictionary. Berkeley – Los Angeles, 1960.
- Ligeti L.* Un vocabulaire mongol d'Istanbul. – Acta Orient. Hung., 1962, t. 14, fasc. 1.
- Ligeti L.* Notes sur le Vocabulaire Mongol d'Istanbul. – Acta Orient. Hung., 1963, t. 16, fasc. 2.
- Ligeti L.* Les voyelles longues en moghol. – Acta Orient. Hung., 1964, t. 17, fasc. 1.
- Meusel J.G.* Beschreibung der Buräten. . . – Beiträge zu Erweiterung der Geschichtkunde, Augsburg, 1780.
- Mostaert A.* Dictionnaire ordos, T. I–III. Peking, 1941–1944.
- Murayama Sh.* Die Entwicklung der Theorie von den Primären langern Vokalen im Mongolischen. – Mongolian Studies. Budapest, 1970.
- Poppe N.* Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. – Бюллетень СССР, 1927, с. 1009–1040, 1251–1274; 1928, с. 55–80.
- Poppe N.* Skizze der Phonetik des Bargu–Burjatischen. Asia Major, Leipzig, 1932, v. 7.
- Poppe N.* Über die Sprache der Daguren. – Asia Major, Leipzig, 1935, v. 10.
- Poppe N.* The Groups *uuya and *üge in Mongol Languages. – Studia Orientalia. Editio societatis orientalis finnica (Helsinki), 1950, 14, 8.
- Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
- Poppe N.* On the So-Called Breaking of *i in Mongolian. – Ural-Altische Jahrbücher, 1956, Bd. 28, H. 1–2.
- Poppe N.* The Mongolian Affricates *č and *č̥ – Central Asiatic Journal (Wiesbaden), 1957, v. 2, N 3.
- Poppe N.* The Primary long Vowels in Mongolian. – Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki), 1962, 63, 2.
- Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.
- Poppe N.* On the Long Vowels in Common Mongolian. – Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki), 1967, 68, 4.
- Poppe N.* Ueber einige Besonderheiten des Tsongol-Dialektes. – Zentralasiatische Studien (Wiesbaden), 1971, 5.
- Ramstedt G.J.* Mogholica. Beiträge zur Kenntniss der Moghol-Sprache in Afghanistan. – Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki), 1905, 23, 4.
- Ramstedt G.J.* Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. – Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki), 1916–1920, 32, 2.
- Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Rona-Tas A.* A Study on the Dariganga Phonology. – Acta Orient. Hung., 1960, t. 10.
- Weiers M.* Zu den langen Vokalen in der Moghol Sprache. – Zentralasiatische Studien (Wiesbaden), 1970, 4.
- Weiers M.* Das Moghol-Vokabular von W.R.H. Merk. – Zentralasiatische Studien (Wiesbaden), 1971, 5.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия языков, диалектов и говоров

агинск.	говор агинских бурят
аларск.	аларский говор бурятского языка
байк.-кудар.	байкало-кударинский говор бурятского языка
баоан.	баоаньский язык
барг.	баргузинский говор бурятского языка
баргу-бур.	баргу-бурятский язык
башк.	башкирский язык
бох.	боханский говор бурятского языка
булаг.	язык бурят-булагатов
бур.	бурятский язык
бур. НУ	нижнеудинский говор бурятского языка
вост.-бур.	восточные говоры бурятского языка
даг. К	дагурский язык (по материалам Ф. Муромского, изданным Ст. Калужинским [см.: Kožuřínski])
даг. П	дагурский язык (по материалам Н. Поппе [см.: 1930])
дарх.	язык дархатов
дербет.	язык дербетов
джарут.	язык джарутов Внутренней Монголии
др.-монг.	древнемонгольский язык
др.-тюрк.	древнетюркский язык
дунс.	дунсянский язык
зап.-бур.	западные говоры бурятского языка
каб.	кабанский говор бурятского языка
калм.	калмыцкий язык
качуг.	качугский говор бурятского языка
кирг.	киргизский язык
лит.	литературный язык
лит.-бур.	литературный бурятский язык
лит.-калм.	литературный калмыцкий язык
ма., маньчж.	маньчжурский язык
монг.	монгольский язык
мог.	могольский язык (по материалам Г.И. Рамштеда [см.: Ramstedt 1905])
мог. М	могольский язык (по материалам М. Вайерса [см.: Weiers])
монгор.	монгорский язык
нан.	нанайский язык
общебур.	общебурятское слово
окинск.	окинский говор бурятского языка
олёт.	язык олётгов
ойр.-письм.	ойратский письменный язык
орд.	язык монголов Ордоса
орф.	орфографическая форма
орх.	язык древних тюрок Орхона
перс.	персидский язык

разг.	разговорная форма
санскр.	санскрит
сарт.	сартульский говор бурятского языка
сол.	солонский язык
ср.-монг.	средневековый монгольский язык
стп.-м.	старописьменный монгольский язык на уйгурской графике
тат.	татарский язык
тиб.	тибетский язык
торгут.	язык торгутов
тугн.	язык бурят Тугнуиской долины
тунк.	– тункинский говор бурятского языка
тюрк.	– тюркский язык
удэйск.	– удэйский язык
узб.	– узбекский язык
уйг.	– уйгурский язык
ульч.	– ульчский язык
унг.	– говор унгинских бурят
хамниг.	– хамниганский говор бурятского языка
х.монг.	– халха-монгольский язык
хор.	– хоринский говор бурятского языка
цонг.	– цонгольский говор бурятского языка
чахар.	– язык чахаров Внутренней Монголии
ш.-юг.	– монгольский язык шира-югуров (желтых уйгуров)
эвен.	– эвенский язык
эвенк.	– эвенкийский язык
эхир.	– язык бурят-эхиритов
эхир-булаг.	– эхирит-булагатский говор бурятского языка
юж.-бур.	– южные говоры бурятского языка
як.	– якутский язык

Источники

ИМ	Список монгольских слов из глоссария Иби-Муханны по кн.: <i>Ponne H.H.</i> Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1–2. М.–Л., 1938; ч. 3 – 1939.
ЛР	– <i>Ponne H.H.</i> Монгольский языковой материал одной Лейденской рукописи. – Бюллетень АН СССР, 1927, с. 1009–1040, 1251–1274; 1928, с. 55–80.
МА	– <i>Ponne H.H.</i> Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1–2. М.–Л., 1938; ч. 3 – 1939.
MNT	– <i>Haenisch E.</i> Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yuan-ch'ao pi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962.
Ramst. KW	– <i>Ramstedt G.I.</i> Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
SG	– <i>Haenisch E.</i> Sinomongolische Glossare. I. Das Hua-l ih-yu. Berlin, 1957.
VMI	– <i>Ligeti L.</i> Un vocabulaire mongol d'Istanbul. – Acta Orient. Hung., 1962, t. 14, fasc. 1.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

>	дало . . . , заимствовано в виде . . .
<	- заимствовано из . . . , взято из . . .
→	- развилось в . . .
//	параллельная форма
~	- вариант
=	равно, соответствует
+	плюс
*	- предполагаемая форма
˘ (над буквой)	- долгота гласного (наряду с удвоением буквы)
˙ (в фонетической транскрипции)	- долгота
˚ (между гласными)	- хиатус (зияние)
˛ или ˝ (справа от согласного)	- палатализация согласного

УКАЗАТЕЛЬ АНАЛИЗИРУЕМЫХ В РАБОТЕ БУРЯТСКИХ СЛОВОФОРМ

а

аамагар 69
 аамайха 69
 аараг 69
 ааша 82
 ааяма 105
 аб 149
 аб- 71
 абаадаха 27
 аба 71, 150
 аба- 6
 абага 45
 абарга 36
 абаха 27
 абдар 72
 абир-иэбэр 69
 абха 27
 аба 71, 150
 аворго 36
 агаар 58
 агдар 72
 агна- 95
 агнаха 108
 агсам 85
 агтай сай 67
 алагуусан 58
 адууһан 58
 алха- 74
 алхаха 36, 81, 161
 ажал 30
 азарга 140
 ай 63
 айдаг 61
 айлшан 94
 аймхай 60
 айха 97
 айхабтар 61
 айшан 94
 ала- 93
 алаа 93, 119
 алагана 67
 алаганай 67
 алас 84
 алах 32
 алаха 32
 алдад'и 137
 алирһан 154
 алка 111
 алху 37
 алух 32, 33

алха (шагай) 37
 алха (молоток) 55
 алха- 93
 алху 55
 альган 69
 аляа 40, 93, 119, 124
 ал'аа 119
 ал'и 29
 аман 109
 амбэр 46
 амгалан 55, 58
 амгуулан 55, 58
 амин 121
 амисхал 84
 амсаха 84
 амһаха 84
 ам'ица 29
 ам'илка 111
 ан 107, 109, 110
 ан(г) 109
 ангир 103, 104, 128
 ангууша 114
 андзаһан 135
 анзаһан 30, 77, 135
 анзэуун 54
 аниар 104
 анхан 107
 ан'дир 29, 32, 103, 108, 128
 ан'и- 29
 ан'яр 32, 108, 128
 арав 32
 арал 35
 арас 32, 33
 арасо 32, 33
 араһан 32, 33
 арбал'хал 27
 арбай 96
 арбан 32, 68, 69, 71, 96, 119, 149
 арбанаа 56
 арбанһаа 56
 арва 32
 арга 114
 аргал 155
 аргаһан 155
 арол 35, 36
 ари 131
 арс'а 164
 арс'и 73, 130

арти 131
 арт'а 164
 арт'я 131
 арт'и 73
 арус 33
 арусо 33
 архагар 69
 архайха 69
 архи 98, 102, 130
 арх'и 73, 130
 арша 131
 аршаан 95
 арши 73, 131
 аршуул 95
 аршуур 95
 арш'а 164
 арьбан 96, 118, 119
 арьятан 58
 арюун 121
 ар'бан 119
 ар'х'и 130
 асарха 36
 асууха 84
 атаархаха 27
 аха 7
 ахар 69
 ацарха 36
 ашаан 40
 азл 60
 азха 97
 ая 105, 128
 аяга 97, 114

а̇

ам'иц 7
 ам'иц 117
 а̇

ä

ä 63
 ал 61
 амка 60

б

баабай 57, 59
 баабаз 150
 баабгай 67
 бааваз 150
 бааја- 29
 баатар 45
 баатха 27

баая- 128
бааяха 105
бага 114, 149
багана 149, 151
бай 67
бай- 149, 167
байна 15, 61, 63, 85, 136
байха 97
баггаан 57, 114
баггоос 57
балсан 8, 76, 140
балаалдаха 8
балааха 8
бара- 96
бараа 96, 119
баргаан 8
бари- 71, 96, 117
баригдаар 56
баригдааар 56
бариха 7, 167
барт'ирна 101
бархирна 101
бархирха 153
барюул 95
барья 96, 119
баряд 8
бар'аа 119
бар'уур 95
баха 112
бахалдзуур 113
бахалзуур 113
бахана 113, 149, 151
бахирха 153
бацахань 161
баэна 136
бэха 97
баясхалан 109
баясхалан (г) 109, 112
баба 59
бар'и 7
бар'и 117
бари- 117
барьха 7
ба'хя 60
баа 61, 63
бешің 46
би 24, 38, 57, 71
биди 25
бидэ 23
бидэнэр 125
бин (есть) 38
бин (я) 57
биирэ 57
бичи 32
бияшхань 161
бишыхан 25, 90, 125, 161

бишэхэ 25
богоол 58
бол- 74
боло- 82
бодохо 137
болоод (встав) 83
бодохо (думать) 82
бодохо (вставить) 81, 82, 83
бодчо 137
бол 6
болёо 93
болжомор 11
боли 124
боло- 9, 71
болод 74
боложо 136, 137
болоо 93
болохо 27
болчна 137
болшоно 137
больджи 136
бол'ди 137
боол 58
бор 161
борнойложо 137
борноэлджи 137
боро (глина) 11
боро гүрөөнэн 160
борь 161
боһоод 83
боһохо 84
бөбөөлджин 136
бөбөөлжин 136
бөкө 37, 98
бөө 41
бөөмөслхө 66
бөөмэйлхэ 66
бөөрэ 41, 45
бөхө 19
буғе 161
булад 13
булае 128
булар 13
булгаан 57, 114
булги- 129
булгиха 93
булжамар 11, 93
булшан 8, 76, 93, 140
бульйаха 93
буляа- 121
буляалдаха 8
буляаха 8
бул'аа- 123
бул'ди- 129
бул'ја- 129
бур 11

бургаан 8, 31
бури- 72
бур'каң 111
буруу (вина) 40
буруу (телок) 25, 124
буруун 25
бурья- 128
бурьяха 105
буряд 8, 74, 83
бурядаар 83
бурядые 83
бурясаар 74, 83
бурясые 83
буриааар 74
бур'ааараа 56
бур'аараа 56
бур'ја- 29
бууха 38
буха 38
бухал 55
бу бөөлжэн 72, 136
бүдэрхэ 72
бүкү 98
бүкэ 37, 98
бүлээн 121
бүлсыхэ 62
бүлтыхэ 62
бүлэ- 17
бүри 18
бүтүү 24
бүтэ 72
бүхэ 34
бүхэ 19, 34, 37, 98
бүһэ 17, 160, 161
бый 15
бэди 25
бэлтыхэ 62
бэлшэр 135
бэльчир 135
бэлэ- 17
бэри (очень) 18
бэригэн 105
бэрэ (совсем не) 18
бэр'јэн 105
бэтэ 72
бэһэ 17
бэчэг 35
бэшаан 55
бэшиг 23, 29, 32, 35
бэшихэ 25
бэшигэн 55
бэшигэн 55
бээлэй 61
бээлэ 61
б'эна 15

Г

гагнаха 108, 151
 гагса 137
 газгаа 136
 газар 134, 161
 газарь 161
 гакā 60
 гаксаараа 137
 га^к хā 60
 гакцаараа 137
 гал 93, 136
 галгиха 103
 галд'иха 103
 гангина- 129
 гангинаха 103, 104
 гандзага 135
 ганзага 135
 ганийанаха 104
 гансаараа 135
 гансхан 135
 ганцаараа 135
 ганцхан 135
 ган'д'ина- 129
 ган'д'инаха 103
 ган'яна- 129
 гар 6, 9б, 114, 137
 гаража 32
 гаража 99, 112
 гарākā 112
 гаргаха 99, 112
 гаргāхā 112
 гарч 32
 гарша 32
 гахай 60, 79, 114
 Германи 104
 гилагар 104, 129
 гилтай- 129
 гилагза- 129
 гилаэха 104
 гилба- 129
 гилы- 129
 гилэгэр 23, 129
 годонон 56, 155
 годоон 56
 гоё 41
 гоилга 66
 голомто 13
 гонгинохо 104
 гонйонохо 104
 гоншохо 11
 гоо 41
 горогор 11
 горьё 107, 164
 гөлгө 31
 гөлгөн 37
 гөлөгө 19, 37

гөрөөһөн 18
 гуах 66
 губаагүй 41
 гуилга 61
 гуйлга 66, 67
 гурагар 11
 гурбан 150
 гурва 150
 гутал 155
 гутаһан 155
 гушан 114
 гүй- 60, 66
 гүгөөлжэн 72
 гүлэргээ 23
 гүдэрхэ 72
 гүдэлхэн 22
 гүй- 60, 66
 гүйхэ 62
 гүлгэн 19, 31, 37
 гүрөөһөн 18
 гыр 15
 гырыл 15
 гэдэргээ 23
 гэдэлхэн 22, 160
 Гэлэг 15
 гэр 103
 гэргы 63
 гэртэй 63
 гэртээ 63
 гэшхэ- 83
 гэшхэхэ 107

Г

гара 161
 гүке 161
 гунь 161

Д

дааха 45
 дабаһан 55, 150
 дабкхур 37
 дабугунь 161
 дабуу'ан 55
 дабуун 55
 дабу: хэх 27
 дабхар 37
 дабһан 160, 161
 давас 150
 дагаха 45, 113
 дайн 67
 дайра- 39
 даkā 111
 даkākā 111
 далай 65
 далā 60
 дангинаа 103

данд'ина 103
 дара- 59, 74
 дарkāң 111
 дасан 56
 дас'ин 130
 дас'тң 102, 130
 даха 59
 дахаха 45, 113
 дахяад 117
 дах'ин 130
 дах'тң 102, 130
 дээн 60
 дән 61
 дигайха 74
 диилэ 74
 диилэхэ 62, 64, 74
 добуун 13
 доголон 113
 долгёон 103, 104, 128
 долд'оон 103
 долёо- 40, 121
 долоон 41
 дольёон 104, 128
 дол'дон 128
 дол'дөң 105
 дол'оо- 123
 донгорог 73
 досоо 73
 досоодо 73
 досоошо 73
 дохолон 113
 дохолхо 113, 151
 дошо 73
 дөлөһөн 20
 дөлэн 18
 дөрбөн 19, 31, 32
 дөшөн 18, 31, 32
 дубуун 13
 дура 36
 дурагүй 67
 дуран 36
 дутуу 74
 дуудаха (кончать) 84
 дуулажа 137
 дуул'д'и 137
 дууһаха 84
 дүлkā 111
 дүлии 61, 62
 дүлэн 18
 дүлээ 61
 дүрбөөд 83
 дүрбөөһөөр 83
 дүрбэ 37
 дүрбэн 19, 31, 32, 34, 37
 дүрвэ 34
 дүрсэ 84

дүрхэн 84
дүрэв 32
дүтөлхө 35
дүтүлхү 35
дүү 40, 45
дүүргэхэ 99
дүүрэккэ 99
дүчин 37
дүчэ 32
лүшэ (наковальня) 82
лүшэн 18, 31, 32, 37
лэбдихэ 81, 82
дэби- 94
лэбисхэр 84
дэбһэн 84
дэбһэхэ 82
дэбэскэр 100
дэбэсхэр 100
дэбэсэ 84
дэгдэ- 103
дэгэл 43
Дэлэг 15
дэлэһэн 20
дэмы 61, 67
дэмээ 61
дээрэ 39
дээһэн 39, 45
д'амар 98
д'ила 133
д'нилэхэ 127
д'икэ 98
д'иргоон 133, 138, 148
д'идä 137
д'икё 100
д'ин'жэ 103
д'ирёң 137
д'иһең 98
д'иһең 137
д'үма 98

ДЖ

джад 133
джаргал 138
джиргал 133, 138
джирүкү 37
джирэкү 26

ДЗ

дзаа- 139
дзагас 139
дзагаса 25
дзагасу 25, 133
дзагос 36, 139
дзам 138
дзөөхө 66
дзургаа 25, 133, 138

дзуркань 161
дзүгин 37
дзүрэкү 37

е

ебтэ 91
ебтэрхэй 91
ебтээхэ 91
елы- 129
елыхэ 105
елэгэр 129
ераан 5
ерхэ 25
ерэ- 17
ерэбэ 150
ерэвэ 150
ерэх 33
ерэхэ 15, 16, 27, 33, 35, 37
ерэлһэйб 55
ерэлһэн 55
ерээб 55
ерээн 55
ескё 99, 137
ехэ 79, 98, 100, 136, 148
ёрбөхөй 61
ёр'jé 105

ё

ёлоон 77
ёргоон 12
ёро 12
ёр'jé 105

Ж

жаа 135, 141
жабар 25, 125, 135
жабжа 136
жада 25, 125, 133, 135, 164
жажал- 133
жажалха 77, 139, 141
жалга 26, 135
жаран 135
жарга 26
жарга- 125
жаргал 133, 134, 135, 138
жин- 134
жиммэгэр 24, 57
жиир 24, 57
жиирэй 24, 57
жинхэ 141
жидä 137
жолоо (повод) 12, 126, 133
жолоо (темя) 77, 139, 141
жоргоон 12, 41, 126, 127,
133, 134, 138, 139, 141,
149

жороо 12, 41, 126, 135
журам 24, 139, 147
жүдхэхэ 77, 141
жүлдэ 77, 139
жүтөөн 126
жүтхэ- 134
жүһэн 77, 126, 140, 149
жүһэхэ 77, 139, 140
жэбэ 77, 139
жэбэр 58
жэгүүр 58
жэжэг 23
жэл 15, 135
жэргэхэ 106
жэрхи 135, 144
жэрх'и 130
жэрвехэ 106
ж'илга 26
ж'ирга 26
ж'иргал 133
ж'иргөң 26
ж'иргоон 133, 138, 148

З

заа 45, 141
заа- 40, 139
зааха 24, 38, 45, 126
забжа 136
забһар 81
зага'ан 139, 149, 153
загаан 54, 149, 153
загаһан 8, 24, 36, 45, 54, 55,
113, 114, 126, 133, 134,
139, 148, 149, 153, 160,
161
загсаха 114
загу'ун 56, 134
загуу'ан 55, 134, 139, 149,
153
загуун 54, 55, 139, 149, 153
загуунаан 55
зажалха 77, 141
залги- 128, 129, 133
залгиха 93, 104
зальяаха 93, 104
зал'д-и- 128, 129
зал'ja- 128, 129
зал'jähä 105
зам 138, 148
замга'ан 56
зан 109
зан (г) 109
зандарган 135, 141
зангахи 144
заряа 121
засае 128

зас'аа 73
зат'аа 73
заха 38
захирха 117
зах'аа 73
заһа- 141
заһаха 136
заяуун 55
за-бари 27
зи- 134
зихэ 141
зоболго 13
зоболон 109, 110
зоболон (г) 109
зохолжо байна 136
зохольдж баэна 136
зөмөлхө 20
зөө- 41
зөөлэн 134, 140
зөөхэй 66
зубалга 13
зугаа 58
зулай 77, 141
зулзага 136
зумгаһан 56
зун 138
зураг 139, 147
зураха 126
зургаан 11, 12, 24, 25, 26, 41,
126, 133, 134, 135, 138,
141, 148, 149, 156
зүй- 66
зүйл 61
зүг 103
зүгы 37, 62
зүдхэхэ 77, 135, 141, 148
зүүл 61
зүй- 66
зүргэ 23
зүрхэн 26, 37, 126, 161
зүтхэ- 134
зүһэмэг 135, 141
зүһэн 77, 135, 140, 141, 149
зүһэхэ 77, 140
зүүн 133
зэмэ 136
зэмэлхэ 20
зэргэ 23
зэрэг 148
зэһэхэ 79
зэһээтэй 79
зээ 40

И

идсэн 25
идихэ 16

идэкү 98
изагуур 58
нимэ 62, 64
икэ 100
илааһан 26, 125, 137, 148
илалта 23
ила 6
илаха 26
илгаха 23, 25, 26, 90, 125
илдам 23
илзарха 125, 140
илхунь 161
инаг 23, 125
индзаган 135
инзаган 135
инсэхэ 16
инсагаа- 58
ирагуу 58
иргаха 23
ирзайха 25
ирөкө 37
ичикү 98
ичикэ 98
идагаң 13
имё 61

Й

йалааһан 26
йалаха 26
йалхаха 26
йасу 37
йирхэ 16
йоргоон 11, 41
йосо 31
йоһон 31
йэлтэ 91
йэрмаани 104

Ј

јаа 135, 141
јабар 135
јабаха 27
јада 133, 135
јалга 135
јандарган 135, 141
јаргал 134, 135
јаһа- 141
јиргоон 138
јоргоон 126, 133, 134, 135,
141, 148
јорон 135
јороо 135
јүтхэ- 134

јүтхэхэ 135, 148
јүһэлээ 135, 141
јүһэн 135, 141
јэк хубүүм'н 27
јэл 135
јэрхэ 135

К

какарка̄ 111
кансб̄и 60
кара 111
каргб̄и 60
каткад'и 137
каш'иргаң 79
каша 60, 111
келка̄ 60
кензё 99, 137
керѳсгё 60
кивэс 101, 130
кий 101, 130
кимусу 37
киргаха 101, 130
кируу 101, 130
кисуур 101, 130
кӀтең 60
коа 66
коа даркаң 66
корма̄ 60
кормё 60
кодо̄ 99
көкө 18
көкө 100
көкшөң 18
көwуң 99, 100
көкө 99
көдөлджи 98
көкү 37, 100
көнджиле 19
күң 100
күзүң 100
күл д'иргене 99
күнд'ил 99
күрјө 105
күјеке 99
күбүүн 98, 100
күдмэри 99, 153
күкэ 37, 100
күлни 137
күн 100
күндэ 99
күнтинэкү 130
күрээ 99
күүргэ 99
кэбтэнэ 99
кёрё 99

КХ

кхадā 111
 кхазāкā 111
 кхарā 111
 кхарг^утī 111
 кхоjār 111
 кхурā 60

кх

кхājaka 111
 кхāң 111
 кхони 112
 кхуджир 112
 кхулашиг 79
 кхурнам 79
 кхūна 79

Л

ла 92
 лабхайха 92
 лаг 92
 лай 92
 лама 92
 лимбэ 23
 Лодой 59
 Лодō 59
 лүгшэхэ 92
 лэ 92

М

маараха 67
 маахай 67
 магнай 104
 магнал 108
 майраха 67
 майхай 67
 малгаар 92
 малта- 93
 манайхи 101
 мангилай 104
 мангир 103, 104, 128, 153
 мандаха 87
 манидалай 104
 маниаһан 104
 манлай 104
 мансы 67
 мантагар 87
 маньдир 153
 маньдиһан 153
 маньаһан 153
 манэйг^и 101

ман'д'ир 108, 128
 ман'д'иһан 103, 128
 ман'д'иһаң 103, 128
 ман'jar 128
 ман'јаһан 108
 магнал 108
 марайтай 67
 маргааша 92
 марта- 155, 163
 мартад'е 137
 маряатай 67
 минаа 92
 минга 25
 минган 25
 миндаһан 25, 125
 минни 23, 24
 михан 25
 миһэлээ- 24
 миһэлээхэ 77
 могой 67
 модон 13, 30, 37, 59, 91, 137
 моду 37
 можо 11
 мойл 94
 мойһон 60, 94
 монсогор 87
 морид 74, 83
 моридоо 83
 морин 9, 85, 110, 118, 121,
 167
 морисые 83
 моришине 74, 83
 мориһоо 83
 моряһы 74
 морьтой 63
 мор'ин 29
 мор'ты 63
 мор'т'ээ 63, 73
 мор'ши 74
 мохи 150
 мох'ин 130
 мөрин 9
 мөлиһэн 21
 мөльджихэ 135
 мөльһөн 21
 мөнгөн 18, 31
 мөөрһөн 154
 мөргө- 21
 мөргөхө 99
 мөрөк'к'е 99
 мулухунь 161
 мушхаха 107
 муу 72
 мүгөөрһэн 154
 мүйлэ 62, 71
 мүлжэхэ 135

мүлжихэ 130
 мүльһэн 21, 94, 161
 мүл'т'ихэ 130
 мүн 17
 мүнгө 35
 мүнгө 34
 мүнгэн 18, 31, 34, 35
 мүргөхө 35
 мүргүхү 35
 мүргэ- 21, 156
 мүсэ 75, 139
 мүшкөөр 100
 мүшкэхэ 100
 мүшкөөһэн 100
 мүшхэхэ 100, 107
 мүшэн 18
 мьлэ 62, 71
 мытчи 15
 мэдшэ 32
 мэдэдж 32
 мэдэжэ 15, 32
 мэдэккээ 99
 мэдэхэгүй 99
 мэкэлкэ 99
 мэлхэй 92
 мэн 17
 мэнгээрһэн 58, 154
 мэн даа 17
 мэтэ 72
 мэхэлхэ 99
 мэшэн 18
 мээл 163
 мянган 25, 125
 мяхан 8, 25, 112, 120, 161
 мяхань 161
 м'ахан 123
 м'икаң 8
 м'и'хаң 111
 м'орц 9
 м'оһоң 60
 м'оһең 60

Н

наадажа байна 136
 наадч базна 136
 набтар 71
 набтаһан 71
 набша 71, 155
 набшаһан 71, 155
 нагаса 35
 нагоцо 35
 нагуцо 33, 34
 намар 36, 88, 96
 намор 36

намтай 59
намтар 71, 150
намтаһан 71
намтā 59
намша 71, 150, 155
намшаһан 71, 161
напшегу 161
нара 36
нараан 54
нарай 89, 124
наран 27, 36, 96, 162
нараһан 54, 55
нарин 117
нарос 36
наруу'ан 55
наруун 55
нарууни 55
нарһан 36
насо 36
наһан 36, 80
наян 97
нāрин 7, 117
нездэн 163
незн 28, 163
незхэ 163
недонон 89
неёлбоһон 88, 120
нидү 26
нидхэ 23
низа 89
ниидхэ 57
ниидч ямна 136
ниидэжэ ябана 136
ниидэхэ 24, 81
ниилхэ 62
нилааха 89
нилха 23, 25, 164
нимаан 25
нимгэн 24
ниргэхэ 104
ниругу 37
ниса 89
нiлкэ 60
нойр 67
нойтон 62
нокā 60
нокē 60
но^кхē 60, 111
номо 88
номо (н) 11
номшо 150
носодж базна 136
носожо байна 136
ноход 82
нохой 60, 61, 65, 67, 82, 112
нохэ 61

ноⁱтоң 60
ноодор 163
ноөхи 163
ноөһөни 163
нөхөд 19
нөхөдөз 66
нөхөр 19
нугарһан 154
нугаһан 36
нураха 88
нуур 88, 119
нүдү 164
нүдэ 164
нүү- 40
нүүрһэн 154
нүүһэн 154
нүхэд 19
нүхэр 19
нэбтэ 91
нэбтэрхэ 91
нэбтэрхэй 91
нэбшаа 28
нэгэ бишыхан 28
нэгэн 17
нэрүүн 55
нэрүүнаа 55
нэрүүнэ 55
нэрүх 32, 33
нэрьехэ 104
нэрэ 17, 88
нэрэх 32
нэрэхэ 32, 91
нэрэһэн 55
нэхы 62
нээрэ 163
нюдарга 14, 89
нюдэ- 121
нюдэн 24, 26, 35, 88, 120,
164
нюдэхэ 89
нюрган 37, 43, 45, 88, 120
нюсэгэн 89
нютаг 88, 115, 121, 153
нѳу- 88, 121
нюур 40, 88, 119, 121
нюха- 121
нюхаха 89
няа- 40, 121
няаха 89
нягта 89, 125
нялуун 89
нялха 88, 120, 125
н'аа- 123
н'ёмгөхѳ 99
н'ёмѳк'к'ѳ 99
н'идэн 164

н'идэн 26
н'илэхэ 127
н'имаан 9, 90
н'имāң 26
н'имāң 8
н'угус 36
н'ударга 123
н'утаг 123
н'уу- 123
н'уур 119
н'үдө 35

О

обойлхо 67
обоолхо 67
огсом 85
огто 114
одёгон 13
одигон 11
одон 13, 30, 59, 69
одьроорой 28
оёмһон 56
ожроорой 28
ой 63, 67, 97, 167
ойлгосотой 67
ойлгохо 62
оймһон 67, 160
ойрхон 62
окѳр 111
олзо 30, 136
оло- 9
оложо 136
олон 30
олонсог 135
олонцог 135
ольдж 136
ол'иг 29
ол'тōwhā 46
он 9, 58, 90, 109, 110
онг^онилгокху 112
онгойхо 107
онгосо 161
онгоссу 161
оноод 10
онохо 10
он'и 29
оргомол 10
орёо- 40, 120
оро- 13
орол 81
орожо 28
орой 118
оройжо 59
оройтоод 59
орон 13

орохы 15
ороз 61
орд 61
орбжї 59
орбї 61
орбтдт 59
орс'ихо 130
орто 10
орх'ихо 130
орьёл 105
орьёхо 105
ор'оо- 123
осо 10
ото 10
отолхо 153,
отгаху 161
оһон 10
оһоор 10
очих 32, 33
очох 32, 33
очохо 33
ошаан 55
ошаэб 55
ошо- 30
ошожо 137
ошоко 138
ошоон 55
ошохо 27, 28, 32, 138, 164
ошоһойб 55
ошоһон 55
ошхо 27, 28
ошчи 137
оэ 60
оюун 11

Ө

өбөр 18
өдөр 18
өлгө 18
өншөң 18
өргөң 18
өркө 18
ө 61, 63
ө'л'дөхө 112
ө'лдөккө 112

Ө

өбдө- 21
өбөгөн 21, 31, 32
өбөдөг 21, 37
өбөл 18, 21
өбөһөн 20, 31
өбпэн 21
өбэл 18

өвгөн 32
өвл 18
өгө 19
өгө- 19
өгөм 20
өгөтт'ёо 73
өгөхө 37
өдөр 18, 19, 31, 37
өкө 19, 37
өлдөхө 31
өлөһөн 20
өмөгөө 20
өмөөл 20
өндөгөн 21
өнтэлэг 18
өөдэ 41
өөр 97
өөрөө 97
өөһэд 97
өөһэн 97
өргө- 21
өргөн 6
өрө 19
өрэккэ 18
өтхөн 18
өһөө 19
өцөгөлдөр 19

Ө

өбөл 18
өбөһөң 18
өдөр 18
өргө- 18

П

паар 70
пагдайха 70
паг харанхы 70
пад хара 70
пад харанхы 70
палаад 8
палаати 13
палааха 13
пал-пал гэхэ 70
нзмпайха 70
пилтаа 70
нинтагар 23
пиртан 70
пигайд 70
птааги 13
погли 70
поршбүхө 46
пос-пос гэмхэхэ 70

пулаад 8
пулаати 13
пулааха 13
пууяса 70
пүү! 70
пэй! 70
пэлдэн 70
пэхь! 70

Р

руу 97

С

саажа 46
саан 54, 149, 153
са'ан 133, 149, 153
саарһан 94, 130
сааша 137
сабсаха 140
сабха 85
сабша- 30, 134
сабшаха 140, 164
сава 150
савар 150
сар 114
сагаан (белый) 58, 75, 133,
- 134, 138, 161
сагаан (олень) 135
сагагунь 161
сагасунь 161
сагдуул 155
сагдууһан 155
сада- 133
садаад 83
садхалан 112
сай 136, 138
сайн 85
сайхан 85
сак 114
салки 101, 130
салти 101, 130
сәпсагань 161
сар 140
сара 161
сарьдаг 85
сарья харгы 129
сахариг 113
сахол 35, 36
сахюур 136
сах'иха 130
сах'уур 130
саһаал 83
саһан 32, 54, 133, 134, 149,
153, 160

саз 136
сā 60, 138
серкунь 161
сибар 25
сибуу 37
сидү 26, 37
сидэ 26
сни 102
синдэм 62
синага 25
сира 9
сируу 131
ситаху 25
соёл 84
соктоо 10
солхөвб 46
сомон 11, 85
сонин 85
сонос- 13
сонбсхо 84
соохор 41
сос'и- 133
сос'ихо 130
сот'и 101, 133
сохи- 133
сохом 139
сох'и 101
сох'ихо 130
сошохо 76, 140
сөөн 28
субад 85
сугтаа 10
суран 85
суранзан 14
суусари 85
сүйдэ 85
сүлдэ 85
сүлөө 37, 41, 75, 126, 138,
139
сүсэги 63
сүү 58, 65
сэбэр 150
сэгээн 58
сэдьхэл 80
сэдьхэхэ 107
Сэдэб 15
сэмгэн 19, 75, 139
сэнтэй 87
сэсэглэхэ 137
сэсэги 63
сэсэн 34
сэт'х'эл 127, 130
сахэ 76, 136, 140
сергё 105
сержё 105
сюруу 102

с'алар 102
с'ёрхо 130
с'ибар 83
с'ии 130
с'инага 83
с'итакху 83
с'илгāһаң 102
с'т 102, 130
с'идёхё 61
с'юруу 130
с'яра 130

Т

та 57
таа (вы) 57
таархаха 27
тааха 38
табан 71, 91, 109, 150
таби- 93, 117
тава 150
таван 150
тайлажа 137
тайра- 39
так'а 111
тала 28
галк'аң 111
талки 101, 130
галти 101, 130
галхиха 93
тал'с'и 32
тал'т'и 32, 130
гал'ш'и 32
тамьки 101
тамарха 80
тамāх'а 101
тамси 131
тамс'аң 101
тамс'и 102, 130
тамти 131
тамт'а 131
тамт'ан 130
тамт'аң 101
тамт'и 102
тамхи 102, 131
тамхин 130
тамх'а 101
тамх'аң 101
тамх'и 102, 130
тамһан 81
тамшан 131
тамши 131
тамш'ан 102
тамш'аң 101
тамш'и 102
танай 59

танā 59
тани- 118
гарагуун 57
гарган 36, 55, 156
гаргон 36
гаргуун 55, 57
тарк'а 111
тархи 102, 131
тарша 131
тарш'а 102
тарьян 120
тар'х'и 127, 130
тас'аа 73
тата- 73
татаа 119
татаха 27
тагха 27
тат'аа 73, 119
таха 38, 55
таху 55
тахла 40, 102, 130, 13
тах'аа 73
тах'яа 130
таһа мартаба 10
ташаа 131
таш'аа 102
тāк'а 111
тāб'и 7
тāб'и 117
тāб'ик'а 111
тāби- 117
тāл'д'и 137
тён'д'ё 103, 128
тиибһэн 57
тиимэ 62, 97
тииргэн 73
тируу 131
тиисэн 85
тинхэ 62, 73
тииһэн 85
титим 23, 24, 29
тогол 10
тогтохо 30
тодохо (подхватить)
84
тодохо (попасть) 10
тойро- 41
тохукху 112
толго 10
толгой 67, 113
толог'и 68
тонгорог 73
тоншохо 135
тоньчихо 135
тоньшихо 135
тоо 41, 45

тоо- 41
тоодог 41
тоодха 161
тоохон 41
торгохо 99, 112
гордж 136
торожо 136
торокко 99, 112
тосхон 151
тотхо 161
тохо- 73
тохориун 113, 151
тоһон 30
тоһохо 84
тошон 73
төмөр 19
төөм 80
төөрсэг 46
тугал 10, 36
тугул 36
гуд 81, 84
тудаха 10, 81
тудухо 34
гуйба 66
гуйба 66
гулга 10
гус 84
гуулай 41
гүд'г'г' 61
гүл'г'х'х' 101
гүл'х'х'х' 101
гүм'ер 61
гүбэд 72
гүгэд (Тибет) 72
гүгэд (полный) 48
гүгэс 84
гүн 61
гүимэр 61
гүймэр 62
гүл'г'ихэ 130
гү: 35
гүм'һэн 57
гүмэр 35
гүргэн 21, 31
гүрин 62
гүр'х'ихэ 127
гүсэб 84
гүүхэ 41
гүүхэй 40
гүхэрэн 106
гүхэриг 106
гүмэ 73
гэбкэр 99
гэбхэр 99
гэгнэхэ 108
гэдэ 63

г'нимэ 68
гэжимү 68
гэлхэгэр 80
гэн 109
гэнгэри 128
гэнхээ 80
гэнюун 40, 90
гэн'д'ир 34
гэлнэкү 108
гэлнэкэ 108
гэргэлхэ 106
гэрмээлэжи 136
гэрмээльдэжин 136
гэрмээлэжин 136
гэрьелхэ 106
гэрэ 15, 54
гэрээгүүр 106, 151
гэрээхүүр 106, 151
гэрээхээр 106
гэсэхэ 85
гэтхэл 80
гээнги 103, 128
гээн'д'и 103, 128
гээ гэрэ 15
гэн'д'ёр 103, 128
г'етраад' 73
г'еэбини 73
г'еэд 73
г'еэмэ 73
г'еэжикэ 73
г'иммэ 73, 127
г'ииргэн 73
г'нихэ 127
г'имё 61
г'урү 131

у

угаа 14
угааха 66
угалза 136
угжа 136
угунь 161
удаган 11, 13
удха 112
узуур 58
уи 61
уйдхар 113, 118
уйтан 60, 66
уитаң 60, 66
ула 12
улаагана 67
улаан 12, 13, 39, 68, 69
улад 28, 74, 81, 84
уладаа 54
уладаа 54
улам (подруга) 14
улам (брод) 14
улас 84
улһан 14
ул'и- 29
умда 90
умтарха 36
умшаха 35, 36
уна- 90, 118
унаад 10
унаха 10, 136
унда 90
унги 14
унтагты 114
унтаджи 137
унтад'и 137
унтажа 137
унт'актү 114
унтарха 36
унтаха 36
уншаха 35, 36
уныхы 15
урай 67
урал 12
уран 13, 28
ургамал 10
ургаха 36
ургуху 36
ургы 60, 63, 124
ург'и 60
урзанан 140
уруу 69, 97
урьяха 105
уряа 67
ур'ид 29
уса 31
усо 31, 34, 36
усу 36, 37
усунь 161
ута 6, 10, 12, 69, 97
утурк'а 111
уубашье 162
ууган 41
уугты 149
уула 44, 45, 162
уур 40
уураг 39
ууртай 67
уута 73
уухты 149
ууша 40, 83
ухаа 41, 66
уһаар 10
уһалк'а 111
уһан 10, 12, 31, 36, 37, 81,
160, 161

ушар 12, 30
уюун 11
уя- 13, 97

У

үбөштө 59
үк'к'ё 99
үргё- 18
үхёхё 99

Ӯ

үкёр 100
үлгё 18
үргең 18
үрке- 18
у'л'аха 61
у'һаң 61

Ү

үбгэн 21
үбдэ- 21
үбдэг 21, 37
үбсүүн 140
үбүл 164
үбһэн 18, 20, 31, 35, 160
үбшэн 18, 21
үбэгэн 31, 32, 35
үбэй 72
үбэл 18, 21, 22, 72, 164
үбэр 18
үбөштэй 59
үбээ 54, 61
үвгөн 35
үвөс 35
үгы 61, 67
үгэ(слово) 19, 21, 103
үгэ(дай) 19
үгэ- 19
үгэй 56, 72
үгэл 72
үгэхэ 19, 37
үгэхэб 28
үдөр 35
үдөр 34
үдүр 34, 35
үдхэн 18, 107
үдхэхэ 81
үдэр 18, 19, 31, 34, 35, 37,
163
үдэхэ 81
үйһэн 62, 81, 153

үкэчнэ 137
үлгы 18
үлгээ 18
үлдэхэ 31, 81
үлир 155
үлтэнэг 18
үлүү 24, 69
үлэмджи 135
үлэмжэ 135
үмсэ 75, 139
үндэгэн 21
үндэр 22, 28
үндэс 35
үндрһэн 35
үнесн 28, 40, 163
үнөө 163
үнөөхи 163
үнтэлэг 18
үнүр 32, 33
үншэн 18
үнэн 28
үнэр 6, 32, 33
үргэ- (поднять) 18, 21
үргэ- (пугаться) 18
үргэйхэ 67
үргэйхэ 30
үргэн (челюсть) 18, 43
үргэн (широкий) 18, 28
үргээхэ 67
үрмэдүүн 55
үрөөлэ 155
үрөөр 41
үрөөһэн 155
үрүү 95
үрүүр 95
үрхэ 18
үрэ 19
үрэккэ 18
үрээр 95
үсөөн 28, 139
үсөөхэн 75, 139, 140
үстэр 28
үсү 37
үсэгдээр 19, 28, 94, 140,
154
үүдхэхэ 81
үхьяан 55
үхэб 28
үхэр 100
үхэшинэ 137
үһөөн 78
үһүн 85
үһыгы 63
үһэн (волосы) 28, 37, 160
үһэн (молоко) 58
үһээ 19

Х

хаа 45, 152
хаабшаг 46
хаанаа 56
хаанаһаа 56
хааха (закрывать) 38, 78
хааха (доить) 78
хабаар- 72
хабар 28
хабсал 76, 140
хабхаа/н/ 57
хабчаг 135
хабшаг 135
хабшал 76, 140
хага 45
хагалха 113
хагнаха 113, 151
хада 112
хадаха 36
хадохо 36
хадхажа 137
хадхаха 112
хажгээд 28
хайлааһан 154
хайр 67
хайха 61
хайша 60
хайшан гээд 28
халангир 108
халиха 108
халуун 7, 44
хальһан 81
халюун 40
халыар 155
хамаар- 72
хамс'т 61
хамсы 60, 62, 90
хамхуул 154
ханаан 78
ханзаха 90, 119
хангил 129
хансы 64
ханхирха 131
ханшы 90
ханяа- 124
ханыаха 90, 119
хан'ааха 119
хан'дил 129
хан'т'ркэ 131
хара (черный) 7, 79, 112
хара (луна) 78
хараан 56
хара гүрөөһэн 160
харанхы 63, 67
хариана 67

харганаан 67	хоёртой 62	хуаа 41, 66
харгы 60, 64, 67	хожохо 35	хуантаэдж 66
хари- 117	хойно 61, 97	хуба 42
харуул 95, 155	хойном 85	хубаһаң 78
харуур 95, 155	хойнохи 66	хуби 121
харууһан 155	холо 13	хубил- 117
хархис 106	холтос 32	хубырык 15
харья 105, 128	холтоһон 13, 32	худаг 10, 12, 32, 33, 36, 114
харюу 40	холтъуун 55	худуг 32, 33, 36
хар'и 32	холхихо 79	худхаха 112
хар'ја 29	хол'ихо 32	хужар 30
хасар 75, 134, 140	хомигор 13	хулгана 67
хасаха 84	хомор 71, 150	хулганаан 67
хасуури 113, 140, 151, 155	хон 103	хулганай 67
хасуурһан 155	хонгирхо 103	хултуу'ан 13
хаха 38, 45, 151, 152	хонёо 90	хулһан 81
хахалха 113, 151	хонид 74	хумалгаң 78
хаһаха 84	хонидоор 83	хумигар 13
хаһшаа 155	хонин (овца) 121	хумиха 118
хашааһан 155	хонин (новость) 78	хун тайжа 66
хашар 155	хониһой 74	хунь 161
хашарһан 79, 154, 155	хониһоор 83	хура 112
хашаһан 154	хониһууд 74	хурган 37, 43
хашхар- 83	хониһы 74	хурдан 13, 90, 112
хазн 78	хонончиги 129	хурим 117
хәри 7	хоноо 90	хуругу 37
хәри- 117	хон'д'инуур 103	хуршаганаха 13
хәха 61	хоолой 62	хурьган 121, 156
хибэн 24, 29	хорбоһон 78	хурьха 78
хибэхэ 24	хорин 9	хурья- 40
хизаалан (г) 57	хорлохо 30	хуса 161
хизаар 23, 58	хормой 60, 118	хутага 11, 12
хизагаар 58	хоро 112	хуу 41
хии 102	хоршогонохо 13	хуулах 32
хийдж 32	хотёго 12	хуулаха 32
хийдээ 130	хотиго 11	хуулга 78
хийхэ 100	хот'огор 73	хуулх 32
хилар 90, 131	хошоод 83	хуури 78
хилбар 25, 125	хошооһоор 83	хуушан 45
хилгааһан 57, 102, 131	хошохо 11	хухасаа 113
хилгана 125	хөшхө 46	хуһан 160
хилэ 29	хөрия 9	хуца 161
хилэн 24	хөно 61	хушаха 11
хима 125	хөдэмэр 153	хүдү 59
химда 25, 90, 164	хөл 19	хүни 79
хинаха 125	хөнджиги 135	хүбүүн 55, 98, 100
хиргаха 125	хөргөлө 19	хүбүүнһэн 56
хирзага 23	хөрөккө 18	хүбүүнэ'эн 56
хирмаг 125	хөрөнгө 18	хүгжэ-30
хирээ 24	хөрөлө 31	хүгшэн 18
хоб 71, 149	хөрөккэ 18	хүдзүү 100
хобол 71	хөөно 97	хүдүмүр 153
хобол 71	хөөһэн 154	хүды 64
ходжохо 35	хөхө 21	хүдэл-153
ходок 10	хөл 18	хүдэлжэ 98
хоёр 112	хуа 66	хүдэлмэри 27, 99, 153

хүдэмэри 153
хүдэн 22
хүзүүн 40, 100
хүйгэн 91
хүйгэрхэ 91
хүйтэн 60, 62, 65, 67
хүйһэн 62, 67
хүл 18, 19, 93
хүлээ- 40
хүлээргэнэ 137
хүлөрхө 35
хүлүг 85
хүлүрхү 35
хүлһэн 93
хүлһэнчи 135
хүлһэншэ 135
хүлэһ 85
хүлэлэн 154
хүмэдхэ 31, 81, 100
хүн 100
хүнгэн 91
хүнгэрхэ 91
хүндэ 99
хүнжэл 19, 135
хүнжинэхэ 130
хүргэхэ (доводить) 18, 19
хүргэхэ (морозить) 18
хүрөө 67
хүрч йирээ 136
хүршэ 100
хүрэгэн 105
хүрэг 79
хүрэжэ ерээ 136
хүрэй 67
хүрэккэ 18
хүрэнгэ 18
хүрэхэ (дойти) 27
хүрэхэ (остыть) 31
хүрээ 99
хүр'јэн 105
хүсэн 21, 76, 134, 139, 140
хүсэхэ 84
хүүгэд 41
хүүн 55
хүүргэ 99
хүүхэн 41, 100
хүхэ 18, 21, 37, 100
хүһөө 7
хүчэ 100
хүшөө 77
хүшэн 21, 76, 134, 140
хүшэр 30
хэ-17, 58
хэбтэнэ 99
хэды 22, 59, 62, 63
хэдэн 22

хэжэ 32
хэлхээ 66
хэлхы 60
хэлэ 15
хэлэн 79
хэлэхэ 27
хэлээ 15
хэл'ни 28
хэмджихэ 135
хэмжихэ 135
хэмжэхэ 135
хэнээ 137
хэрүүл 95
хэрүүр 95
хэрһэн 81
хэршэ- 30
хэрэг 98
хэсүү 40
хэсэг 84
хэлһэг 84
хэшэг 23
хээр 98
хюмһан 14, 37, 81, 121, 155
хюрөөсгэй 60
хюруу 102, 131
хялар 102
хяра 25, 125, 130
хята 15, 125
х'алгана 130
х'армаг 130
х'ал'ар 102
х'ёрхо 130
х'ни (воздух) 130
х'ни (навоз) 130
х'т 102, 130
х'индээ 130
х'инма 130
х'инсхэ 102, 130
х'инхэ 101, 130
х'ил'ёмёң 46
х'оруу 10
х'умһан 123
х'уруу 10, 130
х'юруу 130
х'ялгоос 130

h

һаа- 39
һаамагар 69
һаамайха 69
һаараг 69
һаарал 78
һааха 78
һаба 150
һабар 150

һабир-шэбэр 69
һайн 85
һайхан 85
һала 78
һалсин 102
һалжин 102, 118, 130, 136
һалхинда 130
һалс'ин 130
һальтин 136
һальт'ин 130
һальш'ан 102
һал'т'ан 130
һал'т'аң 101
һал'т'ин 29
һал'т'инда 130
һал'т'иң 131
һал'х'аң 101
һамарха 80
һамна- 94
һанаан 78
һандай 95
һандали 95
һара 78, 160, 161
һараалжан 136
һараальджин 136
һараальжин 136
һарһан 56
һархагар 69
һархайха 69
һарьдаг 85
һаряан 56
һахал 7, 35, 78
һахар 69
һахоуһан 94
һах'иха 130
һазн 60, 78
һама 54
һа'и'хаң 61
һа'нг 61
һа'ң 61
һа'хан 61
һинхэ 62
һойр 60, 67
һолхихо 79
һомо (н) 11
һомон (стрела) 72
һомон (сомон) 11, 85
һонгино 103
һонго- 13
һонёор 90, 119
һонин 78, 85
һоноор 90, 119
һон'д'ино 103
һон'оор 119
һорьмоһон 79
һохор 160

hör 60, 61
hөөлдэнгир 104
hөөлдэнэйр 104
hөөм 80
hуба'ан 78
hубад 85
hубаһан 78
hуга 43
hулашаг 79
hулашиг 79
hумалһан 78
hуняя- 124
hуран 85
hураха 27, 178
hурна 27
hурнаб 79
hурнам 79
hуу- 40, 45
hуудаг 114
hуулга 78, 156
hууна 79
hуури 78
hүдäк 114
hүна 79
hүгэⁱ 61
hүнтэ 46
hүни 79
hү¹тэ 61
hүйд 85
hүлдэ 38, 85
hүльһэц 94
hүн 58, 85, 160, 161
hүни 22, 77, 79, 163
hүнэлгэ 35
hүрэг 79
hүрэхэ 69
hүүл 44, 78
hүүлдэ 38
hүүшэ 77
hүхэ 161
hэбэрхэ 71
hэеы 62, 63
hэлхэгэр 80
hэмэрхэ 71
hэнжэ 135
hэнхэ 80
hэньджи 135
hэрбээ 149
hэрюун 40
hэтхэл 80
hējē 105

Ц

цагаан (олень) 135
цагань 161

цагариг 113
царги харг^y ии 129
цас 32, 33
цаса 32, 33
цасу¹ 133
цах'уур 130
цах'юур 101
цоки- 133
цокху 112
цорх'ируу 130
цохи- 133
цох'илто 130
цөмөгө 19
цэвэр 150
Цэдэб 15
ц'нидэм 68
цэйдэм 68
цэцэглэхэ 137
цэцэн 34

Ч

челонь 161
чи 75, 137
чида- 133
чин 57, 75
чки 98, 138
чкхэ 98
чөлөө 37, 138
чолнакху 108
чихэн 138
чоно 138
чосо 139
чудхохо 36
чулуу 138
чусу 139
чүлөө 138

Ш

шаад 86
шаара 38
шааха 126
шабар 25, 71, 83, 126, 150,
161
шабаха 126
шаборь 161
шабар 71, 150
шагаа- 58
шагна 26
шагна- 75, 125
шагнаха 25, 108
шагтайха 87
шада- 8, 74, 133
шадал 125
шалар 131
шалбааг 57
шалбайха 87
шалд 86
шалунь 161
шал-шал гэхэ 87
шал-шул гэхэ 87
шанага 25, 83
шанар 25, 125
шангинуур 103
шан-шан гэхэ 87
шан'д'инуур 103
шара 8, 24, 38, 82, 126
шарай 75, 76, 125
шараха 126
шарбага-шорбого гэхэ 87
шарга 136
шар-шар гэхэ 87
шар-шур гэхэ 87
шасаргана 67
шасарганан 67
шасарганай 67
шатаха 25, 83, 164
ши 24, 57, 75, 133, 137
шибар 25
шибуу 37
шиду 26, 37
шидэн 164
шинг 39
шимдам 57
шимдхэ- 57
шимхан 39
шикюнь 161
шилгаанан 131
шинага 25
шинэ 25
шира 9
шируу 131
шнтаха 25, 164
шнда- 9
шоб-шоб гэхэ 87
шобойхо 87
шогложо 137
шоголджи 137
шолмо 11
шолмос 11
шоно 12, 24, 126, 134, 136,
138
шоргоолжон 13
шоро 12
шошохо 76, 140
шөлөөн 56
шөнөһө 20
шөрмөһөн 18
шубуун 14, 24, 37, 40, 82,
109, 126
шуг-шуг 86

шудха- 75, 76
шудхаха 36
шулуун 14, 109, 126, 133,
138, 161
шунгухо 33, 34
шургалжан 13
шургалзан 13
шуу 86
шуурд 86
шуху 161
шухан 14, 24, 75, 76, 91, 126,
127, 133, 134, 139, 161
шүткүр 138
шүдү 164
шүдхэр 138
шүдэ 164
шүдэн 24, 26, 37, 126, 164
шүлэн 126
шүлэнэн 56
шүмбыхэ 87
шүрбэлэн 18
шүү- 162
шье 128, 164
шэлэ (стекло) 17
шэмэхэ 35
шэнүүн 55
шэнүү'эн 55
шэнэ 15, 25, 82
шэнэлэн 20, 55
шэраан 55
шэхэ (прямо) 76, 136, 140
шэхэн 98, 136, 138, 161
шээ- 40
ш'алар 102
ш'ивар 83
ш'игна 26
ш'ида- 133
ш'инага 83
ш'итаха 83

Ы

ыкы 15
ысыгынь 15
ыхы 15

Э

эблээлхэ 77
эбшэн 18
эгэм 20, 43
эдеэн 25, 121
эди 29, 74
эди- 17, 74
эдир 23
эдиэхэ 15, 16, 98

эды 63
эд'ир 127
эд'ихэ 127
эжэгүй 67
эжэл 30
эжэн 77, 139, 141
эээгүй 67
эээн 77, 141
экэ 100
элээ 121
эли 23, 29
элһэн 20, 81, 161
элшэ 137
эльбэ 23
эльчэ 137
эльүүн 55
эл'и 35
эм 72
эмгэн 20
эмдэрхэ 71, 150
эмнэ- 95
эмх'и 101, 130
эмэгэн 103
эмээл 15, 17, 20, 39, 163
эн 107, 109
эн (г) 109
энгэр 107
энеэ- 90
энеэдэн 163
энеэхэ 15, 16, 163
энхэрхэ 107
энэ 6, 15, 17, 56, 90
энээгүүр 106, 149
энээхүүр 106
энээхээр 106, 149
эрбэд 81
эрбээхэй 56, 57
эргикү 104, 129
эргэ (берег) 34
эргэнэг 105
эрд'им 28
эрээн 40, 121
эрид 81
эрийэ (берег) 34
эрс'ин 130
эртэ 96
эрхин 130, 131
эрх'им 130
эршэн 131
эрье (берег) 34, 105, 128
эрье (валух) 29, 105
эрье- 128
эрьенэг 128
эрьехэ 104, 105, 129
эрэлдээй 136
эрээлээй 136

эр'яэ (берег) 29
эр'янэг 105
эсэш 55
эсхэхэ 85
эсэгын 15
эсэнги 104
эсэнийэ 104
эсэргүү 84
эсэс 28
эсэхэ 31, 137
эсэлэйш 55
эт'игэл 127
эхи (н) 68
эхэ 15, 17, 28, 100
эхэги 63
эцэх 31
эшгы 100
эшкы 100
эшэ 17, 30
эшэ- 23
эшэхэ 98
ээжэн 153
ээлжэн 153
еке 100

Ю

югунь 161
юмэ 56
юрөөл 41, 95
юсунь 161
юума 98
юунч баэккээ 137
юуншье байхагүй 137
юуш кэнэубоб 99
юушье хэнэгүйб 99
юһэн 98, 161

Я

яасан 85
яаһан 85
яба- 71, 97, 150
ябаан 55, 56
ябаг 114
ябагты 106
ябатг'ёо 73
ябахты 106
ябаһан 55, 56
ява- 150
ягаан 58
ялаан 54
ялааһан 54
ялагар 104, 129
яаһан гүхэ 82

ялай- 129
ялайха 82, 104, 105
ялалза- 129
ялалзаха 105
ялба- 129
ялбаха 105
ямаан 8, 24, 25, 26, 126
ямар 98
янгарцаг 135
яндз бүрээр 135
яндз бүринн 135
яргай 24, 126
яһан 27, 27, 80, 97, 137, 162

а

adūnahā 56
aqtæe sæe 67
aḡnλχλ 108
aḡh̄ir 103

æ

æ: dλq 61
æ: tχλrtæe 61

б

ba:βoraæ 67
bart'ma 101
bār'ī- 117
bār'i- 117
baæ 67
bō 39
buse 160

с

chara 160
chara wrochun 160
chochor 160
chugyn 160

д

dabasu 160
dæeŋ 67
demej 67
d'i:l̄s 74
duryūe 67
dūle: 62

е

erbe:xej 67
eheryej 62

з

z'd'i 74
zme:l 15

з нз 13
з z̄z̄γūe 67

г

garp̄h̄inλχλ 103
gedegun 160
gerehē 56
garte: 63
gūjloλ 67
guros 160
gū: x̄z̄ 62

h

hзγe: 62
hзγn: 62
hзr 67
hoeer 67

h̄

h̄jahλn̄ 137
h̄jik̄s 137, 148
h̄jila:hλn̄ 137, 148

j

jahλn̄ 137

k

kun̄ 39
kū̄kōŋ(n) 39
kūl'h̄irgān̄s 137

m

mans̄e:i 67
manh̄ir 103
m̄i:l̄s 62
m̄aḡe 67
m̄aḡæ 67
m̄a' te: 63
m̄ölöhü 56
m̄ör'iq̄ 117
m̄ör'iq̄ 117

n

nexe:i 62
n̄x̄æ 67
n̄x̄oæ 67
noe:er 67
noe: t̄ōŋ 62
omosu 160

o

ōdeheŋ 39

oe

oe: 67
oe:eh̄s̄s̄t̄æe 67
oe:em̄ōh̄eŋ 67
oe:l̄b̄q:z̄ 62
oe:l̄b̄q:z̄ 62
oe:r̄χ̄ōŋ 62

q

qa:n̄ 111
qa:q̄λjλ 111

s

sagasun 160
sagun 160
s̄i:d̄s̄m 62
sū 160

š

š̄an̄nλχλ 108
š̄as̄λroλnaæ 67

t

te:t̄z̄z̄ 15
t̄z̄ŋn̄a x̄z̄ 708
t̄z̄z̄ 15
t̄z̄looe 67
tohū 56
t̄z̄'ioλ 101, 102
t̄ōro- 41
t̄ur'e: 62
t̄ur'e: 62
t̄ū:m̄a: 62
t̄'ila'oī n̄λ 101
t̄'ila: 101, 102
t̄'i:m̄e 62
t̄'umh̄λn̄ 102
t̄'uru: 101

u

ubuchun 160
ula:oiλnaæ 67
usin 160
usu 160
uhū 56

ύ:rt æε 67
ύ 39
ύla 39
ύr 39

υ

ύden 39
ύr 39

ύ

ύγε: 67
ύγε: 67
ύγι: 67

ύγι: 67
ύ:ήhαη 62

Χ,χ

χansη: 62
χαrηη⁹χ⁹η 67
χαροιη⁹η 67
χαροιη⁹η 67
χ⁹η: 117
χ⁹η: 117
χ⁹η: 67
χ⁹η: 15
χ⁹η: 15

χ⁹η: 62
χ⁹η: 61
χ⁹η: 117
χ⁹η: 117
χ⁹η: 67
χ⁹η: 56
χ⁹η: 39
χ⁹η: 39
χ⁹η: 62
χ⁹η: 67
χ⁹η: 67

Z

zύγι: 62

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I	
Вокализм	6
Краткие гласные	6
Гласные первых слогов	6
Гласные непервых слогов	26
Долгие гласные	38
Долгие гласные, развившиеся из комплекса VCV	38
Сохранение древней долготы?	57
Монофтонгизация дифтонгов	59
Дифтонги	65
Глава II	
Консонантизм	68
Губные согласные	68
Переднеязычные согласные	72
Среднеязычные согласные	97
Заднеязычные согласные	98
Увулярные согласные	110
Глава III	
История развития отдельных фонетических явлений бурятского языка	115
Явления, связанные с историей развития гласного *i	116
Опередение гласных	119
Палатализация согласных	119
Явления, связанные с ослаблением напряженности артикулирующих органов	132
Ослабление артикуляции согласных	132
Переход аффрикат в щелевые	132
Переход смычных в щелевые	149
Исчезновение щелевых	151
Выпадение сонорных перед другими консонантами	153
Ослабление *s в h и d	156
Ослабление артикуляции гласных	162
Заключение	166
Литература	172
На русском языке	172
На монгольском языке	177
На европейских языках	177
Принятые сокращения	179
Названия языков, диалектов и говоров	179
Источники	180
Условные обозначения	181
Указатель анализируемых в работе бурятских словоформ	182

Валентий Иванович Рассадин
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом общественных наук
Бурятского филиала СО АН СССР

Редактор издательства
Р.М. Залесковская

Художник
Э.П. Батаева

Художественный редактор
Т.П. Поленова

Технические редакторы
А.А. Шелудченко, Г.И. Астахова

ИБ № 25033

Подписано к печати 23.11.82.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Усл.печ.л. 12,5
Усл.кр.-отт. 12,6. Уч.-изд.л. 16,0
Тираж 850 экз. Тип.зак. 780
Цена 2 р. 50 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва, К-45, ул. Жданова, д. 12/1